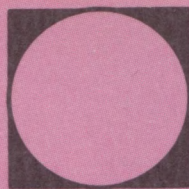

СОТЯЯ КНИГА
СЕРИИ

Зарубежная

фантастика

НОЧЬ,
КОТОРАЯ
УМИРАЕТ

НОЧЬ, КОТОРАЯ УМИРАЕТ

Сборник научно-фантастических
произведений

Издательство «Мир» Москва

Зарубежная фантастика

Зарубежная фантастика

НОЧЬ, КОТОРАЯ УМИРАЕТ

Сборник научно-фантастических
произведений

Составитель А. Григорьев

МОСКВА «МИР» 1988

ББК 84(0)6
Н86

Предисловие Е. Парнова

Ночь, которая умирает: Сб. научн.-фантаст. Н86 произведений; Пер. с англ., нем., польск. и др./Сост. А. Григорьев; Предисл. Е. Парнова.— М.: Мир, 1988.— 519 с.— (Зарубежная фантастика)

ISBN 5-03-000411-4

Сборник научно-фантастических произведений писателей Великобритании, ГДР, Польши, США, Франции, Чехословакии и Японии, написанных в жанре детектива.

Н $\frac{4703000000-316}{041(01)-88}$ 217—88

ББК 84(0)6

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-000411-4

© состав, предисловие, «Мир»,
1988

Дело об игре

Странная это игра — преследовать преступника по необъятным просторам галактики. Идти за ним по пятам в пространстве, подпространстве и даже гиперпространстве. Блуждать по эпохам, перепрыгивать, словно с кочки на кочку, из одного времени в другое. Притом не зная не только конкретного облика убийцы, но даже принадлежности его к той или иной разновидности разумных существ. Может, гуманоид, а может, и муравей или, того гляди, гигантская многоножка с планеты Как-Там-Бишь-Она-Называется.

Похоже, что фантастический детектив соединил в себе присущие обоим видам литературы штампы, слив воедино заезженный реквизит космической оперы с набившим оскомину конфликтом криминального романа.

На первый взгляд это явный проигрыш и для фантастики, и для детектива. Однако, если внимательно приглядеться, образовавшийся симбиоз не столь просто поддается однозначной оценке. Он ускользает от нее, как преступник, на чьих запястьях уже готовы сомкнуться стальные наручники. И удивляться тут нечему, ибо на помощь пришла возможность неограниченных трансформаций, будь то сугубо телесные или же пространственно-временные. Вот и выходит, что от подобного союза детектив скорее выигрывает, чем теряет. Вырвавшись из тесных рамок вечного, как и сам человек, криминала, он вроде бы обрел второе дыхание и, еще щурясь от непривычного света внеземных солнц, готов очертя голову ринуться в необъятные просторы Вселенной.

А вот фантастика как будто бы остается в проигрыше. Она, ничего не получив взамен, определенно скомпрометирована столь неожиданным шаржем, жалкой пародией, заведомо оглупленной карикатурой.

Впрочем, не будем спешить с выводами, ибо не все так просто и в нашем подлунном мире и уж тем более на планетах, описывающих немыслимые траектории вокруг двойных звезд.

Для начала коротко познакомимся с составляющими данный сборник произведениями. Само собой разумеется, без пересказа сюжета, что вообще считается дурным тоном и свидетельствует о явном непрофессионализме, а в применении к детективу является абсолютно непозволительным. И в самом деле, мало кто способен стереть слова с уже решенного кроссворда, чтобы начать все сначала. Разве что в условиях крайнего дефицита.

Единственной особенностью нашего сравнительного и, разумеется, сугубо предварительного анализа будет состав преступления. Причем без указания соответствующих статей уголовных кодексов. Последнее совершенно необязательно в применении к анализу литературного произведения, да и весьма затруднительно из-за очевидного незнания оных статей.

Итак, мы имеем дело с убийством и злостным обманом на почве денег («Убийство на астероиде» Дональда Уэстлейка и «Смерть бессмертных» Герта Прокопа), убийством на почве научного честолюбия («Ночь, которая умирает» Айзека Азимова), убийством на сексуальной почве («Скачок мысли» Джозефа Дилейни), контрабандой оружия («Веселый Роджер» Гэри Алана Рьюза), убийством и коррупцией («Гнусный Макинч» Дж. Венса), разновидностью космического терроризма («Мародер» Пола Андерсона), похищением детей («Одинокое заключение» Роберта Силверберга), коррупцией и попыткой ге-

ноцида («Кочезе из Северамы 10» Доминика Дуэ), исчезновением человека («Вид homo sapiens» Конрада Фиалковского) и, наконец, даже убийством из сострадания («Удар милосердия» уже упомянутого Дж. Венса).

Для предварительных опять-таки выводов полагаю достаточно. Не претендуя на юридическую точность предъявленных обвинений, могу с полной уверенностью констатировать, что ничего существенно нового в криминальную сферу фантастический детектив не привнес. Как сами преступные деяния, так и их мотивы вполне укладываются в привычные земные рамки. Я бы даже сказал — в банальные, чему, понятно, не приходится особенно радоваться. Более того, даже названия подавляющего большинства рассказов не только не противоречат, так сказать, криминальной эстетике, но и прямо вытекают из сложившейся в детективной литературе традиции. Спрашивается, из-за чего было тогда городить огород?

Действительно, некоторые авторы вполне обошлись бы без звездного реквизита. Почти все, с чем предстоит познакомиться читателю, могло произойти (и происходит чуть ли не ежечасно) на нашей Земле, в конкретных странах и городах. Попробуйте мысленно сдернуть этот самый усыпанный звездами шлейф, и вы тут же убедитесь, что король окажется голым. А то и вовсе без плоти, ибо выступит костяк зауряднейшей схемы. «Смерть на астероиде» тому ярчайший пример. И здесь явно не стоило проявлять заботу об огороде, чья почва истощена до предела. Без непременных элементов научной фантастики детектив останется детективом, а космическая опера соответственно космической оперой. Литературный анализ, если и подчиняется схемам, то только собственным, а уж никак не привнесенным из юриспруденции и точных наук. Поэтому будем судить по жанровым законам.

Речь пойдет о том, насколько соответствуют пред-

ставленные произведения заявленной рубрике: «фантастический детектив».

Мысль о том, что искусство является зеркалом общества, а фантастика может быть уподоблена зеркалу гиперболическому, вряд ли поразит что-то воображение. Уже по самой природе фантастике свойственно гиперболизировать реальность, собирать ее отраженный свет в фокус своей преднамеренной кривизны.

Отсюда и поразительные соответствия между непреднамеренными пророчествами фантастов и прогнозами футурологов. Порой футурологи, как, например, Роберт Юнг, даже отдают фантастике пальму первенства в прогностическом плане. Тем более что современная западная фантастика все более отчетливо излучает направленный поток напряженности и страха.

Источников для страха более чем достаточно. Здесь и нависшая над миром угроза ядерного уничтожения, и неуверенность в завтрашнем дне, и инфляция валютных единиц, и безработица, и нищета негритянских кварталов, и рост преступности, и всевозможные кризисы: энергетический, экологический и несть числа...

Именно эти кошмары среди бела дня, именно эти трагические коллизии повседневности заставили многих западных футурологов пересмотреть свои прогнозы, отбросить ставшие традиционными представления о «неограниченном прогрессе», «научно-техническом чуде» и даже о «безбрежной свободе личности».

Смутные кошмары, которые лишь мерещились Брэдбери в шестидесятых годах, обернулись реальностью в семидесятых. Пожарные-поджигатели, ставшие символом присущего капитализму отчуждения, уже плохо вписывались в реально подступающий мир сплошной кибернетизации. К тому же призрак надвигающейся иерархической олигархии и несвободы стал приобретать все более конкретные и осязаемые черты.

Постепенно создавался совершенно новый совокупный мир, в котором зерна реальной угрозы дали страшные всходы. Вот его основные характеристики: чудовищная скученность обитателей планет-свалок и городов-казарм, утрата таких чисто человеческих качеств, как любовь, милосердие, наконец, простая порядочность, резкое понижение стандарта жизни, полное порабощение личности и даже уничтожение отработавших свой срок «человеко-единиц».

Что же случилось с миром, если в нем так извращаются лучшие человеческие мечты? Любовь, например, которой бойко торгует фирма «Любовь инкорпорейтед»! Почему этот мир не хочет ничего нового, даже если оно зовется глупым именем Счастье и смешной кличкой Всемогущество?

Герою популярного рассказа Роберта Шекли «Паломничество на Землю» подсунули эрзац-любовь. Рожденный в отдаленной космической колонии, он стремился на родную планету обогатить свою душу величайшим сокровищем человеческих отношений, а его ограбили. И закономерна развязка — путь насилия и жестокости. Ведь если отнять у человека надежду и веру в любовь, он перестает быть человеком. Это показал еще Джон Орвелл в своей знаменитой антиутопии «1984 год». Впрочем, «ограбить» и «отнять» — не совсем подходящие к смыслу слова. «Любовь инкорпорейтед», поставляющая загнипнотизированных, настроенных на духовную волну клиента девиц, поступала вполне корректно, ничуть не нарушая моральных устоев общества, где любовь не только товар, но и «самая дешевая штука после человеческой жизни». Да и само понятие жизни, ее уникальности, ценности обретает весьма условные, во всяком случае относительные черты. Поразительные успехи геной инженерии порождают захватывающие воображение картины. Американский публицист Олвин Тоффлер, обобщая

прогнозы некоторых ученых, пишет: «Мы сможем выращивать детей со зрением или слухом гораздо выше нормы, с необычной способностью к различению запахов, повышенной мускульной силой или музыкальным талантом. Мы сможем создавать сексуальных суператлетов, девушек с макси-бюстом, с большим или меньшим количеством грудей...» Ему вторит писатель Уильям Тенн: «Стили человеческого тела, подобно стилям одежды, будут входить в моду и выходить из моды вместе со своими творцами, которые... уподобятся портным».

Эти «смелые» прогнозы, данные социологом и научным фантастом, вытекают не только из реальных достижений генетики, но и из того совокупного фона, к которому подготовила общественное мнение научная фантастика.

В принципе люди последней четверти двадцатого века готовы и не к таким чудесам. Герою фантастики подвластно все: время, пространство, живая и неживая природа. Он может усилием мысли двигать предметы и проникать в тайны чужого сознания или вообще перенести собственную индивидуальность в постороннее тело. Выбор брачного партнера объективно и безошибочно совершит за него электронный прибор. Но если он влюблен в себя, как Нарцисс, то ничего не стоит размножить собственную персону в любом числе абсолютно идентичных копий. Более того, его можно «издать» в виде целого биологического клона, учитывающего все богатства полового диморфизма. Такое умножение личности и сознания абсолютно необходимо, чтобы поспеть всюду. Никакой вечности не хватит, чтобы побывать во всех эпохах, посетить далекие миры и перепробовать все человеческие занятия. Тем более что это не потребует особых затрат энергии. Временной экран раздвинет стены жилища, а новой профессией можно овладеть

во сне. Ничего не стоит также обзавестись настоящим живым бронтозавром, птеродактилем, диплодоком. Ведь доступно все, абсолютно все! Даже житие на встречном времени, можно пятиться навстречу прошедшей молодости как угодно долго и далеко, прокручивая в обратном порядке картины прожитого. И здесь фантастический детектив послушно следует за фантастикой («Скачок мысли», «Погоня», «Веселый Рождер» и «Мародер»).

Когда же надоест и настоящее, и будущее, и полеты в пространствах, отчего бы не поэкспериментировать. Не просто углубиться в прошлое, но изменить его. По своему капризу отменить грядущее или же зачеркнуть любую историческую эпоху. Это не досужее фантазирование.

Это всего лишь ходячие сюжеты фантастики.

В самом деле. Герой романа Альфреда Бестера «Уничтоженный человек» мультимиллиардер Рич, обращаясь к девушке Даффи, говорит: «Скажи, какая тебе нужна канава, и ты получишь ее. Золотую... бриллиантовую? Может быть, от Земли до Марса? Пожалуйста. Или ты хочешь, чтобы я превратил в сточную канаву всю Солнечную систему? Сделаем. Пустяк! Захочешь, я Галактику в помойку превращу... Хочешь взглянуть на бога? Вот он перед тобой». И это не пустое бахвальство. Это откровение «от капитала», победная песня буржуазного всемогущества.

Но это — странное всемогущество поработанных.

Только одного не может гарантировать фирма «Совокупное будущее американской НФ» — счастья. И потому остается от всего этого всемогущества горький осадок тоски и протеста. Это сложный комплекс, и он нуждается в обстоятельном анализе, а подчас и в расшифровке. Именно эту роль и берет на себя фантастический детектив, используя разработанные фантастикой новые элементы мироздания для гипер-

болизации типичных жизненных явлений и ситуаций. Он как бы заставляет нас взглянуть на них из условного звездного далека и задуматься, если не ужаснуться. Именно тут и заключена его особая социальная роль, в корне отличная от чисто развлекательного криминального чтива, прямо противоположная задачам «желтой» бульварщины.

Детектив — особый жанр. Он обращается к многомиллионной аудитории, и та психологическая начинка, которую он несет, зачастую становится составным элементом массовой психологии. Под видом детектива, в оболочке тривиальной схватки преступник — сыщик, часто преподносится грубая политическая пропаганда, обращенная к низменным инстинктам, раздувающая угли ненависти, сеющая плевелы нетерпимости. «Рыцари желтого романа» откровенно проповедуют «радости» убийства, упиваются сценами извращенного секса, пронизывая все звериной ненавистью к коммунизму, культуре, гуманизму вообще.

В условиях перенасыщенности книжного рынка детективной и псевдодетективной литературой (каждая четвертая книга, выпускаемая в США, — детектив) читателю нелегко разобраться в подлинных предпосылках романов, замаскированных под авантурный жанр.

Смакование криминального колорита, злоупотребление воровским жаргоном меньше всего свидетельствуют о реалистических тенденциях в современном детективе. Изгоняя на первых порах шаблонную экзотику, они сами быстро выливаются в штамп.

Если «желтый роман», замаскированный под детективную маску, распознать не составляет особого труда, то куда сложнее разобраться в потоке произведений, чьи жанровые особенности не выходят за рамки привычной для детектива схемы, а содержание (и даже подтекст, если таковой присутствует) цели-

ком работает на основной конфликт сыщик—преступник. Суть в том, что в применении к детективу такие «обидные» слова, как «схема», «стереотип» и т. д., не всегда означают плохое. И это тоже один из парадоксов проблемы.

Мне уже приходилось говорить о том, что по самой природе детектив* являет собой некий стереотип. Условия задачи просты: есть труп и следы, оставленные преступником (либо полное их отсутствие), есть сыщик, который принимает безмолвный вызов и включается в игру, есть, наконец, четко ограниченный круг лиц, на которых падает подозрение.

Одна и та же, по сути стократ опробованная, приманка, но тем не менее на нее продолжают клевать, чтобы с головой уйти в предложенную игру под названием «Кто убийца?».

Игра обычно выпускается в двух вариантах: преследование по пятам часто уже известного нам преступника (американский) или «вычисление» неизвестного убийцы (традиционно английский). Конец, разумеется, неизвестен. К первому случаю относятся «Погоня», «Мародер» и «Одинокое заключение». Все остальное, за небольшим исключением, иллюстрирует второй вариант. «Ездой в незнаемое» такие гонки тоже не назовешь, поскольку известно заранее, что ответ предрешен и на последней странице нас ждет разгадка. Словно лакомый кусочек, который скармливает укротитель послушному питомцу, выполнившему на арене все положенные кульбиты. Казалось бы, чего проще: ознакомьтесь с условиями задачи, хорошенько поразмыслите и загляните для контроля

---

* Строго говоря, называя детектив детективом, мы как бы объединяем литературное произведение с его героем. Detective или inquiries agent — это сыщик. Но так повелось, и оставим кошке называться кошкой.

в ответ, как поступали некогда на уроках алгебры. Однако читатели предпочитают пройти с сыщиком по всем дорогам, исследовать все подставные ходы и тупиковые ловушки.

То же примерно и в научной фантастике, по крайней мере в той ее части, где писатель кропотливо исследует приключение идеи. Читателю здесь тоже предстоит стать свидетелем раскрытия тайны. Только не криминальной, а, скажем, связанной с загадкой природы: космоса, живой материи, поведения гуманоидов и андроидов с планеты X. Не будет загадки, не будет и повести. В противном случае даже совершенная по стилю проза преждевременно мертва, как бывают мертвы уже решенные шахматные задачи.

Таков первый стереотип, точнее — набор алгоритмов, делающий детектив излюбленным чтивом подавляющего большинства людей. Речь пока, разумеется, идет лишь о костяке, о схеме, а не о всем комплексе, включающем в себя черты столь сложного явления, как искусство. А хороший детектив — это подлинное искусство. И как у всякого вида искусства, у него есть своя особая специфика. Беда в том, что хорошие, не сработанные по шаблону детективы — настоящая редкость. Они настолько скрыты пустой породой, что многие даже не подозревают об их существовании, довольствуясь продукцией второго сорта. Но подобная продукция, внешне соблюдающая все законы и условности жанра, развлекающая, доставляющая удовольствие и т. д., представляет собой литературный брак. И это уже не парадокс, а подлинная трагедия детектива. В самом названии жанра (от английского *to detect* — раскрывать, обнаруживать) изначально скрыто предназначение детектива, притягательная сила его, а в случае неудачи — самобанкротство!

Второй набор алгоритмов, из которых сплетается манящее покрывало криминальной Изиды, можно

условно определить общим названием «готическая экзотика». Это младенческая купель фантастики и, следовательно, ее порождения — детектива, память о которой лишь в последние годы стала понемногу вытравляться.

И наконец, последнее правило, точнее, аксиома, о которой предпочитают умалчивать: в отличие от научной фантастики детектив (произведение) пишется только ради детектива-сыщика! Иначе говоря, преступник подстраивает свою кровавую деятельность под полицейского, подобно тому как опытный драматург подгоняет роли под конкретных актеров. Более того, присущий детективу схематизм тоже во многом обусловлен чертами сыщика, унаследованными исторически.

В нашем случае сыщиком обычно выступает не полицейский, а профессиональный ученый («Ночь, которая умирает» А. Азимова), агент службы контроля времени («Веселый Роджер» Г. А. Рьюза) или какой-либо другой космической службы («Смерть на астероиде» Д. Уэстлейка, «Гнусный Макинч» Дж. Венса, «Мародер» П. Андерсона, «Вид *homo sapiens*» К. Фиалковского), случайный свидетель («Версия» Р. Крона) и т. д. Иными словами — привычный герой научной фантастики.

И это, пожалуй, главная особенность исследуемого жанра. Конвейерному производству, как известно, предшествовала ручная сборка с прецизионной отделкой каждого винтика. Секреты мастерства познают с основ.

Несмотря на то что центральный конфликт любого детектива (единоборство преступника с сыщиком) едва не столь же древен, как и само человечество, жанр сравнительно молод. Начальная веха его хронологии точно известна и относится к 1841 году, когда филадельфийский литературный журнал напе-

читал фантастическую новеллу Эдгара По «Убийство на улице Морг».

В его же «Золотом жуке» есть зародыши всех особенностей, из которых сформировались современная классическая научная фантастика с приключением идеи и заодно детектив-загадка. Нужен был лишь сыщик-мыслитель, чтобы все стало на свои места. И По создал его. Создал впервые! Из первозданной глины. Из небытия. Пройдут десятилетия, и порожденный «безумным Эдгаром» сыщик-любителю Дюпен вызовет к жизни Шерлока Холмса.

Куприн писал, что Конан Дойл, заполнивший весь земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое произведение «Убийство на улице Морг».

Собственно с Эдгара По и начинается настоящая история научной фантастики. Недаром и Пьер Буль («Сколько весит сонет?») спешит отдать должное гению-основателю, ставя его в один ряд с Шампольоном. Криптограмма «Золотого жука», билингва Шампольона, кость Кювье... И в самом деле сходная, невыполнимая на первый взгляд задача: последовательно восстановить целое, отталкиваясь от пылинки.

Э. По глядел далеко вперед. Он ясно чувствовал наступающую эру научно-технического прогресса («Тысяча вторая сказка Шехерезады»), ощущал растущее стремление человечества проникнуть в самые сокровенные тайны природы («Рукопись, найденная в бутылке») и, веруя в безграничные возможности разума («Золотой жук»), прозревал бездны, перед которыми бессилён даже разум («Низвержение в Мальстрем»).

Мы, конечно, с полным правом сопоставляем современную фантастику с научной революцией нашего века, но родилась эта фантастика не на пустом месте.

Даже продолжая начатую с Гомера историю лунных путешествий, мы неизбежно приходим к Эдгару По. Его герой («Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфалля») достигает Луны на воздушном шаре, наполненном газом, в 37 раз более легким, чем водород. Это уже классическая научная фантастика, когда писатель для оправдания сюжетных ходов привносит в мир новые компоненты. В этом смысле газ Эдгара По ничем не отличается, скажем, от кейворита Уэллса («Первые люди на Луне»). Утрачено было иное — честность, благородство поединка, в котором сыщик работал в паре с читателем. Эдгар По скрупулезно описывает граничные условия. Он не позволяет себе умолчать о «мелочах», без которых нельзя решить, кто убийца. Нам же позволено знать об обстоятельствах дела ровно столько, сколько сыщику. И если Дюпен все же опережает нас, то это честная победа. Для ее достижения не требуется поразительных достоинств Шерлока Холмса, который различал сколько-то там сортов пепла трубочного табака, любил химию, играл на скрипке. Точная математическая логика и учет всех деталей позволяют Дюпену в полном смысле слова вычислить убийцу. Что перед этим блистательным торжеством «чистого разума» мнимозначительная деятельность Холмса? Обманные вольты и напыщенная сверхпроницательность?

Собственно и благопристойно посредственный Ватсон понадобился Конан Дойлу лишь для того, чтобы держать в состоянии посредственности читателя. На таком беспросветном фоне особенно ярко вспыхивают гениальные догадки хозяина дома 221-б по Бейкер-стрит. Его лупа и трубка — это реквизит фокусника, которому нужно провести отвлекающий маневр. В виде некоего атавизма трубка достается потом по наследству комиссару Мегрэ точно так же, как трансформируется в сутану патера Брауна макинтош аскета-

престиждитатора. Зато лупа... О, ей уготована потрясающая судьба! Она доживет не только до дактилоскопии, но и до ЭВМ третьего поколения! До спектральных анализов и хроматографа, баллистики и трассологии, трупоиискателей и микроскопов криминалистического сравнения. Последние годы старушка, слава богу, на заслуженном отдыхе, хотя и возникает то здесь, то там, чтоб отработать положенный пенсионерам короткий срок.

Научно-техническая революция, обеспечив невиданный взлет любимой дочери НФ, поставила перед детективом трудноразрешимые проблемы. Невозможно стало и далее закрывать глаза на те же технические средства, нельзя было и далее игнорировать непреложный факт исчезновения сыщика-любителя из юридической практики. Это противоречило хотя бы отчетам криминальных репортеров, публикуемых на самых видных местах. Жизнь требовала внести поправки в образ. Сыщик, следователь и криминалист не составляли более единого лица. На первых порах детектив предпочел закрыть на это глаза (по примеру Холмса)! Говорят, и теперь приходят письма на Бейкер-стрит с просьбой о помощи...

Хулители пожимают плечами. Ревнители детективных традиций бьют в ладоши. Неправы обе стороны. Неправы в своем отношении к традиции.

Следование традиции, особенно в мелочах, — характерная черта детектива. Особенно английского, отражающего особое пристрастие британцев к заветам старины.

Интеллектуал Дюпен породил не только Холмса и патера Брауна, но и популярного в прошлом веке сыщика Лекока (герой серии романов Эмиля Габорио) и обаятельного мистера Каффа («Лунный камень» Уилки Коллинза). Дюпен был не просто проницательным мастером анализа. Волей своего создателя он

позволял себе замечать и нечто такое, что ускользало от ока официальной полиции. Опять же впервые в истории, потому что он был одновременно и ученым — героем фантастики, и первым сыщиком, и шагал по нехоженой тропе. Зато соперничеству между любителем и полицейским суждено было стать непререкаемой догмой. Нет нужды упоминать о постоянной грызне Холмса с Лейстрендом из Скотланд-Ярда, о скромной гордыне патера Брауна, побеждающего все ту же лондонскую полицию.

Каждый новый сыщик старался отрицать предшественника в большом и малом, но это было отрицанием отрицания, чередованием утраченных и приобретенных признаков. Генетика знает такие шутки, когда в третьем—четвертом поколениях вдруг проявляются изжитые, казалось, родовые черты. Ни «вор-джентльмен» Дюпен, которого Морис Леблан замыслил как антитезу Холмса, ни герой Гастона Леру Жозеф Рулетабиль не смогли выйти за очерченные Дюпеном рамки. Разве «Тайна желтой комнаты», которую так ловко раскрыл Рулетабиль, не есть тайна запертой комнаты в доме на улице Морг? Поистине «как скрипка в футляре»...

Очерченный Дюпеном круг сделался кругом порочным по той простой причине, что в условном мире, где действует сыщик, криминал вытекает не из характерных особенностей действительности, не из житейских ситуаций, а напротив, преступление, по возможности таинственное и запутанное, как бы диктует условия жизни, подстраивает ее под себя. Для фантастики, разгадывающей тайны природы, это прекрасно, для детектива — убийственно. Банкротство такого принципа в применении к изображению современного буржуазного общества очевидно. Отсюда нарочитая условность и ограниченность места действия, заданность характеров и прочие слабости, которые легко

обнаруживаются, когда замысел не выдерживает столкновения с реальностью. И чем этот замысел сложнее, тем легче разрушается его правдоподобие. Мелодраматические ситуации, экзотический фон в этом случае только довершают распад. Фантастика, описывающая несуществующие миры, может позволить себе роскошь и вырядиться в любые наряды: экзотические, готические, даже откровенно сказочные. Не то полицейский роман. Здесь, будь добр, следуй специфике. Игра поэтому не получается, нарушены правила, граничные условия оказались обманом. Не спасает ситуацию и головокружительный трюк, когда убийцей оказывается ведущий расследование инспектор полиции. В «Тайне желтой комнаты» этот ловкий трюк лишь окончательно испортил финал.

Таковы неутешительные уроки детективной классики. Поток эпигонской литературы, в которой бабочками-однодневками взлетали сыщики вроде Ника Картера или мисс Этель Кинг, грозил окончательно девальвировать те немногие ценности, которые успел накопить гонимый «приличным обществом» литературный пария.

Итак, задача сводится, по сути, к главному герою. Классический детектив ее в конце концов разрешил, детектив фантастический — нет. В великолепном рассказе «Сколько весит сонет», настоящей жемчужине сборника, это ученый и любитель тайн (полностью в стиле Эдгара По) Бурдон. Именно он аналитической мощью мысли делает нас не только заинтересованными соучастниками игры — детективной, поэтической — какой угодно, но и свидетелями поистине алхимического деяния. Как иначе еще можно назвать возрождение из пепла бессмертного духа искусства, набирающего силу с каждой угаданной (нет — вычисленной!) буквой?

Да, рукописи действительно не горят. «Пускай истлеет плоть под крышками гробов...» Что-то всегда остается и может стать отправной точкой для нового возрождения.

Этот рассказ трудно отнести со всей определенностью и к фантастике, и к детективу, и к их диалектической общности. Так всегда бывает с образцами подлинного искусства, которые с трудом умещаются в тесных рамках классификационных ячеек*.

Будь Бурдон героем традиционной научной фантастики, ученым-экспериментатором, он бы подверг сгоревшую рукопись радиоактивному облучению и без долгих хлопот восстановил утраченные терцеты и катрены. Но тогда бы не было и самого рассказа. Поэтому Бурдон без особых затей декларирован автором как любитель тайн и загадок. А чтобы читателю легче было следить за победным полетом мысли, этому новоявленному Холмсу понадобился и свой доктор Ватсон, тот самый Менар, от чьего лица и ведется повествование. Одним словом, творческий синтез приемов Эдгара По и Конан Дойла, оставаясь в рамках традиции, вполне оправдывает и синтетическое определение: фантастический детектив.

Под статью Бурдону и герой Айзека Азимова, хотя сам рассказ несравненно слабее, старомоднее и обнаруживает незамаскированные пружины и винтики. Во всяком случае, Азимов столь же преднамеренно и прагматично заявил своего Уэндела Эрта в качестве ученого — любителя курьезов. Иначе как бы он сопоставил психологию и поведение человека с условиями жизни на той или иной из планет? А ведь именно

---

* Хочу отметить в этой связи блестящую работу переводчиков, переложивших на русский язык не только сам сонет, но и всю связанную с ним игру мысли.

здесь и таится ключ к разгадке, на что делает прозрачный намек и само заглавие.

Судить художественное произведение принято по законам, постулируемым его автором. Поэтому с равным благорасположением примем генетического гибрида человека и шимпанзе, наделенного телепатией; агента службы контроля времени в образе попугая; убийцу-киборга, заключенного в «теле» гоночного автомобиля; мусоросборщика с планеты Склеротто и т. д. Примем ради все той же интеллектуальной игры, которая нам предложена, и проследим, насколько увлекательной и непротиворечивой она окажется.

Говорить о каких-то серьезных социально-политических задачах особенно не приходится. За исключением антирасистской новеллы Доминика Дуэ, подобной задачи никто и не ставил. Но общий гуманистический настрой сборника очевиден, а не столь уже редкие вкрапления юмора и сатиры подчас вызывают улыбку, определенно помогая любителям строгой научной фантастики примириться с некоторой профанацией ее излюбленных коньков (например, «Если вы такой умник, то скажите, где трупы?» Радомира Клабала). Тем более что такой рассказ, как «Двурукая машина» Генри Каттнера, способен удовлетворить и самого строгого пуриста. Это классическая фантастика, ничего общего не имеющая с детективом. За исключением таких «мелочей», как криминальная тематика и соответствующий ей местный колорит в виде кибернетической «фурии», соединившей в себе сыщика-преследователя, тюрьму, а возможно, и палача.

Так что и в этом случае волей-неволей приходится задумываться над дозировкой обоих составляющих компонентов: фантастики и детектива.

В соответствии с поставленной тем или другим автором задачей они всякий раз смешиваются в различных концентрациях. В конечном итоге все решает

талант. Но здесь я предоставляю читателю полную свободу мнений. Ведь в конечном итоге именно он — последняя и высшая инстанция, чей приговор не подлежит пересмотру. Итак, все обстоятельства «дела» перед вами. Нужно лишь перевернуть первую страницу.

Еремей Парнов

Айзек Азимов

Ночь, которая умирает

1 Это отчасти походило на заранее организованную встречу бывших соучеников, и хотя их свидание было безрадостным, поначалу ничто не предвещало трагедии.

Эдвард Тальяферро, только что прибывший с Луны, встретился с двумя своими бывшими однокашниками в номере Стенли Конеса. Когда он вошел, Конес встал и сдержанно поздоровался с ним, а Беттерсли Райджер ограничился кивком.

Тальяферро осторожно опустил на диван свое большое тело, ни на миг не переставая ощущать его непривычную тяжесть. Его пухлые губы, обрамленные густой растительностью, скривились, лицо слегка передернулось.

В этот день они уже успели повидать друг друга, правда, в официальной обстановке. А сейчас встретились без посторонних.

— В некотором смысле это знаменательное событие,— произнес Тальяферро.— Впервые за десять лет мы собрались все вместе. Ведь это наша первая встреча после окончания колледжа.

По носу Райджера прошла судорога — ему перебили нос перед самым выпуском, и когда Райджер получал свой диплом астронома, его лицо было обезображено повязкой.

— Кто-нибудь догадался заказать шампанское или что там еще под стать такому торжеству? —

Печатается по изд.: Азимов А. Ночь, которая умирает: Пер. с англ. М.: «Молодая гвардия», 1965 (*Смена*, 1965, № 10), с испр.— Пер. изд.: Asimov I. *Nine tomorrows*.— New York: Garden City, 1959.

брюзгливо проворчал он.

— Хватит! — рявкнул Тальяферро.— Первый Межпланетный съезд астрономов не повод для скверного настроения. Тем более оно неуместно при встрече друзей!

— В этом виновата Земля,— точно оправдываясь, проговорил Конес.— Все мы чувствуем себя здесь не в своей тарелке. Я вот, хоть убей, не могу привыкнуть...

Он с силой тряхнул головой, но ему не удалось согнать с лица угрюмое выражение.

— Вполне с тобой согласен,— сказал Тальяферро.— Я сам кажусь себе настолько тяжелым, что еле таскаю ноги. Однако ты, Конес, должен чувствовать себя неплохо, ведь сила тяжести на Меркурии — четыре десятых той, к которой мы когда-то привыкли на Земле, а у нас, на Луне, она составляет всего лишь шестнадцать сотых.

Остановив жестом Райджера, который попытался было что-то возразить, Тальяферро продолжал:

— Что касается Цереры, то там, насколько мне известно, создано искусственное гравитационное поле в восемь десятых земного. Поэтому тебе, Райджер, куда легче освоиться на Земле, чем нам.

— Все дело в открытом пространстве,— раздраженно произнес астроном, недавно покинувший Цереру.— Никак не привыкну, что можно выйти из помещения без скафандра. На меня угнетающе действует именно это.

— Он прав,— подтвердил Конес.— Мне еще вдобавок кажется диким, как тут, на Земле, люди существуют без защиты от солнечного излучения.

У Тальяферро возникло ощущение, будто он переносится в прошлое.

«Райджер и Конес почти не изменились»,— подумал он. Да и сам он тоже. Все они, естественно, стали на десять лет старше. Райджер поприбавил

в весе, а на худощавом лице Конеса появилось жестковатое выражение. Однако встретиться они неожиданно, он сразу узнал бы обоих.

— Не будем вилять. Мне думается, причина не в том, что мы сейчас находимся на Земле,— сказал он.

Конес метнул в его сторону настороженный взгляд. Он был небольшого роста, и одежда, которую он носил, обычно казалась для него чуть великоватой. Движения его рук были быстры и нервны.

— Ты имеешь в виду Вильерса?! — воскликнул он.— Да, я нередко его вспоминаю.— И добавил с каким-то надрывом: — Тут как-то получил от него письмо.

Райджер выпрямился, его оливкового цвета лицо еще больше потемнело.

— Ты получил от него письмо? Давно?

— Месяц назад.

— А ты? — Райджер повернулся к Тальяферро.

Тот, невозмутимо сощурился глазами, утвердительно кивнул.

— Не иначе как он сошел с ума,— заявил Райджер.— Утверждает, будто ему удалось открыть способ мгновенного перенесения любой массы на любые расстояния... Способ телепортации. Он вам писал об этом?.. Тогда все ясно. Он и прежде был с приветом, а теперь, судя по всему, свихнулся окончательно.

Райджер яростно потер нос, и Тальяферро вспомнил тот день, когда Вильерс с размаху вмазал ему кулаком в лицо.

Десять лет образ Вильерса преследовал их как смутная тень вины, хотя на самом деле им не в чем было упрекнуть себя. Тогда их было четверо, и они готовились к выпускным экзаменам. Четверо избранных, всецело посвятивших себя одному делу, осваивавших профессию, которая в этот век межпланетных полетов достигла невиданных доселе высот.

На планетах Солнечной системы, где отсутствие атмосферы создает наиболее благоприятные условия для наблюдений, строились обсерватории.

Появилась обсерватория и на Луне. Ее купол одиноко стоял посреди безмолвного мира, в небе которого неподвижно висела родная Земля.

Обсерватория на Меркурии, самая близкая к Солнцу, располагалась на северном полюсе планеты, где показания термометра почти всегда оставались одни и те же, а Солнце не меняло своего положения по отношению к горизонту, что позволяло изучать его во всех деталях.

Исследования, которые велись обсерваторией на Церере, самой молодой, а потому оборудованной по последнему слову техники, охватывали пространство от Юпитера до дальних галактик.

Работа в этих обсерваториях, безусловно, имела свои недостатки. Люди еще не преодолели всех трудностей межпланетного сообщения, и астрономы редко проводили отпуск на Земле, а создать им нормальные условия жизни на местах пока не удавалось. Тем не менее их поколение было поколением счастливых. Ученым, которые придут им на смену, достанется поле деятельности, с которого уже снят обильный урожай, и пока Человек не вырвется за пределы Солнечной системы, едва ли перед астрономами откроются горизонты пошире нынешних.

Каждому из четырех счастливых — Тальяферро, Райджеру, Конесу и Вильерсу — предстояло оказаться в положении Галилея, который, владея первым настоящим телескопом, мог в любой точке неба сделать великое открытие.

И вот тут-то Ромеро Вильерса свалил тяжелый приступ ревматизма. Кто в том виноват? Болезнь оставила ему в наследство слабое, едва справлявшееся со своей работой сердце.

Из всех четверых он был самым талантливым, самым целеустремленным, подавал самые большие надежды, а в результате даже не смог окончить колледж и получить диплом астронома. Но что хуже всего — ему навсегда запретили покидать Землю: ускорение при взлете космического корабля неминуемо убило бы его.

Тальяферро послали на Луну, Райджера — на Цереру, Конеса — на Меркурий. А Вильерс остался вечным пленником Земли.

Они пытались высказать ему свое сочувствие, но Вильерс с яростью отвергал все знаки внимания, осыпая друзей проклятиями. Однажды, когда Райджер, на миг потеряв самообладание, замахнулся на него, Вильерс с диким воплем бросился на недавнего товарища и разmozжил ему нос ударом кулака.

Судя по тому, что Райджер то и дело осторожно поглаживал переносицу, этот случай не изгладился в его памяти.

Конес в нерешительности сморщил лоб, который стал от этого похож на стиральную доску.

— Он ведь тоже приехал на съезд. Ему даже предоставили номер в отеле...

— Мне б не хотелось с ним встречаться, — заявил Райджер.

— Он придет сюда в девять. Сказал, что ему необходимо нас повидать, и мне показалось... Его можно ждать с минуты на минуту.

— Если вы не против, я лучше уйду, — поднимаясь, сказал Райджер.

— погоди! — остановил его Тальяферро. — Ну что будет, если вы встретитесь?

— Я предпочел бы уйти: не вижу смысла в нашей встрече. Он же чокнутый.

— А если и так? Будем выше этого. Ты что, боишься его?

— Боюсь?! — возглас Райджера был полон презрения.

— Хорошо, скажу иначе: тебя это волнует. Но почему?

— Я совершенно спокоен,— возразил Райджер.

— Брось, это и слепому видно. Каждый из нас чувствует себя виноватым, хотя для этого нет никаких оснований. Все произошло помимо нас.

Но в голосе Тальяферро не было уверенности — он словно перед кем-то оправдывался, сам отлично это сознавая.

В этот миг раздался звонок, все трое невольно вздрогнули и повернули головы к двери, глядя на этот барьер, который пока отделял их от Вильерса.

Дверь распахнулась, и вошел Ромеро Вильерс. Все неловко встали, чтобы поздороваться с ним, да так в замешательстве и остались стоять. Никто не протянул ему руки.

Вильерс смерил их сардоническим взглядом.

«Вот кто сильно изменился»,— подумал Тальяферро.

Что правда, то правда. Тело Вильерса словно бы уменьшилось, усохло, да и сутулость не прибавляла роста. Сквозь поредевшие волосы просвечивала кожа черепа, а кисти рук оплетали вздутые синеватые вены. Он выглядел тяжелобольным, в нем ничего не осталось от того Вильерса, каким они его помнили, разве что характерный жест — желая что-либо рассмотреть, он козырьком приставлял руку ко лбу,— да еще ровный сдержанный голос баритонального тембра — они его вспомнили, как только он заговорил.

— Привет, друзья! Мои шагающие по космосу друзья! Мы давно потеряли связь друг с другом,— произнес он.

— Привет, Вильерс,— отозвался Тальяферро.

Вильерс впился в него взглядом:

— Ты здоров?

— Вполне.

— И вы оба тоже?

Конес слабо улыбнулся и что-то пробормотал.

— У нас все в порядке, Вильерс. К чему ты кло-нишь?! — взорвался Райджер.

— Он все такой же сердитый, наш Райджер,— сказал Вильерс.— Что слышно на Церере?

— Когда я ее покидал, она процветала. А как поживает Земля?

— Сам увидишь,— сразу как-то сжавшись, ответил Вильерс и, немного помолчав, продолжал: — Надеюсь, вы прибыли на съезд, чтобы прослушать мой доклад? Я выступлю послезавтра.

— Твой доклад? Что за доклад? — удивился Тальяферро.

— Я же писал вам. Я собираюсь доложить съезду об изобретенном мною способе мгновенного перенесения массы, о так называемой телепортации.

Райджер криво улыбнулся:

— Да, ты писал об этом. Однако ни словом не обмолвился, что собираешься выступить на съезде. Кстати, я что-то не заметил твоего имени в списке докладчиков. Уж на него-то я несомненно обратил бы внимание.

— Ты прав, меня нет в списке. Я даже не подготовил тезисы для публикации.

Вильерс покраснел, и Тальяферро поспешил успокоить его:

— Будет тебе, Вильерс, пожалей нервы. У тебя нездоровый вид.

Вильерс резко повернулся к нему, губы его презрительно скривились.

— Благодарю за заботу. Мое сердце пока еще тянет.

— Послушай-ка, Вильерс,— произнес Конес,— если тебя не внесли в список докладчиков и не опубликовали тезисы, то...

— Нет, это ты послушай. Я ждал своего часа десять лет. У вас у всех есть работа в космосе, а я вынужден пре-

подавать в какой-то паршивой школе на Земле, и это я, который способнее всех вас вместе взятых.

— Допустим...— начал было Тальяферро.

— Я не нуждаюсь в вашем сочувствии. Я проделал свой эксперимент на глазах у самого Мендела. Полагаю, вам знакомо это имя. Здесь, на съезде, Мендел является председателем секции астронавтики. Я продемонстрировал ему свою аппаратуру. Собранная наскоро, она сгорела после первого же эксперимента, однако... Вы меня слушаете?

— Да. Но настолько, насколько твои слова заслуживают внимания,— холодно ответил Райджер.

— Мендел даст мне возможность сделать доклад в той форме, которую я сочту удобной для себя. Бьюсь об заклад, он это сделает. Я буду говорить без предупреждения, без всякой рекламы. Я обрушусь на них, точно бомба. Как только я сообщу основную информацию, съезд закроется. Ученые тут же разбегутся по своим лабораториям, чтобы проверить мои расчеты, и с ходу начнут монтировать аппаратуру. И они убедятся, что она действует. С ее помощью живая мышь исчезала в одном конце лаборатории и мгновенно появлялась в другом. Мендел видел это.

Он пристально посмотрел в лицо каждого:

— Я вижу, вы мне не верите.

— Если ты не хочешь, чтобы об этом изобретении стало известно до твоего выступления на съезде, почему ты решил рассказать нам о нем сегодня? — поинтересовался Райджер.

— О, вы — другое дело. Вы мои друзья, мои однокашники. Бросив меня на Земле, вы отправились в космос.

— А что нам оставалось делать? — каким-то не своим, тонким голосом возразил Конес.

Вильерс не обратил на его слова никакого внимания.

— Я желаю, чтобы вы узнали обо всем сейчас. Аппарат, проделавший такое с мышью, в принципе годен

и для человека. Сила, которая может перенести предмет на расстояние в десять футов в стенах лаборатории, перенесет его и через миллионы километров космоса. Я бываю и на Луне, и на Меркурии, и на Церере — везде, где захочу. Я стану таким же, как вы. Я превзойду вас. Хочу заметить, что уже теперь я, школьный учитель, сделал больший вклад в астрономию, чем все вы, вместе взятые, с вашими обсерваториями, телескопами, фотокамерами и космическими кораблями.

— Лично меня это только радует, — сказал Тальяферро. — Желаю тебе успеха. А нельзя ли ознакомиться с твоим докладом?

— О нет! — Вильерс прижал руки к груди, словно пытаясь защититься от посторонних взглядов невидимые листы с записями. — Вы будете ждать, как все остальные. Существует всего лишь один экземпляр моего доклада, и никто не увидит его до тех пор, пока он не будет зачитан. Никто. Даже Мендел.

— Один экземпляр! — воскликнул Тальяферро. — А что если ты потеряешь его?

— Этого не случится. А если даже с ним что-либо произойдет, это не катастрофа — я все помню наизусть.

— Но если ты... — Тальяферро чуть было не сказал «умрешь», но вовремя спохватился и после едва заметной паузы закончил фразу: — ... не последний дурак, ты должен на всякий случай хотя бы заснять текст на пленку.

— Нет, — отрезал Вильерс. — Вы услышите меня послезавтра и станете свидетелями того, как в мгновение ока перед человеком распахнутся необъятные дали, беспредельно расширятся его возможности.

Он еще раз внимательно посмотрел в глаза каждому.

— Подумать только, прошло целых десять лет, — произнес он. — До свидания.

— Он рехнулся! — взорвался Райджер, глядя на захлопнувшуюся дверь с таким выражением, будто там еще стоял Вильерс.

— В самом деле? — задумчиво отозвался Тальяферро.— Пожалуй, отчасти ты прав. Он ненавидит нас вопреки разуму, не имея на то никаких оснований. К тому же как еще можно расценить тот факт, что он отказывается сфотографировать свои записи — ведь это необходимо сделать из простой предосторожности...

Произнося последнюю фразу, Тальяферро вертел в руках собственный микрофотоаппарат. Это был ничем не примечательный небольшой цилиндрик чуть толще и короче обычного карандаша. В последние годы такой аппарат стал непременным атрибутом каждого ученого. Скорее можно было представить врача без фонендоскопа или статистика без микрокалькулятора, чем ученого без такого фотоаппарата. Обычно его носили в нагрудном кармане пиджака или специальным зажимом прикрепляли к рукаву, иногда закладывали за ухо, а у некоторых он болтался на шнурке, обмотанном вокруг пуговицы.

Порой, когда на него находило философское настроение, Тальяферро пытался осмыслить, как в былые времена ученые могли тратить столько времени и сил на выписки из трудов своих коллег или на подборку литературы — огромных фолиантов, отпечатанных типографским способом. До чего же это было громоздко! Теперь же достаточно было сфотографировать любой печатный или написанный от руки текст, а в свободное время без труда проявить пленку. Тальяферро уже успел снять тезисы всех докладов, включенных в программу съезда. И он не сомневался, что двое его друзей поступили точно так же.

— Во всех случаях отказ сфотографировать записи смахивает на бред душевнобольного,— сказал Тальяферро.

— Клянусь космосом, никаких записей не существует! — в сердцах воскликнул Райджер.— Так же как не существует никакого изобретения! Он готов на любую ложь, только бы вызвать в нас зависть

и хоть недолго потешить свое самолюбие.

— Допустим. Но тогда как он послезавтра выкрутится? — спросил Конес.

— Почему я знаю? Он же сумасшедший.

Тальяферро все еще машинально поигрывал фотоаппаратом, лениво размышляя, не заняться ли ему проявлением кое-каких микропленок, которые находились в специальной кассете, но решил отложить это занятие до более подходящего времени.

— Вы недооцениваете Вильерса. Он очень умен, — сказал он.

— Возможно, десять лет назад так оно и было, — возразил Райджер, — а сейчас он — форменный идиот. Я предлагаю раз и навсегда забыть о его существовании.

Он говорил нарочито громко, как бы стараясь изгнать тем самым все воспоминания о Вильерсе и о всем, что с ним связано. Он начал рассказывать о Церере и о своей работе, заключавшейся в прощупывании Млечного пути с помощью новых радиоскопов.

Конес, внимательно слушая, время от времени кивал головой, а затем сам пустился в пространные рассуждения о радиационном излучении солнечных пятен и о своем собственном научном труде, который вот-вот должен выйти. Темой его было исследование связи между протонными бурями и гигантскими вспышками на солнечной поверхности.

Что касается Тальяферро, то ему в общем-то рассказывать было не о чем. По сравнению с работой бывших однокашников деятельность Лунной обсерватории была лишена романтического ореола. Последние данные о составлении метеорологических сводок на основе непосредственных наблюдений за воздушными потоками в околоземном пространстве не выдерживали никакого сравнения с радиоскопами и протонными

бурями. К тому же его мысли все время возвращались к Вильерсу. Вильерс действительно был очень умен. Все они знали это. Даже Райджер, который все время лез в бутылку, не мог не сознавать, что если телепортация в принципе возможна, то по всем законам логики именно Вильерс мог открыть способ ее осуществления.

Из обсуждения их собственной научной деятельности напрашивался печальный вывод, что никто из друзей не внес в науку сколько-нибудь значительного вклада. Тальяферро внимательно следил за новинками специальной литературы и не питал на этот счет никаких иллюзий. Сам он печатался мало, да и те двое не могли похвастаться трудами, содержащими сколько-нибудь важные научные открытия.

Приходилось признать, что никто из них не произвел переворота в науке об изучении космоса. То, о чем они самозабвенно мечтали в годы учебы, так и не свершилось. Из них получились просто знающие свое дело труженики. Этого у них не отнимешь, но, увы, и большего о них не скажешь, и они отлично сознавали это.

Другое дело — Вильерс. Они не сомневались, что он намного обогнал бы их. В этом-то и крылась причина их неприязни, которая углублялась еще и невольным чувством вины перед бывшим товарищем.

В глубине души Тальяферро был уверен, что вопреки всему Вильерсу еще предстоит великое будущее, и эта мысль лишала его покоя.

Райджер и Конес, несомненно, были того же мнения, и сознание собственной заурядности могло вскоре перерасти в невыносимые муки уязвленного самолюбия. Если по ходу доклада выяснится, что Вильерс на самом деле открыл способ телепортации, он станет признанным гением и произойдет то, что было ему предопределено с самого начала, а его бывших соуче-

ников, несмотря на все их заслуги, предадут забвению. Им достанется всего лишь роль простых зрителей, затерявшихся в толпе, которая до небес превознесет великого ученого.

Тальяферро почувствовал, как душа его корчится от зависти. Ему было стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

Разговор постепенно угасал.

— Послушайте, а почему бы нам не заглянуть к старине Вильерсу? — отводя глаза, спросил Конес.

Он пытался говорить тепло и непринужденно, но его фальшивая сердечность никого не могла обмануть.

— К чему эта вражда?.. Какой в ней смысл?..

«Конес хочет выяснить, правда ли то, о чем нам сказал Вильерс,— подумал Тальяферро.— Пока он еще не теряет надежды, что это всего лишь бред сумасшедшего, и хочет убедиться в этом немедленно, иначе ему сегодня не заснуть».

Но Тальяферро и сам сгорал от любопытства, а потому не стал возражать против предложения Конеса, и даже Райджер, неловко пожав плечами, сказал:

— Черт возьми, это неплохая идея.

Было около одиннадцати вечера.

Тальяферро разбудил настойчивый звонок у двери. Мысленно проклиная того, кто посмел нарушить его сон, он приподнялся на локте. С потолка лился мягкий свет индикатора времени — еще не было четырех.

— Кто там?! — крикнул Тальяферро.

Прерывистые резкие звонки не умолкали.

Тальяферро ворча набросил халат. Он открыл дверь, и яркий свет, хлынувший из коридора, заставил его на секунду зажмуриться. Лицо стоявшего перед ним человека было ему хорошо знакомо по часто попадавшимся на глаза трехмерным фотографиям.

— Мое имя — Хьюберт Мендел, — отрывистым шепотом представился тот.

— Знаю, — сказал Тальяферро.

Мендел был одним из крупнейших астрономов современности, достаточно выдающимся, чтобы занимать важный пост во Всемирном бюро аэронавтики, и достаточно деятельным, чтобы стать председателем секции аэронавтики нынешнего съезда.

Тальяферро вдруг вспомнил, что, по словам Вильерса, именно Менделу демонстрировал он свой опыт по перенесению массы. Мысль о Вильерсе окончательно отогнала сон.

— Вы доктор Эдвард Тальяферро?

— Да, сэр.

— Одевайтесь. Вы пойдете со мной. Произошло очень важное событие, которое касается одного нашего общего знакомого.

— Доктора Вильерса?

Веки Мендела слегка дрогнули. На редкость светлые брови и ресницы делали его глаза какими-то странно незащищенными. У него были мягкие редкие волосы. На вид ему было лет пятьдесят.

— Почему вы называли Вильерса? — спросил он.

— Он упомянул вчера вечером ваше имя. Кроме него, я не могу вспомнить ни одного человека, с которым мы были бы знакомы оба.

Мендел кивнул и, подождав, пока Тальяферро оденется, вышел следом за ним в коридор. Райджер и Конес ожидали их в номере этажом выше. В покрасневших глазах Конеса застыло тревожное выражение. Нетерпеливо затягиваясь, Райджер курил сигарету.

— Вот мы и снова вместе. Еще один вечер встречи, — произнес Тальяферро, но его острота повисла в воздухе.

Он сел, и все трое молча уставились друг на друга.

Райджер пожал плечами.

Глубоко засунув руки в карманы, Мендел зашагал назад-вперед по комнате.

— Господа, я приношу свои извинения за причиненное вам беспокойство,— начал он,— и благодарю за то, что вы не отказали мне в моей просьбе. Но я жду от вас большего. Дело в том, что около часа назад умер наш общий друг Ромеро Вильерс. Тело его уже увезли из отеля. Врачи считают, что смерть произошла от острой сердечной недостаточности.

Воцарилось напряженное молчание. Райджер попытался было поднести ко рту сигарету, но его рука остановилась на полпути и медленно опустилась.

— Вот бедняга,— произнес Тальяферро.

— Какой ужас,— хрипло прошептал Конес.— Он был...

Слова замерли у него на губах.

— Что поделать, у него было больное сердце,— стряхивая с себя оцепенение, произнес Райджер.

— Следует уточнить кое-какие детали,— спокойно возразил Мендел.

— Что вы имеете в виду?— резко спросил Райджер.

— Когда все вы видели его в последний раз?— поинтересовался Мендел.

— Вчера вечером,— ответил Тальяферро.— Мы встретились как бывшие однокашники — до этого дня мы не видели друг друга десять лет. К сожалению, не могу сказать, что это была приятная встреча. Вильерс считал, что у него имелись основания быть в обиде на нас, и он очень раскипятился.

— И в котором часу это произошло?

— Первая встреча состоялась около девяти вечера.

— П е р в а я?

— Позже мы повидались еще раз.

— Он ушел очень возбужденным,— взволнованно объяснил Конес.— Мы не могли примириться с этим

и решили попробовать объясниться с ним начистоту. Ведь когда-то мы были друзьями. Поэтому мы отправились к нему в номер...

— Вы пошли к нему все вместе? — быстро спросил Мендел.

— Да, — с удивлением ответил Конес.

— В котором часу это было?

— Что-то около одиннадцати. — Конес обвел взглядом остальных. Тальяферро кивнул.

— И как долго вы оставались у него?

— Не больше двух минут, — сказал Райджер. — Он велел нам убираться вон. Похоже, он вообразил, будто мы явились отнять у него его записи. — Он остановился, как бы ожидая, что Мендел поинтересуется, о каких записях идет речь, но тот промолчал, и Райджер продолжил: — Мне кажется, Вильерс хранил эти записи под подушкой, потому что, выгоняя нас, он как-то странно пытался прикрыть ее телом.

— Возможно, как раз в ту минуту он уже умирал, — с трудом прошептал Конес.

— Тогда еще нет, — решительно сказал Мендел. — Раз вы были у него в номере, значит, там, вероятно, остались отпечатки ваших пальцев.

— Не исключено, — согласился Тальяферро. Его почтительное отношение к Менделу постепенно сменялось нетерпением: было четыре часа утра и плевать он хотел на то, Мендел это или кто другой.

— Может, вы наконец скажете, что означает этот допрос? — спросил он.

— Так вот, господа, — произнес Мендел, — я собрал вас не только для того, чтобы сообщить о смерти Вильерса. Необходимо выяснить ряд обстоятельств. Насколько мне известно, существовал всего один экземпляр его записей. Как оказалось, этот единственный экземпляр был вложен кем-то в окуркосжигатель и от него остались лишь обгоревшие клочки.

Я не читал этих записей и даже никогда их не видел, но достаточно знаком с открытием Вильерса, чтобы, если понадобится, подтвердить на суде под присягой, что найденные обрывки бумаги с сохранившимся на них текстом являются остатками того самого доклада, который он должен был сделать на съезде... Кажется, у вас, доктор Райджер, есть на этот счет какие-то сомнения. Правильно ли я вас понял?

— Я далеко не уверен, собирался ли он всерьез выступить с докладом,— кисло улыбнулся Райджер.— Если хотите знать мое мнение, сэр, Вильерс был душевнобольным. В течение десяти лет он в отчаянии бился о преграду, возникшую между ним и космосом, и в результате им овладела фантастическая идея мгновенного перенесения массы,— идея, в которой он увидел свое единственное спасение, единственную цель жизни. Ему удалось путем каких-то махинаций продемонстрировать эксперимент. Кстати, я не утверждаю, что он старался надуть вас умышленно. Он мог быть с вами искренен и в своей искренности безумен. Вчера вечером кипевшая в его душе буря достигла своей кульминации. Он возненавидел нас за то, что нам посчастливилось работать на других планетах, и пришел к нам, чтобы, торжествуя, показать свое превосходство над нами. Для этой минуты он и жил все прошедшие десять лет. Потрясение от встречи с нами могло в какой-то мере вернуть ему разум, и Вильерс понял, что на самом деле он — полный банкрот, что никакого открытия не существует. Поэтому он сжег записи, и сердце его, не выдержав такого напряжения, остановилось. Как же все это скверно!

Лицо внимательно слушавшего Мендела выражало глубокое неодобрение.

— Ваша версия звучит очень складно,— сказал он,— но вы не правы. Меня, как это вам, вероятно, кажется, не так-то легко провести, демонстрируя мни-

мый опыт. А теперь я хочу выяснить кое-что еще. Согласно книге регистрации, вы, все трое, являетесь соучениками Вильерса по колледжу. Это верно?

Они кивнули.

— Есть ли среди приехавших на съезд ученых еще кто-нибудь, кто когда-то учился с вами в одной группе?

— Нет,— ответил Конес.— В год нашего выпуска только нам четверым должны были дать диплом астронома. Он тоже получил бы его, если б...

— Да-да, я знаю,— перебил его Мендел.— В таком случае кто-то из вас троих побывал еще один раз в номере Вильерса в полночь.

Его слова были встречены молчанием.

— Только не я,— наконец холодно произнес Райджер.

Конес, широко раскрыв глаза, отрицательно покачал головой.

— На что вы намекаете? — спросил Тальяферро.

— Один из вас пришел к Вильерсу в полночь и стал настаивать, чтобы тот показал ему свои записи. Мне не известны мотивы, которые двигали этим человеком. Возможно, все делалось с заранее продуманным намерением довести Вильерса до такого состояния, которое неизбежно приведет к смерти. Когда Вильерс потерял сознание, преступник — будем называть вещи своими именами,— не теряя времени, завладел рукописью, которая действительно могла быть спрятана под подушкой, и сфотографировал ее. После этого он уничтожил рукопись в окуркосжигателе, но в спешке не успел сжечь бумагу до конца.

— Откуда вам известно, что там произошло? — перебил его Райджер.— Можно подумать, что вы при этом присутствовали.

— Вы не далеки от истины,— ответил Мендел.— Случилось так, что Вильерс, потеряв сознание в пер-

вый раз, вскоре очнулся. Когда преступник ушел, ему удалось доползти до телефона, и он позвонил мне в номер. Он с трудом выдавил из себя несколько слов, но этого достаточно, чтобы представить, как развернулись события. К несчастью, меня в это время в номере не было: я задержался на конференции. Однако все, что пытался мне сообщить Вильерс, было записано на пленку. Я всегда, придя домой или на работу, первым делом включаю запись телефонного секретаря. Такая уж у меня бюрократическая привычка. Я сразу позвонил ему, но он не отозвался.

— Тогда кто же, по его словам, там был? — спросил Райджер.

— В том-то и беда, что он этого не сказал. Вильерс говорил с трудом, невнятно, и все разобрать оказалось невозможно. Но одно слово Вильерс произнес совершенно отчетливо. Это слово — «однокашник».

Тальяферро достал из внутреннего кармана пиджака свой фотоаппарат и протянул его Менделу.

— Пожалуйста, можете проявить мои пленки, — спокойно сказал он. — Я не возражаю. Записей Вильерса вы здесь не найдете.

Конес последовал его примеру. Нахмурившись, то же самое сделал и Райджер.

Мендел взял все три аппарата и холодно сказал:

— Полагаю, что тот из вас, кто это совершил, уже успел сменить пленку, но все же...

Тальяферро пренебрежительно поднял брови:

— Можете обыскать меня и номер, в котором я остановился.

С лица Райджера не сходило выражение недовольства.

— Погодите-ка минутку, черт вас дерит. Вы что, служите в полиции?

Мендел удивленно взглянул на него.

— А вам очень хочется, чтобы вмешалась по-

лиция? Вам нужен скандал и обвинение в убийстве? Вы хотите сорвать работу съезда и дать мировой прессе сведения, воспользовавшись которыми, она смешает астрономов и астрономию с грязью? Смерть Вильерса вполне можно объяснить естественными причинами. У него на самом деле было больное сердце. Предположим, тот из вас, кто был у него в полночь, действовал под влиянием импульса и совершил преступление непреднамеренно. Если этот человек вернет пленку, нам удастся избежать больших неприятностей.

— И преступник не понесет никакого наказания? — спросил Тальяферро.

Мендел пожал плечами.

— Я не стану обещать, что он выйдет сухим из воды, но, как бы там ни было, если он вовремя сознается, ему не грозит публичное бесчестье и пожизненное тюремное заключение, что произойдет неизбежно, если мы заявим в полицию.

Никто не проронил ни слова.

— Это сделал один из вас,— произнес Мендел.
Снова молчание.

— Я думаю, мне понятны соображения, которыми руководствовался виновный, и я попытаюсь их вам обрисовать. Рукопись уничтожена. Только мы четверо знаем об открытии Вильерса, и только один я присутствовал при эксперименте. Скажу больше — единственным доказательством того, что я был свидетелем этого эксперимента, являются слова самого Вильерса — человека, который, возможно, страдал психическим расстройством. Поскольку Вильерс умер от сердечной недостаточности, а его записи уничтожены, легко можно будет поверить в гипотезу доктора Райджера, который утверждает, что не существует и никогда не существовало никакого способа телепортации. Через один-два года наш преступ-

ник, в руках которого находится рукопись Вильерса, начнет постепенно использовать ее, причем не скрываясь, публично. Он будет ставить опыты, осторожно выступать в печати с соответствующими статьями, и дело кончится тем, что именно он окажется автором этого открытия, прославится и получит немалые деньги. Даже его бывшие соученики, и те ничего не заподозрят. В крайнем случае они решат, что давнишняя история с Вильерсом побудила его начать исследования в этой области. Но не более.

Мендел пристально всматривался в их лица.

— Но теперь у него ничего не выйдет. Любой из вас, кто когда-либо осмелится от своего имени опубликовать данные о способе телепортации, тем самым объявит себя преступником. Я присутствовал при опыте и уверен, что там не было подтасовки. Я знаю, что у одного из вас находится пленка, на которой заснята рукопись Вильерса. Как видите, эта рукопись теперь потеряла для вас ценность. Отдайте же мне эту пленку.

Молчание.

Мендел направился к двери, но, прежде чем уйти, еще раз обернулся к ним:

— Я буду вам очень признателен, если вы останетесь здесь до моего возвращения. Я вас долго не задержу. Надеюсь, что виновный воспользуется этим перерывом в наших переговорах и обдумает свое дальнейшее поведение. Если он опасается, что, сознавшись, потеряет работу, пусть вспомнит, что при встрече с полицией его подвергнут зондированию памяти и он лишится свободы.

Взвесив на руке три фотоаппарата, Мендел добавил:

— Я проявлю эти пленки.

Он выглядел мрачным и невыспавшимся.

— А что если мы сбежим в ваше отсутствие? —

с вымученной улыбкой спросил Конес.

— Только у одного из вас есть к этому основания,— сказал Мендел.— Мне думается, я вполне могу положиться на двух невиновных. Они проследят за третьим — хотя бы во имя собственных интересов.

И он ушел.

Было пять часов утра.

— Проклятая история! Я хочу спать! — воскликнул Райджер, бросив взгляд на часы.

— При желании мы можем поспать и здесь,— философски заметил Тальяферро.— Кто-нибудь собирается сознаться в содеянном?

Конес отвел взгляд, Райджер презрительно скривил губы.

— Я так и думал.— Тальяферро закрыл глаза и, откинув свою массивную голову на спинку кресла, устало произнес: — Там, на Луне, сейчас период бездействия. Когда ночь, а она у нас длится две недели, работы хоть отбавляй. Но с наступлением лунного дня в течение двух недель не заходит Солнце, и нам остается только заседать да заниматься расчетами и поисками корреляций. Это тяжелое время. Я его ненавижу. Если б там было побольше женщин и если б мне посчастливилось вступить с одной из них в более или менее длительную связь...

Конес шепотом принялся рассказывать о том, что на Меркурии до сих пор не удается рассмотреть в телескоп весь солнечный диск — какая-то часть его постоянно скрыта за горизонтом. Правда, если еще на две мили удлинит дорогу, можно будет передвинуть обсерваторию, но для этого придется перевернуть колоссальную работу, используя солнечную энергию. Только тогда Солнце полностью откроется для наб-

людений. Он уверен, что в конце концов это будет сделано.

Вскоре к их бормотанию присоединился голос Райджера, который, не выдержав, начал рассказывать о Церере. Работа там осложнялась слишком кратким периодом обращения Цереры вокруг своей оси, который длится всего лишь два часа. Благодаря этому звезды проносятся по небу с угловой скоростью, в двенадцать раз превышающей скорость движения звезд на земном небосклоне. Поэтому пришлось создать настоящую цепь приборов, состоящую из трех телескопов, трех радиоскопов и прочей аппаратуры, чтобы они по очереди вели наблюдения.

— Почему вы не используете один из полюсов? — спросил Конес.

— Ты подходишь к этому вопросу, исходя из условий, к которым привык на Меркурии, — нетерпеливо возразил Райджер. — Даже на полюсах небо там напоминает водоворот... К тому же половина его всегда скрыта от наблюдений. Если б Церера, подобно Меркурию, была обращена к Солнцу только одной стороной, мы имели бы над головой относительно стабильное небо, картина которого менялась бы полностью раз в три года.

За окном постепенно серело, медленно наступал рассвет.

Тальяферро задремал, усилием воли не позволяя сознанию отключиться полностью. Он опасался заснуть, пока бодрствуют остальные. У него мелькнуло, что все они сейчас задают себе один и тот же вопрос: «Кто? Кто же из нас?» Все — за исключением виновного.

Вошел Мендел, и Тальяферро быстро открыл глаза. Видимый из окна кусок неба принял голубой оттенок. Тальяферро был рад, что окно плотно закрыто. В отеле, конечно, имелось кондиционирование,

но те из жителей Земли, которые питали, с его точки зрения, странное пристрастие к свежему воздуху, в теплую погоду открывали окна. Тальяферро, который никак не мог забыть об окружающем Луну безвоздушном пространстве, при одной мысли об этом содрогнулся от ужаса.

— Кто-нибудь из вас желает что-то сказать? — спросил Мендел.

Все молча смотрели на него, а Райджер отрицательно покачал головой.

— Я проявил пленки, господа, и ознакомился с заснятым вами материалом.— Мендел бросил на кровать аппараты и проявленные пленки.— И ничего не обнаружил! Боюсь, что у вас теперь будут трудности с монтажом. Приношу вам за это свои извинения. Вопрос о пропавшей пленке остается открытым.

— Если она вообще существует,— широко зевнув, заметил Райджер.

— Господа, я предлагаю спуститься в номер Вильерса,— сказал Мендел.

— Зачем? — испуганно воскликнул Конес.

— Не собираетесь ли вы пустить в ход испытанный психологический прием — привести виновного на место преступления, чтобы раскаяние в содеянном заставило его сознаться? — ехидно поинтересовался Тальяферро.

— Цель, с которой я приглашаю вас в номер Вильерса, далеко не столь мелодраматична. Я просто хотел бы, чтобы двое невиновных помогли мне найти пропавшую пленку.

— Вы считаете, что она находится именно там? — вызывающе спросил Райджер.

— Вполне возможно. Наше расследование только начинается. Потом мы обыщем и ваши номера. Симпозиум по астронавтике не начнется раньше десяти

часов завтрашнего утра, и нам нужно уложиться в оставшееся время.

— А если мы до тех пор ничего не выясним?

— Тогда мы обратимся за помощью к полиции.

Они осторожно вошли в номер Вильерса. Райджер покраснел, Конес был очень бледен. Тальяферро пытался сохранять спокойствие.

Прошлой ночью они видели комнату при искусственном освещении. Тогда озлобленный растрепанный Вильерс, судорожно обхватив руками подушку и устремив на них полный ненависти взгляд, потребовал, чтобы они убирались вон. Сейчас здесь едва уловимо пахло смертью.

Чтобы улучшить освещение, Мендел занялся оконным поляризатором, и в помещение хлынули лучи восходящего солнца.

Конес быстрым движением закрыл рукой глаза.

— Солнце! — воскликнул он так, что остальные замерли. Лицо его исказил неподдельный ужас, словно он вдруг взглянул незащищенными глазами на то Солнце, которое мгновенно ослепляет в условиях Меркурия.

Вспомнив собственное отношение к возможности выходить из помещения без скафандра, Тальяферро скрипнул зубами. Те десять лет, которые они провели вне Земли, изрядно деформировали их психику.

Конес бросился к окну, ощупью отыскивая рычаг поляризатора, но тут воздух с шумом вырвался из его груди, и он окаменел.

— Что случилось? — кинувшись к нему, спросил Мендел. Остальные последовали за ним.

Далеко внизу, простираясь до самого горизонта, лежала каменно-кирпичная громада города, контуры его четко прорисовывались в лучах восходящего

солнца. Сейчас он был обращен к ним своей теневой стороной. Тальяферро исподтишка окинул эту картину тревожным взглядом.

Конес, грудь которого стеснило настолько, что он не мог даже вскрикнуть, не отрываясь смотрел на что-то, находившееся совсем близко.

Снаружи на подоконнике лежал дюймовый кусочек светло-серой пленки, которого коснулись первые лучи солнца. Уголок ее, попавший в трещину, пока еще оставался в тени. Вскрикнув, Мендел в ярости распахнул окно и схватил пленку. Бережно прикрыв ее рукой, он приказал:

— Ждите меня здесь!

Говорить им было не о чем. Когда Мендел ушел, они сели и молча уставились друг на друга.

Мендел вернулся через двадцать минут.

— Та небольшая часть пленки, что находилась в трещине, не успела засветиться, и мне удалось разобрать несколько слов. На эту пленку действительно кто-то заснял рукопись Вильерса. Остальные записи навсегда погибли, и спасти их невозможно. Открытия Вильерса больше не существует,— спокойно произнес Мендел.

Он был настолько потрясен, что его эмоции уже были за гранью их внешнего проявления.

— Что же дальше? — спросил Тальяферро.

Мендел устало пожал плечами.

— Мне теперь все безразлично — ведь способ телепортации опять стал для человека нерешенной задачей, пока кто-нибудь, обладающий такими же блестящими способностями, как Вильерс, не откроет его заново. Я сам займусь этой проблемой, но я не питаю никаких иллюзий относительно собственных возможностей. Мне кажется, что, поскольку открытия Вильерса

больше не существует, не имеет значения, кто из вас в этом виноват. Что даст нам дальнейшее расследование?

Отчаяние Мендела было настолько глубоко, что он весь сник.

— Нет, постойте,— раздался твердый голос Тальяферро.— В ваших глазах каждый из нас троих останется на подозрении. В том числе и я. Вы занимаете высокое положение, и у вас для меня никогда не найдется доброго слова. Меня можно будет обвинить в некомпетентности, а то и приклеить ярлык похуже. Я не желаю, чтобы мою карьеру погубил призрак недоказанной вины. Поэтому я предлагаю довести расследование до конца.

— Я не следователь,— устало возразил Мендел.

— Тогда, черт возьми, пригласите полицию.

— Минутку, Тал, не намекаешь ли ты на то, что преступление совершил я? — спросил Райджер.

— Я только хочу доказать свою невиновность.

— Если мы обратимся в полицию, каждого из нас подвергнут зондированию памяти! — в ужасе воскликнул Конес.— А это может привести к нарушению мозговой деятельности.

Мендел высоко поднял руки.

— Господа! Прошу вас, давайте обойдемся без склок! Осталась еще единственная возможность избежать вмешательства полиции. Вы правы, доктор Тальяферро. Было бы несправедливо по отношению к невиновным оставить вопрос открытым.

Повернувшись к нему лица отражали недоверие и враждебность.

— Что вы хотите нам предложить? — спросил Райджер.

— У меня есть друг по имени Уэндел Эрт. Быть может, вы слышали о нем, а если и нет, это сейчас не имеет значения. Так или иначе, я постараюсь устроить,

чтобы сегодня вечером он нас принял.

— Какой в этом смысл? — с неприязнью спросил Тальяферро. — Что это нам даст?

— Он странный человек, — неуверенно произнес Мендел. — Очень странный. И в своем роде гениальный. Ему не раз приходилось помогать полиции, и кто знает, вдруг сейчас удастся помочь и нам.

2 Когда они вошли в комнату, Эдвард Тальяферро не смог побороть глубочайшего изумления, которое в нем вызывали и само помещение, и находившийся в нем человек. Казалось, и то и другое существовало в полной изоляции от окружающего и являлось частью какого-то иного, непонятного мира. Ни один земной звук не проникал сюда через мягкую обивку лишенных окон стен. Свет и воздух Земли заменяли искусственное освещение и система кондиционирования.

В этой большой, тонувшей в полумраке комнате царил невысказанный беспорядок. Они с трудом пробрались между разбросанными по полу предметами к дивану, с которого сгребли и свалили рядом в кучу микропленки с книжными текстами.

У хозяина комнаты было большое круглое лицо и приземистое шарообразное тело. Он быстро передвигался на своих коротких ножках, так энергично вертя во все стороны головой, что очки едва удерживались на том крохотном бугорке, который был его носом. Усевшись наконец за письменный стол — единственное достаточно освещенное место, он устремил на них добродушный взгляд своих выпуклых близоруких глаз, полускрытых тяжелыми веками.

— Я очень рад вашему приходу, господа, и прошу извинить за беспорядок, — он взмахнул короткопалой рукой. — Сейчас я занимаюсь составлением каталога собранных мною объектов внеземного происхождения,

которые имеют огромное значение для науки. Это колоссальная работа. Вот, например...

Он вскочил с места и стал рыться в куче каких-то непонятных предметов, в беспорядке сваленных возле письменного стола, и вскоре извлек дымчато-серый, полупрозрачный цилиндр неправильной формы.

— Может оказаться, что этот цилиндр с Каллисто является наследием неведомой нам внесемной культуры. Вопрос о его происхождении еще окончательно не решен. Таких цилиндров было найдено не больше дюжины, и из всех известных мне образцов данный экземпляр — самый совершенный по форме.

Он небрежно отбросил его в сторону, и Тальяферро вздрогнул.

— Цилиндр сделан из небьющегося материала, — сказал толстяк и проворно уселся обратно за свой стол; его крепко прижатые к животу руки поднимались и опускались в такт дыханию. — Так чем же я могу быть вам полезен? — спросил он.

Пока Мендел представлял их хозяину, Тальяферро упорно старался вспомнить, откуда ему знакомо имя Уэндел Эрт. Несомненно, это был тот самый Уэндел Эрт, который написал недавно опубликованный труд под названием «Сравнительное исследование эволюционных процессов на водно-кислородных планетах», однако в сознании как-то не укладывалось, что это был именно он.

— Доктор Эрт, не вы ли являетесь автором «Сравнительного исследования эволюционных процессов»? — не выдержав, спросил он.

Лицо Эрта расплылось в блаженной улыбке.

— Вы читали эту книгу?

— Нет, но...

Радостный блеск в глазах Эрта мгновенно погас, уступив место осуждению.

— Тогда вам необходимо ее прочесть сейчас же,

немедленно. У меня есть здесь один экземпляр...

Он снова вскочил со стула, но тут вмешался Мендел.

— Подождите, Эрт, не все сразу. Мы пришли к вам по серьезному вопросу.

Он почти насильно заставил Эрта сесть и быстро стал излагать суть дела, как бы боясь, чтобы тот не перебил его, снова увлекшись какой-нибудь посторонней темой. Предельная лаконичность, с которой Мендел обрисовал события, заслуживала восхищения.

Лицо Эрта побагровело. Он нервно схватил очки и прочно укрепил их на носу.

— Мгновенное перенесение массы! — воскликнул он.

— Я видел это собственными глазами, — подтвердил Мендел.

— А мне ни звука не сказали!

— Я поклялся хранить тайну. Как я уже отметил, изобретатель был... не без странностей.

— Как же вы могли позволить, чтобы такое ценное открытие осталось в распоряжении заведомого чудака? В крайнем случае, чтобы получить необходимые сведения, надо было подвергнуть его зондированию памяти.

— Это бы его убило, — запротестовал Мендел.

Но Эрт, прижав ладони к щекам и в отчаянии раскачиваясь взад и вперед, продолжал:

— Телепортация! Единственный пригодный для нормального цивилизованного человека способ передвижения. Единственно возможный способ! Если б я только знал! Если б я тогда был в отеле! Но, увы, он почти в тридцати милях отсюда.

— Насколько мне известно, — раздраженно перебил эту тираду Райджер, — между вашим домом и отелем существует регулярное воздушное сообщение. У вас ушло бы на дорогу десять минут.

Тело Эрта вдруг напряглось и, бросив на Райдже-

ра какой-то странный взгляд, он вскочил с места и опрометью выбежал из комнаты.

— Что за черт! — воскликнул Райджер.

— Проклятие, я должен был предупредить вас,— пробормотал Мендел.

— О чем?

— У доктора Эрта есть свой пункт — он никогда не пользуется никакими транспортными средствами. Он всегда ходит пешком.

— Но ведь он, насколько я понимаю, занимается изучением жизни на других планетах,— щурясь в полумраке, заметил Конес.

Тальяферро, который минуты две назад поднялся с дивана, стоял теперь перед укрепленной на пьедестале чечевицеобразной моделью Галактики, устремив взгляд на мерцающее сияние звездных систем. Никогда в жизни ему не приходилось видеть такую большую и так тщательно выполненную модель.

— Верно. Но он ни разу не посетил ни одной из тех планет, изучением которых занимается, и никогда этого не сделает. Я сомневаюсь, отходил ли он за последние тридцать лет дальше чем за милю от этого дома.

Райджер расхохотался.

Мендел вспыхнул.

— Пусть вам такое положение вещей кажется смешным,— рассерженно произнес он,— но я буду вам очень признателен, если впредь в присутствии доктора Эрта вы постараетесь избегать этой темы.

Через минуту появился сам Эрт.

— Приношу мои извинения, господа,— прошептал он.— А теперь займемся нашей проблемой. Может, кто-нибудь из вас желает сознаться сам?

Тальяферро презрительно поджал губы. Едва ли этот толстенький специалист по внеземным формам жизни, добровольно приговоривший себя к домашне-

му аресту, обладает достаточной твердостью, чтобы заставить кого бы то ни было признаться в совершенном преступлении. К счастью, дело обстоит так, что он им как талантливый следователь не понадобится. Если вообще у него есть такой талант.

— Скажите, доктор Эрт, вы связаны с полицией? — спросил Тальяферро.

На красном лице Эрта появилось самодовольное выражение.

— Официально нет, но тем не менее мы находимся в наилучших отношениях.

— В таком случае я сообщу вам кое-какие сведения, которые вы сможете передать.

Втянув живот, Эрт стал рывками вытаскивать из брюк подол рубашки, которым он принялся медленно протирать очки. Покончив с этим занятием и небрежно водрузив очки обратно на нос, он произнес:

— Итак, я вас слушаю.

— Я скажу вам, кто был у Вильерса в момент его смерти и кто заснял записи.

— Выходит, вам посчастливилось раскрыть тайну?

— Я думал об этом весь день и, кажется, пришел к правильному выводу.

Тальяферро явно наслаждался произведенным его словами эффектом.

— Что же вы собираетесь нам сообщить?

Тальяферро глубоко вздохнул. Несмотря на то что он готовился к этому несколько часов, не так-то легко было наконец решиться.

— В происшедшем, по всей видимости, виновен не кто иной, как доктор Мендел, — наконец произнес он.

Мендел задохнулся от возмущения.

— Послушайте, доктор, — громко начал он, — если у вас есть какие-либо основания для такого

страшного...

— Пусть он говорит, Хьюберт,— перебил его высокий голос Эрта.— Я предлагаю выслушать его. Ведь вы сами его подозреваете, и нет такого закона, который запретил бы ему подозревать вас.

Мендел зло поджал губы.

— Это больше, чем простое подозрение, доктор Эрт,— начал Тальяферро, усилием воли заставляя свой голос звучать ровно.— Доказательства налицо. Нам всем четверым было известно об изобретении Вильерса, но только один из нас, доктор Мендел, присутствовал при эксперименте. Только он один знал, что оно не является плодом больного воображения. Только он знал, что записи действительно существуют. Вильерс обладал слишком неуравновешенным характером, и для нас вероятность того, что он говорил правду, была слишком мала. Мы зашли к нему в одиннадцать, чтобы, как мне кажется, окончательно убедиться в этом, хотя никто из нас не назвал вслух истинную причину нашего визита. Но Вильерс был невменяем. Таким мы его прежде никогда не видели.

А теперь рассмотрим этот же вопрос с другой стороны. Что знал доктор Мендел и каковы были его мотивы? Представим себе, доктор Эрт, следующее. Человек, который пришел к Вильерсу в полночь, увидел, что тот потерял сознание, и заснял рукопись. Это лицо (не будем пока называть его по имени), вероятно, пришло в ужас, когда Вильерс очнулся от обморока и стал звонить кому-то по телефону. Охваченному паникой преступнику мгновенно приходит в голову мысль, что необходимо как можно скорее отделаться от единственного вещественного доказательства.

Он должен был немедленно избавиться от непроявленной пленки с заснятыми записями, причем та-

ким образом, чтобы эта пленка не была найдена и он в том случае, если его ни в чем не заподозрят, смог бы снова завладеть ею. Идеальным местом для этого был наружный подоконник. Быстро раскрыв окно, он положил на подоконник пленку и ушел. А если б Вильерс остался жив или если б его телефонный разговор дал какие-нибудь результаты, единственным доказательством вины этого человека были бы показания самого Вильерса и можно было бы легко убедить всех в том, что Вильерс — человек с большими странностями.

Тальяферро умолк, смакуя неоспоримость приведенных им доводов.

Уэндел Эрт, сощурившись, взглянул на него и хлопал пальцами прижатых к животу рук по вытащенному из брюк подолу рубашки.

— В чем же вы видите главное доказательство вины доктора Мендела? — спросил он.

— На мой взгляд, самое важное здесь то, что лицо, совершившее преступление, открыло окно и положило пленку на подоконник снаружи. Судите сами: Райджер жил десять лет на Церере, Конес — на Меркурии, я — на Луне, и за этот период нам очень редко случалось бывать на Земле — только во время кратких отпусков, да и сколько их там было! Вчера мы не раз жаловались друг другу, как трудно нам привыкнуть к земным условиям.

Планеты, на которых мы работаем, лишены атмосферы. Мы никогда не выходим из помещения без скафандра. Мы отвыкли даже от мысли, что можно выйти наружу без защитного костюма. Ни один из нас не смог бы открыть окно без отчаянной внутренней борьбы. Что касается доктора Мендела, то он жил только на Земле и для него открыть окно — всего лишь приложение мускульной силы. Он способен сделать это не задумываясь, а мы — нет. Отсюда логи-

ческий вывод — преступление совершил он.

Тальяферро откинулся на спинку стула и позволил себе слегка улыбнуться.

— Клянусь космосом, он прав! — восторженно вскричал Райджер.

— Ни в коей мере! — приподнявшись с дивана, взревел Мендел. Казалось, он вот-вот бросится на Тальяферро с кулаками.— Я категорически протестую против этих жалких измышлений. А имеющаяся у меня запись телефонного звонка Вильерса? Там есть слово «однокашник»... А это как вы объясните?

— Вильерс в ту минуту умирал,— возразил Тальяферро.— Вы ведь сами говорите, что большую часть из сказанного им понять невозможно. Этой записи я не слышал, поэтому я спрашиваю вас, доктор Мендел, в самом ли деле голос Вильерса был искажен до неузнаваемости?

— Видите ли...— смущенно начал Мендел.

— Я уверен, что это так. У меня нет оснований исключить вероятность того, что вы сами заранее сфабриковали запись, вернув туда это проклятое слово «однокашник».

— О господи, откуда я знал, что на съезд приехали бывшие соученики Вильерса? Откуда мне могло быть известно, что они слышали о его открытии?! — воскликнул Мендел.

— Это мог вам сказать сам Вильерс. Я беру на себя смелость утверждать, что он действительно сделал это.

— Послушайте,— решительно начал Мендел,— вы трое видели Вильерса живым в одиннадцать вечера. Врач, осмотревший его тело вскоре после трех ночи, заявил, что умер он около двух часов назад. Отсюда — смерть наступила между одиннадцатью вечера и часом ночи. В это время я присутствовал на вечернем заседании, и не меньше дюжины свиде-

телей могут показать, что с десяти часов вечера до двух ночи я находился в нескольких милях от отеля. Вам этого достаточно?

— Даже если это подтвердится,— немного помолчав, упрямо продолжал Тальяферро,— можно предположить, что вы вернулись в отель в половине третьего и тут же отправились к Вильерсу, чтобы обсудить какие-то вопросы, связанные с его будущим докладом. Вы нашли дверь открытой или пустили в ход дубликат ключа — это не имеет значения. Главное — вы нашли Вильерса мертвым и, воспользовавшись случаем, засняли рукопись...

— Но если он был уже мертв и не мог никому позвонить, зачем мне тогда понадобилось прятать пленку?

— Чтобы отвести от себя подозрение. Не исключено, что у вас есть второй экземпляр пленки. Кстати, о том, что она засвечена, мы знаем только с ваших слов.

— Хватит! — вмешался Эрт.— Вы выдвинули интересную гипотезу, доктор Тальяферро, но она рассыпается под тяжестью приведенных в ее защиту доказательств...

— Это с вашей точки зрения...— нахмурившись, попытался возразить Тальяферро.

— Это точка зрения каждого, кто обладает способностью к аналитическому мышлению. Неужели вы не заметили, что для преступника Хьюберт Мендел был излишне активен?

— Нет,— сказал Тальяферро.

Уэндел Эрт мягко улыбнулся.

— Видите ли, доктор Тальяферро, я не сомневаюсь, что в процессе своей научной деятельности вы вряд ли настолько увлекаетесь собственными гипотезами, что начисто отбрасываете противоречащие им факты и логические умозаключения. Очень вас про-

шу не изменять этому золотому правилу, когда вы выступаете в роли следователя.

А теперь представьте себе, насколько проще была бы стоявшая перед доктором Менделом задача, если б его действия, как вы утверждаете, и впрямь стали причиной смерти Вильерса и он обеспечил себе алиби. Или же, как опять-таки следует из ваших слов, не застав Вильерса в живых, он воспользовался этим в своих интересах. Зачем ему понадобилось бы фотографировать рукопись или приписать это кому-нибудь из вас? Он же мог просто-напросто взять записи и уйти. Кто еще знал о их существовании? Практически никто. У доктора Мендела не было никаких оснований предполагать, что Вильерс рассказал о них еще кому-то. Ведь известно, что он был патологически скрытен.

Никто, кроме доктора Мендела, не знал, что Вильерс собирался делать доклад. О его выступлении не было объявлено, тезисы доклада не опубликованы. Отсюда следует, что доктор Мендел мог без опаски забрать рукопись и спокойно удалиться. Даже если б он узнал, что Вильерс поделился своей тайной с бывшими однокашниками, что из того? Какими доказательствами располагали его бывшие соученики? На что они могли сослаться, кроме как на слова человека, которого они сами считали душевнобольным?

Однако доктор Мендел поступает иначе. Он заявляет, что бумаги Вильерса уничтожены, он утверждает, что смерть Вильерса нельзя признать в полном смысле слова естественной. Он ищет пленку, на которую была заснята рукопись. Короче, он делает все, чтобы навести на себя подозрение, в то время как единственное, что ему следовало сделать, это остаться в тени. Если б он и вправду совершил это преступление, а потом выбрал для себя такую линию поведения, он был бы самым тупым, самым убогомыслящим человеком из

всех, кого я знаю. А о докторе Менделе этого никак не скажешь.

При всем желании Тальяферро не мог опровергнуть очевидную справедливость приведенных Эртом аргументов.

— Тогда кто же совершил это преступление? — спросил Райджер.

— Один из вас троих.

— Но кто именно?

— О, для меня этот вопрос давно решен. Я понял, кто из вас виновен, в ту самую минуту, когда доктор Мендел закончил свой рассказ.

Тальяферро с неприязнью взглянул на толстенького специалиста по изучению внеземных форм жизни. Его не испугали последние слова ученого, но они, судя по всему, произвели сильное впечатление на остальных. У Конеса отвисла челюсть, придав его лицу идиотское выражение, а губы Райджера как-то странно вытянулись в ниточку. Оба они стали похожи на рыб.

— Вы наконец скажете, кто это? — спросил Тальяферро.

Эрт сощурился.

— Во-первых, я хочу, чтобы вы уяснили себе, что самое важное сейчас — это открытие Вильерса. Оно еще может быть восстановлено.

— Черт вас дерит, Эрт, что за чушь вы несете? — с раздражением воскликнул Мендел, еще не забывший нанесенной ему обиды.

— Вполне возможно, что этот человек, прежде чем сфотографировать записи, пробежал их взглядом. Сомневаюсь, хватило ли у него времени и присутствия духа прочесть их, а если он даже и успел их просмотреть, вряд ли он что-либо запомнил, во всяком случае сознательно. Но существует зондирование памяти. Если он бросил хоть один взгляд на записи, их можно будет восстановить.

Присутствующие невольно поежились.

— Вы напрасно так боитесь зондирования,— поспешно продолжал Эрт.— Если его проводят по всем правилам, оно совершенно безопасно, особенно когда человек идет на него добровольно. Причиной вредных последствий является внутреннее сопротивление, своего рода духовный отказ подчиниться. Поэтому, если виновный признается сам и добровольно отдаст себя в мои руки...

В тишине слабо освещенной комнаты неожиданно раздался хохот Тальяферро, которого развеселила примитивность этого психологического трюка.

Реакция Тальяферро привела Эрта в замешательство, и он с искренним недоумением воззрился на него поверх очков.

— Я имею достаточное влияние на полицию и могу устроить, чтобы зондирование не стало достоянием гласности,— сказал он.

— Я не виновен! — зло выкрикнул Райджер.

Конес отрицательно мотнул головой.

Тальяферро хранил презрительное молчание.

— Что ж, тогда придется мне самому указать виновного,— вздохнув, произнес Эрт.— Увы, ничего хорошего из этого не получится. Человек будет травмирован, и возникнет много нежелательных осложнений.

Он теснее прижал к животу руки и пошевелил пальцами.

— Доктор Тальяферро сказал, что пленка была положена на наружный выступ подоконника с целью сокрытия и предохранения от возможных повреждений. В этом я с ним совершенно согласен.

— Благодарю вас,— сухо произнес Тальяферро.

— Однако почему кому-то пришло в голову, что это место является столь безопасным тайником? Явись туда полицейские, они бы несомненно нашли пленку. Фактически она была найдена без их помощи. У кого же мог-

ла возникнуть мысль, что предмет, хранящийся вне помещения, находится в полной безопасности? Только у человека, жившего долгое время на планете, лишенной атмосферы, и свикшегося с тем, что нельзя выйти из закрытого помещения без тщательной подготовки.

Например, если на Луне спрятать какой-нибудь предмет вне Лунного купола, можно считать, что его вряд ли найдут. Люди там редко выходят наружу, да и то с определенной целью, связанной с их работой. Поэтому человек, живший в условиях Луны, чтобы спрятать пленку, мог преодолеть внутреннее сопротивление и, открыв окно, оказаться лицом к лицу со средой, которую он подсознательно воспринимал бы как безвоздушное пространство. «Если какую-нибудь вещь поместить вне жилого помещения, уже одно это обеспечит ее полную сохранность», — такова суть импульса, заставившего преступника положить пленку за окно.

— Доктор Эрт, почему вы заговорили именно о Луне? — сквозь стиснутые зубы спросил Тальяферро.

— О, я упомянул о Луне только в качестве примера, — добродушно пояснил Эрт. — Все, о чем я говорил до сих пор, в равной мере относится к вам троем. А теперь я перехожу к вопросу об умирающей ночи.

Тальяферро нахмурился.

— Вы имеете в виду ту ночь, когда умер Вильерс?

— Я имею в виду любую ночь. Сейчас я вам объясню. Если даже мы допустим, что наружный выступ подоконника действительно является вполне надежным тайником, то кто из вас мог до такой степени потерять всякое ощущение реальности, чтобы признать его таковым для непроявленной пленки? Хочу вам напомнить, что пленка, которую используют в наших микрофотоаппаратах, не обладает большой чувствительностью и рассчитана на то, чтобы ее можно было проявлять в самых разнообразных условиях. Всем нам известно, что рассеянное вечернее освещение не может

нанести ей серьезных повреждений, однако рассеянный дневной свет погубит ее за минуты, а что касается прямых солнечных лучей, то они засветят ее мгновенно.

— Объясните же наконец, Эрт, к чему вы клоните? — прервал его Мендел.

— Не торопите меня! — обиженно воскликнул Эрт.— Я хочу дать вам возможность как следует во всем разобраться. Самым большим желанием преступника было обеспечить полную сохранность пленки, которая в тот момент стала для него бесценным сокровищем, ведь от нее зависело все его будущее — его вклад в мировую науку. Так почему, спрашивается, он положил пленку туда, где ее неизбежно должно было разрушить утреннее солнце?.. Только потому, что, как ему казалось, солнце никогда не взойдет. Он думал, что ночь, образно говоря, бессмертна.

Но ночи на Земле не бессмертны, они умирают и уступают место дню. Даже полярная ночь, которая тянется шесть месяцев, в конце концов умирает. Ночь на Церере длится всего лишь два часа, ночь на Луне — две недели. Это тоже умирающие ночи, и как доктор Тальяферро, так и доктор Райджер знают, что ночь всегда сменяется днем.

— Погодите...— вскочив, начал было Конес.

Уэндел Эрт твердо взглянул ему в глаза.

— Ждать больше незачем, доктор Конес. Меркурий является единственным во всей Солнечной системе небесным телом, которое всегда повернуто к Солнцу одной стороной. Три восьмых его поверхности никогда не освещаются Солнцем, и там царит вечный мрак*. По-

---

* Предлагаемый вниманию читателя рассказ написан в 1956 г., когда еще не были уточнены периоды вращения Меркурия вокруг своей оси и его обращения вокруг Солнца, позже стало известно, что каждая часть поверхности планеты в тот или иной момент времени освещается Солнцем.—
Прим. перев.

лярная обсерватория расположена как раз на границе теневой части планеты. За десять лет своего пребывания на Меркурии вы, доктор Конес, привыкли считать ночь бессмертной. Вам казалось, что погруженная во тьму поверхность планеты будет оставаться такой вечно. И поэтому вы доверили непроявленную пленку земной ночи, забыв от волнения, что эта ночь обречена на смерть...

— Пойдите...— запинаясь, произнес Конес.

Но Эрт был неумолим.

— Мне сегодня рассказали, что в тот миг, когда доктор Мендел повернул рычаг оконного поляризатора, вы вскрикнули при виде солнечного света. Что вас побудило к этому — страх перед меркурианским Солнцем или вы вдруг поняли, как солнечный свет нарушит ваши планы? Вы бросились к окну. Почему? Чтобы вернуть рычаг в исходное положение или чтобы взглянуть на испорченную пленку?

Конес упал на колени.

— Я не хотел этого. Я собирался только поговорить с ним, только поговорить! Но он закричал и потерял сознание. Мне показалось, что он умер. Записи были под подушкой, и все остальное произошло само собой. Одно потянуло за собой другое, и прежде, чем я понял, что делаю, было уже поздно. Клянусь, я не хотел этого.

Они окружили его, а Уэндел Эрт устремил на рыдающего Конеса взгляд, полный глубокой жалости.

После того как уехала карета «скорой помощи», Тальяферро заставил себя заговорить с Менделом.

— Надеюсь, сэр, то, что было здесь сказано, не посеет между нами вражды,— натянуто произнес он.

— Я думаю, всем нам следует забыть о событиях последних суток,— столь же натянуто ответил Мендел.

Когда они, собираясь уходить, уже стояли в дверях,

Уэндел Эрт, склонив голову набок, с улыбкой произнес:

— Мы еще не уточнили вопрос о моем гонораре. От удивления Мендел лишился дара речи.

— Я не имею в виду деньги,— поспешно сказал Эрт.— Я только хочу, чтобы в будущем, когда сконструируют первый рассчитанный на человека аппарат для телепортации, мне позволили совершить путешествие.

— Но до мгновенного перенесения массы в космос пока очень далеко,— еще окончательно не придя в себя, возразил Мендел.

Эрт отрицательно покачал головой.

— Нет-нет, я не имею в виду космическое путешествие. Мне хотелось бы побывать в Лоуерфоллз, что в Нью-Гемпшире.

— По рукам, Эрт, будет сделано. Но почему вы хотите отправиться именно туда?

Эрт вскинул голову. К своему глубочайшему изумлению, Тальяферро увидел на лице специалиста по изучению внеземных форм жизни смущение.

— Когда-то... довольно давно... я ухаживал там за одной девушкой. С тех пор прошло много лет... Но иногда меня мучает вопрос...

Пол Андерсон

Мародер

Мы охраняем Великий Договор, но юное поколение, покоряющее далекие звезды, так часто этого не понимает.

Пер. изд.: Anderson P. The Pirate: в сб. Anderson P. Homeward and Beyond.— New York: Doubleday and Company, Inc., 1975.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

Обычно они пользуются нашими услугами. (Где звездолет «Харпсонг», которого давно ждут в порту прибытия?.. Выдержит ли вновь созданное кибернетическое производство на планете Оазис конкуренцию с фирмами уже обжитых миров?.. Появились бандиты... Что делать со странными существами, на которых мы наткнулись?..) Но стоит нам заступить дорогу и сказать: «Нельзя!» — как в мгновение ока мы становимся корди, то есть врагами.

Типичный в этом смысле случай с мертвой планетой Добрая Удача. Теперь, по прошествии жизни целого поколения, Служба готова предать гласности правду, и я могу рассказать о Майке Тревельяне, Хуане Мердоке, Дымокуре, рыжеволосой Фаустине и всех остальных, а уж вы сами решите, кто прав, а кто — нет.

В те годы Тревельян всегда проводил отпуск на Земле. Ее патриархальность успокаивала натянутые как струны нервы, а приключений ему хватало на других мирах. Благодаря этому Тревельян, естественно, был своим человеком в мозговом центре Службы, если таковой мог быть у организации, действующей по всей Галактике. Вот почему он имел более широкое, чем его многие коллеги, представление о том, как обстоят дела с соблюдением Договора. Тревельяна посвящали в весьма важные секреты.

Подозреваю, что Тревельян старался использовать каждую возможность, чтобы припасть к истокам человечества, так как большую часть жизни ему приходилось проводить под светом чужих солнц. И желание быть верным блюстителем Договора крепло в нем с каждым годом.

Никто не мог назвать Тревельяна педантом. Широкоплечий и черноволосый, с орлиным носом

и глазами цвета морской волны, всегда готовый улыбнуться, одетый по последней моде, он наслаждался всеми радостями жизни, от Баха до кружки пива.

Когда компьютер вызвал Тревельяна для ведения дела Доброй Удачи, тот жил в прекрасной зеленой долине Дордони. Каменный дом его подруги построили в эпоху Средневековья у подножия огромной скалы. Внутренние изменения не коснулись внешнего вида жилища, за долгие годы сросшегося с окружающим пейзажем. Вдоль фасада росли кусты, которые скрывали археологические раскопки охотничьего поселения тех времен, когда ледник покрывал север Европы. Но теперь над головами проносились не дротики, а ракетоплан, следующий из Алжира в Гренландию. А ночью, меж звезд, которых уже достигли люди, проплывали искорки звездолетов, выскальзывающих из тени Земли. На всей планете осталось немного мест, где так остро ощущалась неразрывность времени.

— Разве тебе уже пора? — В голосе Брейганзы Дайен слышалась грусть: она любила Тревельяна, а расставаться им приходилось очень и очень часто.

— К сожалению, я должен идти, — ответил он. — Компьютер не стал бы беспокоить меня ради забавы. Всем известно, какая это здравомыслящая машина. — Увидев, что она не реагирует на его улыбку, Тревельян пояснил: — Компьютер пришел к выводу, что я — единственный свободный сотрудник Службы, имевший дело с неким индивидуумом. Это скользкий тип с острыми зубами, и мой опыт может сыграть решающую роль.

— Будем надеяться, — она подавила слезы и подставила губы для прощального поцелуя, — что ты сможешь добавить... остаток этого отпуска... к следующему и проведешь его со мной. Хорошо?

— С удовольствием,— Тревельян старался никогда не давать обещаний. Он поцеловал Брейганзу и, вдыхая аромат летнего сена, вместе с ней вернулся в дом.

После того как Тревельян попрощался по телефону с соседями, милыми, добродушными крестьянами, чьи предки жили в этих краях с незапамятных времен, Брейганза отвезла его в Бордо. Оттуда ракетоплан доставил Тревельяна в космопорт Невада. Благодаря точному расчету компьютера он мог сразу приступить к работе, а если повезет, даже встретиться в непринужденной обстановке с Хуаном Мердоком.

Так оно и вышло. Солнце катилось к горизонту, окрашивая в пурпур далекие горы. Но город властно отсек Тревельяна от красот природы. Гигантские кубики зданий громоздились над забитыми транспортом улицами. Сквозь гул двигателей прорывались пронзительные крики торговцев. В неистовом сверкании реклам исчезло звездное небо. Люди и инопланетяне толкались, бранились, мошенничали, дрались, воровали, проповедовали, богатели, разорялись, появлялись и исчезали; за этим шумным фасадом скрывалась бьющая через край энергия, которую торговые корабли доставляли с далеких звезд. Тревельян позволил себе лишь короткое «фу», когда его захлестнула лавина невероятных запахов.

Точно такие же города встречались ему на доброй сотне планет. Ему не составило труда навести справки у случайного соседа по стойке бара. В конце концов он нашел человека из команды Мердока и узнал, где проводит вечер сам босс. На этот раз Тревельян попал не в дешевый притон, где глаза слезились от дыма, а в тихий и роскошный Альтаир Хауз.

Старший официант, инопланетянин, не хотел пропускать Тревельяна. Капитан Мердок просил не беспокоить. У него важная встреча. Капитан Мердок имеет право... Тревельян предъявил удостоверение. Оно не давало ему никаких привилегий, но не так давно Служба предотвратила войну на родной планете старшего официанта.

Поднявшись наверх, Тревельян попросил провести его в апартаменты Мердока. Ему сказали, что гость капитана ушел в отличном расположении духа, а Мердок и его дама заказали шампанское.

— Входите, входите! — прогремел знакомый голос.

Дверь скользнула в стену, и Тревельян переступил порог.

— А я думал, это... Клянусь Солнцем! Опять ты! — Мердок поднялся. Постоял среди портьер и картин, сверкающей посуды, тихой музыки, благовоний. Затем кошачьей походкой обогнул стол и вплотную подошел к Тревельяну.

Высокий, широкий в плечах блондин с длинными пшеничными усами на грубом, изборожденном глубокими морщинами лице, он был щегольски одет, хотя столь яркие цвета на Земле уже успели выйти из моды.

Женщина, стройная белокожая красавица с безупречными чертами лица, над которым горела шапка огненно-рыжих волос, осталась сидеть. Тревельян сразу понял, что перед ним не случайная подруга капитана. В ее взгляде он прочел откровенную враждебность.

Тревельян поклонился:

— Прошу извинить, если помешал.

Мердок расхохотался.

— Конечно, конечно, Майк. Ты прощен. Если только не собираешься оставаться надолго.— Он

похлопал Тревельяна по плечу.— Как поживаешь? Сколько мы не виделись?

— Лет пять или шесть.— Тревельян выдавил из себя улыбку.— Простите, что побеспокоил, но, как я понял, вы улетаете послезавтра и в последние двадцать четыре часа у вас будет масса дел.

— Ты прав, приятель,— ответил Мердок.— Это наш прощальный вечер. Однако начался он с деловой встречи: нам надо было решить финансовые вопросы, так что мы можем отложить его еще на несколько минут.— Голос его звучал доброжелательно, но взгляд оставался холодным.— Перейдем к делу, а? Ты же пришел сюда не для того, чтобы пожелать счастливого пути старому другу?

— Не только для этого,— признался Тревельян.

Мердок взял его под руку и подвел к столу.

— Садись, пожалуйста, и выпей с нами. Фаустина, познакомься с Майком Тревельяном из Координационной Службы Звездного Союза.

— Хуан говорил мне о вас,— сухо ответила женщина.

Тревельян сел и постарался расслабить мышцы, чтобы не отвлекать мозг от предстоящей дуэли.

— Надеюсь, нелестными отзывами он не оскорбил слуха дамы.

— Я с Нового Марса,— фыркнула Фаустина.— Там не привыкли говорить с мужчинами и женщинами на разных языках.

«Мог бы и сам догадаться»,— подумал Тревельян. Многие заблуждаются, полагая, что в Галактике осталось не так и мало планет, на которых может жить человек. На самом же деле заселялись уже наименее пригодные для жизни. Он мог себе представить ужасающую нищету Нового Марса и Хуана Мердока — могучего сказочного рыцаря, явив-

шегося, чтобы выволить ее оттуда, посадить на белого коня и отвезти в замок, который он обещал покорить для нее.

— Так уж получилось, что мои представления о долге вошли в противоречие с мнением капитана Мердока о его правах,— сказал Тревельян.

— Я зарабатывал кучу денег на экспорте леса и мехов с Ванахейма,— отрезал Мердок.

— Нарушая при этом экологическое равновесие целого континента,— добавил Тревельян.

— Вы не имели права вмешиваться и заставлять их изменить закон,— не слишком уверенно заявил Мердок. Он сполоснул бокал водой из кувшина и наполнил его шампанским.— Надеюсь, тебя не оскорбит, что из этого бокала пил банкир?

— Переживу.— Тревельян взял бокал.

— Он честно выполнял обязанности наемного солдата...— начала Фаустина.

— Используя современное оружие против примитивнейшей цивилизации, которая не представляла никакой угрозы,— докончил Тревельян.— Подобная практика запрещена. Наряду с уничтожением коренных жителей и первых колонистов.

— Разве ваш драгоценный союз претендует на универсальность своих законов в Космосе?

— Фаустина, остынь,— одернул ее Мердок.

— Союз — не государство,— Тревельян не сводил глаз с женщины,— хотя многие обитаемые планеты поддерживают его. Галактика слишком велика, чтобы управлять ею из одного центра. Но мы считаем себя вправе предупреждать нежелательное развитие событий. В том числе удерживать наших сограждан от дурных поступков.

— Корди никогда не сажали меня за решетку,— ухмыльнулся Мердок.— Они лишь пресекали мою деятельность. Я успевал улизнуть и не оставлял

улик. Так что я не держу на вас зла,— он поднял бокал.— Честно говоря, я благодарен тебе, приятель. Ты показал, что я шел неверным путем. Теперь я нашел способ не только разбогатеть, но и стать при этом столь уважаемым человеком, что никто не посмеет не спросясь рыгнуть в моем присутствии.

Фаустина закурила, выпустив к потолку длинную струю дыма.

— Меня попросили проверить истинность вашего утверждения,— заметил Тревельян.

— Пожалуйста, у меня все честь-честью. Да вам уже все известно. Я раздобыл звездолет — не спрашивайте как — и отправился к созвездию Эридана. Нашел планету, необитаемую, но пригодную для колонизации и представил документы, удостоверяющие мое право первооткрывателя. Инспектор Службы в своем отчете подтвердил, что освоение Доброй Удачи, так я назвал планету, не противоречит закону. И вот я на Земле, собираю команду и необходимое оборудование для подготовительных работ, чтобы обеспечить безопасность поселенцев. Вы помните,— продолжал он назидательным тоном,— проверить наличие опасных организмов и веществ, определить климатические условия, сейсмические характеристики и так далее. По завершении подготовительных работ я начну рекламировать мою планету и организую доставку колонистов. На время действия моего патента мне принадлежит право устанавливать правила въезда на Добрую Удачу. Большинство первооткрывателей взымает с колонистов взнос за доставку. Но я намерен обеспечить им не только межзвездный перелет, но и заранее построенное жилье, дороги, подготовленные поля, чтобы они сразу могли начать трудиться. Поэтому мне потребовалась финансовая поддержка.

— Ваша идея не нова,— предупредил Тре-

вельян.— До сих пор она не приносила дохода. Стоимость поселения столь велика, что среднему иммигранту первый взнос не по карману. Поэтому он остается дома, а горе-первооткрыватель прогорает. В конце концов он радуется, если ему удастся продать построенное за тысячную долю вложенных средств.

— На этот раз все будет иначе,— возразил Мердок.— Я возьму с них минимум, примерно половину суммы, необходимой для покупки земли и обустройства. Они полетят.— Мердок допил содержимое бокала и вновь наполнил его.— Но чем вызван интерес корди? Я же не рассказал тебе ничего нового, вся информация имеется в ваших компьютерах. Раз уж вы решили сунуть нос в мои дела, почему не обратиться ко мне раньше, до завершения подготовки экспедиции?

— Раньше мы не смогли,— с горечью признал Тревельян.— Анализ некоторых фактов закончен лишь вчера. Мы стараемся обеспечить сносные условия жизни по всей Галактике, но на все нас не хватает. Слишком разнообразно...

— Вот и хорошо! — фыркнула Фаустина.

Тревельян бросил на нее мрачный взгляд:

— Будьте осторожны, или в один прекрасный день вы станете жертвой этого разнообразия.

Мердок нахмурился:

— На сегодня достаточно. Мы обговорили все, что могли. Это мой вечер с моей женщиной, а ты, судя по всему, что-то вынюхиваешь. Но перед законом я чист, не так ли? Очень хорошо, выметайся отсюда.

Тревельян напрягся.

— Или доброй ночи, если тебе так больше нравится,— улыбнулся Мердок, решив, что грубостью делу не поможешь.

Тревельян встал, поклонился, вежливо попрощался и вышел. В поведении своего противника он отметил не столько злорадство, сколько желание отомстить за прошлые неудачи.

«Придется принять решительные меры», — подумал Тревельян.

С земной орбиты и из Солнечной системы «Кампесино» выбирался на гравитационных двигателях, а затем нырнул в гиперпространство. Это был мощный звездолет, оснащенный посадочными ботами и всем необходимым для освоения обитаемых планет. Экипаж состоял из Мердока, Фаустины, полудюжины космонавтов и нескольких технарей.

Им вслед вылетел и «Джинджи» — компактный, но быстроходный корабль. Его команда состояла лишь из Тревельяна и гуманоида с непроизносимым именем, значение которого отдаленно соответствовало земному Дымокур. Преследование звездолета в космосе скорее искусство, чем наука, а по существу — чистая магия. В обычном пространстве поиск «Кампесино» не занимал много времени. Тут Тревельяну помогали как телескоп, так и датчики теплового излучения, электромагнитных волн, потока нейтрино, истекающего из гравитационных двигателей. Но в гиперпространстве лишь слабый факел тахионов выдавал местоположение корабля. Да и Мердок наверняка не забыл включить детекторы звездолета.

Благодаря мастерству и удаче пилота «Джинджи» мог оставаться на пределе чувствительности, не выдавая своего присутствия. Но только в том случае, когда его скорость была больше, а масса значительно меньше, чем у преследуемого звездолета. Поэтому все

вооружение «Джинджи» состояло из одного лазера, двух крупнокалиберных электродинамических ускорителей массы и полудюжины метровых управляемых ракет с ядерными боеголовками. И Тревельян несколько не сомневался, что люди Мердока вооружены куда как основательнее.

Долгие часы провел Тревельян у обзорного экрана, не отрывая взгляда от звездных блесков, рассыпанных по черному бархату, всем телом ощущая мерное гудение двигателей.

— Думаю, мы его накрыли.— Тревельян указал на приборы. Его охватило ликование охотника, выследившего добычу.— Куда они летят, еще не ясно, но только не к созвездию Эридана.

— Возможно, им уже известно о нашем присутствии, поэтому они могут отклониться от курса и напасть на нас,— бесстрастным механическим голосом ответил Дымокур.

— Мы идем на риск,— согласился Тревельян,— но на Мердока это не похоже. Он ведет жесткую борьбу, но я не слышал, чтобы он решался на заведомое убийство.

— Наша информация о событиях его жизни отрывочна, и мы не знаем, чего от него можно ждать. Более того, проведенный компьютером анализ показывает, что он собрал весьма разношерстную компанию.

— М-м-м, да, сплошь отчаянный народ, ни одного уроженца Земли, несколько представителей гуманоидных цивилизаций, славящихся своей воинственностью. Это, собственно, и встревожило нас.

— Что еще? Мы вылетели столь поспешно, что я не успел изучить материалы дела. В частности, мне незнакомы биологические и социальные особенности человеческого общества.

Тревельян взглянул на своего спутника. Директор Службы постарался найти лучшего из агентов, но Австралийский центр никогда не мог похвастать избыт-

ком инопланетян. Homo sapiens отличались взрывным характером, и долгое пребывание двоих людей в замкнутом пространстве маленького звездолета могло привести к тому, что в какой-то момент они вцепятся друг другу в глотку. Но даже когда агенты обнаруживали склонность к совместимости, Служба предпочитала комплектовать экипажи из представителей разных цивилизаций. При физической совместимости различия в психологии и способностях часто позволяли создавать команды, отдача которых превосходила возможности каждого из агентов, действуй те в одиночку.

К сожалению, Тревельян никогда не встречался с обитателями планеты Ридон. Он слышал о них, но космос полон жизнью, и трудно даже запомнить названия всех населенных планет, не то что повидаться с их обитателями.

Бочкообразное, на четырех коротких ногах, тело Дымокура поднималось над полом примерно на сто сорок сантиметров. Сверху извивалась четверка щупальцев, каждое из них оканчивалось тремя бескостными пальцами, обладавшими мертвой хваткой. Голова более всего напоминала венчик мясистых голубых лепестков, поверхность которых выполняла функции органов чувств. И все же по-своему Дымокур был красив. Тревельян с удовольствием наблюдал перламутровые переливы его складчатого торса.

— Подозрительно уже само участие Мердока. Вероятно, он решил готовиться к полету на Земле, а не на какой-нибудь колонизованной планете, где его не знали, чтобы не привлекать внимания.

— С другой стороны,— возразил Дымокур,— коммерческие экспедиции крайне редко формируются на Земле.

— Но средний землянин в отличие от среднего колониста совершенно не интересуется этими делами. Большая часть населения Земли не жалуется космо-

порты и старается их избегать. Поэтому именно здесь Мердок мог без лишнего шума получить необходимую финансовую поддержку. Не надо забывать, что Земля по-прежнему является главным банкиром человечества на всех планетах. И наконец, хотя донесения и отчеты сотрудников Службы поступают в компьютерный центр со всей Галактики, поток информации столь велик, что Мердок мог повернуть эту авантюру и скрыться до того, как машина заметила бы его.

— Что же обеспокоило Службу? Состав команды Мердока?

— Не только. Надо сказать, никого не удивила экономическая сторона проекта. Без сомнения, его готовый город был бы не чем иным, как скопищем лачуг, но при этом он не нарушал закона. А покупать бы его дома никто не стал, кроме нескольких простаков, первыми попавшихся на крючок.

— Но Службу насторожило приобретенное Мердоком снаряжение,— продолжал Тревельян.— Весьма подробный отчет по Доброй Удаче позволял с достаточной уверенностью предсказать, какое оборудование потребуется для ее освоения. Планета меньше Земли, климат холоднее, суше, слой атмосферы тоньше. Добрая Удача имеет магнитное поле и обращается вокруг менее горячей звезды. Следовательно, должна обладать меньшим радиационным фоном.

— Снаряжение зависело от того, кто заселит Добрую Удачу,— заметил Дымокур.

— Конечно. Мердок решил, что это будут люди. Разумеется, не земляне. Но жители других, освоенных человеком миров. За редким исключением, мы не сможем узнать, кто и когда отправится на Добрую Удачу. Для этого нас слишком мало, да и у нас полно других забот. А местным властям все равно. Они рады-радешеньки избавиться от лишних ртов. Кроме того, большинство колонистов — анархисты по натуре. Они

не терпят вмешательства государственных органов в свои дела. И вот какие у нас возникли вопросы. Почему он не берет оборудования для поиска воды, бурения скважин, взрывчатых веществ для создания озер? Зачем ему датчики радиации и защитные скафандры? Закупленная им биологическая лаборатория не могла потребоваться на Доброй Удаче. Она предназначалась для изучения иных форм жизни. Я мог бы продолжить, но основная идея вам уже понятна.

— А теперь он изменил курс.— Дымокур оглядел приборную панель.— Повернул к созвездию Скорпиона.

— Да? Вы рассчитали курс без компьютера?.. Беда в том, что нет закона, предписывающего ему сразу лететь к месту назначения или сообщить нам, почему он выбрал круглой путь.— Тревельян улыбнулся уголками губ.— В то же время закон не запрещает нам преследовать его.

В пятистах двадцати восьми световых годах от Солнца чернота космоса озарилась яростной вспышкой.

Тревельян размышлял над философскими проблемами, слушал музыку, делал зарядку, коротая дни, сливающиеся в недели. Дымокур был хорошим попутчиком, но никудышным собеседником. На вопрос, чем он занимается, Дымокур, непрерывно шевеля переплетающимися щупальцами, ответил:

— Я создаю свою очередную жизнь. В вашем языке нет соответствующего понятия.

Сияние еще недавно блеклой голубой звезды насторожило Тревельяна. Вцепившись в ручки кресла, он вглядывался в обзорный экран. По мере того как «Джинджи» миновал фронт ударной волны, яркость звезды все нарастала. Сияние заполнило весь экран, прежде чем Тревельян воскликнул:

— Сверхновая!

Сверхновая пламенела в ночи, светясь в пятьдесят

раз ярче, чем Луна в полнолуние, в десять миллионов раз сильнее, чем ближайшая звезда. Хотя фильтры приглушали слепящую белизну, Тревельяну пришлось отвести взгляд, потому что у него перед глазами запрямигали огненные зайчики.

По полу зацокали когти вошедшего ридонита. Тревельян уловил внезапное дуновение воздуха и понял, что Дымокур поражен увиденным так же, как и он сам. Возможно, последующей фразой ридонит попытался скрыть изумление.

— Да, сверхновая второго типа, если увиденное мною соответствует теории. Как показывает статистика, подобные вспышки происходят в среднем раз в пятьдесят лет. Проводилось изучение остатков некоторых из них, но ни одна вспышка не наблюдалась со столь близкого расстояния.

— Мы уже прошли фронт ударной волны,— прошептал Тревельян. Его трясло.— Мердок летит к сверхновой?

— Вероятно. Курс его звездолета не изменился.

— Это не совпадение. Должно быть, он забрался далеко, чтобы найти удачу, которую корди не смогут вырвать из его зубов. Давайте посмотрим, что показывают приборы.

Каждый корабль Службы оснащался астрофизической лабораторией, и компьютер не замедлил с ответом. Звезда находилась в ста пятидесяти парсеках, то есть умерла почти пять столетий назад. Это был голубой гигант с массой, раз в десять превосходящей Солнце, излучавший почти в пятьдесят тысяч раз больше света. Но скопления в созвездии Скорпиона скрывали ее от земных астрономов прошлого, а их нынешние коллеги еще не успели добраться до этих мест.

Столь неистовое сияние не могло продолжаться миллионы лет. Неустойчивое состояние звезды привело к формированию мощной ударной волны, двинувшейся

через оболочку звезды к ее поверхности. Наблюдаемая ими вспышка сверхновой представляла собой разлет звезды. При этом выделялась энергия, равная суммарному излучению всей Галактики.

Вполне естественно, что вспышка могла длиться лишь несколько дней. И пока «Джинджи» пожирал световые годы, Тревелиян любовался угасанием огненного великолепия. Постепенно обзорный экран заволочла дымка. Из оторвавшейся оболочки звезды образовывалась туманность, насыщенная ядрами тяжелых элементов, которым в будущем предстояло сыграть решающую роль в формировании новых звезд и планет. Приборы обнаружили и ядро звезды, раскаленное добела, излучающее в рентгеновском диапазоне, смертельное для всего живого. Но оно быстро сжималось под действием собственной чудовищной гравитации до размеров белого карлика, Юпитера, Земли. Плотность ядра все нарастала, и близился момент, когда ничто, даже свет, не смог бы выбраться из ее объятий. И тогда бывшая сверхновая исчезла бы из пространства.

— Он не сообщил о вспышке! — сердито воскликнул Тревелиян.— Мы потеряли информацию о приближающейся ударной волне.

— Давайте немедленно вернемся, — предложил ридонит.

— Ну... нет, полагаю, что нет. Если мы упустим Мердока, кто знает, каким злодеянием закончится его экспедиция. Будут и другие сверхновые.

— Его цель нам уже достаточно ясна.

— Что? — Тревелиян чуть не выронил трубку.

— Взгляните на фотоувеличительный дисплей и вот сюда,— шупальцы скользнули по приборной панели.— Я говорю о звезде класса G3, находящейся на расстоянии в сто световых лет от сверхновой. Расчеты показывают, что в момент вспышки она была еще ближе. Курс наблюдаемого нами объекта и траектория движе-

ния звезды пересекаются. Вполне возможно, что полет закончится в точке пересечения.

— Но... Нет! — запротестовал Тревельян. — Что ему там нужно?

— Доза радиации, полученная каждой планетой меньшей звезды за период вспышки сверхновой, составляла тысячи рентген. Атмосфера и магнитное поле могли обеспечить частичную защиту, но неизбежность биологической катастрофы очевидна. Низшие формы могли выжить, в частности растения и обитатели моря. Затем возникла бы новая экологическая структура, без сомнения нестабильная, имеющая высокую степень мутаций, но стремящаяся к равновесию. Возможно, что в настоящее время наличие радионуклидов на поверхности планет потребует применения специальных мер предосторожности. Но в целом, если вокруг меньшей звезды вращается гипотетическая планета, пригодная для использования человечеством и моим народом, она будет весьма схожа с Землей и Ридоном. Могу добавить, что подобные катаклизмы многократно вызывали уничтожение высших форм жизни, в том числе, насколько мне известно, и на вашей родной планете.

Бесстрастный голос ридонита едва доносился до Тревельяна. Его охватил ужас.

Желтая точка превратилась в диск, чересчур яркий для невооруженного глаза. Туманность, образовавшаяся при вспышке сверхновой, находилась от них в тридцати парсеках, став лишь маленьким пятнышком среди окружающих созвездий. На черном бархате космоса вновь засиял Млечный Путь. И требовалось богатое воображение, чтобы представить, как бушевали небеса четыре столетия назад. Не было ничего необычного ни в параметрах межпланетного

пространства, фиксируемых приборами, ни в наличии семи планет, вращающихся вокруг желтой звезды.

Но Тревельян знал, что первое впечатление обманчиво. Каждая планета всегда по-своему уникальна, а третья из семи, привлекающая его внимание, напоминала Землю.

Он ограничился лишь визуальными средствами наблюдения. Детекторы «Кампесино» могли обнаружить лазерные лучи и автоматы. Мердок вывел свой звездолет из гиперпространства в нескольких миллионах километров от планеты. Его преследователи повторили тот же маневр. А затем, чтобы не обнаружить себя потоком нейтрино, выключили двигатели, перейдя на питание от аккумуляторов.

— Наблюдаемый объект приблизился к атмосфере планеты земного типа,— объявил Дымокур.

— Меня это не удивляет.— Тревельян оторвался от компьютера.— Ее можно считать второй Землей. Состав атмосферы, радиационный фон, диаметр, масса практически одинаковы. Вокруг планеты на близком расстоянии обращаются две луны, поэтому рисунок приливов довольно сложный, но океанам не грозит загнивание. Один оборот — за двадцать восемь часов, наклон оси к плоскости орбиты — двенадцать градусов. Средняя температура — чуть выше земной, полярных шапок нет, поверхность суши несколько меньше, климат мягкий. Короче, если не считать зон повышенной остаточной радиации, идеальное местечко.

— Возможны экологические осложнения,— заметил ридонит.

Тревельян вздрогнул.

— Черт, могли бы не напоминать об этом,— нахмурившись, он откинулся в кресле.— Что делать с Мердоком, вот в чем вопрос? Пока закон не нарушен, если не считать того, что Мердок не зарегистрировал найденную планету. Но мы, вероятно, не сможем до-

казать, что он бывал здесь раньше, а не появился случайно, изменив курс звездолета. Кроме того, подобное правонарушение весьма тривиально.

— Разве нет способов заставить человека говорить правду?

— Разумеется, есть. Электронное зондирование мозга. Но для этого требуется согласие индивидуума. Поэтому способ применяется лишь для подтверждения честности свидетелей обвинения. Получается, что он ни в чем не виновен.

— Давайте доложим Службе. Сюда пошлют специальную экспедицию.

— Служба слишком далеко. А что он успеет здесь натворить? Разумеется... гм... если Мердок не подозревает о нашем присутствии, он может действовать не спеша, тем самым предоставив нам...

— Наблюдаемый объект выключил двигатели.

— Что? — Тревельян выпрыгнул из кресла.

Поток нейтрино в космосе довольно велик, но компьютер «Джинджи» позволял выделить из общего фона долю частиц, истекающих из двигателя. Теперь приборы показывали, что эта доля равнялась нулю.

— Он садится на аккумуляторах, планирует в атмосфере! — воскликнул Тревельян.— К тому времени, когда мы войдем в пределы чувствительности других средств поиска, он может оказаться где угодно.

Тон Дымокура не изменился, но рубку заполнил едкий запах, и лепестки над бочкообразным туловищем зашевелились.

— Вероятно, он уверен, что на поверхности планеты мы его не найдем. Мы не обнаружили источника атомной энергии, а значит, засечь его невозможно. Получается, он стремится сбить со следа именно нас.

— Да.— Тревельян прошелся по крохотной рубке.— Мы предполагали, что он заметит нас, тем более что мое появление в космопорте не могло не насто-

рожить его. Но почему он так недвусмысленно сообщает нам об этом?

— У моего народа послание прежде всего говорит о характере отправителя.

— Совершенно согласен с вами.— Тревельян продолжал кружить по рубке.— Но чего добивается от нас Мердок? Выбор наш невелик. Мы можем сразу вернуться или сначала приземлиться и осмотреть планету.

— Второй вариант ненамного увеличит временной интервал до нашего возвращения.

— В этом-то вся загвоздка, мой друг! Ближайшая база Службы, где мы могли бы подготовить поисковую экспедицию, расположена, если я не ошибаюсь, на Лире, а они, скорее всего, полностью поглощены делом Королевы Штормов. Колонизованные же планеты находятся гораздо ближе. И на них полно людей, которые с радостью кинутся сюда в надежде разбогатеть. Тем более что при этом у них появится шанс насолить корди.

— К тому же,— добавил Дымокур,— у нас нет достаточных аргументов, чтобы обосновать необходимость экспедиции. Сверхновая — да. Это научная сенсация. Но мы предлагаем лететь к вроде бы обитаемой планете. С какой стати командир базы, которому не известно прошлое Мердока, особенно если командир базы нечеловек, согласится с тем, что Мердок намерен нарушить закон? Он может не уловить взаимосвязи прошлых деяний Мердока с происходящим. Скорее он решит, что Мердок вот-вот попросит послать инспекционный патруль, чтобы затем подать документы для оформления права первооткрывателя.

Тревельян кивнул. Нас очень мало, нас, хранителей Великого Договора. И сколь часто нам приходится не обращать внимания на улики, возможно указывающие на злой умысел, лишь потому, что мы идем по

верному следу другого чудовища. Или мы узнаем о дурном деле, которое следовало пресечь в самом зародыше, но по прошествии времени наше вмешательство может лишь усугубить беду. Мы всегда помним о планете Норт, где высадились и начали успешно строить новую жизнь колонисты с Земли. А потом на Норте обнаружили разумных существ. Нам повезло, что в том случае, пусть и ценой невероятных усилий, удалось найти взаимоприемлемое решение.

— Хочет ли Мердок, чтобы мы вернулись и подняли тревогу, не имея доказательств для немедленного принятия ответных мер? — осведомился Дымкур и сам же ответил. — Это правдоподобно. Надо учитывать, что до прилета на Землю он побывал в Федерации Миров Скорпиона и знает, как обстоят дела там. Он наверняка уверен в том, что мы не получим помощи на Лире.

— Мы можем... Мы даже можем реквизировать гражданские звездолеты с экипажем... если на этой планете окажутся разумные обитатели. На основании закона о недопустимости территориальных захватов. Или Мердок может просто ограбить их.

— Маловероятно, что там кто-нибудь выжил.

— Согласен. Но если они мертвы...

Тревелиян не договорил. Он смотрел на обзорный экран. Планета светилась ласковой голубизной. Она росла с каждой минутой. «Кампесино» мог легко затеряться на ее необъятных просторах. Его команда готовилась к приему незваных гостей. У Мердока было больше людей, лучшее вооружение. Но Тревелияну не хотелось верить, что тот замыслил убийство. С другой стороны, от Фаустины можно было ожидать чего угодно, и на звездолете она была единственной женщиной...

Решение созрело.

— Будем садиться, — сказал Тревелиян.

Они приближались осторожно, не упуская из виду ни одной мелочи, готовые к любой неожиданности. Облетая планету по низкой орбите, они убедились, что их догадка верна.

Это был обитаемый мир. Но все жители его погибли. Свидетельств того, что кто-то пережил катастрофу, они не обнаружили. Цивилизация могла рухнуть под напором массовой смерти, паники, анархии, голода. Но тогда одичавшие потомки горожан могли бы селиться в деревнях. Детекторы «Джинджи» зарегистрировали бы тепло, поднимающееся от их костров. Кроме того, могло начаться возрождение цивилизации. Космическая радиация не причинила вреда домам, инструментам, машинам, книгам. Она уничтожила лишь живое.

На обзорном экране в просвете между облаками проступили высокие здания, построенные на берегу озера.

— Густонаселенная зона,— заметил Тревельян.— Значит, у них были развитые сельское хозяйство и транспортная сеть — по крайней мере в наиболее развитых регионах. Я вижу железнодорожные пути и остатки автострад. Полагаю, начальная стадия технического развития, двигатели внутреннего сгорания, возможно, ограниченное использование электричества... В отличие от большинства цивилизаций, достигших аналогичного уровня техники, они сохранили в себе чувство прекрасного,— Тревельян старался отогнать эти мысли. Лишь оставаясь бесстрастным, он мог сдержать слезы.

— Только ли радиация вызвала их гибель? — спросил Дымокур. Он-то без труда сохранял невозмутимость.— Они могли найти укрытие.

— Возможно, они ничего не знали о радиоактивности. Или выживших осталось слишком мало, их разбросало по планете, а мутации довершили дело. Так или иначе, они погибли... Стойте!

Пальцы Тревельяна заплясали по пультау управления. «Джинджи» дернулся, подался назад, замер.

Наличие атмосферы затрудняло визуальные наблюдения, но лазеры, радары и компьютерная обработка информации позволяли получить полную картину. Город находился на острове, посреди широкой реки, и, связанный с материком лишь несколькими мостами, не утонул в океане растительности. Те же деревья и кустарники, что успели-таки вырасти на улицах, были в основном срублены, и срублены недавно. Работы выполняли машины, две из которых раскорячились на центральной площади. По внешнему виду Тревельян безошибочно определил, что их изготовили на Земле. С десятков готовых рухнуть зданий взорвали, обломки сгребли в большие кучи. Сильный электрический фон указывал на то, что в городе монтировали мощную энергетическую установку.

— Мердок! — словно ругательство, выкрикнул Тревельян.

— Вы можете определить местонахождение его корабля? — спросил ридонит.

— Нет. Заметив наше приближение, он, должно быть, как следует замаскировал его. Возможно, Мердок надеется, что мы не обнаружим следов его деятельности, или еще раз решил посмеяться над нами. Как я погляжу, после приземления он не терял даром ни минуты. А место для посадки он нашел, когда прилетал сюда в первый раз.

«Джинджи» вновь поплыл над планетой. Ридонит молчал. Облака, моря, закаты, рассветы занимали половину обзорного экрана, на другой сияли звезды.

— Жителей не осталось, — промолвил наконец Дымокур. — Реликты их цивилизации имеют ограниченный научный интерес. Достаточно ли у нас оснований срочно направить сюда вооруженный звездолет, которого наверняка с нетерпением ждут где-то еще,

с тем чтобы остановить Мердока?

— Допустим, достаточно... я так же, как и вы, еще не уверен в этом, но, допустим, достаточно... Смогут ли они остановить его? — Тревельян склонился над пультом управления. Загудели двигатели.— Приготовьтесь к посадке,— предупредил он.

Тревельян выбрал город, где только занималась заря, чтобы максимально использовать световой день. От набережной в изумрудно-бирюзовую бухту выдавалась длинная дамба, построенная, судя по показаниям сонара, из напряженного бетона, такая же прочная, как и четыреста лет назад. Он приземлился на дамбе и, выйдя из корабля, направился к берегу. Гравитележка доставила бы его гораздо быстрее, но ему хотелось вжиться в роль тех, кто ходил здесь до него. «Джинджи», готовый к немедленному взлету, остался позади, возвышаясь, словно медный обелиск.

Безопасность окружающей среды не волновала его. Мердок наверняка провел все анализы. Оставалось лишь уточнить некоторые детали. К примеру, какие из привезенных злаков будут расти здесь лучше всего.

«Наверно, любые»,— решил Тревельян. Планета щедра и плодородна. Без сомнения, до катастрофы она была еще прекраснее, но и теперь радовала глаз. А природа быстро залечивала нанесенные ей раны.

Бухта блестела и плескалась меж золотисто-зеленых холмов.

За бухтой открывался океан. Спускаясь вниз, Тревельян заметил обширные мелководья, густо заселенные растениями и морской живностью. Но воздух не рассекали крылья птиц. Большинство, если не все, позвоночные животные погибли. Зато низшие формы пережили катастрофу. Насекомые или им подобные парили на тончайших радужных мембранах. Серебрис-

тые рыбы выпрыгивали из воды. Ветер нес запах соли, йода, жизни.

Над головой проплывали редкие облака, голубоватые в пронзительной синеве неба. Где-то далеко, невидимая днем, находилась сверхновая. «Роковая звезда», — подумал Тревельян содрогнувшись. Как мало знали земные астрономы древности о бедах, которые несет названное ими явление!

Но Тревельян опустился на планету в солнечный, мирный, прохладный день. Вздохнув, он двинулся к берегу, оглядываясь по сторонам. Суда затонули или уплыли, сорвавшись с прогнивших канатов. Сквозь прозрачную воду виднелись те, что лежали на небольшой глубине. Благородные обводы парусников не удивляли его, обитатели планеты не могли сделать их иными. Носовую часть кораблей украшали бронзовые фигуры, в позеленевших изъеденных коррозией остатках которых угадывались цветы, крылья, языки пламени, свободные и парящие формы. Большое судно выкинуло на берег. У него был железный корпус и, судя по трубе, паровой двигатель. Но строители позаботились о том, чтобы на волнах оно напоминало танцовщицу.

Тревельян приблизился к пристани. Деревянные складские помещения разрушились, кое-где заросли лианами. Но он мог себе представить, как некогда вздымались к небу их куполообразные крыши. Стрелу проржавевшего механизма, по всей видимости — подъемного крана, украшала голова смешного зверька.

Их искусство не смотрелось бы на фотографиях. Свобода линий и легкость форм — вот что вызывало учащенное биение сердца. Никогда раньше не видел Тревельян ничего подобного. И двуногие обитатели планеты с тонкими изящными шестипалыми руками, длинными шеями и большеклювыми головами казались ему живыми. Он чуть ли не слышал, как шуршат на

ветру их каменные плащи.

По пути в город он находил их кости.

Пожиратели падали почти не потревожили тел. Пыль, принесенная ветром, осела на мостовой, стала почвой. В нее упали семена, выбросили хрупкие корни, в конце концов сокрушившие бетон и кирпич. Кусты и лианы устлали мостовую и полезли вверх по стенам. Но растительность наступала медленно. Спешить ей было некуда. Она заняла прибрежные кварталы города и продвигалась дальше, выбросив вперед, как с грустной улыбкой подумал Тревельян, своих разведчиков и саперов.

Вдоль улиц выстроились гранитные, мраморные и каменные здания, исхлестанные дождями, выжженные солнцем, иссеченные ветром. Лишь редкие побеги затеняли их силуэты. Как и горельеф на стенах, здания взмывали ввысь, буквально рвались к небесам. Украшенные колоннами, баллюстрадами, широкими окнами, некоторые из них еще сохранили краску, смягчавшую строгость линий.

Тревельяна озадачило отсутствие парков и садов. Судя по всему, обитатели планеты любили и берегли природу. В отделке зданий преобладал растительный орнамент. Но в то же время обитатели этих жилищ не были людьми, и требовалось немало времени, чтобы постичь их психологию. Возможно, они наслаждались контрастом произведений искусства и открытых пространств. В таком городе жизнь была в радость. Даже в ущерб экономике местные жители стремились уберечь воздух и воду от шума, грязи, ядовитых выбросов. Им, конечно, повезло, что дома не требовали обогрева. Насколько уяснил Тревельян, заводы располагались вне городских пределов, соединенные железными дорогами. Достигнутый уровень техники позволял строить автомобили, но их не было. Зато Тревельян обнаружил кости крупных четвероногих животных, использовав-

шихся в качестве гужевой силы, и остовы транспортных средств с примитивными электрическими двигателями. Хотя четыреста прошедших лет не позволяли судить однозначно, создавалось впечатление, что, несмотря на бурное развитие техники, обитателям планеты удавалось свести к минимуму загрязнение окружающей среды. Они будто предвидели экологические проблемы и заранее предпринимали необходимые меры. Тревельяну очень хотелось бы знать, соответствовали ли действительности его представления.

Но жители планеты не были святыми. Ему встречались статуи и потускневшие фрески, запечатлевшие сражения. Дважды над подписями, которые он не мог прочитать, Тревельян видел статую существа в лохмотьях, срывающего с себя цепи. Это означало, что кто-то заковал его в них. Но чаще он проходил мимо изображений, которые можно было истолковать как любовь, нежность, работу, учение, радость открытия, наслаждение жизнью.

Во дворах он видел высохшие бассейны и фонтаны, в некоторых домах были лифты. Тревельян отметил, что в цилиндрические шахты с широкими спиральными лестницами легко впишутся гравитационные подъемники. Внутри зданий фрески почти не изменились, и от яркости красок у него даже полегчало на душе. Тем не менее, не будучи суеверным, он постучал, прежде чем открыть первую дверь.

Двери сдвигались или складывались, не было ни замков, ни защелок. Жилища опустели четыреста лет назад. Ткани сгнили, металл проржавел, штукатурка осыпалась, на всем лежал толстый, многосантиметровый слой пыли. Но люди могли бы воспользоваться здешней мебелью, так как физически почти не отличались от жителей планеты. Стоило почистить и подремонтировать дома, подвести воду, принести, если надо, керосиновую лампу и походный примус — владельцы

квартир, похоже, не готовили пищу дома,— обтянуть кресла, диваны, кровати, положить ковры на искусно выложенные мозаичные полы — и вопрос с жильем был бы решен. А затем смонтированные энергетические установки позволили бы превратить планету в истинный рай.

Но первым делом, несомненно, пришлось бы избавиться от этих картин, газет, загадочных инструментов, уставленных книгами полок. Такое соседство навело бы слишком грустные мысли.

Обходя квартиру за квартирой, Тревельян изредка наткнулся на скелет. Или эти индивидуумы умерли мгновенно, как увиденные им на улице, или хотели уединиться в свой последний час. Один из них лежал на кушетке с книгой. В двух квартирах Тревельян нашел маленькие скелеты, прикрытые большим. Понимала ли мать, что смерть идет с неба? Да, она видела ее в вышине, неистовую в раскаленной белизне. Вероятно, она знала, что смерть грозит отовсюду, но ею руководил инстинкт Ниобы.

Когда Тревельян обнаружил склеп, он понял, что еще не раз увидит ту же картину. Ему стало ясно, как ушли из жизни местные жители. Самые слабые умерли сразу, у остальных началась лучевая болезнь. У людей она вызывала тошноту, рвоту, выпадение волос, внутренние кровоизлияния, слабость, лихорадку и беспамятство. Без сомнения, те же симптомы проявлялись и у обитателей планеты.

Снаружи виднелись остатки наскоро сложенных угольных печей. Их трубы подавали окись азота в герметично закрытое помещение. Кости и ржавое оружие, лежащие рядом, говорили о том, что кочегары выполнили свой долг и покончили с собой. Дверь была деревянной, и Тревельяну удалось вышибить ее. За ней громоздились скелеты взрослых и детей, игрушки, чаши, знамена, музыкальные инструменты. «Не знаю,

что они делали на этом празднике,— думал Тревельян,— но, если бы нам, людям, хватило мужества, мы бы сказали детям, что в этом году карнавал начался раньше».

Он вышел на яркий солнечный свет. Мимо пролетела бабочка, прекраснее тех, что порхали на Земле.

«Бог дал и бог взял,— вспомнилось Тревельяну изречение из древней книги.— Я не стану благословлять имя божье. Но я запомню. О да, я запомню».

Он не успел дойти до центра города, как послышался все нарастающий рев. Подняв голову, Тревельян увидел над крышами сверкающую громадину «Кампесино», планирующего над городом. Пролетев между ним и солнцем, звездолет на мгновение прикрыл Тревельяна своей тенью.

Он укрылся в подъезде. Рука упала на рукоять бластера. Мрачно улыбаясь, Тревельян включил миниатюрный радиопередатчик, лежавший в нагрудном кармане.

— Эй, корди! — раздался голос Мердока.— Отвечайте!

«Джинджи» не откликнулся. Содрогая воздух, «Кампесино» завис на гравитационных двигателях над поверхностью планеты.

— Эй, вы! — ревел Мердок.— Мы засекали ваши тахионы на полпути. Мы нашли место вашей посадки по потоку нейтрино. И не прикидывайтесь, что где-то неподалеку вас ждет подмога. Вы одни, и мы отлично видим вас в прицеле лазера. Но сначала я хочу поговорить с вами.

Ему ответило молчание. Тревельян чувствовал, что покрылся потом. Он не мог предсказать, что предпримет Мердок.

— Думаю, внутри никого нет,— донесся из радио-

приемника чей-то приглушенный голос.— Наверно, осматривают город.

— Возможно,— согласился Мердок.— Странно, что они бросили корабль.

— Ловушка?

— Ну... Как знать. На корди это не похоже, но надо держать ухо востро.

Тревелиян предпочитал, чтобы «Кампесино» сел где-нибудь подальше и его орудия не угрожали «Джинджи». Поэтому он решил ускорить события — вышел из подъезда, достал бластер и нажал на курок. Над городом прокатилось эхо выстрела. Запахло озоном.

— Смотрите! Внизу! Эй, ты нас слышишь?

Да, он слышал, но не собирался сообщать об этом Мердоку и его компании. Тем самым он получал небольшое преимущество, а в борьбе с металлическим монстром, зависшим над городом, могла сгодиться каждая мелочь. Тревелиян направился к центру, к просторной площади, которую заметил еще при посадке.

А экипаж звездолета, посоветовавшись, приступил к действиям. Из открывшегося люка выскользнул двухместный бот. Ракет на нем явно не было. От него, видно, требовалось лишь кружить возле «Джинджи» и поднять тревогу, заметив что-либо подозрительное. На месте Мердока Тревелиян поступил бы точно так же. А «Кампесино», взревев, скрылся за высокими домами. И тут же дрогнула мостовая, донесся тягучий гул: звездолет опустился на поверхность планеты.

Тревелиян ускорил шаг. Случайно его нога задела череп. С сухим стуком тот откатился к бордюру. «Извините,— подумал Тревелиян.— Вы когда-то ходили по этой улице, любовались залитыми солнцем фасадами, дышали, думали. А вокруг бурлил город, полный друзей, любви, музыки, развлечений... Смея-

лись ли вы? Возможно, скоро я присоединюсь к вам»;— вздохнул Тревельян.

Он вышел на вымощенную плитами прямоугольную площадь. Пробивающаяся трава пыталась растащить плиты, но дожди четырех столетий не смогли смыть желобки, протоптанные многими поколениями. Площадь окружали приземистые здания. В трех из них сохранились остатки многоцветных витражей. Перед одним распростерлось несколько скелетов. Посреди площади возвышался «Кампесино».

Полдюжины людей и выходцев с других планет ждали его с оружием в руках. Похоже, они не собирались шутить. Мердок и Фаустина стояли рядом. Их черные комбинезоны были расшиты серебром.

— Майк! — прогремел Мердок и захохотал, откинув голову.— На другое я и не рассчитывал.

— Кто еще с тобой? — спросила Фаустина.

Тревельян пожал плечами.

— А кто с вами? — ответил он вопросом на вопрос.

— Мы видели твою посудину,— продолжил Мердок.— Мы решили, что ты откажешься подняться к нам, опасаясь угодить под замок, поэтому я вышел тебе навстречу.— Он указал на сверкающий звездолет.— Все орудия наготове.

Тревельяну удалось улыбнуться.

— Разве вам кто-то угрожает, Хуан? — мягко спросил он.

Мердок мигнул.

— Но... ты же преследовал меня с самой Земли...

— Отнюдь,— возразил Тревельян.— Космос открыт для всех. Координационная Служба проводит расследования там, где это возможно, но ее агентам запрещено применять силу, за исключением самых крайних случаев. Вам известно об этом не хуже меня.

Люди Мердока переминались с ноги на ногу, тихонько переговариваясь, стреляли глазами по сторо-

нам. Тревельян чувствовал, что им тревожно.

— К примеру,— добавил он,— вы нарушили закон, не сообщив об открытии планеты...

— Мы только что открыли ее! — выкрикнула Фаустина. На ее белокожем лице выступили пятна румянца. Кулаки сжались. Какое-то мгновение Тревельян не сводил с нее взгляда, с состраданием думая: «Она боится, что я отниму ее триумф, ее шанс загрести кучу денег и навсегда вырваться из пут нищеты». И тут же в его голове звякнул колокольчик: «Берегись! У агрессивной человеческой личности страх порождает жестокость».

— Пожалуйста, дайте мне договорить. Ни меня, ни Службу не интересуют столь мелкие правонарушения. Они случаются по сотне раз на год и обычно ничего не значат. Необходимость заставила Службу придерживаться древнего принципа, гласящего, что закон не должен размениваться по пустякам.

Фаустина отступила назад, ноздри ее гневно раздувались, но она явно была сбита с толку. Лицо Мердока даже не дрогнуло.

— Продолжай,— сказал он.

— Вы совершили более серьезное преступление, уничтожив материалы, представляющие научную ценность,— говорил Тревельян дружелюбно, сопровождая свои слова легкой улыбкой.— Я имею в виду тот город на острове. Но планета хранит несметные биологические и археологические сокровища, так что мы готовы закрыть глаза на ваш проступок, классифицировав его как простительный энтузиазм дилетантов. Вы оказали неоценимую услугу цивилизации, открыв для нее эту планету. К вашему сведению, агент Службы моего ранга имеет право даровать амнистию за несущественные правонарушения. Если хотите, я сегодня же оформлю необходимые документы и напишу представление о награждении вас медалью По-

лярной Звезды.

Он протянул руку.

— Не волнуйтесь. Давайте выпьем за встречу и вместе полетим обратно.

Мердок не захотел пожать протянутую руку. Он стоял, не сводя глаз с Тревельяна, тишина становилась все более гнетущей.

— Ты это серьезно? — наконец пробормотал он.

Игра в кошки-мышки закончилась. В голосе Тревельяна зазвучали стальные нотки.

— Это честное предложение. У вас еще есть Добрая Удача, так что на жизнь вам хватит. Довольствуйтесь малым.

— Добрая Удача? — воскликнула Фаустина. — Какой же ты идиот! Это и есть Добрая Удача! — Ее рука описала полный круг.

— Я надеялся на обратное, — тихо ответил Тревельян.

— И что, по-твоему, я замыслил? — спросил Мердок.

— Ответ очевиден. — Тревельян пожал плечами. — Вы открыли эту планету и, естественно, задумались, как снять сливки. Вы не могли получить патент первооткрывателя, потому что Союз не разрешил бы колонизации планеты до завершения научных исследований. Учитывая отдаленность от обжитых миров, недостаток персонала и огромный объем работ, эти исследования затянулись бы лет на сто. Я даже думаю, что одно-два десятилетия мы будем держать в секрете координаты планеты, чтобы не допустить сюда любителей старины. А за это время ученые смогут наладить охрану.

— Ученые! — взвизгнула Фаустина.

Мердок сжал ей руку, призывая к спокойствию, но по-прежнему не сводил взгляда с лица Тревельяна.

— Какая, однако, возможность сколотить состоя-

ние! — продолжал координатор. — Предложить прекрасные, полностью обставленные жилища сотням миллионов людей, причем за цену, доступную обычному колонисту. Вы могли бы стать одним из богатейших людей за всю историю человечества. Ну, а затем вы отправились бы на поиски планеты, колонизация которой не вызвала бы у нас возражений. Вам не подвернулось ничего необычного. Планета как планета, не хуже других, уже заселенных, но необитаемая. И люди стали бы вам платить, потому что вы гарантировали жилье, дороги, готовые к севу поля по приемлемой для них цене. Некоторых вы действительно доставили бы на тот, забытый богом мир. Особенно если рядом случайно оказался бы кто-нибудь из моих коллег. Вы потеряли бы на них деньги. Но это не имело значения, потому что большинство переселенцев вы привезли бы сюда, где целые города достались вам практически даром. Они написали бы домой. Возможно, вам пришлось бы слегка откорректировать восторженные письма, чтобы мы, корди, не пронюхали о вашей аванюре раньше, чем следовало. Скорее всего, мы бы долго оставались в неведении, потому что у нас полно неотложных дел и во всей Галактике найдется не так уж много людей, готовых оказать нам реальную помощь. Я уверен, что несколько лет все у вас шло бы спокойно, а уж затем несоответствия стали бы столь вопиющими, что нам пришлось бы вмешаться.

— И что бы вы предприняли? — спросил Мердок.

— Ничего, — ответил Тревельян. — Разве мы смогли бы переселить тысячи, а то и миллионы мужчин, женщин и детей, приехавших по доброй воле, обрадованных светлой жизнью, пустивших корни, растящих новое поколение? Это было бы невозможно политически, морально и даже физически. Они защищали бы свои дома, а мы не могли бы сравнивать их с землей, не так ли?

Вы должны были бы поплатиться за содеянное, разумеется теоретически, конфискацией имущества и тюремным заключением. На практике же вы заставили бы нас платить слишком высокую цену за то, чтобы добраться до вас и ваших денег. Вы создали бы колониальное государство и утвердили конституцию, провозглашающую вас отцом-основателем и пожизненным президентом Доброй Удачи. И колонисты сражались бы за вас, как за себя. Поэтому, чтобы не нарушать собственного запрета на агрессивные войны, Союзу не оставалось бы ничего другого, как смириться со случившимся ради того, чтобы спасти оставшиеся научные и культурные ценности.

Тревельян замолчал. В горле у него пересохло, на плечи навалилась усталость, хотелось курить, но под дулами бластеров он не решался лезть в карман за трубкой.

Мердок кивнул.

— Да, ты прав,— он хохотнул.— Благодарю за титул отца-основателя. Сам как-то не додумался до этого. Теперь все стало на свои места.

— Но знаете ли, я не могу этого допустить,— добавил Тревельян.

— Почему же? — с искренним удивлением спросил Мердок.— Что тебя тут поразило? Обычная планета, заваленная костями. Я сожалею о том, что произошло, но мертвые от этого не оживут. Да какая разница: одним народом меньше, одним больше. В Галактике их миллионы. Чему мы можем научиться у них? Ты что, надеешься найти технические достижения или формы искусства, которые позволят цивилизации совершить гигантский скачок? Но ты же прекрасно понимаешь, сколь ничтожен этот шанс. А на других планетах полным-полно бедняков, жаждущих лучшей жизни.

— В должное время планета будет открыта для

заселения.

— Когда оно придет, это время? И сколько людей умрет в нищете, вместо того чтобы строить новую жизнь?

— Новорожденные приходят на смену иммигрантам. Так что в конечном результате срок переселения не имеет большого значения.

— Забудем о конечном результате и подумаем о плоти и крови живущих.

Тревельян не смог сдержать гнева.

— Хватит демагогии, Мердок. Вы такой же альтруист, как и боевой лазер.

— А ты,— фыркнула Фаустина,— ты — машина. Мне не терпится разобрать тебя на части.

— Подожди-подожди,— одернул ее Мердок.— Успокойся, мы еще не договорили.

На мгновение его взгляд уперся в землю, затем вернулся к лицу Тревельяна.

— Я обрисую тебе ситуацию. Когда мы заметили слезку, то решили вести тебя за собой, потому что после обнаружения сверхновой сюда повалили бы ученые и кто-то еще мог найти нашу Добрую Удачу. Ты мог бы повернуть назад без посадки. Сделай ты это, мы полетели бы на ближайшие заселенные людьми планеты, набрали бы добровольцев и перевезли их сюда бесплатно. И обосновались бы на Доброй Удаче до того, как ты успел бы растормозить свою Службу. И тогда она ничего бы с нами не поделала.

— Я догадывался о вашем плане,— ответил Тревельян,— и по пути назад собирался облететь все населенные миры Скорпиона, чтобы объявить, не уточняя местоположения Доброй Удачи, что ее заселение запрещено. Сознательное нарушение запрета послужило бы оправданием нашему вмешательству и насильственному вывозу колонистов. Служба должна поддерживать свой авторитет.

— С чего ты взял, что вернешься назад? — Ухмылка Фаустины источала ненависть.

— Успокойся,— повторил Мердок и, обращаясь к Тревелиану добавил: — Я надеялся, что ты приземлишься, и не ошибся. Мы помахали перед тобой красной тряпкой — и ты тут как тут. Видишь ли, я знал, что твой корабль вооружен хуже моего. Теперь ты у меня в руках.

— Что вы собираетесь делать со мной? — спросил координатор.

— Ну, честно говоря, кое-кто из моих парней... гм... жаждет крови, но я не вижу смысла в твоём убийстве. Я бы этого не хотел. Для корди ты славный малый, Майк. На Земле не знают, куда мы полетели. Возвращаться туда я не собираюсь, все мои дела там улажены. Если меня когда-нибудь спросят, я отвечу, что даже не подозревал о преследовании. Возможно, я еще воспользуюсь твоим кораблем, чтобы пустить корди по ложному следу.

Мердок сиял.

— Вот что я тебе скажу, Майк. Давай-ка найдем тебе красивый остров посреди океана. Мы оставим тебе инструменты и припасы, покажем, что можно есть из местных растений. Всем известно, что вы, корди, в душе философы. Ты, должно быть, обрадуешься, получив несколько лет на размышления. Если захочешь, я постараюсь прислать тебе женщину. А потом сам отвезу тебя в космопорт, который мы намерены построить. По-моему, это честное предложение.

Тревелиан вздохнул полной грудью.

— Правильно ли я вас понял? Вы хотите задержать меня, чтобы я не мог доложить Службе об этом деле?

— Тебе еще повезло,— бросила Фаустина.— Но, раз у Хуана такая нежная душа, ты все понял правильно.

— Вы осознаете, что ваши действия являются серьезными нарушениями прав личности? — спросил Тревельян.— Неужели вы решитесь помешать должностному лицу Союза в выполнении его обязанностей?

Мердок побагровел:

— Чтоб они провалились, твои обязанности!

— Я требую позволить мне вернуться к звездолету и беспрепятственно взлететь с планеты.

Фаустина фыркнула.

— Вы не согласны? — удивился Тревельян. Он ждал, но в ответ лишь легкий ветерок прошелестел листвою.— Хорошо. Теперь я могу показать при зондировании мозга, что вы виноваты в попытке совершения преступления, а имеющихся улик достаточно для вашего ареста. Вы пойдете со мной добровольно?

— Ты в своем уме? — воскликнул Мердок.

— Ваше сопротивление аресту,— продолжал Тревельян,— вынуждает меня применить силу.

Охрана Мердока потянулась к бластерам. Фаустина зашипела. Достал оружие и сам капитан.

А Тревельян скрестил руки на груди.

— Если бы моя Служба не уважала ваших прав, грош цена была бы такой цивилизации. Но цивилизация должна защищать себя. Я признаю, что отвлек вас от моего напарника,— он услышал приглушенные проклятья,— но едва ли вы сможете сказать, что я завлек вас в западню. Он здесь, под крышей одного из зданий, на гравитационной платформе с аккумуляторными батареями, вооруженный несколькими ракетами с ядерными зарядами. Микрофон в моем кармане позволяет ему слушать нашу беседу. Если вы не сдадитесь, он уничтожит вас.

Тревельян не обращал внимания на крики охранников. Он не отрывал взгляда от их предводителей.

Мердок вытащил передатчик, чтобы отдать приказ тем, кто оставался на борту «Кампесино».

— Покажи им, что ты здесь, Дымокур,— негромко произнес Тревельян.

Никто не увидел, откуда вылетела торпеда. Слишком велика была ее скорость. Мгновенно небо полыхнуло пурпуром адского огня. Ударная волна едва не сбила всех с ног, ревом отдалась в ушах. Подпрыгнули кости, лежащие перед храмом.

— Чересчур близко.— Во рту Тревельяна появился металлический привкус.— Нам потребуются антирадиационные уколы. Я думаю, вы согласитесь, Хуан, что следующий выстрел может прийти прямо в нас. А потом мой ридонит без труда разделается с вашими наблюдателями.

— Ты тоже умрешь,— прохрипел Мердок.

— Я не хочу умирать, но на карту поставлено нечто большее, чем мои желания.

Фаустина выскользнула из-за Мердока,хватила из его руки бластер и направила дуло в живот Тревельяну.

«О-о-о,— мысленно простонал тот.— Я ведь совсем не герой. Но жители этой планеты смогли сохранить мужество, когда на них обрушился бессмысленный гнев небес».

— Я убью тебя сама! — крикнула Фаустина.

Тревельян мог выбить оружие из ее рук. Но другие набросились бы на него. Поэтому он лишь встретился с ней взглядом. По щекам Фаустины катились слезы.

— Если вы это сделаете, мой напарник уничтожит вас.

Мердок вырвал у нее бластер. Она попыталась вцепиться в него, но ударом кулака главарь сшиб ее с ног. Он тяжело дышал, лицо блестело от пота.

— Чего ты хочешь?

— Если вы знакомы с психологией ридонитов,— взгляд Мердока подсказал Тревельяну, что тот по-

нимает, о чем идет речь,— то должны знать, что Дымокур без зазрения совести прикончит меня вместе с вами. Однако он полагает, что это — нежелательный исход. Так же, как и разрушение прекрасной площади. Давайте найдем более приемлемое решение.

— Я же спросил, чего ты хочешь, дьявол!

— Вернуться к моему кораблю. Дымокур будет следить за мной по радио. При малейшем подозрении он откроет огонь. На самый худший случай ему придется взорвать оба звездолета и надеяться, что планету откроет кто-то еще, уважающий память ее мертвых. Я прилечу на площадь, заберу Дымокура и немедленно покину планету. Можете не беспокоиться, я не причиню вам вреда. Взлетев первым и имея более быстрый звездолет, я доберусь до ближайших обитаемых миров раньше вас и объявлю, что заселение Доброй Удачи запрещено. Вряд ли кто решится последовать за вами, зная, что вскоре в небе могут появиться боевые корабли. Вам я советую найти укромное местечко и не высываться понапрасну.

Раз за разом кулак Мердока ударял в открытую ладонь. В мгновение ока он постарел на десяток лет.

Но затем на его лице вновь появилась улыбка.

— Ты выиграл и этот раунд, Майк,— сказал он.— Я сам провожу тебя. Возьми,— он протянул Тревельяну свой бластер. Координатор взял оружие.

Фаустина села. По ее скуле расплывался синяк от удара Мердока. Она переводила взгляд с одного мужчины на другого — заплаканное, побитое, загнанное в тупик дитя.

— Но почему? — взмолилась она.— Почему мы не можем получить патент? Мы же нашли для тебя сверхновую... Ты... ты все погубил... ради... двух-трех сотен ученых... и их любопытства.

Тревельян склонился над Фаустиной, одной рукой сжал обе ее руки, а другой широким жестом указал

на храм.

— Нет,— мягко сказал он.— Ради них. Разве у них нет этого права? Кто-то должен узнать и понять этот народ, чтобы мы никогда не забыли о нем.

Но она не поняла. Мы охраняем Великий Договор, сердцевину цивилизации, общества, самой жизни: неписанный закон для живых, мертвых и не родившихся на свет, призывающий их прилагать все силы, но оставаться единым целым в неразрывности времен. Стоит пренебречь им — и жизнь станет бессмысленной. Но молодые поколения так часто не хотят этого понимать.

Герд Прокоп

Смерть «бессмертных»

1 Брукер отлично знал, с кем имеет дело. Да кому и знать, как не ему. Поэтому он не стал сулить Тимоти баснословные гонорары.

«Мне сообщили,— гласила его голограмма,— что никакие деньги не соблазнят Вас посетить меня. В то же время я сам почти не покидаю Арлингтон и ни при каких обстоятельствах не смогу в настоящее время прибыть в Чикаго. Но мне необходимо с вами погово-

---

Печатается по изд.: Прокоп Г. Смерть «бессмертных»: Пер. с нем.: *Природа и человек* (1982, № 7, 8), с испр.— Пер. изд.: Prokop G. Der Tod der Unsterblichen: в сб. Prokop G. Wer stiehlt schon Unterschenkel? — Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1978.

© перевод на русский язык, «*Природа и человек*», 1982.

© Verlag Das Neue Berlin, Berlin 1977

ритель. Вот мое предложение: Вы получите за визит ящик «Шато Нёф дю Пап» урожая 1982 года. Стоит ли объяснять, сколь непросто было мне решиться на такой шаг. Итак, когда мне ждать Вас? Дайте знать Паттону. Мой вертолет в Вашем распоряжении».

Тимоти сравнил контрольную частоту, последовавшую за голограммой, с данными, которые ему передал секретарь Брукера.

Все совпадало.

Черт возьми, что могло понадобиться от него Брукеру? У «Юнайтед кемикэл» собственная «фирменная» полиция, целая свора детективов, и стоит Брукеру шевельнуть мизинцем, как перед ним по стойке «смирно» вытянется не только вся полиция штата Индиана, но и само ФБР.

Тимоти попытался припомнить, какое из его дел могло бы заинтересовать Брукера, но ничего определенного не вспомнил, да и вообще в таком случае Брукер скорее всего прислал бы к нему одного из своих служащих. Тимоти еще раз проверил голограмму, но никакой другой информации не обнаружил и позвонил Джошуа Треверсу.

— Меня желает видеть Сэмюел С. Брукер,— сказал Тимоти.— Старик не скупится: предлагает целый ящик «Шато Нёф дю Пап» 1982 года.

— Я помогу тебе выпить его, Тини.

— О'кэй. Что нового в «Юнайтед»?

— На прошлой неделе Брукеру нанес визит президент...

— Это меня не интересует. Какие неприятности могут быть у большого босса?

— Понятия не имею. Спор с синдикатами «Юнайтед» завершила, а кроме того...

— В чем там было дело? — заинтересовался Тимоти.— Ну, с синдикатами?

— Все уже в прошлом. «Юнайтед» потребовала от

химических трестов введения новых транспортных тарифов. Те ни в какую. Но вчера подписали соглашение — после того, как с полдюжины автопоездов взлетело на воздух.

— Что еще?

— Совсем недавно умер компаньон Брукера, Веверлей. Рак крови.

— От этого умирают тысячи людей. А что насчет частной жизни?

— Брукер женат в пятый раз, на прошлогодней королеве красоты; от первого брака у него сын, Чарльз Бенедикт, он же наследный принц, и две дочери — двойняшки от третьего брака. Замок в Арлингтоне...

— Настоящий замок?

— Представь себе. Его дед выписал этот замок из Шотландии незадолго до Изоляции. Тебе стоило бы побывать там, замок великолепен.

— Похоже, у меня не остается другого выбора, — простонал Тимоти. — Ты знаешь, где меня искать в случае исчезновения. И будьте добрее к «Наполеону». Он этого заслуживает.

Треверс рассмеялся:

— Ты так боишься покинуть свое гнездышко... Нет, это просто дико. Если кому-то всерьез захочется прикончить тебя, ты и в своем небоскребе не спасешься. Поезжай в Арлингтон. Говорят, у Брукера — искусственный климат, как нигде в Штатах.

2 На замок действительно стоило посмотреть. Тимоти уселся поудобнее, когда вертолет пробил молочное полушарие климатосферы, накрывшей имение Брукера. В прозрачном воздухе старинный красный кирпич живописно смотрелся на фоне пышной зелени. Замок возвышался посреди огромного английского парка, обнесенного округлым защитным валом, который

сверху оттеняло сероватое мерцание, характерное для области соприкосновения климатосферы с земными сооружениями. Тимоти попросил секретаря Брукера облететь вокруг замка.

— Кто знает, представится ли мне еще возможность полюбоваться такой красотой?

Паттон нажал кнопку, и автопилот вывел вертолет на круговой вираж. Тимоти отметил безучастный вид Паттона. За все время полета он не произнес ни слова, если не считать «добрый день» в момент встречи на авиастоянке «Небраски». Он даже не попросил Тимоти показать опознавательный жетон. Но это понятно: Тимоти Тракля ни с кем не спутать и не подделать. Вертолет завершил третий круг вокруг замка и пошел на посадку. Тимоти ожидал, что вот-вот в дверях покажется дворецкий в шикарной ливрее. Но — нигде ни души. Все вокруг словно вымерло, только из одной трубы тянулось вверх тонкая струйка дыма. Вертолет ускорило движение и ринулся на замок. Тимоти невольно схватился за подлокотники, но, заметив улыбку на губах Паттона, сразу расслабился. Стена вместе с окнами и орнаментом сдвинулась в сторону и исчезла за мощной боковой башней, что позволило им влететь в громадный ангар, где рядом с еще одним вертолетом стояли два турбовинтовых самолета. И здесь ни души. К вертолету подкатил автомат и четырьмя руками-зажимами открыл люк. Паттон повел Тимоти к лифту. Все стенки лифта были зеркальными, так что даже самый небольшой предмет не остался бы здесь незамеченным. «Выходит, Брукер даже в собственном замке кого-то боится», — улыбнулся про себя Тимоти.

И вот они с Паттоном оказались в огромном зале, обставленном в чисто шотландском стиле. Даже камин был настоящим, и дрова в нем потрескивали настоящие. Тимоти уселся в одно из кресел и принялся разглядывать обстановку, но не успел он толком рассмотреть

и одну стену, как появился Брукер. Он приближался к Тимоти с широко распростертыми объятиями, словно намеревался его обнять. Но Тимоти, казалось, так и врос в кресло и ограничился пожатием руки.

— Я рад вашему приезду, мистер Тракль,— проговорил Брукер.

А у Тимоти был такой вид, будто ничего необычного в том, что его принимает один из могущественнейших людей Соединенных Штатов, он не видит. За Брукером в зал вошел слуга, и впрямь облаченный в старинную ливрею, которая как нельзя лучше сочеталась с охотничьим костюмом Брукера. Тимоти не преминул отметить принадлежность костюмов к началу XVIII века.

— Второй половине — поправил его Брукер.— Для полноты картины здесь не хватает моих гончих, но я оставил их в соседней комнате. Мне известно, что вы не любите собак. Зато, надеюсь, стаканчик виски придется вам по вкусу.

Слуга подкатил тележку, и Тимоти вынужден был признать, что никогда прежде не видел более полного набора столь изысканных марок.

— Вы, полагаю, не станете возражать, если мы обслужим себя сами,— предложил Брукер.— Мне хочется поговорить с вами с глазу на глаз.

Тимоти усмехнулся.

— «С глазу на глаз» — хорошо сказано! А как насчет телеглаз? — он кивнул в сторону стены, где за старинным оружием, щитами, гербами и шпалерами могли прятаться десятки звукозаписывающих устройств и телекамер.

— Если я говорю «с глазу на глаз», значит, я именно это и имею в виду,— улыбнулся Брукер.— Тут все в моей власти. И даже правительству незачем слышать, о чем здесь говорят.

Тимоти кивнул. Разумеется. Посмей только кто-то воспротивиться желаниям Брукера, и он тут же будет

вышвырнут вон. Не исключено, что среди больших боссов существует негласный договор о полной неприкосновенности их жилищ. Тимоти долго выбирал, пока не остановился на тридцатилетнем «Блэк энд уайт».

— У меня появились проблемы, мистер Тракль,— сказал Брукер.

— Виски у вас превосходное. Вот где я хотел бы провести отпуск! — как бы между прочим заметил Тимоти.— Поставить на травку удобное кресло и слушать, как перешептываются деревья. Еще бы голубое небо — и прямо идиллия в духе Тернера. Вы никогда не испытываете тоски по прошлому?

Брукер поднял рюмку:

— Отпуск можете провести у меня. И голубое небо получите. Фирма «Эрланкол» гарантирует любой цвет.— Заметив, что название фирмы ничего не сказала Тимоти, он пояснил: — У них есть новое средство, позволяющее раскрашивать пограничный слой между климатосферой и общей атмосферой. От сияющей летней голубизны до серенького неба дождливой поздней осени.

— И дождю вы можете приказать сеять с вашего искусственного неба, когда пожелаете?

— Нет, дождя у нас никогда не бывает,— покачал головой Брукер.

— Грустно жить под небом, с которого не упадет и капли дождя,— сказал Тимоти.— Я люблю дождь. В нем ощущаешь дыхание природы.

Тут Брукер расхохотался.

— Рассмотрев эту каплю под современным микроскопом, вы не стали бы так утверждать. Человеку свойственно питать иллюзии. Ведь все еще есть люди, которые, отправляясь на прогулку, верят, что идут подышать свежим воздухом. Если вам в самом деле захочется подышать свежим воздухом, мистер Тракль, примите мое предложение и проведите отпуск в Ар-

лингтоне. Под голубым небом, у которого, кстати говоря, есть еще и то неоценимое преимущество, что оно гарантирует защиту от нежелательных гостей.

— Тем не менее в лифте у вас зеркальные стены,— ухмыльнулся Тимоти.— И чем же я могу оплатить этот сказочный отпуск?

Брукер сразу посуровел:

— Найдите моего убийцу.

— Прежде чем он убьет вас, конечно,— добавил Тимоти.— Было покушение?

— Десятки раз,— кивнул Брукер.— Но не эти случаи меня беспокоят. К такой жизни я привык. Такова цена власти. Мы не нравимся многим. Всему этому плесу, цветным, левым, да мало ли кому!

— Не забывайте и о ваших милых конкурентах.

— Два месяца назад умер мой компаньон.

— Да, знаю, Веверлей. Рак крови.

Брукер сглотнул слюну:

— Позавчера умер мой второй компаньон: Джон П. Ллойд.

Тимоти не скрыл удивления.

— Мы пока держим это в тайне. Криминалисты считают, что так им легче вести расследование. Но, боюсь, они ничего не обнаружат.

— От чего он умер?

— Официально причиной смерти тоже будет объявлено белокровие. Негоже, когда распространяются слухи о том, что людей нашего уровня убивают. Никакого рака крови у них не было. Их убили. Но как? Все разводят руками: и мои люди, и сыщики из полиции штата, и даже эксперты ФБР. Вот я и заключил, что теперь очередь за мной. Вы должны мне помочь!

— Почему вы думаете, что именно я в силах помочь вам?

— Потому что вы, как мне сообщили, один из лучших, если вообще не лучший детектив Штатов. Вдо-

бавок вы независимы. Мало кто в нашей стране может похвастаться тем же.

— Вы преувеличиваете...

— Разве вы состоите и на официальной службе?

— Нет-нет, моя зависимость иного плана. Я завишу от своего «Наполеона» и от... Но это уже иная тема.

Брукер не стал вдаваться в расспросы.

— Можно ли чувствовать себя в безопасности,— возмутился он,— если оказалось возможным убить Веверлея и Ллойда? Насчет Веверлея: поначалу я даже поверил, будто у него рак крови. Но теперь! Мы с Ллойдом перепроверили наши системы охраны и усилили их. Тем не менее Ллойд мертв. Убит в собственном доме. Убит, уверяю вас. В своей собственной Внутренней Империи! Ни один человек не может приблизиться к нам без нашего согласия, никто из нас не ест и не пьет ничего, пока этого не отведает кто-то другой, не говоря уже об автоматическом контроле и постоянном наблюдении за всеми, кто имеет с нами дело. Казалось бы, невозможно убить одного из нас, однако Веверлей и Ллойд убиты. И никаких следов убийцы. Нет даже гипотезы о том, как это могло произойти.

В изнеможении он откинулся на спинку стула и вытер пот со лба.

— Кто предоставит мне информацию? — спросил Тимоти.

— Паттон. Вы будете поддерживать контакт только с ним. Паттон в свою очередь единственный человек, который знает о вашем поручении. Он сообщит вам все, что нужно. Официально он будет запрашивать необходимые сведения от моего имени, так что здесь сложностей не предвидится. Через него вы можете пользоваться Центральным компьютером и помощью любых правительственных учреждений. Все это — к вашим услугам! Спасите меня!

Тимоти посмотрел Брукеру в глаза. «Это действи-

тельно страх,— подумал он.— Смертельный страх!» Но должен ли он, в сущности, спасти Брукера? Разве Брукер так уж нужен человечеству? Несколько секунд он наслаждался мыслью, что в его власти сейчас казнить и миловать. Но трезво рассудив, понял, что ничего изменить не в силах. На место старика Брукера сядет его сын, еще несколько кресел поменяют своих хозяев, а в остальном все останется по-прежнему.

— Можете во всем положиться на Паттона,— сказал Брукер.— С ним же договоритесь о деталях, в том числе и о гонораре. В случае успеха будет удовлетворено любое ваше требование.

— Один вопрос, сэръ Генри,— сказал Тимоти.— А почему, собственно, вы так доверяете Паттону?

— Он единственный человек, который только выиграет, если я проживу как можно дольше. Он просто дрожит за мою жизнь.

— Еще один вопрос: почему вы уверены, что Веверлей и Ллойд убиты, если, как вы говорите, полиция и медики признали рак крови и нет никаких следов совершенного преступления?

— Все это не совсем так. Полиция... А-а, пусть Паттон вам объяснит это. Могу ли я быть уверен, что все, о чем вы услышите, останется в тайне?

— Вы мой клиент,— сказал Тимоти,— и в соблюдении полной тайны можете не сомневаться. По отношению к любому лицу. Говоря *любому*, я именно это и подразумеваю.

Брукер вызвал Паттона и напомнил ему о предельной откровенности во взаимоотношениях с Тимоти. Затем проводил последнего до двери:

— Желаю вам успеха, мистер Тракль.

3 Паттон держался сдержанно, с достоинством. Он отвечал на вопросы Тимоти, но и только. Зато притащил в его квартиру гору бумаг и документов, которые Тимоти не удостоил и взгляда. Он без обиняков спросил Паттона:

— Объясните-ка мне сначала, почему, черт побери, оба старых господина не могли умереть своей смертью? Извините меня, но в таком возрасте рак — вполне естественная болезнь. Лет им было предостаточно.

Паттон кивнул:

— Ллойду восемьдесят два, а Веверлею восемьдесят шесть.

— Почтенный возраст. В каком состоянии их нашли?

— Каждого в своем кабинете, умершим от удушья, с признаками рака крови.

— Что же, как известно, и при раке крови можно умереть от удушья. От этого никто не застрахован. И кто знает, случится это сегодня или завтра. Порой вся болезнь длится не дольше недели.

— Веверлей и Ллойд умерли не от рака крови. Несмотря на вирусы, обнаруженные в их крови. Ни Веверлей, ни Ллойд *не могли* умереть от рака.

Тимоти по-детски удивленно посмотрел на Паттона.

— Они члены «Клуба бессмертных»,— сказал Паттон.

— Чего, тысяча чертей?

— «Клуба бессмертных»,— на сей раз Паттон не скрыл улыбки.— Да, так они себя называют. Я сам узнал об этом случайно, но Брукер приказал быть с вами откровенным.

Тимоти вытянулся на диване и сплел пальцы рук на животе.

— Ну, тогда выкладывайте, что вам известно, молодой человек!

— Это, конечно, преувеличение,— начал Паттон.—

Само собой разумеется, они не бессмертны. Но они сговорились прожить как можно дольше. И действительно — кому это дано, если не им? Может быть, вы слышали о громком скандале в начале века, после которого боссы большой химии встречаются ежегодно, с какой бы яростью они целый год не боролись друг против друга? На одной из таких встреч они договорились о взаимопомощи в случае заболевания одного из них. Идея исходила от Фимлея из «Интерхима». У него был рак легких, но он узнал, что у «Юнайтед» есть спасительное средство, которое фирма до поры до времени не выпускала на рынок. Ни для кого не тайна, что три четверти всех открытий и изобретений на первое время исчезает в стальных сейфах, а некоторые из них — навсегда; кому это и знать, как не промышленным магнатам. Фимлей предложил не скрывать друг от друга сделанных открытий. Он, к примеру, мог предложить лекарство против атеросклероза... Так и основали клуб. Веверлей и Ллойд тоже были его членами. Так что они никак не могли умереть от рака крови.

— Вы еще скажете, будто есть средство против рака крови?

Паттон только пожал плечами.

Тимоти вспомнил о клиниках, которые в последние годы вдруг словно грибы начали вырастать повсюду. Десятки, сотни тысяч людей проводили в них последние месяцы и даже годы жизни, надеясь найти исцеление. Не иначе, это безумно прибыльное дело, не то эти клиники не появились бы на свет божий. Он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

— Не думаю, чтобы я мог помочь Брукеру,— сказал он несколько погодя.

Паттона его слова привели в смятение.

— Я понимаю, о чем вы сейчас подумали,— проговорил он с грустью,— но я прошу вас, попытайтесь

все-таки...

— Мне очень жаль, однако я не вижу ни малейшей ниточки, за которую мог бы ухватиться.

— Но вы не ознакомились даже с документами...

— Передайте от меня вашему поразительному мистеру Брукеру привет, скажите, что я весьма сожалею...

— Прошу вас,— взмолился Паттон и положил на стол перед Тимоти коробочку с кристаллами.— Ознакомьтесь хотя бы с этим. Может быть, тогда вы подскажете полиции какой-нибудь ход...

— Черт побери! Что в случае удачи можете выиграть лично вы?

— Все,— прошептал Паттон.— Прошу вас...

— Тогда выкладывайте все начистоту.

Паттон покачал головой. Он смотрел не на Тимоти, а на «Наполеона», в чреве которого мигала сигнальная лампочка. Тимоти наблюдал за Паттоном. Когда тот поймал на себе его взгляд, он повернулся в кресле так, чтобы Тимоти видел лишь его профиль, и закрыл глаза.

— Я умоляю вас, мистер Тракль,— проговорил он едва слышно,— сделайте все, что в ваших силах. Может быть, я смогу...

— Ладно уж,— пробормотал Тимоти.— Так и быть, посмотрю, что вы там принесли. Но только ради ваших грустных голубых глаз. И не называйте меня больше мистер Тракль. Для вас я Тини.

Паттон с жаром схватил руку Тимоти и пожал ее.

— Меня зовут Гарольд.

— О'кэй, Гарольд, с чего мы начнем?

4 Паттон приходил каждое утро в девять с минутами и приносил не только документы и ответы на вопросы, которые накануне задавал Тимоти, но и корзинку с бутылками. Тимоти прикинул, что, если в ближайшее

время не удастся довести это дело до конца, придется использовать под винный погреб еще одну комнату. Но сам в эти дни почти не пил.

Смог давил на Чикаго. Хотя квартира Тимоти и находилась над грязно-желтой пеленой, которая даже в полдень редко опускалась ниже семьсотпятидесятого этажа, пелена отражала солнечные лучи и жар полз вверх по панелям небоскреба. Тимоти тратил уйму денег на дополнительные климатические регуляторы, но температура в квартире ниже тридцати градусов по Цельсию не опускалась. С тоской вспоминал Тимоти прохладный парк под искусственным небом имени Брукера. «Надо еще благодарить судьбу,— говорил он себе,— что доводится жить не ниже и не вынужден ходить по кипящим от жары улицам города».

Каждые полчаса они принимали воздушный душ. Тимоти опасался, как бы не перегрелся «Наполеон», и дал указание все расчеты вести с помощью Центрального компьютера. Но после того, как «Наполеон» при одном из побочных расчетов наткнулся на ошибку Центрального, Тимоти поручил ему проверять каждое выданное решение.

Тимоти предельно загрузил работой «Наполеона», Паттона, правительственных кибернетиков, ФБР, не жалел он и себя, однако ничего толком не нашел. На пятый день после обеда они с Паттоном попробовали подвести черту. Результат оказался удручающим. Паттон сидел с видом человека, которому зачитали его смертный приговор. Если верить результатам проведенного расследования, ни о каком убийстве не могло быть и речи.

И Веверлей, и Ллойд умерли от удушья, в их легких не оказалось кислорода. Но почему?

Тимоти вынужден был признать, что никогда прежде не сталкивался со столь удивительными данными вскрытия: абсолютно исключалось, что к этому моменту

Ллойд или Веверлей были чем-то больны. Правда, в их крови обнаружены вирусы рака. Но когда умер Ллойд, федеральная полиция по указанию Брукера перепроверила результаты вскрытия, и выяснилось, что вирусы попали в кровь уже после смерти, после того как он задохнулся. Яды и действие пилюль исключались, не говоря уже о том, что ни Ллойд, ни Веверлей не применили бы никакого лекарства без строжайшей проверки этого средства, без испытания его на других и данные эти двое суток хранились бы в сейфе. Исключалось также, что у них неожиданно отказали сердце или легкие. Не вдыхали они и вместо привычной воздушной смеси другой, бедный кислородом газ. Климатические устройства работали без перебоев. Трудно вспомнить, когда еще расследование обстоятельств смерти велось столь дотошно. Патологоанатомы, делавшие вскрытие, были готовы поклясться, что и Веверлей, и Ллойд в последние двадцать четыре часа своей жизни вдыхали только самый лучший воздух, какой можно купить за деньги. И ФБР, сыщики которого «обнюхали» буквально каждую дощечку в кабинетах, где нашли трупы, отрицало присутствие даже мельчайших следов постороннего газа.

Если верить всему этому, то и Веверлей, и Ллойд не должны были умереть.

При всем при том, что у весьма многих были причины желать их смерти: боссы «Юнайтед кемикэл» относились, как ни посмотри, к числу тех, кого более других ненавидят в стране. Но Тимоти откинул мысль о том, кто именно особенно желал их смерти. Он поставил вопрос иначе: убить их мог лишь тот, кто имел к ним непосредственный доступ. Да, но как? Обоих нашли мертвыми в собственных кабинетах. Внутри их собственных империй, где они находились под охраной десятков высокооплачиваемых специалистов и самых совершенных в мире автоматических систем безопасности. Послед-

ние часы они оба провели в полном одиночестве. Оба уединились для работы и приказали никого не принимать, а их слова были равносильны закону. Очень похоже, что в эти часы к ним действительно никто не входил.

Всякий, кто хотел попасть во Внутреннюю Империю большого босса, обязан был войти в специальный «шлюз» и встать перед фиксирующим телеэкраном — даже если он и не получал в конечном итоге разрешения войти. След так или иначе оставлял каждый. Но в тот день даже разрешения войти не просил никто. Если не поставить под сомнение точность показаний всех автоматов и систем вообще, надо было признать, что, кроме умерших, во Внутренних Империях никого не было. Члены семьи делали светские визиты. Сыновья-наследники находились по делам в Чикаго. Алиби их было безукоризненным. Они первыми нашли своих отцов мертвыми — никто другой не осмелился бы без особого приказа проникнуть во Внутреннюю Империю.

Тимоти спросил у Паттона, сколько времени потребовалось наследникам, чтобы установить смерть отцов, и когда они о ней объявили. Паттон лишь улыбнулся в ответ:

— Пустое. Не вам одному приходила в голову такая мысль. Даже если бы молодые люди — они оба, кстати, уже в летах — и обладали магической силой, с помощью которой заставили бы отцов перестать дышать, в те дни они возвращались домой не одни и всякий раз их видели посторонние: и персонал замка, и солидные люди, их друзья по клубу. И Ллойд, и Веверлей к их приезду были мертвы. Не меньше часа...

— Тогда, — произнес Тимоти, — пробил исторический час. И я тому свидетель — произошли убийства, которые не совершались, — он налил себе тройную порцию «Джонни уокер». — Я весьма сожалею, Гарольд, но я бессилен вам помочь.

5 На следующее утро Тимоти выбирал из горы отчетов, показаний, контрольных проверок и расчетов ленты, выброшенные из чрева «Наполеона». После этого он намеревался бросить весь этот ворох бумаг вместе с кристаллами в «зев» манипулятора, дабы спрессовать в аккуратные контейнеры. Сколько всякой всячины приволок Паттон! И все — ни к чему. Ну не то чтобы ни к чему, но не дало результатов, что оскорбляло его самолюбие не меньше, чем утрата специальной премии, которой он мысленно уже нашел подходящее применение.

Единственным развлечением Тимоти в столь ранние утренние часы был разбор вопросов, которые задавал «Наполеон». Это был целый набор абсурдных мыслей, который мог породить только электронный мозг.

Очевидно, «Наполеону» хотелось оставить за собой последнее слово даже в самых простых и недвусмысленных ситуациях. Иногда его вопросы раздражали Тимоти, но чаще вызывали смех; он коллекционировал «реплики» своего «Наполеона» и подумывал временами о том, не издать ли их отдельной книгой как образцы абстрактного юмора. Но на сей раз один из пристрастных вопросов, которые задал электронный мыслитель, заставил Тимоти насторожиться. «Наполеон» проверил показания автоматического климатического устройства в кабинете Ллойда и подтвердил, что отклонения состава воздуха от нормы ни разу не превышали 0,15% допустимого объема. «Наполеон» поинтересовался: «А сколько это, 0,15%?»

Тимоти терпеливо ждал прихода Паттона.

— Я не приглашаю вас садиться, Гарольд, — такими словами встретил Тимоти гостя, — пока вы не ответите на один наш с «Наполеоном» вопрос.

Паттон не скрыл радости, что Тимоти не считает дело законченным.

— Пока у вас есть вопросы ко мне, Тини, я не теряю надежды.

Вернулся Паттон часа два спустя. Тимоти спросил, как ему удается получать столь интимную информацию из жизни Ллойда и Веверлея в столь короткое время. Паттон лишь улыбнулся в ответ, и Тимоти углубился в новые материалы.

Минут через пятнадцать Паттон не выдержал:

— Есть что-нибудь?

Тимоти покачал головой:

— Нет. Но какой-то запашок учуял. Знаете что, оставьте меня одного, мне нужно сосредоточиться.

Паттон ушел с явной неохотой. На следующий день Тимоти не открыл ему дверь и не отзывался на гудки коммуникатора. Проверив вечером по записи, кто вызывал его в течение дня, Тимоти ухмыльнулся: Паттон пытался соединиться с ним каждые полчаса. Сжалившись, Тимоти дал ему знать, что ждет его завтра после обеда.

Б — Ну что? — возбужденно спросил Паттон. — Не заставляйте меня мучиться, Тини. Вы напали на след?

— Возможно. Но прежде чем ответить на ваш вопрос, я хочу выяснить некоторые обстоятельства.

Он проводил Паттона в «тишайшую» — небольшую комнату, где их никто не мог подслушать и никто не мог помешать, даже сам «Наполеон».

— Прошу вас, садитесь.

Паттон вопросительно посмотрел на Тимоти.

— Для начала мне важно узнать, в чем причина столь безоглядного доверия к вам Брукера?

— К случившемуся это отношения не имеет. Поверьте мне!

— Я хочу знать, а не верить.

Паттон колебался.

— Мне не хотелось бы говорить на эту тему.

— Никаких уверток!

— Это длинная история, Тини.

— Допустим. Постарайтесь изложить ее кратко.

— В двадцать четыре года,— начал Паттон,— я заболел эфемерией желез. Надежд не оставалось никаких. Родители не в состоянии были собрать нужную для лечения сумму, сам я еще учился. И тут появился человек из «Юнайтед». Они, дескать, возьмут на себя все расходы и поставят меня на ноги, если соглашусь работать в их системе безопасности. Отказаться — значило бы подписать свой смертный приговор. Меня поместили в клинику «Юнайтед» и через несколько месяцев вылечили.— Паттон усмехнулся.— Я поступил на службу в «Юнайтед». Беседовал со мной мистер Флоуэр. Вы знали такого?

Тимоти покачал головой.

— Это шеф безопасности «Юнайтед». Скотина! Флоуэр сказал мне, что рад видеть меня в добром здравии и тому подобное, а потом открыл мне глаза: оказывается, на мне испытали новое лекарство, у которого, увы, есть одно непредусмотренное заранее побочное действие... Понимаете, если не принять определенное средство, кровь мгновенно свертывается в жилах.

— И средством этим «Юнайтед», разумеется, расплагалась?

— Да! Его открыли, по словам Флоуэра, случайно; счастье мое, что я обратился к ним, а не к их конкурентам — те не смогли бы мне помочь. А «Юнайтед» поможет. И будет помогать до тех пор, пока моя работа не перестанет их устраивать. Другого препарата действительно нет, Тини.

Тимоти налил виски и протянул Паттону.

— Нас таких оказалось десять человек, и отбор проводился весьма тщательно. Все мы с блеском окончили

университет. Ни у кого коэффициент интеллектуальности, КИ, не был ниже 195, и нам не пришлось долго теряться в догадках, дабы установить, что все мы заболели не случайно, что мы не жертвы неудачного медицинского опыта. Все было заранее обдуманном покушением на нашу жизнь. Теперь мы оказались в полной зависимости от людей, выдавших нам спасительное лекарство, и делали все, что требовал от нас Флоуэр. «Парни Флоуэра» — вот как нас называли.

Он надолго замолчал.

— Разве невозможно определить состав этого лекарства? — спросил Тимоти.

— Мы шли на все, лишь бы вырваться из-под власти Флоуэра, и шестеро из нас заплатили за это своей жизнью. Видите ли, Тини, нам выдавали порцию лекарства только на день и заставляли принять в их присутствии. Одному из нас семь дней подряд удалось провести по нескольку часов в клинике «Паблик Хеалтфэр», а мы, остальные, его прикрывали, но в клинике так и не смогли установить, в чем именно мы нуждаемся: необходимо, мол, было, чтобы кто-то из нас как минимум две недели пролежал в стационаре. Когда Флоуэр пронюхал об этом, он просто не дал Джону его дневной порции.

— Флоуэр умер?

— Да, пять лет назад, и пока открыли его сейф... Я единственный, кто остался в живых, и то случайно...

— От кого вы получаете лекарство теперь? От Брукера?

— Да, каждое утро. А в такие дни, как сегодня, когда приходится выезжать в город, он делит порцию на две части — утреннюю и вечернюю. Когда меня вторично поставили на ноги, он вызвал меня к себе. Он якобы только теперь узнал о нашей судьбе и сам бы такого никогда не допустил; он просит меня забыть о прошлом и продолжать работать на «Юнайтед» в ка-

честве его личного секретаря. Содержание он пообещал мне отличное. И сдержал слово.

— Только лекарства вам не выдал?

Паттон пожал плечами.

— Проявление истинного человеколюбия?

— Он сказал, что так он во мне никогда не усомнится. Он, дескать, будет уверен в преданности хоть одного человека на всем белом свете. Что мне оставалось?..

— И где Брукер хранит лекарство?

— В сейфе, в своем кабинете. Это сейф-идентификат, его открывающее устройство реагирует исключительно на тепловые волны, излучаемые телом Брукера. Попытайся открыть его кто другой — ничего не выйдет. Он связан с механизмом самовзрыва. И если Брукер умрет... Через трое суток защита сейфа автоматически снимается, и сейф сможет открыть любой. Но у меня-то в запасе всего один день. Смерть Брукера станет и моей смертью.

— Еще один вопрос, Гарольд. Кто-то же должен производить эту штуковину, даже если у Брукера ее много.

— В сейфе запас лекарства на несколько лет. Однажды он показал мне флакон с голубыми шариками. «Этого предостаточно на многие годы», — сказал он. И сам он отказывать мне не собирается...

— Сколько ему лет?

— Семьдесят восемь.

— А вам?

— Тридцать два.

Тимоти положил руку на плечо Паттона:

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал он. — Даю вам слово.

7 — Что вам еще угодно знать?

— Что произойдет, если вы захотите зайти в замок с двумя большими сумками?

— Придется отдать их на контроль сотрудникам охраны и объяснить, для чего они мне понадобились.

— Возможны исключения?

— Естественно. Брукер может снять любой запрет.

— А вдруг вам вздумалось пронести что-то незаметно?

— Это невозможно, Тини.

— И тем не менее это кому-то удалось. И у Ллойда, и у Веверлея, причем система охраны у них в принципе идентичная. Кто-то пронес две большие сумки, или два ящика, или что-то подобное. Пронес, а затем вынес.

— А что, по-вашему, было внутри?

— Ничего. Абсолютно ничего.

Паттон, сощурившись, недоверчиво поглядел на Тимоти.

— Вы говорите — ящики?

— Скорее всего две сумки, — заметил Тимоти. — Одна для прибора, другая для выпрямителя тока.

— Об этом и не думайте. Это абсолютно исключено. Я не знаю, что такое вы там нашли...

— Всего лишь решение вопроса, — тонко улыбнулся Тимоти, — вопроса о том, как и от чего умерли Ллойд и Веверлей. Для этого вовсе не надо иметь семь пядей во лбу. Да-да, Гарольд, потребовалось только немного поработать головой. Что совершенно разучились делать всякие там высокооплачиваемые детективы, в том числе и из ФБР. Слишком они полагаются на свои компьютеры, а ведь это всего лишь напичканные информацией болваны. За исключением «Наполеона», разумеется!

Тини поднял рюмку, как бы мысленно чокаясь со стоявшим за дверью «Наполеоном».

— Понимаете, Гарольд, показания датчиков «климата» в обоих случаях проверялись компьютерами, и те в соответствии с поставленной задачей подтвердили, что отклонения от нормы были незначительными. Тем самым для всех вопрос был исчерпан.

Паттон кивнул.

— Самое высокое отклонение в случае с Ллойдом составляло 0,17%, а у Веверлея — 0,24%. Несложные подсчеты показывают (и это весьма примечательно), что в обоих случаях речь идет об одном и том же объеме воздуха с точностью до кубического сантиметра: о двух с половиной кубических метрах. Случай? А случайно ли, что в обоих случаях время такого отклонения тоже совпадает до секунды: оно длилось четыре минуты. И вот еще что: и Ллойд, и Веверлей задохнулись не в малых комнатах, а в просторных залах. Я открою вам одну маленькую тайну, Гарольд: в небольшой комнате ни один из них не мог бы задохнуться.

Паттон не понимал, куда клонит Тимоти.

— Окажись вдруг в маленькой комнате на несколько кубических метров воздуха меньше, мгновенно зазвучал бы сигнал тревоги. Я задал себе вопрос: случайно ли «климат» подал меньше воздуха? Аппаратурой управляет автомат, постоянно измеряющий плотность воздуха в комнатах Внутренней Империи. Итак, ощущался недостаток воздуха, пусть и малозаметный, хотя в это время никто не входил и никакого, так сказать, дополнительного «потребителя» воздуха не появлялось. Может быть, случилась небольшая неполадка в аппаратуре? И что же — оба раза она длилась ровно четыре минуты? И еще один важный момент: концентрация воздуха должна была понизиться. А она оставалась постоянной.— Тимоти выдержал длинную паузу, с видом победителя глядя на Паттона.— Как так — четыре минуты в кабинеты подавалось меньше воздуха и все четыре минуты концентрация воздуха оставалась постоянной?

— Я ровным счетом ничего не понимаю,— сказал Паттон.

— Мне тоже пришлось хорошенько поломать голову, чтобы понять. Воздуха меньше и в то же время ровно столько же. Есть лишь одно решение, причем на-

столько простое, как все гениальное: речь идет о вакууме!

По выражению лица Паттона Тимоти безошибочно определил, что тот и теперь не уследил за ходом его мысли.

— Гарольд, дружище, но ведь это же все ставит на свои места! Оба задохнулись в огромных помещениях, наполненных прекраснейшим воздухом. Никаких следов насилия. Оба были практически здоровы. Не вдыхали никаких ядовитых паров. Они умерли... «от ничего». В том-то все и дело. От вакуума. Я навел справки. С недавнего времени существует переносная аппаратура для создания вакуума в любого типа помещениях, это как бы миниатюрная модель тех агрегатов, которые создают искусственное небо над замком Брукера.

— И кто, по-вашему, мог пронести такой агрегат в кабинет Ллойда, да еще и заставить его безучастно наблюдать, как тот приводится в действие?

— Вы как будто упоминали, что свободный доступ в кабинеты кроме самих Ллойда и Веверлея имели только в отдельных случаях их сыновья?

Паттон молча кивнул.

— Вот и получается, что под каким-то ловким предлогом господа наследники околпачили своих недоверчивых папаш.

— Но с какой целью? Ведь у них есть все, что только можно себе представить!

— А им не терпится самим стать у руля. Сколько можно ждать? Ведь их папаша — члены этого чудовищного «Клуба бессмертных».

— Действительно, — согласился Паттон. — Это могло послужить причиной убийства. Но у господ наследников безукоризненное алиби.

Тимоти презрительно ухмыльнулся:

— Оно ничего не стоит. Один наследник покрывает

другого. Кто подтверждает их алиби? Все эти люди находятся в одинаковом положении. И образовали, очевидно, что-то вроде клуба по борьбе с «бессмертными». Раскусить их не составляет труда. А если я до сих пор над чем и ломаю голову, то над другим вопросом: факт остается фактом — даже наследники не могут пройти незамеченными в свои апартаменты во Внутренней Империи. И это обстоятельство как бы перечеркивает всю мою диспозицию. Да, Гарольд, тут наш корабль снова сел на мель. Когда отсутствуют неоспоримые доказательства, необходима по крайней мере стройная и убедительная версия. А где она у нас?

Тимоти закрыл глаза и долго лежал без движения. Потом продиктовал Паттону целый ряд вопросов.

— А не поговорить ли вам с Брукером уже сейчас, на этом этапе? — спросил Паттон. — Я не то чтобы дрожу от страха, но жить-то хочется. Тем более если это дело рук сыновей... Я и Брукер-младший в настоящий момент единственные люди, которых босс подпускает к себе.

— Не поверит мне ваш шеф, — сказал Тимоти. — Но я надеюсь, наследник не столь легкомыслен... Он не осмелится... пока делом занимаюсь я.

— Откуда ему знать?..

— Так проговоритесь же поскорее в его присутствии.

8 Когда на следующий день Паттон принес нужные Тимоти материалы, тот не впустил его в квартиру: ему-де хочется поработать в полном одиночестве. Он попросил только предупредить Брукера, что нанесет ему визит в понедельник. Паттон заехал за ним в понедельник за полчаса до назначенного срока.

— Ну как, Тини, разгадали загадку? — поспешил он спросить, не успев даже поздороваться.

Тимони и бровью не повел:

— А вы разве в этом сомневались?

Он достал бутылку «Хэга» и разлил по рюмкам.

— Да-а,— протянул он, разглядывая коньяк на свет.— Да. Сегодня ночью. А ведь разгадка-то проста. Нет, воистину самое важное — ставить правильные вопросы в подходящее время. Мы с вами, Гарольд, гадали, кто может войти незамеченным во Внутреннюю Империю. А вопрос следовало поставить с головы на ноги: кто оттуда незамеченным может выйти?

Тимоти искренне расхохотался при виде изумленного лица Паттона.

— Да, Гарольд, вот как все просто. Будьте внимательны. К имениям боссов проложены и пешеходные дорожки. Те, кто приходят пешком, обязаны войти во внешний «шлюз», встать перед телеэкраном и зарегистрироваться. И при входе, и при выходе. Так?

Паттон подтвердил.

— Если вам угодно вспомнить, в день убийства за Веверлеем-младшим заезжал Чарльз Бенедикт Брукер. Наследнику не требуется никаких разрешений, чтобы беспрепятственно пройти через «шлюз». Он может подойти к «шлюзу» и прямо из замка, по личному ходу, не замеченный никем. Итак, он идет к «шлюзу», через который уже вышел Брукер, где регистрируется, но не выходит, а возвращается обратно; его друг Брукер уезжает один, но можно подумать, что уехали оба. После чего наследник навещает пожилого господина и под каким-то предлогом демонстрирует ему свой аппарат. Кто знает, что он обещал показать. Старик погибает в вакууме. Несколько погодя входит сын, вводит отцу вирус рака, забирает аппарат и уносит в свои апартаменты. Дождавшись условленного с Брукером времени, снова идет к «шлюзу», снова регистрируется, выпускает Брукера и других господ. Во Внутреннюю Империю идут не специальным

ходом, а по парку, чтобы их заметили и слуги...

Несколько недель спустя та же история повторяется у Ллойда. И через какое-то время должна случиться и у Брукера. Метод едва ли не безошибочный. О переносной вакуумной установке пока знают единицы. Никто, кроме наследников, не в состоянии незаметно пронести такую штуковину в замок. И даже если бы кто-то и напал на след, какой полицейский отважится утверждать, будто человек по фамилии Веверлей или Брукер лжет? Для полиции куда проще подписать свидетельство о смерти от рака крови.

Паттон смертельно побледнел.

— Поедьте, Гарольд, самое время. Хотя для меня безразлично, какой именно Брукер будет хозяином «Юнайтед». И... все-таки не совсем. Список у вас при себе?

Паттон достал его из кармана и протянул Тимоти.

9 Брукер ждал Тимоти в своем кабинете, и бутылки виски красовались на столике во всем своем великолепии. Тимоти остановил свой взгляд на «Хауз оф лордс».

Брукер явно нервничал.

— Ну как, вы можете мне?

— Я открою вам, кто убил ваших компаньонов и кто домогается вашей смерти, но поверите ли вы мне? У меня есть гипотеза, которая все объясняет, сообразуясь с законом логики. Однако у меня нет достаточных доказательств, чтобы предать убийцу суду.

— Это вопрос второстепенной важности,— отмахнулся Брукер.— Главное, чтобы я не попал под его удар.

— На сей раз удар будет отведен, если в случае с вами они прибегнут к тому же методу, в чем я, правда, сомневаюсь. Хочется верить, что мое присут-

ствие заставит убийцу изменить тактику.

— Да говорите вы, наконец, кто он?

— Если не возражаете, обсудим сначала вопрос о моем вознаграждении.

— Изложите ваши условия Паттону, я дал ему все полномочия.

— Речь пойдет не об обычном гонораре и возмещении моих расходов. Вы обещали мне в случае успеха особую награду.

Трудно было не заметить, что Брукеру стоит немалых усилий сдерживать себя.

— Вам, очевидно, доводилось слышать, что я ненавижу шантаж в любом его проявлении.

— Да, — подтвердил Тимоти, — и в этом я с вами совершенно согласен. Вымогатели — ничтожнейшие из людей.

— Итак, сколько? Три, четыре, пять?..

— Чего? — переспросил Тимоти с невинным видом.

— Миллионов, чего же еще?

— Деньги? Нет.

— Тогда что же?

— Бутылки, — сказал Тимоти мягко и протянул Брукеру свой список. — Тысячу бутылок.

Брукер пробежал глазами список.

— О'кэй. Хотя с «Токайским-23» я расстанусь весьма и весьма неохотно. Вы знаете, его теперь не купить ни за какие деньги?

Тимоти заставил себя не улыбнуться. Да, он знал это. Как и то, что в подвале у Брукера еще двадцать две бутылки этого вина и с его стороны вполне благо-родно потребовать только десять.

— Не соблаговолите ли вы вызвать Паттона и сказать ему, чтобы он приступил к погрузке моего гонорара в вертолет.

Брукер и бровью не повел, нажал кнопку вызова и вручил вошедшему Паттону список. Тот, видно, ждал

под дверью, так молниеносно он появился.

— Будьте наготове,— сказал Тимоти.— Я вскоре полечу домой.

Брукер кивнул, и Паттон исчез.

— Итак, кто он? — спросил Брукер.

— Я предпочту рассказать эту историю не с самого начала и не последовательно. Но единственным моим доказательством будет безупречная логика.

Брукер, вынужденный согласиться, откинулся на спинку кресла.

— Разумеется, найдется немало людей, у которых есть причина пожелать вам, Ллойд или Веверлею, а также двум-трем десяткам других сильных мира сего поскорее отправиться к праотцам, но сам способ убийства резко снизил круг подозреваемых. После того как я выяснил, с помощью чего совершены убийства...

— Вы выяснили это? — спросил его Брукер.— Значит, меня не обманули. Вы и впрямь способны дать фору всему ФБР.

Тимоти сделал движение рукой, которое при некотором воображении можно было истолковать как жест скромности.

— Веверлей и Ллойд умерли от удушья.

— Да,— подтвердил Брукер, начиная закипать от ярости.— К этой мудрой мысли я пришел и без вашей помощи. Но как?..

— Они задохнулись буквально от ничего,— Тимоти подробно объяснил ему трюк с переносной вакуумной аппаратурой.— Выходит, мне оставалось установить, кто способен бесконтрольно пронести такую аппаратуру в имения Веверлея и Ллойда, а затем включить ее в присутствии жертв.

Брукер расслабился. Он даже улыбался.

— Я верю вам, мистер Тракль. И знаю теперь, что меня никто не убьет. Я никого не подпускаю близко к себе, а отныне меры предосторожности будут удвоены.

— Вы не говорили бы столь уверенно, знай вы, кто убил ваших партнеров.

— Но кто же? Кто?

Тимоти налил себе в стакан «Уайт Хорса» и медленно выпил, прежде чем ответить.

— Я вынужден обратить ваше внимание на то, что вы несколько небрежно читали мой список, не то непременно заметили бы, что в нем перечислено девяносто девять бутылок. Полагаю, настало самое время поговорить о тысячной.

Брукер смотрел на него с нескрываемым удивлением, и когда Тимоти объявил ему о своем желании, покраснел как рак. Вены на лбу вздулись, он с трудом дышал, и Тимоти даже испугался, что «бессмертного» хватит удар, прежде чем он узнает имя убийцы.

— Прошу вас, пойдите мне навстречу,— сказал Тимоти с улыбкой.— Думаю, вы можете поступиться этой бутылкой. Я готов списать вам за нее пять бутылок то-кайского.

Брукер достал бутылочку из сейфа и поставил ее перед собой на письменном столе.

— Как бы вы поступили,— продолжал Тимоти,— приди к вам ваш сын с известием, что ему стало известно о сенсационном открытии, которое он желает продемонстрировать вам с глазу на глаз, ибо ни один человек на земле, кроме вас, не должен об этом открытии знать? Встретили бы вы его слова с недоверием или стали бы с интересом наблюдать за работой аппарата... Вам что, нехорошо, мистер Брукер?

Брукер побледнел.

— Ах вот оно что! — воскликнул Тимоти.— И что же он обещал вам показать?

— Прибор для преобразования частот, на которых передаются мысли,— едва слышно прошептал Брукер.

— И когда же ваш отпрыск намерен продемонстрировать драгоценному папеньке этот «дешифровщик» мыслей?

— Сегодня вечером,— простонал Брукер, уставившись обезумевшими глазами в пустоту.

— Тогда я позволю себе дать вам совет: проверьте, он наверняка держит эту аппаратуру в своих комнатах.

Брукер не шелухнулся. Тимоти тихо поднялся, взял со стола бутылочку, положил ее во внутренний карман пиджака, нажав на кнопку, вызвал Паттона и на цыпочках направился к двери. Когда Паттон открыл ее, Тимоти приложил палец к губам и выскользнул за дверь.

— Побыстрее улетаем, пока он не передумал.— Тимоти овладел собой, когда вертолет пробил климатсферу и замок Брукера остался далеко позади.

— Прощай, отпуск под вековыми деревьями и голубым небом,— вздохнул он.

Паттон нервно похрустывал пальцами.

— Когда у вас день рождения? — вдруг спросил его Тимоти.

— Третьего января.

— Тогда прошу вас принять в качестве подарка — запоздалого или преждевременного, как вам будет угодно,— эту маленькую бутылочку. Она это или не она?

Паттон был не в состоянии произнести ни слова. Он не отрывал взгляда от бутылки, наполненной маленькими шариками.

— А можете счесть это прощальным подарком вашего бывшего шефа. Но не требуйте у него последнее жалованье,— улыбнулся Тимоти.— Если Брукер кого и ненавидит, как сам он признался, то это вымогателей.

Кодзи Танака

Погоня

1 «...А теперь местные новости. Сегодня ночью на Хоккайдо, между Хидака и Обихиро, на государственной автостраде № 274 вновь появилась таинственная машина-убийца. В результате столкновения с нею потерпели аварию и загорелись два легковых автомобиля...»

Голос диктора комментирует кадры телерепортажа.

Объемное изображение делает чудовищно изуродованные человеческие лица особенно жуткими. Н-да, зрелище не из приятных — во всяком случае, не из тех, что смакуют, уютно устроившись в кресле со стаканом в руке.

Впрочем, стоит ли принимать это близко к сердцу. Заняться-то все равно нечем — сиди себе, уткнувшись в телевизор, и потягивай дешевое виски. Даже на пивнушку денег нет. Спать еще рано — всего восемь часов. Конечно, можно попробовать, послонявшись по улицам, подцепить какую-нибудь девчонку, но и на это у меня сейчас, пожалуй, ни духу, ни сил не хватит...

В общем, я оказался на дне. Не жизнь, а прозябание. Томительные, пустые дни — как я устал от них! А еще больше я устал от себя самого, от одиночества в четырех стенах убогой комнатухи дешевого апато...*

Следуя за мелькающими на экране кадрами, диктор

Печатается по изд.: Танака К. Погоня: Пер. с яп.— *Азия и Африка сегодня* (1981, № 9—10), с испр.— Пер. изд.: Tanaka Koji. Kimi wa emban o mita ka?: в сб. Tanaka Koji. Kimi wa emban o mita ka? — Tokyo: Kadokawa shoten, 1976.

© Koji Tanaka

© перевод на русский язык, «Азия и Африка сегодня», 1981.

* Апато — многоквартирные дома стандартной постройки.

сообщал подробности: «На сегодняшний день количество жертв составляет двузначную цифру. Как полагают, виновник аварий — загадочная машина-робот, управляемая электронным мозгом. Несмотря на все меры, принимаемые властями, ей неизменно удается ускользнуть от преследования. По-видимому, в дневное время суток она прячется где-то на просторах Хоккайдо, а с наступлением темноты покидает свое убежище в поисках новых жертв. Специалисты считают, что неутолимая страсть к разрушению вызвана неполадками в логическом блоке компьютера».

— Ну и дела! — изумился я. — Такие силы, даже реактивные вертолеты подняли — и не могут найти одну-единственную машину! Каким же мощным должен быть этот мозг! А если это *не машина*?!

Что-то странное, необъяснимое крылось в поведении этой блуждающей невидимки, которую журналисты окрестили машиной-убийцей. Нечто такое, что не позволяло считать ее механизмом. Она сделалась притчей во языцех с месяц назад. Таинственная машина, появившаяся на юге Хоккайдо, преследовала легковые автомобили на дорогах 274, 237, 235 и в прилегающих к ним районах. Выяснилось, что это спортивный автомобиль темно-зеленого цвета. Без сомнения, машина-робот — еще никому не случалось увидеть в ней за рулем человека. В наше время почти на каждом автомобиле — система электронного управления, так что в самом факте появления машины-робота нет ничего сверхъестественного. И существование бродячей машины, которая из-за неполадок в компьютере вышла из-под контроля и носится сама по себе, тоже вполне вероятно. Но в этой машине-роботе было нечто особенное.

Казалось, что ею движет дикая, необузданная, извращенная жажда убийства. Настичь идущую впереди машину, опрокинуть ее, столкнуть со скалы в пропасть, чтобы она загорелась... Жизнь водителя не принималась

в расчет. Тут и таилась главная загадка. Ведь в электронный мозг всякого робота всегда заложено обеспечение безопасности человека...

Я тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, и горько усмехнулся. Что мне до подобных загадок? Сам я и ездить теперь не могу... Мрачная, словно пещера, комната. Скоро меня вышвырнут и отсюда. Скучное событие, полученное при увольнении, уже на исходе.

Будущее не сулило ничего утешительного. Не так-то просто найти работу оказавшемуся не у дел гонщику-испытателю, если к тому же он потерял квалификацию. А я утратил главное — уверенность в себе. Я стал бояться скоростей — после той аварии на гонках, когда погиб мой товарищ по команде. Погиб по моей вине... Он умер, а я оказался здесь, в убогой комнатухе, где коротаю теперь унылые серые дни. Кому нужны гонщики, потерявшие вкус к скоростям?

Раздался звонок. Старомодный видеофон, но мне вполне годился и такой. Я снял трубку. Экран засветился, возникло изображение мужчины. Фигура была видна по пояс. Что-то знакомое почудилось мне в спокойном лице уже немолодого человека.

— Здравствуйте, Самэдзима-сан,— раздался невозмутимый, под стать лицу, голос.— Мы с вами давно не виделись. Вы, верно, меня и не помните. Я Кайда...

Я машинально кивнул. Конечно, я помнил. Как я мог не помнить его?! Отца моего товарища — того самого, что погиб в катастрофе всего полгода назад. Во время похорон эта бесстрастная маска навсегда врезалась в память. Вспоминая, я испытывал настоящие муки, хотя ничем, даже невольно, он не выдал себя, ни слова не сказал мне в укор. Да, Кайда стоически перенес гибель единственного сына.

Друг не раз говорил, что семья его состоятельна, но я даже и в мыслях не мог представить себе истинных масштабов их богатства. Похороны были обставлены

с изысканной роскошью. Прибывшие на Хоккайдо близкие покойного остановились в лучшем отеле города, заняв почти целый этаж — самые дорогие апартаменты. Сказочно богатые люди, в буквальном смысле слова не знавшие счета деньгам,— владельцы необозримых земель и пастбищ на севере Хонсю и Хоккайдо.

— Разумеется, я вас помню. Очень рад вашему звонку...— едва слышно пробормотал я. Где взять силы поднять на него глаза? Долг сердца забывается нескоро. А я — я отнял у него самое дорогое.

— Не так-то просто оказалось узнать ваш новый адрес...

— Да, я сменил и работу, и жилье. Под гору катишься без остановки,— с горькой издевкой над самим собой ответил я. Пожалуй, я не меньше его имел право на сочувствие. Моя потеря тоже была велика.

— Я не оторвал вас от дел?

— Как видите.— Я обвел рукой убийственное уныние стены.— Свободного времени у меня теперь предостаточно.

— Ну вот и хорошо.— Он улыбнулся.— Значит, можно рассчитывать на вас. Сделайте одолжение, не сочтите за труд пожаловать завтра ко мне в отель.

Я кивнул. Нельзя сказать, чтобы меня привела в восторг эта просьба, но, вероятно, у него есть какие-то основания...

В ту ночь мне приснился сон. Я несусь по кругу бок о бок с погибшим товарищем. К финишу мы приходим вместе. Но все происходит не на привычной арене — вокруг, насколько хватает глаз, простирается бескрайняя равнина. И мы мчимся в этом безбрежном просторе вдвоем, охваченные необъяснимой злобой, стремясь обогнать друг друга.

2 Освещенный мягким светом электронных ламп, застланный алыми коврами коридор гостиницы; в воздухе особое благоухание — все как всегда и везде, где деньги текут рекой. Очутившись перед нужной мне дверью, я постучал, вошел — и на мгновенье точно ослеп. Изысканный банкетный стол, а за ним — мужчина и женщина. Но ослепил меня, конечно, не вид яств и не элегантная фигура самого Кайды. Рядом с ним сидела девушка в очень простом, но элегантном платье для коктейлей — без единого украшения. Да они были ей и ни к чему. Ни одна драгоценность мира не добавила бы прелести такой красавице.

— Это Эйдзи Самэдзима. Помнишь, я рассказывал тебе о нем. Товарищ по команде нашего Сёсукэ... Они были очень дружны.

Старик перевел взгляд с девушки на меня.

— Познакомьтесь, пожалуйста, Самэдзима-сан. Эта девушка была нареченной моего сына. Ее зовут Маки. Маки Кikumoto. Она мне как дочь. Когда Сёсукэ не стало, она заняла его место в семье.

Девушка с улыбкой склонила голову с длинными, постаринному причесанными волосами. Но улыбались лишь губы, глаза смотрели неприязненно. «Дружба твоя была так горяча, что ты погубил его», — казалось, говорили они.

— Я попросил ее присутствовать при нашем разговоре, — продолжал Кайда, — ведь это имеет к ней самое непосредственное отношение.

Мы приступили к трапезе, и на некоторое время воцарилось молчание. Креветки, белое вино. Стоит ли говорить, что напиток был превосходен. Я с благодарностью взглянул на старика: как хорошо, что они не предложили встретиться в моей убогой лачуге. Некое тщеславие еще жило в моей душе. И тут я уловил затаенную боль в глазах Маки. Или это было сострадание к старому Кайде?

Мы уже покончили с супом и успели сменить десятком тем ничего не значащей светской беседы, как вдруг Кайда решительно произнес:

— Думаю, пора поговорить о деле.

Лицо девушки напряглось.

— Не так давно на Хоккайдо появилась загадочная машина-робот. Ее называют машиной-убийцей. Вы, вероятно, слышали.

— Разумеется. Кругом только и разговоров, что о ней.

— М-да... Ну и что вы об этом думаете?

— Просто необъяснимо — вот и все, что я могу сказать. Конечно, это робот с электронным мозгом. Тут ничего необычного нет. Но должен же у нее когда-то иссякнуть бензин? Она не может двигаться сама по себе! Чудес не бывает!

Старик провел языком по пересохшим губам и кивнул.

— Ну а если допустить, что машиной управляет не обычный компьютер, а самоорганизующаяся система, подобная человеческому разуму? — медленно проговорил он.

— Не может быть! — усомнился я. — До сих пор никому не удавалось создать такое мощное кибернетическое устройство столь малых размеров! Проще пересадить в машину живой человеческий мозг.

— Что ж... — Старик снова кивнул; он весь как-то поник, осунулся, складки у губ выдавали чудовищное напряжение. — Ты угадал...

Я похолодел:

— Откуда вам это известно?

— Известно. Потому, что это сделал я.

Внезапно заговорила девушка — в первый раз за весь вечер. Голос ее звучал бесстрастно:

— Самэдзима-сан, Сёсукэ жив. Во всяком случае, жив его разум. А машина — это оболочка, в которой он существует.

— Теперь я отдаю себе отчет в том, что совершил

непростительную ошибку,— хрипло проговорил Кайда.— Можно оправдывать это чем угодно — слепой родительской любовью, волей покойного... Но все равно нельзя было решаться на это безумие.

— Значит, вы поместили мозг Сёсукэ в блок управления машины? — Я осип от волнения. Мой собственный голос показался мне чужим.

— Сёсукэ был просто одержим машинами,— ответила за старика Маки.— Машины, скорость — он весь был в этом. Он не захотел расстаться с этим даже после смерти. Даже после того, как умерла его плоть. И дядюшка... Нет, мы — мы не могли пренебречь его последней волей.

Меня как громом поразило. В это было просто невозможно поверить, вот так, сразу. Конечно, современная бионика добилась потрясающих успехов, да и операциями по гомопластике теперь никого не удивишь. Но человеческий мозг!.. Связать его с электронной системой!.. Словно прочитав мои мысли, Кайда сказал:

— Как вам известно, я располагаю средствами. Я оплатил сложнейшую операцию. Конечно, риск был, но... Все прошло удачно. Разум моего сына ожил. Сёсукэ перевоплотился в красивый спортивный автомобиль, изготовленный по специальному заказу — газотурбинный двигатель, ходовая часть, как на гоночных машинах. Мои владения на Хоккайдо достаточно обширны, как я полагаю, но...

— Он не пожелал признавать отведенных ему границ и начал преследовать и уничтожать проезжающие по шоссе автомашины.

— Да, вы совершенно правы.— В голосе старика послышалось отчаяние.— Видимо, он постепенно сходит с ума. Чем еще это объяснить! Не могу понять почему. В него будто вселился злой дух. Но как бы то ни было, его пора остановить. К счастью, никто еще не догадался, что убийцей движет человеческий мозг. Операция была сделана в строжайшей тайне. Врачи немало получили за обе-

щание держать язык за зубами. Так вот, пока правда не выплыла наружу, этому надо положить конец.

— Как вы себе это представляете? Ведь у него машина, которой нет равных. Вы же сами говорили, что она изготовлена по специальному заказу. Догнать ее, и то будет трудно.

— Поэтому мы и доверились вам. Вы ведь дружили с Сёсукэ, вместе участвовали в гонках. Знаете его привычки, нрав, манеру езды. Никто, кроме вас, не сумеет его поймать. А машину вам я уже приготовил. Тоже сделана по специальному заказу. Но — увы! — всего лишь не уступает той.

— Я вижу, вы все предусмотрели,— пробормотал я. Незъяснимая горечь закипала в моей груди. Я ведь уже не тот, я не могу ездить как прежде!.. Как им это растолковать?

— Ведь это ваша вина,— вдруг тихо проронила Маки.— Из-за вас он лишился телесной оболочки. Да, такова была его воля. Но, может, именно отчаяние, неудовлетворенность своим новым телом и привели его к помешательству? Вы должны помочь ему.

— Как? Вы понимаете, что говорите?! Допустим, я уничтожу машину. Но ведь вместе с машиной погибнет и он!

— Я готов ко всему,— глухо ответил старик.— Во всем полагаюсь на вас.

У меня перехватило горло. Западня, и выхода из нее нет...

— Хорошо. Постараюсь что-нибудь сделать,— выдал я через силу.

3 Я взглянул на табло электронных часов: два пополуночи. Стекла машины точно залиты черным лаком — такая вокруг глухая, непроницаемая тьма. Впереди пу-

стынная, открытая всем ветрам дорога через перевал. И в дневное-то время по ней нечасто проезжают машины. Это государственная автострада, недавно отремонтированная. Она тянется от Юбари до Хидаки и проходит в основном по гористой местности, где редко встретишь человеческое жилье. Я заметил ее на четвертый день поисков.

Первые рейсы прошли впустую. Конечно, выезжал я только по ночам, но на таких оживленных трассах, как дороги 237 и 38, и в ночное время шел нескончаемый поток трайлеров дальнего следования, пронеслись патрульные машины и полицейские мотоциклы — в общем, вскоре стало ясно, что рассчитывать здесь на встречу с машиной-убийцей было наивностью, простительной разве что молокососам из «гоночного племени» — любителям острых ощущений, рыскающим по дорогам в надежде случайно наткнуться на нее. Равнины на Хоккайдо близ Хидаки широки, и, вероятно, случайность встречи ничтожна. Моя работа требовала терпения.

Приглушенно, недовольно урчит мотор. Оно и понятно: двигатель дает до 20 тысяч оборотов в минуту, развивая мощность в 200 лошадиных сил, и черепашья езда со скоростью 60 километров в час для моего стального коня просто оскорбление. Какой восторг я испытал, впервые увидев этот двухместный автомобиль, совершеннейшее воплощение мощи и изящества! Да, он был прекрасен. Чуть изогнутое, клинообразное ярко-алое тело. Сложнейшее электронное устройство автоматического управления, воздушная подушка, противоударный бампер — все, до мельчайших деталей, что требуется для безопасности водителя, предусмотрено и учтено.

У меня был план. Эти дальние прогулки по хайвею я совершал отнюдь не ради развлечения. Я изучал плацдарм. Кроме того, мне следовало восстановить форму и привыкнуть к машине.

...Впервые забравшись в кабину, я разбирался в приборной панели, как вдруг надо мной раздался голос ста-

рого Кайды:

— Обратите, пожалуйста, внимание на этот тумблер.

Я взглянул. Тумблер как тумблер. Ничего примечательного.

— Это устройство, стреляющее масляными зарядами. Масло разливается по дороге, и шины начинают скользить. Вы сможете использовать его в критический момент как козырную карту.

— Масляный заряд?! — Мне стало не по себе. Я взглянул на старика.— Вы и об этом подумали...

— Это мой принцип — доводить дело до конца,— побелев как мел, но не отводя глаз, твердо сказал он.— Хотелось бы, чтобы вы поняли: это не игрушки.

— Вы правы.— Я выбрался из кабины. Разумеется, я понимал, понимал с той самой секунды, когда впервые увидел свою машину.

— Вам понравился цвет? — Маки, сцепив пальцы, смотрела на меня. В ее тоне мне почудилась ледяная усмешка.

— Кажется, киноварь? Немного ярковато, но, в общем, неплохо,— отозвался я.

— Я внимательно изучила статистику несчастных случаев. Более тридцати процентов машин, подвергшихся нападению, были выкрашены в красный цвет. Поэтому мы и вашу решили покрасить так же. Именно красные машины вызывают у него особую ненависть. Как вы думаете, отчего?

— Вот как...— растерянно протянул я, холодея от догадки: когда случилась та авария, я был как раз на ярко-красной машине. Неужели он так меня ненавидит? Но вслух я невозмутимо произнес:

— Вероятно, красный цвет действует возбуждающе, как наиболее острый раздражитель для его воспаленного мозга. Вот и все, что я могу предположить.

Она кивнула. Даже сейчас я не могу без боли подумать об этой ее надменной, всепонимающей усмешке...

Дорога неуклонно шла вверх. До зимы еще довольно далеко, но по ночам в горах холод уже пронизывает до костей. На рассвете полотно дороги покрывается корочкой льда, и надо быть предельно осторожным.

Яркий свет фар раздвигал морозную, жуткую тьму ночи. Я заворожено смотрел, как рушится за каждым поворотом, рассеиваясь под этим острым лучом, непроницаемая глухая стена. Казалось, в мире нет никого — только машина и я.

И тут... Я весь обратился в слух. Где-то впереди послышался металлический перестук, многократно повторенный горным эхом, — неровный, захлебывающийся стук мотора. Затем пронзительный гудок и следом за ним — звук, который невозможно спутать ни с чем, — раздирающий, до боли в зубах пронзительный скрежет разламывающегося металла. Я приглушил мотор, и в наступившей тишине звуки стали слышны удивительно отчетливо.

Я судорожно перевел дух и выжал педаль газа. На перевале явно что-то случилось. Но если в таком месте, да к тому же в такой час, случилась беда, значит, ищи машину-убийцу. Почти наверняка.

Не дать ей скрыться! Я мчался, срезая повороты. Только такая машина — со стальным кордом на скатах и сверхпрочной подвеской — могла выдержать подобные нагрузки. Я чувствовал ее так, как не способен чувствовать ни один, даже самый тонкий электронный мозг. Ну уж! Ведь так виртуозно управлять машиной, как компьютер... Да, но ни один компьютер не станет гнать, как я, выжимая из двигателя все, на что он способен, — ведь электронный мозг должен прежде всего обеспечивать безопасность!

Я вихрем взлетел к перевалу. Крутой поворот — и я увидел яркое пламя. Справа стеной высились скалы. Левая сторона уступом нависала над пропастью. А на обочине, на узеньком свободном пространстве, громозди-

лись, вздыбившись, три опрокинутые легковушки. Они полыхали вовсю. Я резко нажал на тормоз. Машина пошла юзом, но у места происшествия остановилась. Отблески пламени высвечивали две поврежденные человеческие фигуры — видимо, выбросило из машин при ударе. Если кто-то и оставался в кабине, я был бессилен помочь: так неистово вздымался огонь, пожиривший искореженные, смятые кузова, разрисованные яркими полосами! Вот оно что! «Гоночное племя» — искатели приключений...

Я подошел к распластанным на асфальте телам. Если бедняги еще дышат, надо что-то сделать. И в этот момент мне в спину уперся сноп света. Я стремительно обернулся. Во мраке из-под нависающей кручи светились два ярких глаза.

Несколько секунд чудовище, таившееся во мраке, пристально разглядывало меня. Я стоял оцепенев. Мотор заработал громче. Чудовище явно готовилось улизнуть.

Устремившись ввысь, языки пламени высветили такой же, как у меня, двухместный спортивный автомобиль темно-зеленого цвета. Машина-убийца! Старый Кайда оснастил ее радаром, телесенсорной аппаратурой и прочими электронными штуковинами — подумать страшно! И тут я заметил в кабине, где *не могло никого быть*, бледное лицо в ореоле распущенных длинных волос. В следующий миг машина рванулась и исчезла во тьме точно дух.

Оцепенение спало. Захлопнув на ходу дверцу, я круто развернулся, так, что взвизгнули шины,— но было уже поздно. Я проиграл, не успев открыть военных действий.

Миновав перевал, я стремительно помчался вниз. Несся, пока не достиг окраин Юбари. Дорога до самого города была пустынна, словно выметена. Ни огонька не мелькнуло на ней. Машина-убийца, казалось, растворилась в воздухе.

4 — Вы были правы. Он действительно сошел с ума,— сказал я наутро за завтраком.

Это была поздняя трапеза. Вернувшись на ферму почти на рассвете, я уснул как убитый и только что поднялся. В огромном зале за столом сидели Кайда и Маки — она снова гостила у старика.

— Вы, наверное, уже слышали о ночном происшествии,— продолжал я.— Новые жертвы. На сей раз три машины. Я был там, на месте преступления. И он был там, рядом со мной. Притаился в темноте, как хищный зверь. Не могу сказать, узнал ли он меня. Но мне кажется, он глумился надо мной. Нет, это не биоробот. Это зверь, наделенный человеческой душой. Одержимый неутолимой жадой разрушения злой дух. Вы правы — его необходимо уничтожить.

— Вечером погибли еще двое,— прошептала Маки. У ее рта прорезались морщинки. Я вдруг осознал, что должна испытывать она: даже умело наложенная косметика не могла скрыть страшной усталости.— Но это несправедливо — обвинять во всем только его! Это все «гоночное племя»... Они опять преследовали его, травили из пустой забавы. Не он, а они охотились за ним — вот и получили по заслугам.

— Силы были слишком неравны,— с вызовом ответил я.— Опыт, да и сами машины... Даже смешно ставить их рядом. Как гонщик Сёсукэ не знал себе равных, ни один компьютер не смог бы сравниться с ним, а вы еще дали ему самую совершенную в мире машину. Кто же может превзойти его теперь, когда машина и гонщик слились воедино? Исход был предрешен. Зверское убийство — иначе это не назовешь.

Глаза Маки вспыхнули. Мои слова явно вызвали в ее душе бурю негодования. Но это длилось лишь мгновение, и не следя я за ней, так ничего бы и не заметил.

— И еще одно: кто-то помогает ему.

Кайда судорожно глотнул.

— Почему вы так решили?

— Потому что без посторонней помощи он просто не может обойтись. Как он пополняет запасы горючего? Допустим даже, грабит бензоколонки, но ведь заливать бензин в баки он сам не способен. Нет, ему привозят бензин в убежище, где он прячется днем. Кстати, у полиции уже возникли такие же подозрения. Что до меня, то я в этом просто уверен.

— Уверен? — как эхо повторила Маки. По губам ее вновь скользнула тень холодной усмешки. — Вы хотите сказать, что видели его сообщника?

Я поймал ее взгляд и попытался разгадать его, но напрасно. Душа Маки была закрыта для меня. Мгновение я колебался. Меня так и подмывало сказать: «Да, я видел его собственными глазами. Я ясно видел чье-то лицо». Но в последний момент сдержался и сухо ответил: «Сообщник существует. И тянуть надо за эту ниточку».

— Ну что ж, — подытожил Кайда. — Надеемся на вас. Можете требовать все, что вам понадобится.

— Ничего не нужно. Дайте мне только время.

Минут через пятьдесят я застал Маки на заднем дворе, у конюшни. Она выводила лошадь. Прогулки верхом были ее излюбленным занятием. В джинсовом костюме и высоких сапожках для верховой езды Маки была просто очаровательна. Есть женщины, чья красота тем ярче, чем скромнее наряд. Маки была из их числа. Она увидела меня, когда садилась в седло. Гневно тряхнув волосами — движение ее не было ни грубым, ни вульгарным, — она смерила меня взглядом и холодно осведомилась:

— Вы что-нибудь хотите добавить?

— Я хочу поговорить с вами наедине, — ответил я. — Хочу спросить вас о двух вещах. Вероятно, вы сочтете мои вопросы нескромными, но все же прошу вас ответить. Где вы были сегодня ночью?

— Ночью? В своей постели. Правда, я не спала.

Ее глаза снова вызывающе сверкнули. Что-то потаен-

ное, скрытое в самом сердце Маки, зажигало этот огонь.

— Хорошо. Скажу вам правду. Сегодня я не ночевала дома. Я уезжала на своей машине.— У Маки был белый спортивный автомобиль с роторным двигателем, чуть меньше моего.— Не могла уснуть — вот и ездила всю ночь по дорогам. Вы удовлетворены?

Я кивнул. В этих словах мне открылся весь характер Маки: не отступать, не ответив на вызов, не лгать, даже в самых крайних случаях.

— И второй вопрос. Скажите, вы все еще любите его? Сёсукэ Кайду?..

Ее лицо застыло. Она смотрела на меня так, будто видела впервые. Бездонная пропасть пролегла между нами.

— Я уже говорила... Сёсукэ Кайда не умер. Он существует. Его душа — пусть она заточена в машине — жива. Его чистая, бесценная душа, сокровище, которое принадлежало только мне, не погибла. Почему я не могу любить ее?

— «Чистая, бесценная»... Да, когда-то, прежде. Но теперь... Она надломлена, искалечена. Ненависть и злоба — только они живут в ней. Эта душа сделалась недостойной вас. Вы сказали тогда, что я должен помочь ему. Что вы имели в виду? Чтобы я оставил его в покое? Или довел дело до конца?

— Вы слепец! — почти выкрикнула Маки.— Неужели вы не видите, как я страдаю? — Маска с ее лица спала, оно исказилось от ярости. Не помня себя, Маки взмахнула хлыстом и резко натянула повод, осадив нетерпеливо гарцевавшего коня.

— Я еще не все сказал. Так вот: я должен его остановить. И я остановлю его, чего бы мне это ни стоило. Потому что это я — объект ненависти Сёсукэ. Став киборгом, он мучительно переживает свою неполноценность. Отчаяние толкает его на месть — вот отчего он стремится уничтожить все попадающиеся ему машины.

Но главная его цель — люди. Их мучительная смерть доставляет ему наслаждение. Довольно бессмысленных убийств. Я здесь — и не буду убегать. Я бросаю ему вызов.

Я искоса взглянул на залитое слезами лицо Маки.

— Прошу вас передать ему это. Если вы случайно увидите его сообщника... Скажите, что я хочу встретиться с Сёсуке в честном поединке, как когда-то на гонках.

— Передам! — закричала Маки, вонзая шпоры в бока лошади. Оттолкнув меня, конь взвился на дыбы и бешеным галопом унесся прочь. Я проводил взглядом удаляющийся силуэт. Затем повернулся и зашагал к усадьбе. Я хотел еще раз поговорить со старым Кайдой. Мне срочно требовалась одна вещь.

5 Я ждал. Теперь это стало моей работой — ждать. Машина моя была укрыта в лесочке, у главного въезда на ферму; никто, выезжая из ворот, не миновал бы меня. И я не мог пропустить того, кого столь терпеливо ждал.

После встречи с машиной-убийцей прошло трое суток. С той ночи она затаилась. Вероятно, кончилось горючее. Прячется где-нибудь в укромном месте, пока сообщник не пополнит запасы.

Я совершил несколько вылазок за пределы фермы. Разумеется для отвода глаз. Выехав за ворота, я сразу сворачивал сюда, гасил фары и ждал, ждал.

И вот наступил третий вечер. Я даже пал духом: меня одолевали сомнения — не ошибся ли я в расчетах? Потирая правой рукой затекшее плечо, левой вытаскивал сигарету. Пачка уже почти опустела. Во рту был отвратительный привкус. Мотор работал на холостых оборотах, спасала лишь печка, да и та грела едва-едва. Но не успел я затануться, как вдруг...

На вмонтированном в приборную панель экране

внезапно ожила неподвижная до сих пор точка. Раздалось негромкое гудение. Прибор носил название «Гомер», это было радиоволновое следящее устройство. Он был настроен на меченый объект, излучавший короткие волны. «Гомер» мог «держаться» движущуюся цель на расстоянии свыше десяти километров. Это о нем я разговаривал со старым Кайдой.

Я незаметно подложил излучатель в одну из машин на ферме — в чудесную белую спортивную машину Маки Кикумото. И теперь точка на экране пришла в движение. Глухой ночью Маки куда-то собралась. Куда? К машине-убийце, к Сёсукэ Кайде! Я больше не сомневался в том, кто помощник Сёсукэ.

Белый автомобиль медленно подкатил к воротам. Открылась дверца. Сияние луны осветило хрупкую фигурку, затянутую в кожаное пальто. Она отворила ворота, вывела машину за пределы фермы и, вернувшись, снова затворила их.

Выждав несколько минут, я двинулся следом за белой машиной. Я не боялся потерять Маки. Прибор безошибочно улавливал сигналы, мерцающий огонек указывал путь.

Маки гнала на север, по автостраде № 273, в сторону городка Симидзу. Она мчалась по безлюдному, поднимавшемуся к перевалу Хикати шоссе. Временами стрелка спидометра подскакивала к сотне. Маки стремилась к цели.

Я следовал за ней с интервалом в три километра. Три километра — это как раз то расстояние, на котором незаметен свет фар. Пока Маки едет по автостраде. Но вскоре она непременно должна где-то свернуть в горы, привести меня в убежище Сёсукэ Кайды.

Страх перед скоростью давно исчез, я и не заметил, когда это случилось. Теперь мною владело одно чувство — чувство долга. Машину-убийцу породила слепая отцовская любовь, но все же первопричиной кошмара

был я. Единственная мысль гнала меня вперед: я, и никто другой, вызвал к жизни это «чудовище Франкенштейна», рыскающее на просторах Хоккайдо. Только уничтожив его, я мог искупить свой грех.

Следя за светящейся точкой, я увлекся и не смотрел по сторонам. Опомился лишь тогда, когда в зеркале заднего вида — совсем близко от меня — вдруг расцвели ослепительные цветы чьих-то фар. Это была целая колонна — не меньше десяти машин. Они старались окружить меня, мчались напролом, растянувшись по всей ширине дороги, и я догадался — это не простые машины. Натужный рев моторов действовал мне на нервы, точно назойливо жужжащие пчелы. Но преследователи, казалось, наслаждались этим воем. Ускользнув от бдительного ока дорожной полиции, «гоночное племя» неслось, упиваясь восторгом скоростей.

Я заколебался: непонятно, что им нужно. Можно попробовать оторваться от них, выжав из мотора все, на что он способен. Но эти идиоты с восторгом погонятся за мной. А на подобные игры времени у меня нет... Секундного промедления, пока я пребывал в нерешительности, оказалось достаточно, чтобы головная машина обошла меня. Теперь я был полностью окружен. Сзади часто-часто замигал сигнал «Уступить дорогу».

Я притормозил и не торопясь подъехал к обочине. Они тоже остановились, вылезли из машин и направились ко мне. Их было человек десять, в одинаковых гоночных костюмах, со свастикой на белом фоне. Я огляделся: у всех, без исключения, великолепные мощные «кары». Классический образчик «гоночного племени».

Подошедший к моей машине юнец — похоже, один из главарей — нетерпеливо постучал костяшками пальцев по боковому окну. Я опустил стекло. Он беззастенчиво просунул голову внутрь, и в нос мне ударил сладковатый запах марихуаны.

— До нас дошли слухи... — сквозь зубы процедил он.

— Какие же? — любопытствовал я.

— Что кое-кто начал охоту. Мы бы не возражали... Каждый волен делать то, что ему вздумается. Но есть одна загвоздка.— Я посмотрел на его ввалившиеся щеки и почувствовал, как внутри, под ложечкой, растекается противный холодок.— Дело в том, что это наша добыча. Мы тоже охотимся за ним. Он искалечил много наших товарищей. Некоторые погибли. И мы не собираемся уступать его чужому. Ты понял?

«Вот оно что,— подумал я.— Информация просочилась. Кто-то на ферме не умеет держать язык за зубами. Все старания старого Кайды были впустую».

— Я не имею к этому никакого отношения.

— Брось придуриваться! Приметы твои нам известны. И потом не станешь же ты уверять, что просто решил покататься здесь на машине в такой час.

Я прикусил губу. Резким движением попытался поднять стекло, но он оказался проворней на какую-то долю секунды. Что-то холодное уперлось мне в горло. Охотничий нож!

— Не дури. Глуши мотор и вылезай.

Я подчинился. Бывают моменты, когда выбирать не приходится, если тебе дорога жизнь. Криво успехнувшись, юнец спрятал нож во внутренний карман и издевательски протянул: «Уж извини...» — и в тот же миг затылок обожгло, в глаза ударило ослепительной вспышкой. Колени мои подкосились, и я рухнул на землю.

Очнулся я от страшного холода. Сколько времени я пролежал здесь, на дороге? Само собой, молодчиков уже и след простыл. Кое-как доковыляв до машины, я упал на сиденье. Ключ так и торчал в замке зажигания. Я завел мотор, включил следящее устройство и увидел именно то, что и ожидал увидеть. Огонька на экране не было. Объект вышел из зоны приема сигналов. Что ж, они добились своего. Я потерял то, за чем охотился.

Б Затылок раскалывался от боли. Сознание то и дело затуманивалось. Но машина моя неслась вперед. Я должен был догнать их! Ведь когда Маки встретится с Сёсукэ, она передаст ему горючее. «Кровь» снова заструится в жилах убийцы! Он сможет двигаться. Но если чудовище опять выйдет на дорогу, то почти наверняка наткнется на «гоночное племя». Этого нельзя допустить. Машина-убийца — моя! Я тоже не собирался уступать ее кому бы то ни было. Да и довольно бессмысленного кровопролития. «Гоночное племя» — не ровня Сёсукэ, я не раз имел возможность в этом убедиться. Конец был неизбежно один — гибель машин и людей. Любителю не тягаться с профессионалом.

Я несся вдоль берега Сарюгавы, к перевалу. Если не найду их там, поверну обратно и у Хидаки выскочу на дорогу, ведущую к Юбари. Именно тут, на дорогах, связывающих Хидаку, Ибури, Сорати и Камикаву, и прячется машина-убийца.

Близился час, когда ночная тьма всего черней и гуще. За поворотами извилистой, ведущей вверх дороги в свете фар всплывало пустынное, первозданно чистое полотно. Даже патрульную машину не встретишь здесь. Слишком глухой уголок.

Я задумался. Отчего же он все-таки сошел с ума? Гонщик-профессионал постоянно балансирует на грани между жизнью и смертью. В этом Сёсукэ должен был отдавать себе отчет. Потеряв телесную оболочку, он сам пожелал превратиться в машину. Воля его исполнилась. Он слился в единое целое с машиной, которую так любил. Но блаженство длилось недолго. Почему? Потому что, видимо, существование кибернетического организма в конечном счете лишено смысла. Живой человеческий разум не в состоянии жить в холодных металлических недрах...

Внезапно впереди сверкнули яркие огни. Дорога здесь делала плавный поворот. С левой стороны под-

нимались скалы, справа зияла бездонная пропасть. Неожиданно метрах в двухстах от меня вспыхнул отраженный склоном горы свет фар. И тут же из-за поворота на невероятной скорости вылетела машина. Ее здорово занесло, но она мгновенно выровнялась. Когда я пришел в себя от изумления — не часто видишь такой высокий класс езды, — она была уже далеко. Однако я успел разглядеть низкую осадку двухместного спортивного автомобиля и его цвет — темно-зеленый... Он! Ошибки быть не могло. Я узнал обводы машины-убийцы. Они навсегда врезались мне в память.

Я механически переключил передачу, резко нажал на тормоз. Машина пошла юзом и остановилась. В эту секунду меня ослепило снова: из-за поворота нарастал свет. Послышался визг шин, и из-за скалы выскочило несколько машин. Точно свора охотничьих псов, гонящих лисицу. Псы учуяли добычу. Они отыскивали заклятого врага, и началась травля.

Я не мог взять в толк, почему Сёсукэ убегал. Или перед тем, как покончить с ними, он решил немного поразвлечься? Пальцы мои сами потянулись к тумблеру на приборной доске. Масляная пушка... Она стреляла пластиковыми капсулами, каждая содержала около пяти литров масла. Капсулы выстреливались сжатым воздухом из отверстия рядом с решеткой радиатора. Попав в цель, снаряд разрывался, и масло заливало дорогу. Я уже убедился в действенности этого «оружия». Старый Кайда был прагматиком и, тратя деньги на столь опасное и противозаконное приспособление, исходил из того, что когда-нибудь оно обязательно пригодится. Я повернул тумблер. От выстрела машина содрогнулась. Огни переднего автомобиля словно заволокло дымкой. Дальнейшее выглядело неправдоподобно: машина потеряла управление и завертелась на месте, точно собака, пытающаяся поймать собственный хвост. Я от души пожелал, чтобы водитель оказался на высоте. Ведь я вовсе

не хотел, чтобы он угодил в пропасть. Пронзительный визг тормозов, скрежет железа... Три передние машины скользили, сцепившись вместе, пока не уткнулись в склон горы.

Дальше я смотреть не стал. Резко развернувшись, я рванул вперед, как ракета со старта. Меня больше не занимала судьба «гоночного племени». Я начал погоню.

Повороты так и мелькали за окном. Дорога шла вниз. Заложив очередной вираж, я наконец увидел *его* — впереди, метрах в пятистах. Высвеченный из тьмы светом моих фар, темно-зеленый автомобиль начал сбрасывать скорость, явно подпуская меня поближе.

Я повис у него на хвосте, немного справа. Он вылетел на встречную полосу. Прибавил газ. И мы понеслись, почти слившись друг с другом. Я бросил взгляд в боковое стекло. Зловещий силуэт спортивного автомобиля точно распластавшийся на земле паук. Там, под приборным щитком, в блоке контроля, бьется живой разум Сёсукэ Кайды, окруженный сложнейшей электроникой. Но... Он не один! В кабине, в которой не может быть никого, я разглядел чей-то бледный профиль.

Лицо повернулось ко мне. Маки! Сверкнули белые зубы. На ее лице застыло странное выражение блаженства, точно она была совершенно пьяна. И тут я понял. Она переживала наивысшее наслаждение. Ни с чем не сравнимое счастье — верить себя любимому человеку...

Время от времени Сёсукэ давал восторженный гудок. Он приветствовал меня! Он искренне радовался нашей встрече... Лицо мое залила краска стыда. Выходит, я ошибся? Напрасно думал, что он меня ненавидит?

Однако испытывать угрызения совести мне пришлось недолго. Резко вильнув, Сёсукэ нанес мне сильный удар по корпусу. Я перехватил руль и отчаянно попытался выровнять потерявший управление автомобиль. Машина-убийца оправдывала свое название. Проявление дру-

жеских чувств было лишь минутной слабостью.

Новая яростная атака! Один за другим следовали жестокие удары. Справа чернела пропасть. Похоже, он, обезумев от ярости, старался столкнуть меня туда. Мы оба уподобились диким животным, забывшим обо всем на свете в упоении кровавого боя. Мы вкладывали в удары все свое умение и ловкость, чутко подмечая малейший промах друг друга.

Визг шин раздирал барабанные перепонки, оглушительно грохотали крылья. Промелькнуло несколько поворотов.

Наши силы и шансы на победу были примерно равны. Но такая гонка на бешеной скорости не могла продолжаться бесконечно. Когда я понял это, то был уже на волосок от гибели.

После очередной, особенно жестокой атаки мой автомобиль потерял управление и понесся прямо на бетонный бортик. Я изо всех сил нажал на педаль тормоза и, упершись, вывернул руль влево. Сминая, словно бумагу, стальной кузов, машина врезалась в ограждение и остановилась, зависнув над пропастью передними колесами.

Я дернул ручку дверцы, но она не подалась. Наверное, заклинило при ударе. А он пронесся вперед и теперь, круто развернувшись, приготовился к атаке. Оцепенев, я наблюдал за ним.

Чтобы сбросить меня в ад, Сёсукэ вовсе не требовалось усилий. Достаточно было лишь слегка подтолкнуть сзади...

Одна из фар у него не горела: разбилась во время схватки. Но этот единственный глаз яростно слепил меня. Зажмурившись, я ждал конца. Но конец все не наступал. Вместо этого раздался сильный удар о бортик и одновременно отчаянный скрежет тормозов.

Открыв глаза, я увидел: машина-убийца летела над пропастью, медленно падая вниз. Она едва не задела ме-

ня. На секунду мелькнуло лицо Маки — запрокинутое, с перекошенным в беззвучном вопле ртом.

Не знаю, почему он вдруг потерял управление. Может, при ударе о бортик у меня вылился на дорогу весь запас масла. А он неосмотрительно вылетел на эту скользкую поверхность. При разгоне скольжение фатально. Аварийное антиблокирующее устройство тормозов не успело сработать. Все попытки удержаться на дороге оказались тщетны, и он — нет, они полетели в ад. Вместо меня.

Смолкло в ущелье долгое грохочущее эхо. Неправдоподобная тишина окружила меня. Я висел на пристяжных ремнях, как на кресте, и не мог перевести дух. Нужно было еще немало времени, чтобы прийти в себя.

Джозеф Дилэйни

Скачок мысли

Рут Скуновер оставила юридическую практику вскоре после того, как вышла замуж за доктора Делмара Скуновера. Она с головой ушла в новую роль, желая стать образцовой женой Делмару и заботливой матерью его сыну, Адаму.

Неудивительно, что за пять лет, прошедшие с тех пор, Рут крайне редко посещала здание суда графства Ньюкс, а в последний раз появилась там едва ли не год назад, когда понадобилась ее помощь при официальном

Пер. изд.: Delaney J. H. A Slip of the Mind.— *Analog*, CIV (February 1984).

© 1984 by Davis Publications, Inc.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

утверждении завещания доктора Кларенса Блэтчли. Ушли в прошлое те времена, когда ее фигуру издали узнавали завсегдатаи этой обители закона, искавшие здесь справедливости или развлечения.

Окружной прокурор Бад Джун был приятно удивлен, когда увидел, что Рут нанесла ему очередной визит, и он постарался угодить ей, пригласив в просторную угловую комнату на втором этаже и предложив угощение в виде кофе и любезной беседы.

Впрочем, время шло, а Рут не только не спешила просветить Джуну относительно цели визита, но даже, казалось, начала испытывать нехватку слов, и Бад ощущал нарастающую неловкость. Такая манера поведения была абсолютно не свойственна Рут,— Рут, которая в прежние времена славилась воинственностью, была полна огня и не задумываясь брала на себя самые рискованные профессиональные поручения. Теперь же ее подавленность граничила с застенчивостью. Она явно хотела о чем-то просить, но никак не могла пересилить себя.

Наконец терпение Бада лопнуло.

— Рут, я искренне рад общению с тобой, так и знай. В суде или вне суда ты всегда была моей любимцей, но сейчас от этой банальщины у меня скулы сводит. Мы с тобой достаточно давно знакомы, и я всегда держал тебя за человека, который терпеть не может суесловия. Почему же сейчас ты ходишь вокруг да около? Давай выкладывай все начистоту старине Бад. Это ведь не визит вежливости, правда?

— Заметно, да?

— С чем ты пришла, Рут? Что случилось?

— Ты давно должен был задать этот вопрос. Сказать по правде, Бад, я не могу быть на сто процентов уверенной, что что-то случилось. То есть у меня нет никаких конкретных доказательств. Вот почему мне так трудно приступить к сути. Обстоятельства столь нело-

гичны, а информатор столь необыкновенный, что, может быть, только такой старый друг, как ты, и способен принять эту историю всерьез. Впрочем, полагаю, тебе тоже не просто будет переварить такое. Что ты скажешь, если я сообщу, будто знаю, где зарыт труп?

— Ровным счетом ничего, если, конечно, ты не добавишь, что он попал туда в результате преступления. На кладбищах полным-полно трупов. Если твой клиент...

— А что если я действительно добавлю: да, полагаю, было совершено преступление. Жертва умерла в результате перелома шейных позвонков, труп зарыт на холмах, к западу отсюда. И, кстати, у меня нет никакого клиента. Я в отставке — ты разве забыл?

— Погоди минутку, Рут. Ты ведь не хочешь сказать, что имеешь какое-то отношение к убийству, правда? Ибо если это так, то, даже допуская, будто ты ведаешь, что творишь, я все равно должен буду предупредить тебя, прежде чем ты сделаешь заявление.

— Да нет же, Бад! Ничего подобного. Я даже не знаю, кто этот парень. Я никогда и не видела его. Я же предупредила, что обстоятельства дела лишены всякой логики.

— Хорошо, уточним: где захоронен труп?

— Это часть общей проблемы, Бад. Я не могу быть точной до конца. Мой информатор не знаком с местностью. Он не настолько хорошо представляет себе местоположение объекта, чтобы свести его к одной точке. Но из того, что мне рассказали, я могу заключить: это примерно там, где магистраль Миссури—Пасифик пересекает реку, вероятнее всего, с западной стороны. Впрочем, последнее — лишь догадка.

— Догадка, говоришь? Рут, ты что, вздумала со мной шутить?

— Ты считаешь, мне очень весело, Бад?

Он внимательно посмотрел на женщину и понял, что она полна затаенного ужаса. Нет, весело ей не было.

— Рут... Откуда ты знаешь о трупе, откуда ты знаешь, где он захоронен, и откуда ты знаешь, что произошло убийство? Вот три момента, которые ты должна мне объяснить, дабы я убедился, что с шариками у тебя все в порядке.

— Мне сказали.

— Кто?

— До некоторых пор я не могу ответить тебе на этот вопрос. Покуда есть шанс, что я ошибаюсь...

— Когда ты сможешь открыть мне истину?

— После того как ты выкопаешь тело... может быть.

— Ты только что сказала, что не знаешь в точности, где оно захоронено. И ты рассчитываешь, что я могу воспринимать тебя всерьез, если просишь основываться на подобной информации?

— У меня есть еще два факта, Бад. Первый: я знаю, кто убил. И второй: я знаю в точности когда.

— Ну что же, это придает какой-то вес твоей аргументации. Но я полагаю, эти факты тебе тоже кто-то сообщил?

— Да.

— Рут, если бы на твоём месте был любой другой человек, сейчас он уже сидел бы на полу за дверью моего кабинета с отпечатком ноги сорок шестого размера на заднице. В сущности, я не так уж неуверен, что это совсем плохая идея.

Рут была явно шокирована словами Джуна, но еще больше был шокирован сам Бад: она заплакала.

Джун не мог этого вынести: не только потому, что он помнил прежнюю Рут, но и потому, что вид у нее был донельзя несчастный. Бад знал, что старушка Рут скорее задыхнулась бы, чем позволила себе пустить слезу. Да, времена явно меняются.

Он дал Рут несколько бумажных салфеток и терпеливо подождал, пока к ней вернется самообладание. Когда Бад почувствовал, что Рут готова продолжать,

он смягчил голос и произнес примирительно:

— Может, нам обоим пойдет на пользу, если ты еще раз заверишь меня, что ты лично в этом деле никак не замешана?

— Нет, не замешана. По крайней мере, впрямую...

— Тогда кто — доктор Скуновер? Адам?

— Они замешаны ровно в той же степени, что и я, Бад. Мы все располагаем определенными фактами. Это все, что я могу сказать тебе в данный момент.

— Хорошо, Рут. Давай разберемся, насколько я все понял. Итак, ты знаешь, что произошло убийство, но ты...

— Зверское убийство, Бад, а не просто убийство.

— Ладно, зверское убийство. Ты не знаешь, кого убили, не знаешь точно, где спрятан труп, но знаешь, кто убил и когда?

— Правильно.

— Тогда расскажи мне все, что знаешь.

— Убийца — Бикфорд Янг. Дата — двенадцатое августа этого года.

Джун достал блокнот и карандаш.

— Хорошо, Рут. И где же мы найдем этого Бикфорда Янга?

— В Блэтчлейском институте генетики. Он работает у моего мужа.

— Он и сейчас там?

— Да.

— Значит, вы с Делмаром знаете, что этот парень совершил зверское убийство, и позволяете ему оставаться на свободе?

— Он не знает, что мы знаем.

— Почему ты так уверена?

— Не могу сказать.

— Уж не боитесь ли вы его?

— Конечно, боимся. Потому я и пришла к тебе. Джун отложил карандаш и снова внимательно по-

смотрел на Рут.

— Ты ведь знаешь, Рут, я не могу выйти на большое жюри* с подобной историей. Даже если во всем этом есть смысл, предстоит долгое разбирательство, а ты напускаешь туману, и пользы от тебя не очень-то много. Конечно, если ты дашь мне кое-какие реальные детали или по крайней мере скажешь, почему ты не можешь...

— Прости, Бад. Я разрываюсь между двумя обязательствами: между заботой о безопасности семьи и долгом перед моей профессией. Увы, что бы я ни сказала, все равно дело закончится тем, что я предам одно или другое. Я надеялась, ты сможешь мне помочь. Я пришла к тебе, потому что мы были друзьями. Но я понимаю и ситуацию, в которой ты оказался,— наверное, тебя нельзя винить в том, что ты не хочешь подставлять собственную шею. Нам просто придется придумать какой-то другой выход...

— Не то говоришь, Рут, не то. Обвинитель рискует всякий раз, когда предлагает вниманию большого жюри противоречивое дело. Тут другое — ты хочешь, чтобы я действовал, основываясь на слепом доверии. Рут, я чувствую ответственность перед избирателями и налогоплательщиками. Я не вольная птица. Если я попрошу шерифа отправиться на холмы и перекопать где-нибудь пастбище, что он мне скорее всего скажет? Скорее всего он скажет: «Зачем?» А если я отвечу, что Рут Скуновер полагает, будто там кто-то зарыт, он захочет узнать, откуда тебе это известно. Что я скажу ему? Что у тебя было видение?

— Я полагаю, что ты как минимум пошлешь Карлоса осмотреть место происшествия. Земля там будет рыхлой. Труп зарыли не так уж давно.

---

* Большое жюри — в США коллегия присяжных, решающая вопрос о подсудности данного дела.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Рут, этот план мог бы сработать, если бы ты хоть немного сузила поле поиска, но ведь речь идет о сотнях акров. Карлос — единственный следователь в моем подчинении. В одиночку он провозится несколько лет. Послушай, даже если мы уговорим шерифа и он сможет привлечь своих ребят, и то на поиск уйдет масса времени. Но я не вправе требовать от них чрезмерного, тем более что ты не можешь сказать мне, откуда у тебя сведения.

— Не то что я не могу сказать, Бад. Но есть очень веские причины, по которым я не хочу говорить лишнего. Помимо всего прочего, даже если я и скажу, весьма велика вероятность, что ты не поверишь. Это одна из двух причин, почему я хочу сначала найти тело: так ко мне будет больше доверия.

— А вторая причина?

— Ну смотри: если ты получаешь труп и к тому же знаешь, кто убийца, значит, моего информатора можно не привлекать вовсе.

На лице Джуна появилось выражение озабоченности.

— Видишь ли, Рут, ты никогда не производила впечатление девочки, перед которой может возникнуть проблема, не поддающаяся решению. Я бы и рад помочь тебе, но просто не вижу, с какой стороны могу подступиться к этой задаче. Одна только рабочая сила...

— Бад, мы покроем все расходы по следствию. Деньги — не проблема. Ты же знаешь, у нас есть средства. Незадолго до смерти Кларенс Блэтчли усыновил Делмара, так что Делмар — его наследник. К тому же по завещанию Делмар — главный бенефициар, впрочем, его собственные научные изыскания и без того принесли немалые доходы. Так что, если проблема в деньгах, беспокоиться не о чем. Просто тебе нужно официально возглавить расследование и раз-

решить нам осмотреть определенный участок. Хорошо?

— Хорошо. Но придется ограничиться одним Карлосом, и сроку тебе — два-три дня. И то лишь потому, что ты — мой старый друг и бывший судебный исполнитель. В любом случае нам придется быть наблюдательными. Местные фермеры не любят, когда посторонние ковыряются в их земле, а ведь у нас нет конкретных зацепок, так что поковыряться придется от души. Мне бы очень хотелось, чтобы ты дала более определенные указания.

— И мне бы хотелось, но не могу. То, что мне удалось выяснить, я получила в основном методом исключения. Я начала с описания, в котором вовсе отсутствовали детали. Я могу немного ограничить район поиска — мне удалось исключить определенные участки, но все равно реперных точек слишком мало.

— Например?

— Один дорожный знак, шум проходящего поезда, положение луны в тот момент, когда закапывалось тело, довольно обширные заросли опунции и несколько побегов ругозы.

— Если ты получила всю эту информацию, почему тебе было не спросить заодно и адрес?

— Дело в том, что мой информатор видел эти предметы... видел довольно странным образом, и в то же время эти данные... э-э... не из первых рук.

— Ты хочешь сказать, его не было там, где все это, по твоему предположению, происходило?

— В том смысле, который ты вкладываешь, не было.

— Не уверен, что даже я знаю, какой смысл я вкладываю. Чем больше я тебя слушаю, тем больше запутываюсь.

— Верь мне, Бад. Все это ничто по сравнению с тем эффектом, который я могла бы произвести, если бы я рассказывать, как было на самом деле. Просто чуть больше доверяй мне. Теперь скажи, как ты по-

ведешь расследование.

— Что же, надо подумать. Говоришь, я его поведу?.. Гм... Ну, например, почему бы не поднять в воздух вертолеты — по примеру нефтяных компаний, когда они ведут разведку на бурение. Этот метод не слишком привлекает внимание и в то же время позволяет охватить большую площадь.

— Замечательно. Когда Карлос сможет начать?

— Я дам тебе знать, Рут. Возможно, сегодня. Но ты же понимаешь, он захочет выяснить, что именно он должен искать. И он обязательно заинтересуется, какую роль во всем этом играешь ты.

— Мою роль, Бад, держи в строгом секрете. Может, ты сможешь ограничиться пояснением, что институт выполняет свой гражданский долг, предоставляя суду кое-какое оборудование?

— Попробую, Рут.

— Ну, Карлос, что у тебя?

Бад Джун не любил телефоны без видеозэкранов. Он предпочитал видеть собеседника, с кем бы ни разговаривал. Но Карлос звонил с платного аппарата на обочине дороги, а телефонная компания по вполне понятным причинам не любила оснащать придорожные будки дорогим видеоборудованием: хулиганы могли его запросто выпотрошить.

— Парни шерифа только что выкопали труп, мистер Джун. Мужского пола, белый, примерно пятнадцати-шестнадцати лет. Тело сильно разложилось. Они сейчас ждут прибытия судмедэксперта.

— Где вы нашли его?

— На Митчеллском выгоне. От 77-го шоссе там ответвляется проселок, что идет к газокомпрессорной станции. Мы предполагаем, что убийца приехал по этой дороге и перетащил тело через железнодорожный

путь на выгон — там земля немного помягче. Эти места часто заливают, так что грунт в основном суглинистый. Яма неглубокая. Не думаю, что убийца имел с собой какой-нибудь землеройный инструмент. Скорее всего он рыл руками, ну, может, вначале использовал монтировку. Ничего не скажешь, ваш типичный метод: молниеносный наскок, — и мы в дамках.

— Гм... Все сходится... При трупe нашли какие-нибудь документы?

— Мне об этом неизвестно. Если и было что-то, то убийца избавился от бумаг. Обычно так всегда делают. Установить личность убитого будет не так-то просто: слишком много сезонников развелось в округе.

— А что, раны есть?

— Не видел ни одной, мистер Джун. Конечно, про тело, долго лежавшее в земле, обычно трудно сказать что-либо определенное, но сержант Браунли полагает, что пареньку свернули шею. Ну, судмедэксперт скажет наверняка.

— Хорошо, Карлос, сообщи шерифу — я хочу, чтобы все пресс-релизы шли через мою службу. Чтоб никто никому не пикнул без моего разрешения. Понял?

— Да, мистер Джун. Мм... Как я все это объясню шерифу?

— Просто скажи ему — мол, мы не хотим спугнуть нашего подозреваемого.

— Мистер Джун, я не могу сказать «наш подозреваемый». Вы же знаете, как полиция нервничает, когда мы влезаем в расследование. Шериф захочет узнать, за кем мы охотимся.

— Ну что же, скажи ему — я лично прослежу, чтобы он получил в руки все нити для завершения дела и сам сцапал кого надо, если, конечно, есть кого цапать. Добавь также, что мы работаем с информатором, который не доверится никому, кроме нас. Хорошо?

— Будет сделано, мистер Джун.

Джун повесил трубку. Некоторое время он сидел в бездействии, размышляя, какой оборот приняли дела, затем набрал номер Рут.

— Рут, только что позвонил Карлос. Они нашли парня. Это подросток. Как они считают, у него сломана шея. Выходит, на твоего информатора можно полагаться.

— Я была уверена, что именно так и будет. Как скоро вы сможете взять Янга?

— Придется немного подождать, Рут. Насколько можно судить, пока все сходится. Есть труп, и скорее всего действительно произошло убийство. Но вопрос идентификации все еще остается открытым, и, что более важно, нужно установить связь между трупом и Янгом. Это потребует какого-то времени. Впрочем... Хм, ситуация может измениться, если у тебя есть что-нибудь новенькое, о чем ты еще не говорила.

— Ничего существенного. Подожди минутку... Мотив! Я знаю мотив преступления.

— Да?! И что же это такое?

— Янг — половой извращенец. Мальчишка подвернулся ему случайно. Не думаю, чтобы Янг даже знал, как его зовут. Парень не подозревал о намерениях Янга, пока не стало слишком поздно. Когда он обнаружил в чем дело, то начал сопротивляться. И тогда Янг убил его.

— Как ты можешь знать об этом, если твой информатор не был на месте преступления?

— Бад, в этом отношении ничто не сдвинулось с места. Я по-прежнему не могу открыться тебе. Ты должен доверять мне. Разве это доверие уже не оправдалось?

— Да. Не могу отрицать. Но все равно не в силах отделаться от впечатления, будто ты кого-то оберегаешь.

— Так и есть — я действительно оберегаю кое-

кого. Но верь мне, Бад,— я не покрываю преступную деятельность. Я делаю все, что в моих силах, чтобы раскрыть ее. Я намерена оказать тебе любое содействие. Единственное, о чем я прошу взамен,— это не впутывать меня и мою семью. Ты знаешь, насколько пагубной стала бы для нас огласка.

— Прости, Рут. Я не хотел выступить в роли неблагодарной скотины. Я одобряю то, что ты делаешь, и разобьюсь, но защищу твою семью. Даю тебе честное слово.

— Я знаю цену твоему слову, Бад. Хорошо. Держи меня в курсе новостей.

Джун пообещал, что так и поступит, и прервал связь. Он сидел, ничего не предпринимая, и старался разобраться в новой ситуации. Бад никак не мог выкинуть из головы те перемены, которые он увидел в Рут, а более всего его беспокоило выражение крайней озабоченности, которое не сходило с ее лица в продолжение телефонного разговора.

Прошло немного времени, и мысли Бада потекли вспять. Его память вернулась к тем дням, когда Рут, никому не известная, впервые появилась в городе. Тогда она была Рут Перли — молодая, честолюбивая, слегка ершистая сотрудница одной из крупных юридических фирм. В ту пору ее нынешний муж доктор Делмар Скуновер еще не был мировой знаменитостью и спокойно работал в Блэтчлейском институте генетики.

В памяти Джун всплыла яркая картина процесса над Скуновером. В то время это было дело международного масштаба — весь мир наблюдал за ходом процесса. Рут защищала его. Она успешно и совершенно блестяще опровергла обвинение в рабовладении, которое предъявил Скуноверу федеральный суд, основываясь на результатах его экспериментов. Скуновер изменил зародышевую плазму шимпанзе, введя в нее

ДНК из собственного тела. В результате появился Адам — первый и единственный представитель нового, искусственно созданного вида — гибридное существо, нечто среднее между обезьяной и человеком.

Именно Адам и стал причиной бед доктора Скуновера. Одна журналистка, любительница сплетен из падкой на сенсации газетенки, ухватила новость, попыталась раздуть ее, получила резкий отпор и, разумеется, возжаждала мщения. Прибегнув к подстрекательству, она вынудила федерального прокурора возбудить дело, было вынесено решение о дополнительном узаконении, и состоялся суд, в конце которого Скуновер поразил всех, заявив об усыновлении Адама. На этом основании он и был оправдан, ибо родитель не может быть обвинен в рабовладении, если речь идет о его собственном несовершеннолетнем ребенке.

Вскоре после этого Рут вышла замуж за Скуновера. Долгое время они отчаянно боролись за то, чтобы оградить свою личную жизнь от людей, которые зарабатывают свой хлеб насущный, подглядывая в замочные скважины. К настоящему времени все страсти улеглись, и жизнь у Скуноверов пошла относительно спокойно. В последний раз эта фамилия мелькала в газетных заголовках, когда умер доктор Блэтчли. Последовал короткий шквал газетных репортажей, специальных телевизионных выпусков, и еще вышли две три книжки, каждая из которых претендовала на то, чтобы раскрыть всю подноготную скуноверского «умордка», как злые языки прозвали Адама.

Поразмыслив над обстоятельствами семейной жизни Рут, Джун отчетливо понял нежелание этой женщины быть замешанной в историю с убийством. Особенно с убийством на почве сексуальных отклонений, из которого средства массовой информации наверняка раздуют сенсацию. По мере того как Джун размышлял

об этом, его восхищение поведением Рут нарастало. То, что она делала сейчас, требовало от нее настоящего мужества.

Зазвонил телефон, рывком вернув Бада к действительности. Он наклонился вперед и включил экран. Джуна вызывал Карлос Колина.

— Мистер Джун! Полагаю, вам это будет полезно узнать. Медэксперт подтвердил, что смерть произошла в результате перелома шейных позвонков. Он также обнаружил следы борьбы: сломаны кости в запястье и правом большом пальце, вывихнуто правое плечо, сломана правая ключица.

— Как подвигается дело с идентификацией личности?

— Пока еще нет ясности. Продолжаем работать.

— Хорошо. Слушай, Карлос, сделай так — причем без объяснения причин, — чтобы шериф проверил по архиву данные о судимостях и приводах в полицию на одного парня, его зовут Бикфорд Янг. Еще лучше, если ты сравнишь эти данные с информацией компьютерного досье и достанешь фотокарточку с его водительской лицензии — просто на тот случай, если мы не найдем его физиономию в полицейском фотоархиве. Затем свяжись с городским «Пороком»* и узнай у тамошних ребят, может, кто-нибудь из них знает этого парня.

— Это и есть наш подозреваемый, мистер Джун?

— Да, Карлос, но на данный момент это все, что мы можем о нем сказать, так что держи язык за зубами.

— Слушаюсь. Что-нибудь еще?

---

* «Порок» — так в США в разговорной речи называют отряд полиции, занимающийся борьбой с незаконной торговлей спиртными напитками, проституцией и т. п.

— Если выловишь что-либо в архивах, сразу же сообщи мне.

Несколько дней прошло без всяких новостей. Помощники шерифа наводили справки в веселых барах, расположенных в районе порта, но пока безрезультатно. За Бикфордом Янгом не числилось никаких грехов, кроме нескольких нарушений правил дорожного движения. Правда, один раз его арестовали — за нападение на преподавателя колледжа в Огайо, но там причиной ссоры послужило несовпадение мнений во время урока и никакого сексуального подтекста не было. Уголовного дела против Янга не возбудили.

В том же портовом районе полицейские предъявляли к опознанию портрет жертвы, и хотя он был весьма неточен из-за частичного разложения лицевых тканей, тем не менее несколько работниц показали, что человек, изображенный на портрете, кажется им знакомым, вроде бы он был иностранцем.

Карлос направился в Клуб моряка, чтобы поговорить с директором Гюнтером Троде. Следователь показал ему портрет.

— Да,— сказал Троде, изучив набросок,— по моему, он бывал здесь несколько раз. Как мне кажется, в конце лета. Да, если я не ошибаюсь, это был югослав. Его английский был ужасен, поэтому мы говорили на итальянском — парень владел им неплохо, зато я объяснялся с большим трудом.

— Не был ли он слишком юным для матроса?

— В самом деле. Он явно не мог служить на нашем торговом флоте: туда берут с восемнадцати, но в прочих странах правила не слишком строги. Подождите минутку. Может, я помогу вам узнать его имя.

— Хорошо бы. А каким образом?

— Он воспользовался моим телефоном, чтобы поговорить по междугородному с Чикаго. По моему,

он сказал, что будет звонить тетке. Потом, позже, он заплатил за разговор, но номер телефона, который он заказал, должен значиться в счете. Я могу раскопать его.

Гюнтер принялся рыться в ящике с документами и вскоре извлек телефонные счета за июнь, июль и август 2002 года.

— Ага, посмотрим,— он проверил каждый счет.— Так, вот оно! 11 августа, 4.17 пополудни, Чикаго, Иллинойс. Шесть минут, пять долларов шестьдесят центов. Вроде бы повышенный тариф. Должно быть, это случилось в воскресенье. По воскресеньям у нас полно моряков, вот почему я и запомнил. Позвоните по этому номеру, и тетка сможет сказать вам имя парня,— он записал номер на листке бумаги.

— Верно. Спасибо, мистер Троде. Да, вот еще что: мы будем очень признательны, если вы не станете никому говорить о моем визите. Наш подозреваемый, возможно, не знает, что мы нашли жертву, и нам будет весьма неприятно, если он начнет мудрить, прежде чем мы подготовимся брать его.

— Я буду молчать.

И опять Рут пришла к Джуну в его контору. Она выглядела бледной и, как отметил Джун, чувствовала себя явно не в своей тарелке. Он сообщил Рут все, что выяснилось по делу Янга.

— Как видишь, Рут, проблема заключается в следующем. У нас есть труп. Мы знаем, кем был этот человек. Мы можем установить с достоверностью, что к исходу одиннадцатого августа он был еще жив: несколько человек видели, как поздним вечером он бродил по улицам. Один владелец бара вспомнил, что выкинул парнишку на улицу по причине его малолетства, а Карлос напал на старую знакомую — пор-

товую шлюху, которая говорит, будто видела, как один человек, похожий на Янга, колесил по району на старой разбитой машине серого цвета. Ты утверждаешь, что в конце той недели Янг не был занят в институте. Это может помочь делу, особенно если Янг не сумеет удовлетворительно объяснить, чем он занимался и где был. Но ты должна признать, что дело против него строится сплошь на косвенных уликах, и оттого вся аргументация безнадежно слаба.

— Я и сама вижу, Бад, какая зыбкая получается картина. Но все, что я тебе говорю,— истинная правда. Янг сделал это. Вы должны копать глубже.

— Каким образом?! Послушай, Рут, я сделал то, о чем ты меня просила. Я принял на веру твою догадку и начал расследование. Теперь у меня на руках нераскрытое убийство. Вот и все. Мы потратили кучу твоих денег и много времени Карлоса и вот к чему пришли: у меня не хватает улики даже для того, чтобы вызвать Янга на допрос. Как только я это сделаю, он тут же позовет своего адвоката, и тот явится ко мне и съест меня с потрохами. Ты и сама это прекрасно понимаешь.

— Да, пожалуй. Слушай, Бад, а если я дам деньги...

— Нет!

Рут в изумлении уставилась на него. Затем опустила глаза. На мгновение в голову Джуна закралась мысль, что сейчас Рут заплачет снова. Конечно, он не хотел этого, но решил быть твердым до конца. Бад со своего места лучше любого другого видел, что задача абсолютно неразрешима, пока Рут не скажет всего, что знает.

— Хорошо, Бад.

— Хорошо что?

— Хорошо... Приготовься к шоку. Информатор — это мой пасынок, Адам.

— Что?! — теперь причина, почему Рут не желала

вдаваться в подробности, была как на ладони. Бад даже ощутил дурноту при мысли, на что он толкнул бедную женщину.

— Д-да... И это еще не все, Бад. Я боюсь говорить тебе остальное. Ты не поверишь мне, когда узнаешь, каким образом Адам выяснил детали преступления.

— В своей жизни, Рут, я слышал множество самых диких историй. Я буду очень стараться поверить.

— Уж постарайся... Адам узнал об убийстве, потому что... Потому...

— Ну-ну, Рут, продолжай. Потому что — что? — Зайдя так далеко, Джун решил придать разговору более формальный характер.

— Адам — телепат. Он прочитал все в мозгу Янга.

Джун окаменел. Он сидел в кресле прямо, держась за край стола с такой силой, что побелели пальцы. Кровь прилила к голове. Какое-то время он сидел с совершенно нелепым видом — лицо пунцовое, рот полуоткрыт. Неужели Рут действительно произнесла «телепат»?

Когда Бад снова обрел дар речи, голос его сел:

— Рут, если бы на твоём месте был кто другой, я тут же послал бы за полицейской машиной. Потому что такие речи означают — либо человек спятил, либо наглотался какой-нибудь дури. Но ты же в это веришь, так?

— Верю. Это факт, Бад. Я представляю, что ты сейчас чувствуешь. В свое время я тоже прошла через такой шок. Мне прямо в лицо бросили доказательство. Я не могла игнорировать его, не сможешь и ты. Это доказательство ждет, чтобы ты увидел его и оценил. Поэтому, теперь ты понимаешь, почему мне так не хотелось говорить что бы то ни было на эту тему.

— Да-а-а... проговорил Джун, буквально выдавливая из себя слова. — Ты была права.

— Я знаю, Бад, это звучит нелепо. Но, с другой стороны, само существование Адама когда-то казалось людям абсурдным. И мне тоже... когда-то. Но уверяю тебя — его способность более чем реальна, и мы с Делмаром готовы предъявить тебе строгие доказательства. Единственное, к чему мы не готовы,— это к тому, чтобы пропустить Адама через соковыжималку американской системы правосудия, если этому есть хоть какая-нибудь разумная альтернатива.

— И все-таки, Рут, этот номер не пройдет. Конечно, я знаю, что множество людей поверят тебе. Но это же самое множество людей верит в неопознанные летающие объекты и сидящих в них зеленых человечков. И у меня есть четкое ощущение, что у подавляющего большинства из них шарики заехали за ролики. Я готов прозакладывать целое ранчо, что средний присяжный ощущает то же самое, и если ты будешь честной сама с собой, то согласишься с моими доводами.

— Ну что же, Бад, в таком случае я выполнила свой долг.— В голосе Рут звучало смирение. Она поднялась со стула и повернулась, чтобы уйти.

— Подожди, Рут. Не уходи.

— Какой смысл оставаться?

— Дело в том, Рут, что как официальное лицо я обязан быть скептиком, но чисто по-человечески я прошу тебя рассказать все в подробностях. Кто знает, может быть, окружной прокурор способен изменить свое мнение.

— Мои слова не будут записаны?

— Не будут, Рут, если ты не хочешь этого.

Рут вернулась к стулу и села.

— С чего начать?

— Давай с конца. Объясни мне, почему ты считаешь, будто Адам может читать мысли.

— Хорошо. Полагаю, это удачное начало. Я вышла замуж за Делмара спустя три месяца после суда, тогда

же я переехала в его дом, где Делмар жил с Адамом. Узнать человека можно, только живя с ним бок о бок, так получилось и с Адамом. Поначалу я понимала его с огромным трудом — ведь он так странно разговаривал. Мне приходилось слушать с большим напряжением, чтобы разобраться, что же такое он пытается сказать. Когда я стала ему мачехой и смогла проводить с ним больше времени, я поняла, что мой долг — помочь ему справиться с трудностями. И я стала тренировать голос Адама, чтобы он мог говорить более отчетливо. Я занималась с ним каждый день и начала записывать наши беседы на магнитофон. Потом мы возвращались к этим записям, чтобы понять, насколько продвинулись вперед. И, конечно же, дело двигалось. Наконец, настало время, когда я смогла без труда понимать Адама. Тогда я заметила одну странную вещь. Хотя наш контакт заметно улучшился, окружающие не находили никаких сдвигов, особенно те, кого Адам знал не очень хорошо. Я обратила на это внимание Делмара.

Однажды поздно вечером, когда Адам уже лег спать, а у Делмара было немного свободного времени, я вытащила пленки и прокрутила их мужу. Мы были в шоке. На нескольких начальных пленках звучал мой голос и раздавалось неразборчивое бормотанье. О, все было ясно — эти звуки издавал Адам. Слова — я употребляю этот термин в широком смысле — были перепутаны, порядок отсутствовал вовсе. Порой Адам пропускал отдельные звуки, порой их плотно спрессовывал. Конечно, все пленки были помечены, там стояли даты, и в общих чертах я знала, о чем мы говорили в каждом конкретном случае. С техническими проблемами мы смогли справиться, потому что мой голос и все посторонние шумы звучали громко и явственно.

Мы начали с самой старой пленки и прокручивали их по порядку, одну за другой. Бормотание оставалось

бормотанием, но на более поздних пленках его было все меньше и меньше. Постепенно голос Адама напрочь исчез из записей, и, если не считать моего голоса, они были совершенно чисты. Мы не могли понять этого.

Позднее Делмар заявил, что гипотеза о телепатии возникла у него сразу же, как только он осознал эффект, но мне пришлось дожидаться пробуждения Адама на следующее утро, прежде чем я смогла убедить себя, что все это происходит на самом деле.

Мы все уселись за кухонный стол, магнитофон стоял посередине. Все пленки, которые мы прокручивали, были предельно понятны — в том числе и чистые, которые больше не были чистыми. Голос Адама звучал звонко, как колокольчик,— именно этот голос я слышала во время наших бесед. Но и тогда мы ничего не сказали Адаму. Опять дождались, когда он ляжет спать, и повторили эксперимент. Снова мы слышали либо бормотанье, либо тишину.

Я по-прежнему храню эти пленки, Бад. Если хочешь, могу повторить эксперимент при тебе.

— Конечно, хочу. Но ты ведь не все сказала. Продолжай.

— Разумеется, не все. Понимаешь, Адам тогда был совсем ребенком. Он и сейчас дитя. Могли ли мы ожидать, что он поможет нам? Теперь мы знаем, что в то время он не считал свою способность чем-то ненормальным, не осознавал, будто ведет себя необычно. Он полагал, что все устроены точно таким же образом,— ведь у Адама не было возможности сравнивать собственный сенсорный аппарат с системой чувств обыкновенного человека. Мы пробовали объяснить ему, но это было бы все равно, что объяснять слепому, что такое зрение, или пытаться доказать, что цвет, который ты называешь голубым, представляется мне точно таким же, как и тебе. Вот как сформулировал это Дел-

мар. Он говорил, что две разные системы дают сравнимые результаты, но в способах их работы существуют настолько фундаментальные отличия, что любое сопоставление теряет смысл.

Итак, мы установили наблюдение за Адамом. Своей тайной мы поделились только с доктором Блэтчли, в остальном же мы с Делмаром хранили секрет Адама от посторонних в течение нескольких лет. Тем временем произошли события, которые заставили нас открыться доктору Маккиверу.

— По-моему, я не знаю его, Рут.

— Он нездешний. Приехал из Атланты. Психоневролог. Делмар и Мак вместе ходили в школу в Швейцарии и были добрыми друзьями. Делмар высоко ценил профессиональные способности Мака. Поэтому, когда мы осознали, что эти способности могут нам пригодиться, Делмар пригласил старого друга сюда. Предполагалось, что пребывание Мака здесь будет временным, но когда он приехал и включился в работу по исследованию Адама, Делмар попросил его остаться. Теперь он работает в институте.

— Каким образом к этой истории примешался Янг?

— Янг — инженер. Его специальность — конструирование компьютерных диагностических систем. Я вернусь к нему позже.

— Хорошо. Извини, что перебил тебя. Почему Делмар пригласил доктора Маккивера?

— Понимаешь, нам казалось, что развитие Адама отклонилось от нормы или от того, что Делмар понимал под нормой, и перемены, которые происходили в Адаме по мере взросления, встревожили его. Делмару раньше и присниться не могло, что с головой у Адама будет что-то неладное. По его мнению, никто из предков Адама не мог наделить его такими способностями: ни анатомия человека, ни анатомия шимпанзе не давали ключа к разгадке этой тайны. В конце концов Делмар

решил, что эффект порожден гибридизацией, и тогда он заявил, что ему нужен Мак: работа оказалась не по силам одному человеку.

— Какие перемены происходили в Адаме?

— Он деформировался. Так по крайней мере я могу охарактеризовать этот процесс с человеческой точки зрения. Может быть, и с точки зрения шимпанзе тоже. Ты когда-нибудь обращал внимание? У шимпанзе лоб скошенный, а над глазами — надбровные валики. Свод черепа нормального человека имеет форму высокого купола. Надбровные валики у Адама больше выдаются, чем у тебя или у меня, однако они не столь велики, как у шимпанзе. К тому же у Адама гораздо более плоский свод купола, чем у людей. Делмар утверждает, что поскольку мозг у Адама со временем достигнет размеров мозга взрослого человека, то соответственно должна измениться и форма купола: чтобы мозгу было куда разрастаться. Делмар полагал, что развитие черепа Адама будет идти именно в этом направлении, но его ожидания не оправдались. Вместо того чтобы увеличиваться в объеме вперед и вверх, мозг Адама, как нам представляется, расширяется в стороны, увеличиваются, по словам Делмара, височные доли. Таким образом, череп начинает приобретать грибовидную форму, а за счет этого увеличивается расстояние между глазами. У Адама всегда было плохое зрение, ему с ранней поры приходится носить очки. Неожиданное развитие мозга усугубило проблему зрения, и это одна из причин, почему Делмар воззвал о помощи.

Когда приехал доктор Маккивер, они с Делмаром попытались выяснить, что же происходит с Адамом, вот тогда Делмар и поведал Маку о способности Адама. После этого Мак и Делмар приступили к детальному исследованию мозга Адама — они стремились найти причину, обусловившую направление, в котором теперь развивается мозг. Разумеется, они предполагали, что

способность Адама к телепатии была продуктом этого неожиданного развития.

— Так и есть?

— Во всяком случае, на сегодняшний день это основная гипотеза. Тогда Делмар и Мак были еще полны сомнений. Оба утверждали, что дело движется, но им не хватало терпения. К тому времени Мак по уши влез в это исследование и решил оставить практику. У Делмара мозги тоже были набекрень. Они забросили почти все прежние проекты и сосредоточились только на Адаме. Следующим шагом было привлечение Янга. Дело в том, что Делмар распорядился всеми средствами. Ведь после смерти доктора Блэтчли Делмар стал директором института. Согласно завещанию Кларенса, которое определяло условия доверительной собственности на фонды института, Делмар получал практически неограниченную свободу действий в отношении расходов,— это и справедливо, поскольку некоторые открытия Делмара принесли колоссальную прибыль. В общем, они с Маком решили, что им нужна специальная система контроля за физиологическим состоянием Адама — нечто такое, что может обнаруживать и анализировать любые отклонения. Что-то вроде суперавтоматического сканирующего устройства — помоему, они поставили именно такую задачу. Конечно, подобной техники в природе не существовало. Тогда они обратились в лос-анджелесскую «Дженерал элктроникс», объяснили, что именно требуется от прибора, и «Дженерал элктроникс» взялась создать его за кругленькую сумму плюс фиксированный процент от прибылей. Я была, конечно, против, потому что ни Делмар, ни Мак ничегошеньки не смыслят в деньгах. Но они хотели игрушку, и они получили ее.

Ты бы видел эту машину! Ее словно вывезли из лаборатории Франкенштейна. Тебя сажают в люльку на самой верхотуре, а затем люлька начинает спускаться

ся внутри большой трубы. На каждом уровне приборы сканируют различные части твоего тела, и наконец, когда ты спускаешься вниз, компьютер уже знает о твоих внутренностях все, чтобы построить с помощью лазера трехмерный голографический портрет в натуральную величину. С этим изображением Делмар и Мак могут делать всевозможные штуки.

Однако машина оказалась такой сложной, такой капризной, что мои ученые мужи быстро поняли: вдвоем им с нею нипочем не справиться. Тогда за дополнительную плату они наняли Бикфорда Янга, который создавал это устройство,— словно бы придаток к машине.

— Но, Рут, если он знает...

— Он не знает. Как говорит Адам, он распознал бы, если что. Надеюсь, Адам не ошибается. Мне страшно представить, что произойдет, если Янг узнает. Как только он заподозрит, что Адам обладает телепатическими способностями, и поймет, что его тайна не стоит и ломаного гроша, жизнь Адама тоже не будет стоить больше. Здесь нужна особая осторожность. Никто из нас, к счастью, так и не растолковал Янгу, какова истинная цель эксперимента. Ему объяснили лишь общую цель — изучение физиологического роста и развития Адама. Но Янг не настолько глуп, чтобы не вычислить всего остального,— если, конечно, у него будет достаточно времени. Вот почему я хочу, чтобы его убрали из института.

— Хорошо. По-моему, я разобрался в предыстории. Теперь скажи мне, Рут, насколько можно доверять способности Адама?

— На все сто. Когда ты увидишь его телепатические возможности в действии, уверена, ты согласишься со мной. Конечно, мы с тобой не специалисты, Делмар и Мак лучше разбираются в таких делах. Но будучи неспециалистом, я убеждена, ты не распознаешь подделку голоса, когда Адам разговаривает с кем-либо,

кого он хорошо знает. Например, когда он беседует со мной или Делмаром, мы не испытываем необходимости в озвучивании речи, хотя обычно все же делаем это из соображений безопасности. Негоже, если какой-нибудь сторонний наблюдатель заметит, что Адам говорит с закрытым ртом.

— В озвучивании? Значит ли это, что Янг должен был размышлять вслух, прежде чем Адам смог воспринимать его мысли?

— Нет. Хотя, возможно, так оно и было. Видишь ли, помимо обычного разговора двух собеседников бывают еще разные ситуации, и тут вроде бы существуют ограничения. Например, одно из них — расстояние. Кроме того, случается так, что Адам, по его словам, не может «войти» в голову человека, даже если тот находится по соседству. А иногда ограничения налагаются способом мышления: мозг, в который Адам «входит», должен сформулировать мысль, прежде чем она станет понятной Адаму. Он не может погрузиться в глубины памяти, пока человек, за которым он наблюдает, не начнет сознательно вспоминать. Адам считает, что это связано с привычкой большинства людей мыслить словами; когда кто-нибудь озвучивает свои мысли, Адаму легче читать их. Вместе с тем Адам убежден, что его способность к телепатии односторонняя, все прочие люди не обладают ею хотя бы в сколько-нибудь заметной форме, тогда как Адам — одновременно и мощный передатчик, и чувствительный приемник.

Хочешь, я сообщу тебе действительно необыкновенную новость? Телепатию нельзя назвать уникальной способностью, дарованной только человеку. Если верить Адаму, средняя обезьяна больше развита в этом отношении, чем средний человек, а уж среди обезьян самые сильные потенциальные телепаты — шимпанзе. Любопытное откровение, не правда ли?

— Не знаю, Рут. Мне лично оно кажется весьма лестным. Давай вернемся к Янгу. Как я понимаю, Адам засек Янга, когда тот размышлял о совершенном преступлении, так?

— Да! И здесь мы вступаем на самую зыбкую почву во всей этой истории.

— Что ты хочешь сказать?

— Янг больше ни разу не вспомнил о преступлении — начиная с той самой ночи, когда все это произошло. По словам Адама — ни разу! Вот почему детали столь хаотичны. Часть того времени, в течение которого Янг думал о преступлении, Адам спал. Он проснулся от лая собаки, подавшей голос, когда Янг вернулся в институт. Адам выглянул из окна, увидел, как Янг вылезает из машины поодаль от ворот, и ему стало любопытно, кто это такой и почему такси не заехало во двор. Вдруг Адам уловил то, что он позднее описал как исключительно сильные, но «разорванные» мысли. Он тут же понял, что Янг убил кого-то и закопал тело, но не смог вычленить побольше деталей: в голове Янга царил хаос. Адам сказал, что мысли его слишком уж «прыгали».

Янг сразу же прошел в свою комнату и принял сильный седатив, который вырубил его через несколько минут. Адам не разобрался в причинах, но, по его словам, Янг с тех пор просто не может вспомнить, что он совершил преступление.

— Не может или не хочет?

— Адам не знает. Он рассматривал, например, такую возможность: Янг, видимо, недостаточно сильный «передатчик», который «включается» только в состоянии сильного стресса. А может быть, это род какой-то подсознательной блокировки. Адам еще не встречал человека, который мог бы ставить блок сознательно, и он убежден к тому же, что на то, чем скованы мысли Янга, это никак не похоже. Адам говорит, он еще

слишком мало знает о своей способности, чтобы делать определенные выводы о сложившейся ситуации.

— Сколько лет Адаму, Рут?

— Одиннадцать.

— Ну что же, для ребенка его возраста он весьма трезво рассуждает. По крайней мере настолько трезво, что, может быть, есть смысл попробовать...

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что, возможно, окружной прокурор уже созрел. Я снова испытываю интерес к этой истории. Конечно, люди моего склада привыкли верить своим глазам, поэтому давай, Рут, готовь демонстрацию.

— Договорились, Бад. Почему бы тебе не пообедать сегодня с нами? Уверена, Делмар и Мак расскажут тебе намного больше, чем я. Да, только помни — я по-прежнему не желаю выставлять Адама на всеобщее обозрение.

— Рут, мне неловко об этом говорить, но ты ни разу не упомянула, известно ли Адаму, что ты делишься со мной?

— Да, конечно, у меня от него нет секретов. Он слишком хорошо меня знает. Я не уверена, что он отдает себе отчет в том, какой размах примут события, если дело передадут в суд и ему придется давать показания. Но я-то осознаю это в полной мере, вот почему любым способом хочу избежать судебной процедуры.

— Когда обед?

— Приходи к семи.

Лаборатория сканирования располагалась в куполе, который лежал на полпути между домом доктора Скуновера и теплицей, где доктор Веллингтон Смит ставила свои садоводческие эксперименты.

Карлос Колина остановил машину без номера перед лабораторией и выключил зажигание. Помощник шерифа,

Гас Риос, вынул наручники из «бардачка» и опустил их в карман куртки. Затем оба покинули машину и вошли в здание через двойные двери, которые открывались автоматически. Внутри их глазам представилось просторное помещение — добрых десять футов от пола до потолка, — в центре которого возвышалось какое-то большое, сложное сооружение, усеянное индикаторами и сигнальными лампочками. В верхней его части виднелась люлька, укрепленная на кардановых подвесах, а в люльке сидел спеленутый ремнями человек. На нем был странной формы шлем, от которого тянулись сотни тонких проводов — они объединялись в жгуты и исчезали в сооружении. Ноги, руки и торс человека были обнажены, и они тоже соединялись с приборами, правда, некоторые из соединений представляли собой не провода, а тонкие трубки. Чувствовалось, что человеку в люльке очень неудобно.

Колина понял, что перед ним Адам Скуновер. Он никогда не видел Адама въяве, но, разумеется, не раз изучал фотографии — все они были сделаны довольно давно. Колина говорил себе, что неприлично так разглядывать человека, однако смотрел и смотрел, пока его внимание не переключилось на мужчину, который вышел из-за установки.

Мужчина отличался высоким ростом — шесть футов с лишним — и пропорциональным сложением. Больше всего он походил на грузчика, однако на нем был характерный белый лабораторный халат, который для Колины всегда ассоциировался с профессией медика. Расстегнутые верхние пуговицы позволяли видеть обильную черную поросль на груди. Все в этом человеке носило печать гигантизма. На мужчине были очки с толстыми стеклами, голову он наклонял немного вперед, словно стараясь лучше разглядеть двух незнакомцев. За его спиной Колина увидел еще двух мужчин, которые тоже появились из-за установки.

Гигант заговорил — неожиданно высоким голосом:

— Чем могу служить?

— Мы ищем Бикфорда Янга. Он здесь?

— Я Бикфорд Янг.

Колина залез во внутренний карман и вытащил кожаные корочки, в которых хранились его нагрудный знак и удостоверение личности. Он раскрыл их так, чтобы Янг мог видеть содержимое.

— Я Карлос Колина из службы окружного прокурора,— представился он.— А это помощник шерифа Гас Риос. Мы прибыли, чтобы предъявить вам ордер. Вы арестованы.

Колина снова полез в карман и извлек бумагу, которую передал Янгу. Янг развернул ее и принялся читать.

— Убийство! Вы что, ребята, с ума сошли? Я и не слышал никогда о Миленко Вуковиче!

— Нет, слышали, мистер Янг. Вы сломали ему шею двенадцатого августа и закопали тело на Митчелском выгоне. Затем вы избавились от машины и вернулись в институт на такси.

— У меня нет машины. Последние пять лет я живу без автомобиля.

— Тогда скажите мне, мистер Янг, если вы не убивали Вуковича, что вы делали той ночью?

— Полагаю, мне лучше прекратить этот разговор, пока я не увижу адвоката. Больше я не скажу ни слова.

— Это ваше конституционное право, мистер Янг. Теперь повернитесь. Заложите руки за спину.

Янг повиновался, и Риос надел ему наручники. Затем Янга увели.

Как только все трое уехали в полицейском автомобиле, Скуновер и Маккивер подошли ближе. Делмар вскарабкался по лесенке и начал снимать с Адама датчики.

Адам терпеливо ждал, когда его освободят, и как только смог двигать руками, тут же принялся отсте-

гивать ремни, которые крепили его к люльке. Затем они оба спустились. Маккивер поджидал их у нижних ступенек лестницы, тут же стояли только что подошедшие Рут и Бад Джун.

— Адам, ты уловил что-нибудь?

— Кое-что, мистер Джун. Он лжет. Он убил мальчика, но он не знал его имени, когда делал это. Он не лжет, когда говорит, что у него нет машины. Машина принадлежит другому человеку — Илизару. Я думаю, это имя, а не фамилия. Мистер Янг отвел машину к дому Илизара и оставил ее там.

— Ты знаешь, где живет Илизар?

— На доме не было номера, мистер Джун, и было темно. Мистер Янг не встретил дорожных знаков, которые бы мог запомнить. Но на другой стороне улицы, напротив дома, были две большие цистерны.

— Хорошо. Что еще ты можешь рассказать о той ночи?

— Я теперь уверен насчет подсознательной блокировки, но она еще не исчезла полностью. Там были целые гроздья мыслей, мысли прыгали как бешеные — я думаю, прежде всего потому, что он жутко удивился: как это получилось, что кто-то знает? Затем, мне кажется, он пытался убедить себя, что это все неправда, а потом стало плохо видно. Но я обнаружил еще кое-что. Теперь я точно знаю — какая-то девушка видела его с мальчиком незадолго до убийства. Мистер Янг очень расстроился при мысли об этом, потому что, по его мнению, именно та девушка навела полицию на след.

— Адам, ты знаешь, где она увидела их?

— На улице, когда мальчик садился в машину. Но я не знаю, что это была за улица, и мистер Янг не очень-то запомнил девушку, разве что отметил, что она не в его вкусе.

— А что была за машина, Адам? Ты не заметил, какой марки, какого цвета?

— Старая машина с бензиновым двигателем, не электрическая. По-моему, серого цвета. Обшивка внутри вся изорвана.

— А что насчет убийства, Адам? Янг думал о нем?

— Поначалу — да. Он вспомнил драку, вспомнил, как остановил машину, но все это словно в тумане. Он то и дело перескакивал с мысли на мысль и не додумывал мысли до конца. Чтобы разобраться, я должен складывать разрозненные кусочки, а это очень трудно.

— Я понимаю тебя, Адам. Поверь, я очень высоко ценю твое старание. Если ты вспомнишь что-нибудь еще, пожалуйста, сообщи мне, хорошо?

— Со мной этот номер не проходит, мистер Джун. Либо я знаю, либо я не знаю. Я вам уже все рассказал.

— Э-э, мистер Джун... — прервал их Делмар. — Мы должны провести с Адамом определенные процедуры, поскольку он только что из установки. Пока мы не закончим, он не сможет отвечать на вопросы. Не возражаете?

Джун кивнул, и все трое вышли из лаборатории, оставив Бада наедине с Рут.

— Что, Бад, плохо дело?

— Не очень хорошо. Пока еще не очень. Я всерьез надеялся, что Янг запаникует и расколется. Вполне очевидно, что этого не произошло. Теперь нам придется добиваться того же с очень большими трудностями.

— У нас есть несколько дней до предварительного слушания дела. Какую сумму ты посоветуешь назначить в качестве залога?

— Я посоветовал бы обойтись без залога, но Янга все равно освободят: раскошелится какая-нибудь сердобольная особа. Скорее всего это будет наша старая знакомая Паула Уиттл. Как только я вношу предложение не освобождать под залог, все начинают рваться под ее крылышко. Она просто обожает расписываться на повестках.

— Что ты собираешься теперь делать, Бад?

— Буду искать машину. Цистерны слегка сужают поле поиска, а Илизар — не такое уж распространенное имя. С женщиной будет намного труднее. Наверняка это какая-нибудь портовая шлюха. Янг, видимо, рассматривал ее как запасной вариант. Хотелось бы иметь побольше времени.

— Да, — сказала Рут, — время бы нам не помешало. Я лично думала, что эта процедура с арестом окажет на Янга более сильное воздействие, но он, судя по всему, хладнокровный человек. Делмар говорил, он совершенно феноменально управляется со всеми этими устройствами, и если бы не дурные наклонности парня, Делмар, вероятно, оставил бы его при себе. Кстати, вот еще одна проблема: что если Янга выпускают под залог и он является сюда? Что мы тогда будем делать?

— Хороший вопрос. Я полагаю, ты выкинешь его за дверь.

— Он возбудит против нас дело. Или это сделает «Дженерал электроникс». И если не удастся выстроить обвинение против Янга, он выиграет процесс. Пока против него лишь тот факт, что он под следствием. Увольнение можно было бы оправдать обвинительным приговором, но просто факта ареста для увольнения недостаточно.

— Подумай об альтернативе, Рут. Если только он явится сюда и если только узнает, что Адам хоть как-то причастен, Янг, скорее всего, решит избавиться от свидетеля. В тот раз он совершил убийство, имея куда менее значительный повод.

— Я думала об этом. И боюсь до потери сознания. Тот факт, что у Янга хорошо варит башка, отнюдь не располагает к спокойствию. Я уверена — он понимает, что Делмар и Мак затеяли все это сканирование мозга, да еще с привлечением сверхдорогущего оборудования, не ради забавы. Даже неподготовленный

человек может распознать в Адаме несвойственные человеку черты, и как только Янг выяснит, что у вас практически нет доказательств, он начнет размышлять, с чего это вдруг вы так глубоко копаете. Не нужно особой интуиции, чтобы связать данную ситуацию с возможностью телепатического подслушивания.

— Рут, тебе нужна защита? Я мог бы отрядить сюда пару ребят.

— Я не уверена, Бад, что это поправит дело. Скорее наоборот. Думается, Адам будет в безопасности только тогда, когда Янга надежно запрут в тюрьму.

— Ты же знаешь, Рут, я делаю все возможное.

«Все возможное» Джуна не давало гарантий. Когда Рут услышала, что назначен залог в сто тысяч долларов, она испугалась: вдруг Янг найдет кого-то, кто внесет эту сумму. Однако узнав, что Янг для этого даже палец о палец не ударил, Рут воспряла духом.

Но на то у Янга были свои причины. Его адвокат, Перси Шеффер, сразу начал ходатайствовать о предварительном слушании дела и добился, чтобы первое слушание состоялось менее чем через двое суток после ареста. Обычно эти слушания были пустой тратой времени, поскольку в промежутке окружной прокурор, следуя обычаю, докладывал обстоятельства большому жюри, а уж оно, как правило, лишало судебные инстанции права в ходе предварительного разбирательства формулировать предположительное обвинение, дающее основание содержать подозреваемого под стражей.

Дело раскручивалось, но Государство не смогло удовлетворить Правосудие, представив ему убедительные доказательства, что между Янгом и покойником была какая-то связь. В итоге иск был отклонен, и Янга выпустили на свободу.

То, что Правосудие отклонило иск, вовсе не означало, будто обвинение было снято,— просто Государство лишилось права держать Янга в тюрьме. Даже сейчас его все еще можно было привлечь к ответственности. Все, что требовалось,— это раздобыть новые доказательства. У Бада их не было, и ему не очень-то улыбалось вступать в новый раунд схватки, имея на руках те же самые козыри, которые уже видел мировой судья. Большое жюри не пропустит дело в суд.

Что беспокоило сейчас окружного прокурора больше всего, так это фактор времени, который работал против Государства: с некоторых пор в стране действовал закон о безотлагательном судопроизводстве, и недавно было принято несколько решений, где этот закон сыграл неблагоприятную для Государства роль. Джун уже начал было сожалеть о той поспешности, с которой они взяли Янга. Не было бы ареста — не было бы и проблемы, но поскольку с момента ареста началось судебное преследование Янга, он всецело подпадал под правило «ста двадцати дней». В течение этого срока Джун обязан был повторно арестовать Янга и довести дело до суда, иначе преследование теряло силу.

Янг вернулся в свою квартиру при институте и приступил к прежним обязанностям.

Верная своему слову, Рут, как и все остальные, вела себя внешне так, будто ничего не произошло,— отношение к Янгу не менялось, был ли он поблизости или нет. Но теперь действовало новое правило, и все строго придерживались его: Адама даже на секунду не оставляли наедине с этим человеком. По ночам он спал за закрытыми дверями, которые охранял Феликс Хуарес — специальный уполномоченный окружного прокурора: он был загримирован под уборщика.

Ни Делмар, ни Мак не считали это достаточной мерой, и поэтому оба были хорошо вооружены. Рут возражала против оружия. Она ничего не могла сказать

о Маке, но зато хорошо знала Делмара и сильно сомневалась в его способности причинить боль кому бы то ни было, кроме себя самого.

Время шло. Новости от Бада если и поступали, то лишь самые обескураживающие. Илизар исчез. Выяснилось, что он был «мохачо» — «мокроспинник»*. Этот незаконный иммигрант растворился вместе со своей машиной — возможно, улизнул за границу, вернувшись туда, откуда в свое время прибыл. Полиция с ног сбилась, но так и не нашла ни его самого, ни его автомобиля.

Больше повезло с девицей. Ее отыскивали, хотя толку от этого было все равно мало. Она хорошо разглядела жертву и описала парня во всех подробностях. Югослав находился вне машины, и девица пыталась привлечь его внимание. Водитель же оставался за рулем, поэтому у нее было меньше возможностей рассмотреть его. Девице предъявили альбом с фотографиями, но она не опознала Янга.

Разбирательство опять зашло в тупик. По-прежнему не было ни одного свидетеля, который мог бы связать единой нитью Янга и его жертву, не говоря уже о том, чтобы эта нить привела к роковой дате. А времени оставалось все меньше и меньше.

Не желая тревожить Адама, четверо взрослых опять встретились поздно вечером, когда мальчик уже спал. Цель была следующая — решить, стоит ли делать очередной логический ход. А именно — предложить большому жюри услышать о случившемся из уст Адама.

Они собрались в небольшом рабочем кабинете Делмара Скуовера. Хозяин сидел рядом с Рут на маленькой кушетке. Мак с неизменной жестянкой пива в руке расположился на медвежьей шкуре возле кофей-

---

* Сельскохозяйственные рабочие, незаконно приехавшие или доставленные из Мексики в США.

ного столика, а Бад, в кои-то веки настроенный на неофициальный лад и одетый весьма небрежно, полулежал в огромном пухлом кресле,— Адам очень любил забираться в него, когда бывал в кабинете.

— Мне это не нравится, Бад,— сказал Делмар.— Все опять встанут на головы, как это случилось, когда Адам был маленьким. Я отнюдь не горю желанием наблюдать, как моего сына снова подвергают гонениям. В прошлый раз это было ужасно — а ведь тогда публика возмущалась только физическими отличиями. Уже в те времена Адама называли монстром, а ныне типы вроде Лестера Роталса расценят новые способности Адама как доказательство своей правоты. Вы помните «реподобного» Роталса?

— Конечно, помню,— отозвался Джун.

— Тогда вы должны также помнить, как он называл Адама антихристом. На плечах моего мальчика этот тип воздвиг целый религиозный культ и сделал все от него зависящее, чтобы мир возненавидел малыша. Еще совсем недавно нельзя было включить телевизор без того, чтобы не узреть эту безобразную морду и не услышать, как он вещает.

— По-моему, Делмар, Роталс уже не у дел. Он положил начало, хорошенько нагрел на этом руки и предпочел всему жизнь финансового воротилы. В настоящий момент у него хлопот полон рот с ребятами из налогового управления — Роталс старается изо всех сил, чтобы они не уpekли его в тюрьму за уклонение от уплаты налогов. Сомневаюсь, чтобы он причинил Адаму неприятности.

— Может быть, он и не причинит, но всегда найдется кто-то, кто захочет нажиться на несчастье ближнего. Мир полон подобной нечисти. Я знаю — сам предстал перед судом. Бад, ведь я попал за решетку не потому, что был в чем-то виноват, а по той причине, что какой-то горлопанистой пронырливой репортерше захотелось

продать сенсацию. Если правительство может бросать за решетку ни в чем не повинных людей, почему бы ему не посадить кое-кого, чья вина общеизвестна? Почему Адам должен становиться за барьер для дачи свидетельских показаний и принимать на себя весь огонь оскорблений, который, как мы знаем, обрушит на него белый свет? Он...

— Делмар, я понимаю, каково вам, но поверьте мне...

— Нет! Вы не понимаете, Бад. И не перебивайте меня, хорошо? Я еще не закончил. Адам не должен этому проклятому миру ни единого цента. Все, что он получал от него,— это сплошное горе. Мир отверг его и ему подобных только за то, что они отличны от других людей. Правительство, которое засадило меня в тюрьму, ожидает теперь, что мой сын явится в суд во имя справедливости,— а ведь это то же самое правительство, которое отказало ему в справедливости, не разрешив иметь подругу. То же самое законодательство, которое запретило в свое время убить моего сына, также запрещает — под страхом длительного срока заключения — повторить процесс и создать еще одно существо — в пару Адаму. Справедливо ли это?

— Делмар, вы должны понять...

— *Нет! Я не должен* понимать, Бад. В назидание вам и любому другому, кто считает, что я *должен*, я со всей откровенностью заявляю, что не только сейчас не понимаю, но и в будущем вряд ли пойму систему, которая столь непоследовательна в подходе к одному и тому же вопросу.

И не то чтобы я не пытался. Напротив — я пытался, и довольно долго. Я слушался Рут, ибо знал, что она любит меня, и был уверен, что она любит Адама. Я последовал ее совету. Я подставил вторую щеку, я сделал все, что она предлагала, будучи убежден, что она знает лучше, что она понимает эту систему. И мы жили здесь спокойной жизнью, старались хорошо делать свое

дело и не лезли в чужие дела.

И что происходит потом? Какой-то чужак, тип, действия которого в нерабочее время мы не можем контролировать, отправляется кое-куда и по причинам, известным ему одному, совершает преступление, абсолютно не связанное с его работой и вовсе не имеющее отношения к кому-либо из нас. Затем он возвращается и обрушивает мысли о своем преступлении на моего сына.

Адам не знал, что делать. Да и как он мог знать? Ведь Адам — невинный ребенок. Все, что ему известно, — это то, что убивать нехорошо, и он считал, что нас нужно поставить в известность об убийстве, совершенном Янгом, вот он это и сделал.

А затем Рут, которой почему-то — мне неясно почему — хочется верить, что вы ее друг, рассказывает эту историю вам. Она, видите ли, посчитала, что это ее долг и что она знает лучше.

Я так не думал. По крайней мере в этом конкретном случае Рут заблуждалась. Я был против, ибо опасался, что то, что уже произошло однажды, произойдет снова. Я просто хотел спустить всю эту историю на тормозах — потихоньку подтолкнуть Янга к тому, чтобы он без шума исчез из института. Он исчез бы и унес проблему с собой. Мне следовало довериться своей интуиции. Вместо этого я громоздил ошибку на ошибку, выслушивал массу нелепых речей о законе и справедливости, и вот результат — мне заговорили зубы и я завяз в этом деле.

Ну что же, с глупостью пора кончать. Я полон самых решительных намерений. Если закон не может справиться с задачей, располагая той информацией, которую сообщил Адам, значит, дела закона плохи. Потому что все, что ему суждено получить от Адама, он уже получил!

Ни Джун, ни Рут никогда не видели *такого* Делмара Скуновера — краснолицего, непреклонно серьезного, разъяренного. Вялый, уступчивый, предельно рацио-

нальный Делмар словно испарился, вместо него был кто-то другой — незнакомый и неистовый.

«Вероятно, такое состояние,— подумал Джун,— долго не продлится. Подобный гнев обычно быстротечен: люди всегда возвращаются в рамки своего психологического типа. Делмар тоже вернется, но, быть может, не раньше, чем буря достигнет максимума»,— а то, что собирался сказать Джун, как раз и предвещало высший накал страстей.

— Делмар,— сказал он,— государству нужно, чтобы Адам дал показания. Без этого мы не сможем подвести Янга под статью. Возможно, даже при условии дачи показаний мы не добьемся вынесения приговора, однако попробовать мы должны. И еще, Делмар,— государство *может* быть последовательным. Оно *может* наказать любого, кто попытается помешать даче этих показаний. Мне лично очень жаль, что все так получилось, но так уж устроен мир. Никак иначе делу помочь нельзя.

Делмар поднялся со своей кушетки. Некоторое время он стоял, не двигаясь с места, и лишь медленно поворачивался, по очереди разглядывая присутствующих.

Затем он сказал:

— Нет, мир *не будет* устроен так,— и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

— Я никогда не видела его таким,— проговорила Рут.

Она тоже поднялась и сделала несколько шагов к двери.

Маккивер остановил ее.

— А я видел. Очень давно. Останься, Рут. Ему не поможешь.

Рут замерла.

Маккивер жестом предложил ей сесть.

— Я знал Делмара задолго до того, как ты познакомилась с ним. Тогда мы оба были куда моложе.

У него был неуправляемый характер, и из-за этого Делмар постоянно попадал в какие-нибудь истории. Ты, по-видимому, не представляешь себе Делмара в роли скандалиста, а ведь это была его основная роль. Как-то раз он сильно повздорил с таксистом, французом по национальности, и едва не убил его в драке, разгоревшейся из-за пустяка — оплаты проезда. Именно после этого Делмар и переменялся. Взял себя в руки и не отпускает до сих пор. В сущности, он даже перебарщивает, поэтому некоторые считают, будто у него вовсе нет характера. Уверяю тебя — нет ничего более далекого от истины. Послушайся моего совета и на время оставь Делмара одного.

— Пожалуй, это хороший совет, Мак. Просто я не хочу, чтобы эта история разрушила наш семейный очаг, а, похоже, так оно и случится, если Бад не отступится.

— Виноват,— сказал Бад.— Это вовсе не тот исход, которым я бы гордился, и надеюсь, подобного не произойдет. Но ведь я влип, Рут. И ты знаешь, что я влип. Другого пути для меня нет — только вперед. Ни у кого из нас нет сейчас другого выбора. Да я и сомневаюсь, что он был раньше.

— Не будет ли это нарушением твоей клятвы не заниматься безнадежными делами, Бад?

— Нет. Да хоть бы и безнадежное... Проблема в том, что я пока еще не могу сказать, безнадежное это дело или нет, а если мы начнем выяснять, то вполне можем наломать дров, чего Делмар и опасается.

— Предположим, Адам дает показания,— сказала Рут,— и сообщает все, что ему известно. Если он скажет, что «услышал» это, кто усомнится в сказанном? Кому придет в голову, что он имеет в виду вовсе не обыкновенный слух?

— Нет, Рут, так мы и подавно не выйдем сухими из воды. Защита сразу же подаст протест, будто мы замалчиваем истину, и тогда назначат специальное слушание.

Я не вижу причин, по которым Янг откажется выступить в качестве свидетеля и показать, что Адама в тот момент не было в пределах слышимости. Нам придется оспорить это, а доказательств у нас — никаких. Нет, мы не имеем права вступать на столь зыбкую почву. Надо действовать наверняка. И ведь многое уже сделано. Теперь решающий момент — это показания Адама о том, что он подслушал.

— Мы хоть сейчас можем доказать, что произошло убийство. Вероятно, мы сможем доказать, что Янг находился в том районе, где жертва села в машину. Мы знаем время, когда произошло убийство. Все, что нам нужно, — это подтверждение, которое сводило бы воедино все косвенные доказательства, а здесь нам может помочь только Адам, если он покажет, что Янг «сознался». По идее этого должно хватить, чтобы притянуть присяжных на нашу сторону при обсуждении столь спорного дела. Но зерно проблемы в том, как объяснить, откуда Адам все это узнал. Мы не можем положиться на Делмара. Значит, остается Мак. — Джун повернулся к психоневрологу. — Я должен знать, сможете ли вы сделать это или нет. Если не сможете или если, на ваш взгляд, присяжные не купятся на версию о телепатии, значит, и нет резона ввергать в эту пучину Адама.

Рут поняла подтекст. Бад пытался свалить с себя ответственность. Если Мак отвечал «нет», значит, все, дело кончено. Никто не идет в суд, никто не выступает в роли свидетеля, никто не берет на себя никаких обязательств.

Мак долго не отвечал: он вел трудный бой с собственной совестью. Собеседники почти явственно видели, как «крутятся шарики» в его голове.

В конце концов совесть победила. Мак четко и недвусмысленно произнес «да».

Рут почувствовала, как сердце подскочило до самого

горла.

— Хорошо,— сказал Джун.— Следующий вопрос: можете ли вы подкрепить свое объяснение феномена какими-нибудь научными доказательствами?

— Да.

Рут уже справилась с собой настолько, что смогла задать вопрос. По ее интонации можно было понять, что она все еще ищет обходные пути.

— А как насчет четвертой поправки к конституции? Или, если хотите, насчет пятой и четырнадцатой поправок?

— А что такое?

— Перед вами выложат множество решений с исходом, совершенно противоположным тому, что вы ожидаете: например, решение по делу «Техас против Гонсалеса». Или, может быть, «Кейди против Домбровского», «Кац против Соединенных Штатов». На пари я найду целую сотню решений, которые вам очень не понравятся.

— Рут, наш случай не имеет прецедентов. Никогда еще суды не выносили приговор по делам, где фигурирует чтение мыслей. Таким образом, ни одно из прежних решений не подходит. Мы будем стоять на том, что Адам — свидетель, который случайно подслушал, как человек сознается в совершенном убийстве. И вовсе ничего не значит, будто Янг не знал, что его мысли подслушиваются.

— Ключевое слово, Бад,— это непреложность. Если мы признаем за личностью непреложное право на неприкосновенность мыслей — а у Янга есть это право,— значит, любое вторжение в сознание незаконно, а признание вины неприемлемо.

— Все верно, Рут, но ты забываешь об одной вещи. Тот факт, что Янг, возможно, считает телепатию вымыслом, вовсе не означает, будто ее нужно сбросить со счетов. Если, допустим, кто-то сознался в убийстве

перед фонографом Эдисона, не зная, что это устройство записывает его голос,— остановится ли суд перед тем, чтобы принять показания во внимание? Я беру риск на себя, Рут, и держу пари, что теория на моей стороне. Впрочем, все зависит от Мака, давай спросим у него.

— Что скажете, Мак? Как вы объясняете телепатию?

— Вы хотите услышать мою теорию?

— Меня устроит любая теория, лишь бы она звучала правдоподобно. Вы можете начать с объяснения, почему именно Адам оказался телепатом.

— А почему бы и нет? На его месте мог бы оказаться любой другой, если уж на то пошло. У меня нет никаких оснований считать, что Адам — единственный телепат, который когда-либо существовал на Земле, но он единственный, с кем мне пришлось иметь дело. И он же — единственное основание, на котором зиждется мое убеждение, что этот феномен можно объяснить с научной точки зрения.

— Не впадайте в мелодраму, Мак.

— Прошу прощения. Мне просто кажется, что коль скоро у нас есть некто во плоти и крови, кого люди могут лицезреть и кто может, если понадобится, продемонстрировать свои необыкновенные способности, то уж доказать, что телепатия существует,— проще простого. Другое дело — ее надежность.

— Значит, надо сосредоточиться на повышении надежности.

— В том-то и дело! Вот какой подход я хочу предложить. Как мы все знаем, тысячи людей в прошлом заявляли, будто обладают телепатическими способностями, многие кричат об этом и сегодня — несмотря на полное отсутствие научных доказательств и серьезные исследования таких ученых, как Райн. Однако во всех случаях, о которых я слышал, люди,

претендовавшие на обладание телепатическими способностями, открыто признавали, что полностью доверять их ощущениям нельзя. Исключением служит один-единственный пример — Адам. Благодаря надежности его дар — явление уникальное.

— А-а, понятно,— сказал Бад.— Понятно, почему вас это тревожит. Психи, которые помешались на телепатии, сильно замутили воду.

Мак даже хрюкнул от удовольствия, что его поняли.

— Некоторые из этих людей утверждают, будто серьезному изучению телепатии мешает предубеждение ученых. Это попросту неправда — ведь не испытывают же предубеждения, к примеру, тибетские ламы, у которых нет ни малейшей склонности презрительно относиться к научному исследованию парапсихологических способностей. В сущности, известны случаи, когда именно ламы квалифицированно описывали свои наблюдения, связанные с феноменом телепатии.

Итак, поскольку мы твердо знаем о существовании телепатии, я могу просто-напросто заключить, что подавляющее большинство случаев изначально недостоверны. Это если говорить о гомо сапиенс. Случай Адама совершенно особый. С моей точки зрения, то, что мы знаем о его способностях, позволяет сделать вывод: надежный прием телепатических сигналов — норма для его вида, поскольку это качество является собой единственный способ обмена информацией на более высоком уровне.

— Пока у вас получается очень убедительно, Мак. Только постарайтесь, чтобы ваши слова вас же самого не загнали в угол.

— Подумайте о том, что я сказал, Бад. Это сильный момент. Как бы Адам мог пользоваться телепатией, если бы не было надежного приема сигналов?

— Лучше объясните, что вы имеете в виду, говоря

«надежный», «ненадежный»...

— Поясняю. Учтите следующее: наследственности у Адама как таковой нет. Ну не то чтобы совсем нет — я имею в виду телепатической. Этот дар он не унаследовал ни от своих предков-шимпанзе, хотя тут есть нюансы, ни, уж конечно, от Делмара. Да и физически он не походит ни на кого из предков. Ясно, что процедура, произведенная в свое время Делмаром, произвела больший эффект, чем он планировал.

Заметив изумление на лицах собеседников, Мак сделал паузу.

— Постараюсь объяснить. Примите во внимание два момента: с одной стороны — человек, который умеет говорить, с другой — его кузен шимпанзе, который говорить не умеет. У каждого — большой мозг. У каждого — полностью сформировавшаяся гортань. У каждого — артикуляционный аппарат, необходимый для речи. С точки зрения физиологии нет видимой причины, по которой шимпанзе не должны были бы разговаривать. И дело не в том, что они не могут формировать звуки. Они *могут* — кое-кому из них даже удавалось произносить слова.

Давно, в начале пятидесятых. была такая шимпанзе по имени Викки. Ее воспитывали под строгим контролем и научили произносить три слова: «мама», «папа», «пить». Эти слова она произносила очень отчетливо. Викки могла также издавать и другие звуки — как гласные, так и согласные, — но они получались чевнятными и не шли ни в какое сравнение с человеческой речью. Эти эксперименты полностью разрушили теорию, утверждавшую, будто шимпанзе не могут произносить членораздельные звуки. И все-таки... возьмите собак. Даже их — хотя физиологических различий намного больше — можно научить копировать слова, причем так, чтобы их нетрудно было разобрать. В сравнении с собаками шимпанзе выгля-

дят весьма плачевно. Однако если вы оцените результаты экспериментов по визуальной коммуникации с шимпанзе посредством символов, то увидите, что здесь обезьяны лидируют и, вне всякого сомнения, обладают разумом, достаточным для того, чтобы налаживать общение. Таким образом, есть какая-то другая причина, отчего шимпанзе не разговаривают. Благодаря Адаму я понял, в чем здесь суть.

— Так расскажите же и нам. Теми же словами, которыми вы объясните все присяжным. И запомните, Мак, порой присяжные выкидывают странные штуки. Никогда не скажешь заранее, что они замышляют. Мне кажется, в ваших словах уже есть противоречие. Со слов Рут я знаю, что в раннем детстве Адаму сделали операцию, чтобы он мог говорить. Зачем же она понадобилась?

— Ага. Это могло бы стать уликой, но... Как вы понимаете, в те дни мы знали намного меньше. Делмар боялся, что если в развитие Адама не вмешиваться, он никогда не научится говорить: из-за отличий в определенных двигательных центрах у шимпанзе их конфигурация и расположение нервных узлов иное, чем у человека. Пришлось прибегнуть к хирургическому вмешательству — очень тонкая работа, но... бесполезная. Теперь-то мы знаем, что к проблеме нужно было подходить с другого конца: Адам не мог — и никогда не сможет — использовать речь так, как это делаем мы. Его способ общения построен исключительно на телепатии.

— Да-а... Послушайте, нам нужно быть предельно осторожными. Вся эта история скорее всего произведет весьма скверное впечатление на присяжных. Когда они усвоят, что Адам способен проникать в их черепа... Нет, я даже представить не могу их реакции...

— Бад, все, что от вас требуется, — это задавать правильные вопросы. Слушайте меня, и вы узнаете

какие именно. Я обещал, что дам вам добротное научное объяснение феномена, и я это сделаю.

— Хорошо, хорошо... Давайте объясняйте. Соловья песни кормят.

— Согласен. Я собираюсь привлечь внимание присяжных к физическому облику Адама. Это еще один ключ. Возможно, речь идет о видовой характеристике — о том, что отличает его как от «сапиенсов», так и от «панов»*.

Когда Адам вступил в подростковый возраст, мы отметили, что его череп развивается в весьма странном направлении. Дело не столько в объеме и весе мозга, сколько в распределении мозгового вещества. У Адама, как и у нас, сильно развиты лобные доли мозга, но расположение их в полости черепа иное. И в отличие от человека у Адама низкий свод черепа. Причина этого — в данном конкретном случае — в том, что мозг Адама запрограммирован на экстенсивное развитие височных долей. Ради того чтобы обеспечить для них место, череп раздался в стороны и приобрел уплощенную форму. Долгое время нас с Делмаром очень заботило — мы никак не могли определить, норма ли это или своего рода деформация. Не с чем было сравнивать. Но затем, когда мы заполучили сканирующее устройство и началась настоящая работа, то приступили к созданию неврологической карты мозга Адама, и тут обнаружился ряд интересных особенностей. Прежде всего в височных областях были сильно увеличены внутричерепные артерии. Кора мозга в этих местах тоже оказалась слишком толстой, а также наблюдались значительные отклонения в размерах, расположении и развитии таламуса.

— Гм, Мак... Это все очень красивые слова. Но

---

* Имеется в виду латинское видовое обозначение шимпанзе — *Pan troglodytes*.

будьте поосторожней, когда вам придется произносить их перед присяжными.

— Мы позаботимся об этом, когда настанет время. Кстати, вы успеваете следить за ходом моих рассуждений?

— Пока удавалось.

— Хорошо. Позвольте мне продолжить. Мы не знали даже, как подступиться, чтобы объяснить все эти отклонения, пока не определили точное местонахождение сенсорных центров Адама. Только тогда мы поняли, что попали в точку. Как только мы смогли идентифицировать нервные пути, мы проследили их, тут-то началось самое удивительное. Большинство путей вело не куда-нибудь, а в лимбические структуры. Лимбическая система Адама самым невероятным образом отличается от лимбической системы Делмара или моей — мы использовали себя в качестве контрольных экземпляров. Лимбическая система мозга Адама густо пронизана нервными пучками, и почти все они перекрестно соединены с особыми разделами височных долей. Обнаружив это, мы поняли, что имеем дело с совершенно новой концепцией обработки сенсорных сигналов.

Еще одно важное наблюдение — и затем я перейду к практической стороне вопроса. Мы не обнаружили никаких заметных связей между областями мозга, которые у людей отвечают за слуховое восприятие, и корой лобных долей. Абсолютно никаких. Это означало, что, когда Адам слышал произнесенные кем-то слова, он ни коим образом не мог их интерпретировать, потому что это функция лобных долей мозга. Равным образом он не в состоянии был произнести что-либо вразумительное: отсутствовала обратная связь. Издавать звуки — да, мог, но не произносить слова: он был лишен возможности их составлять.

— Э-э... Один вопрос, Мак. Если Адам не в состоя-

нии распознавать звуки, каким образом он избегал несчастий? То есть, предположим, он пересекает улицу — обратит ли он внимание на автомобильные сигналы и прочие предупреждающие звуки?

— О, конечно! Это ведь не одно и то же. Разные уровни сознания. Речь — невероятно сложная штука, возможно, более сложная, чем телепатия. Почти половина человеческого мозга вовлечена в речевую деятельность. У Адама есть простенькие связи, ведущие в передний отдел головного мозга, они и отвечают за восприятие несложных звуков. Впрочем, даже в этом, в сущности, нет необходимости. У Адама, как и у нас, с подобной задачей вполне справляется продолговатый мозг. Что касается переднего мозга, то он обычно не участвует в охранительных реакциях организма. Хотя бы по той причине, что на это уходило бы слишком много времени. Здесь включается тот же механизм, что и в случае, когда вы, скажем, отдергиваете руку от горячего: обыкновенный рефлекс, не более.

Во всяком случае, все то, о чем я рассказал, вполне соответствует одной из теорий, которую в свое время выдвинули для объяснения того, почему обезьяны не владеют речью,— это так называемая лимбическая теория. Результаты наших исследований подтверждают ее правоту. Теория предполагала то, что мы обнаружили на практике при изучении Адама, а именно — что у шимпанзе все чувственные впечатления направляются в лимбическую систему. Правда, у обезьян она довольно примитивно устроена, чтобы справиться со всем объемом впечатлений. Предполагалось, что лимбические структуры — местонахождение центра эмоций у обезьян, а это означало, что шимпанзе постоянно должны находиться в состоянии эмоциональной перегрузки, которая служит отвлекающим фактором и не позволяет им составлять из звуков слова и формировать речевые навыки. Предполагалось также, что мозг шимпанзе

изолирован во временном отношении, что он прочно прикован к «сейчас»: прежде чем обезьяна сможет составить слово, она забудет, что хотела сказать. Это довольно грубое упрощение, однако в основных чертах я весьма точно обрисовал состояние, в котором находился бы Адам, не будь у него неких компенсирующих систем.

— Адам устроен по-другому?

— Да. Лимбическая система Адама решает проблему памяти за счет того, что она мощными нервными пучками подключена к височным долям, а ведь мы знаем, что у гомо сапиенс эти доли служатместилищем памяти. Перекрестные соединения нервов, о которых я говорил минуту назад, позволяют гонять информацию взад-вперед между хранилищем и теми нервными путями, которые существуют в переднем мозге Адама. Он работает точь-в-точь как компьютер, но неизмеримо быстрее — об этом можно судить по той колоссальной информации на входе, с которой имеет дело Адам.

Так, с психоневрологической подоплекой дела покончено. Теперь разберемся, как Адам использует свой мозг.

— Вот это то, что надо,— сказал Джун.— Это самое главное. Именно это присяжным и надо знать. До всего прочего им дела нет.

— Но вы-то должны в этом разбираться! Как только ответчик узнает, на чем вы строите обвинение, он тут же спустит на вас свору экспертов. Я знаю, как это бывает,— случалось в моей практике и такое.

— Ну, ладно. Так как Адам использует свой мозг?

— В основном так же, как и вы. Только другим способом. По сути то же самое можно сказать о всех высших животных. Они передают информацию тремя основными способами: телодвижениями, жестами и звуками. Человек использует все три способа.

И обезьяны тоже. Но в плане звуковой коммуникации человек сделал шаг вперед, и это был мудрый ход природы. Ведь речь — поразительный инструмент: если правильно с ним обращаться, то лучшего и не сыщешь. Кроме разве телепатии, конечно.

По всем признакам шимпанзе тоже готовы сделать следующий шаг. Адам говорит, что он засекает слабые эманации, исходящие от них. Вполне возможно, что предки нынешних шимпанзе, развиваясь в этом направлении, попали в эволюционный тупик. Они застряли там — так же, как человек застрял со своей речью. И ни тот, ни другой вид не может свернуть с заданного курса. А на этих направлениях могут быть всегда два исхода — либо дальнейшее развитие, либо застой.

Судьба, как мне представляется, сжалилась над нашим видом и вывела его в лидеры. Мы продвинулись вперед, «паны» впали в стагнацию. Если бы человек не поднялся и не возвысился над другими видами как обладатель речи, возможно, шимпанзе эволюционировали бы и стали новым видом, обладающим качествами Адама; но они, так сказать, пришли на день позже. А поскольку прямая конкуренция с человеком привела бы к их исчезновению как вида, шимпанзе ретировались в те места, где этой конкуренции можно было избежать, и таким образом выжили.

— Какое отношение все это имеет к разбирательству дела Янга?

— Самое прямое. Адам отличается и от современного человека, и от современного шимпанзе, хотя совершенно ясно, что происходит он и от того, и от другого. Это удачное сочетание. Видимо, эволюция в свое время перекинула какой-то мостик между видами. В современном человеке присутствует легкая тень прежних телепатических способностей — он весьма слабый приемник сигналов и совсем плохой передатчик. Если бы это было не так, Адам остался бы в со-

вершенном одиночестве. И тогда никакого телепатического признания в убийстве не было бы.

— Означает ли это, будто всякий человек способен на то же, что и Адам?

— Вовсе нет. Я хочу сказать только одно: очевидно, есть какой-то способ, посредством которого мысль может переноситься от одного мозга к другому. Вероятно, любой мозг в процессе мышления что-то излучает. Мы с вами не обладаем достаточно мощным аппаратом, который с выгодой использовал бы этот эффект. А у Адама он есть. Адам может воспринимать эти слабые эманации, которые, по его словам, сопровождают любую озвученную мысль. Для него это — «слух». Если он хочет ответить, его мозг перебирает массивы информации, хранящейся в височных долях, соотносит мысленные образы со стандартными звуковыми образами, которые он в результате длительной практики научился отождествлять с произносимыми людьми словами, и затем транслирует ответ. Между прочим, Адам вовсе не думает, будто эти «суть», как он их называет, в точности соответствуют требуемым словам. Они представляют собой простые кодовые фразы, которые включают механизм опознавания в мозгу человека. Таким образом, все, что Адам делает, — это эффективно использует информацию, которая хранится в памяти собеседника.

— Опасная зона, Мак! Мне думается, вам не следует формулировать это таким образом. Можно легко вообразить, будто Адам навязывает людям свои мысли.

— Хмм... Да, я понимаю, что вы хотите сказать. Однако это далеко от реальности: если уж речь зашла о восприятии, то здесь нет механизма, который действовал бы таким образом. Восприятие работает иначе — оно всецело контролируется мозгом. А интенсивность мыслительного процесса изменяется в зависи-

мости от эмоционального состояния. Вот почему в отдельных случаях — как, например, в случае с Янгом — Адам может воспринимать и интерпретировать эманации на высоком качественном уровне приема, пусть даже они лишены голосового сопровождения. Такое излучение возникает в периоды крайнего возбуждения, испуга, физических страданий или опасности. Кстати, эти состояния широкая публика всегда ассоциировала со скрытыми телепатическими возможностями человека.

— Ну что же, присяжные воспримут эти известия с облегчением. Им будет приятно узнать, что Адам не может самовольно вторгаться в чужие мозги. Как я уже заметил, это был наиболее скользкий момент. Теперь мне ясно, что присяжные не будут чересчур беспокоиться, как бы Адам не прочел их мысли.

— Адам развивается. И вместе с ним развиваются его способности. Когда-нибудь ему будет по силам и это. Возможно, телепатия — не единственная грань его таланта. Несмотря на тот факт, что мы знаем о телепатическом феномене Адама и нам известно, где он гнездится с анатомической точки зрения, мы до сих пор не понимаем, каким образом происходит перенос мысли. Эти эманации невозможно обнаружить иначе, как с помощью другого мозга. Кто знает, может быть, они путешествуют в параллельных мирах.

— Вот вы и познакомились с теорией Маккивера о том, как функционирует телепатический механизм...

Джун не ответил. Он получил, что хотел, и спустя короткое время удалился.

Мак и Рут, так и не зная, правильный они выбрали курс или нет, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по разным комнатам.

Феликсу Хуаресу снился его любимый сон: он стоит во всем великолепии парадной формы, а эта

симпатичная официантка из забегаловки Розы усаживается в его новый «Мэллори супер-КВ», чтобы ехать вместе с ним на пляж.

Как станут разворачиваться события дальше, Феликс понятия не имел. Словно назло, сон всегда прерывался именно на этом месте. Обычно здесь начинал звонить будильник, сегодня же в сон вторглась рука. Это была рука доктора Маккивера.

Феликс открыл глаза, узнал доктора в предрассветном сумраке и начал подниматься.

— Одевайтесь, быстро. Берите свою «пушку» и следуйте за мной.

— Что случилось?

— Увидите. Делайте, что я вам говорю, и только так, как говорю.

Феликс натянул брюки, всунул ноги в ботинки и вытащил из тумбочки длинноствольный пистолет 38-го калибра.

Они выскочили из дома и направились к куполообразному зданию лаборатории. Феликса удивил свет в окнах: до рассвета было далеко. За штабелем ящиков недалеко от входа их ждал доктор Скуновер.

— Мак, я готов. И Адам тоже. Он внутри.

Доктор Скуновер сжимал в руке пистолет.

— Что мы будем делать, доктор Скуновер?

— Ставить ловушку, Феликс. Вытаскивайте свою «пушку» и приготовьтесь войти в лабораторию.

Феликс понял его слова буквально и рванулся вперед.

Скуновер удержал его.

— Не сейчас, Феликс. Ждите. Слушайте.

Феликс повиновался.

— Я ничего не слышу, доктор Скуновер,— сказал он чуть погодя.

— Тсс... Оставайтесь на месте пока не скамандую. Тихо!

Загрохотал чей-то голос. Феликсу показалось, что он исходит из громкоговорителя, и был не далек от истины. Это говорил Янг — его голос звучал разгневанно. В ту же секунду Феликсу показалось, что он слышит и голос Адама; опять-таки, ничего страшного в этом не было: над дверью висел динамик, его силуэт вырисовывался на фоне стены. Только позже, когда все закончилось, Феликс узнал, что голос Адама звучал у него в голове.

— Кто это там? — проревел Янг.

— Это я, Адам Скуовер. Я здесь, наверху, видите? На сканирующей установке.

— Ты с ума сошел? Что ты там делаешь?

— Я пришел повидаться с вами.

— Зачем?

— Хочу спросить вас, почему вы убили Миленко Вуковича?

— Не слишком ли далеко зашла эта шутка? Меня уже тошнит от нее!

— самого главного вы еще не слышали. Я знаю, что это вы убили его,— я видел, как вы закапывали тело.

— Что?! А ну-ка слезай!

— Нет. Вы сломаете мне шею точно так же, как сломали ему. Не иначе вам это понравилось? Вы любите убивать. Знаете, откуда мне известно об этом? Я читаю ваши мысли. Могу описать каждый ваш шаг той ночью и время, когда вы его сделали, и кто вас видел. Могу назвать их всех, я знаю о них. Сначала та девица, потом парень, который переходил на красный свет бульвар Мореплавания. Он увидел вас сразу, как только началась драка, а потом вы сломали Вуковичу ключицу.

— Мне всегда в тебе что-то не нравилось, маленький мизантроп. Теперь я знаю что: ты копошился в моем мозгу, совал свой нос в мои мысли. Так вот

для чего вся эта дорогущая техника, да?

— Другие люди тоже знают. Я им все рассказал.

— Кто же тебе поверит?

— Вас уже арестовывали.

— Было дело. Но ведь меня выпустили. Не нашлось доказательств. Их и сейчас нет.

— Есть, есть! Я пойду в суд. Я дам показания.

— Вот я сейчас до тебя доберусь и посмотрим, кто будет давать показания. Тот морячок тоже угрожал, что все расскажет. Я заткнул ему глотку. Заткну и тебе.

— Убирайтесь отсюда!

— Тебе не следовало залезать на эту вышку. Вниз ведет только одна лесенка. Не очень красиво получается, но ты же всего лишь обезьяна. А когда я тебя поймаю, ты будешь уже мертвой обезьяной.

Адам завизжал. Эхо раскатилось по безмолвной территории института.

— Там как раз рядышком хватит места еще для одной могилки! Только тебя я закопаю поглубже.

— Пошли! — Скуновер кинулся к двери. С пистолетом в руке вид у него был очень трогательный.

Мак, тоже вооруженный, бросился следом. Феликс, более коротконогий, чем первые двое, довольствовался местом замыкающего.

Однако у двери все трое сбились в кучу: она оказалась запертой.

— Как?! — Скуновер пошарил в кармане и обнаружил, что у него нет ключей.

— Наверно, Янг запер ее, когда увидел Адама, — предположил Мак.

Тут Феликс, не тратя времени, поднял пистолет и двумя оглушительными выстрелами вышиб замок.

Попав внутрь, они быстро окружили установку, на которой, разглядывая своих новых врагов, словно Кинг-Конг, висел Янг. К счастью, ему еще было далеко до Адама — мальчик, выпрямившись в полный рост, стоял

на самой верхушке.

Оказавшись под дулами трех пистолетов, Янг сдался.

Без шпаргалки, которую полицейские обычно носят с собой, Феликс оказался в затруднительном положении: он забавно запинаясь, перечисляя положенные при аресте предостережения. Янг угрюмо слушал.

— Надо же,— сказал Феликс Делмару,— у меня даже нет наручников, чтобы надеть на него.

— Ничего, Феликс, найдем что-нибудь в этом роде.— Делмар посмотрел вверх и улыбнулся Адаму.

«Спасибо за трансляцию, сынок»,— подумал он.

«Не стоит»,— «услышал» в ответ голос Адама.

Три гомо сапиенс и один гомо новус сидели за столом на кухне особняка Скуовера. «Сапиенсы» пили кофе, «новус» — апельсиновый сок.

Рут все еще дулась.

— Дело вовсе не в том, что вы вывели меня из игры, а в риске, которому подвергали Адама. Ведь Янг — убийца, к тому же крупный, физически сильный человек.

— Риск был невелик, Рут,— убеждал ее Делмар.— Мы же находились рядом и были вооружены. Как видишь, никто не пострадал. И уж куда рискованнее была бы ситуация, доведись Адаму давать свидетельские показания в суде.

— Прежде чем Феликс унесет запись, мне бы хотелось послушать ее. Надо знать наверняка, действительно ли сознался Янг. В конце концов ты ведь любитель, Делмар, дилетант, а с дилетантами просто беда: чаще всего они просто не дотягивают.

— Да? То-то мне казалось, что вы, профессионалы, только и делали, что дотягивали. Особенно когда рассуждали здесь, вели бесконечные дебаты и пытались уговорить меня отправиться в суд. Вам, видно, и в голову

не приходило, что существуют другие возможности. Вот я и ушел. Разбудил Адама, он мысленно подстроился к вашему спору. Ему тоже не понравилась идея Джун объяснять в суде теорию Мака. Вот мы и решили сделать по-своему. Нашему варианту не откажешь в логике.

— А я-то подумала, что ты просто рассердился на меня.

— Так оно и было. По крайней мере поначалу. И когда ты отправилась спать, мы посвятили в наш план Мака. Затем мы все вместе отправились в лабораторию и подключили несколько дополнительных микрофонов к громкоговорителю. Их переключатель и магнитофон поместили в люльке, так что Адам мог включить всю систему в нужный момент.

Мак вызнал распорядок дня Янга — он рано появлялся в лаборатории. Словом, мы поджидали его в нужном месте и в нужное время. Остальное вы знаете. Все сошло довольно гладко, как считаете?

— Папа, ты оставил незапертой дверь. Хорошо, что я уже был внутри, ведь Янг запер за собой дверь, когда вошел внутрь.

— О, да! Ну что же, это небольшой сбой.

Рут сделала глоток кофе и решительно поставила чашку на стол.

— Вы, конечно, знаете, что должно быть на пленке?

— Разумеется, — сказал Делмар. — Голос Янга, который признается в одном убийстве и сообщает, что сейчас совершит второе.

— Угу. Будем надеяться, что и Янг предполагает то же самое. И будем надеяться, он сделает дополнительное заявление, прежде чем узнает, что на пленке записан только его голос — и больше ничей.

— Какая разница?

— Большая. Если Бад захочет употребить пленку в качестве вещественного доказательства, ему придется

удостоверить ее подлинность. А он вряд ли пойдет на это, учитывая все обстоятельства.

— Но почему же?

— Потому что только *он* знает, откуда там взялись незаписанные куски, но не сможет объяснить этого. Ведь Бад прекрасно понимает, что, кроме нас шестерых, никто не знает о телепатических способностях Адама. Он также отдает себе отчет, что в нынешних обстоятельствах никто из нас не признает этого. Таким образом, они с Янгом должны будут выложить все начистоту. Но Янг, если догадается, сможет использовать эту информацию так, как вам и не снилось. Он сможет использовать ее для подкрепления версии о собственной неменяемости — мол, в тот момент, когда он болтал языком, у него были галлюцинации.

— Он не сделает этого.

— Наверняка сделает! Будь я его адвокатом, обязательно подсказала бы такую линию поведения. А что? Вот пленка, представленная окружным прокурором, — на ней Янг беседует сам с собой, говорит какие-то безрассудные вещи... Что противопоставит этому Бад? Может, он скажет, что стер на пленке избранные места? Или, может, он встанет рядом с Янгом и скажет, будто тоже слышал «голос», прекрасно зная, что мы — все четверо — будем молчать? Нет, сэр. Такие трюки вряд ли помогут окружному прокурору благополучно миновать очередные перевыборы. А все потому, что — дилетанты!

— Подожди минутку, Рут, — вставил Маккивер. — Я считал, что мы сделали довольно сильный ход. Янг-то не подозревал, что в лаборатории установлены микрофоны.

— Ну, разумеется, Мак. Ты рассуждаешь, как самодовольный петух: мол, это хорошая идея, потому что она мне нравится и потому что для ее воплощения нужно много хитроумных приспособлений. Но значит ли

это, что всякий дурак поступил бы иначе?

Только Адама казалось не удивили слова Рут. До сих пор он только прислушивался к дискуссии, а теперь решил вступить в общий разговор.

— Рут хочет понять, что вы все имеете против обыкновенных ушей? И почему нельзя было просто включить громкоговорители? Рут никак не возьмет в толк, зачем нужна была вся эта возня с магнитофоном?

— Нам нужны были стопроцентные доказательства.

— Так вы их и получили, папа. Я только что окунулся в мысли нашего домашнего эксперта. Рут думает сейчас о доказательствах, но это же элементарно: свидетель, который услышал, как некто признается в совершенном преступлении, каким бы способом тот ни выразил признание, обязан — если суд не отказал этому свидетелю в правомочности давать показания — повторить на заседании во всеуслышание то заявление, которое сделал обвиняемый. Кроме меня в лаборатории были и ты, и Мак, и Феликс Хуарес, — мы все можем засвидетельствовать, что сказал мистер Янг. В общем-то магнитофонная запись была не нужна.

— Адам, ты взрослеешь с каждым днем. Поэтому я хочу, чтобы ты попытался понять одну вещь.

— Какую, папа?

— Обычно эту планету называют планетой людей. Единственная причина, по которой мир еще не развалился, — это то, что мы, люди, держимся друг друга. Хотел бы я знать, на чьей ты стороне?

— На стороне победителей, папа. Что касается женщин-адвокатов, то, как мне кажется, я выступаю на стороне защиты. Надеюсь, вы простите мне эту игру слов?

Пьер Буль

СКОЛЬКО ВЕСИТ СОНЕТ?

Мой приятель Бурдон был любителем загадок. Истинное наслаждение он испытывал лишь тогда, когда шаг за шагом раскрывал очередную тайну. Большую часть времени он проводил в поисках сложных и запутанных дел, а остаток посвящал отысканию скрытой истины, чему способствовали его изощренное воображение и остроумие.

Он не ограничивал круга своих увлечений — его интересовал сам процесс. С равной страстью (его энтузиазм был под стать логике) он мог распутывать хитросплетения комбинаций в бридже, расшифровывать древние рукописи или постигать тайны Вселенной.

Пытаясь заразить меня своей страстью, он не раз говорил:

— Для столь беспокойного ума, как мой, стремящегося к раскрытию тайн, дорогой Менар, не может быть строго очерченной области приложения сил. Мой выбор всегда определяется сложностью препятствий, которые надо преодолеть. Я получаю удовлетворение, и воссоздавая по нескольким костям доисторическое животное, и неопровержимой логикой припирая к стенке преступника, и восстанавливая утраченный текст, и разрабатывая на основе наших несовершенных ощущений стройную космологическую систему. У настоящих исследователей схожий склад ума. И чем незначительней исходные данные, тем выше ценится их работа, такие люди обладают особой наблюдательностью и тонкостью суждений. Идеал подлинного открывателя — выявление

Пер. изд.: Boulle P. Le poids d'un sonnet: в сб. Boulle P. Les contes de l'absurde.— Paris: Juillard, 1953.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

ние истины, исходя практически из ничего.

Героями Бурдона были Шампольон и Леверье, любимыми авторами — По и Эйнштейн. Он не считал для себя зазорным постоянно учиться, а потому обладал кладезем самых необычных знаний. К тому же огромное состояние позволяло ему тратить любые средства на удовлетворение своей страсти.

Его последним увлечением была археология.

— Ее цель — возрождение прошлого, — как-то сказал он мне, — а потому археологическая наука относится к числу дисциплин, где исследователь наилучшим образом реализует собственные качества. Она требует особей техники распутывания тайн, и всякий любитель загадок должен владеть ею в совершенстве. Вот послушайте, что говорит по этому поводу выдающийся специалист.

«...Все свидетельствовало о том, что здание уничтожил беспощадный огонь: слой золы и обгоревших балок местами достигал метровой толщины. Однако после первых пробных раскопов мы обратили внимание на различия в составе отвалов. Составлявшие их вещества поразному трансформировались под воздействием огня. Зная, что обжиг известняка происходит при 850 градусах, золото плавится при 1000, а базальт — при 1300 градусах Цельсия, мы разработали для каждой части здания на момент пожара некую температурную шкалу... Мы построили изотермы, очертив очаги пожара. Зона максимальной температуры, то есть температуры плавления базальта, размещалась в «зале большой вазы»; минимальная температура, температура обжига известняка, соответствовала северному и южному крылу. Это заставило нас предположить, что последние зоны находились под открытым небом, а «зал большой вазы» был центром, где разгулялось пламя... оба предположения подтвердили дальнейшие раскопки. Базальт мог плавиться лишь при наличии сильнейшей тяги; и в самом

деле, наша гипотеза подтвердилась: мы обнаружили арку, обеспечивающую интенсивный приток воздуха...»

Пример характерный, но не думайте, что воссоздание облика храмов — единственное достижение этой науки. Иногда, обладая минимальной информацией, удается выяснить не только предназначение здания, но и воссоздать комплекс религиозных верований, их духовную суть. Все это призраком таится в мусоре веков и может быть возвращено к жизни. Именно такое воссоздание является целью истинного исследователя.

Я слушал его рассказы с интересом, однако начинал зевать от скуки, как только рассуждения приобретали абстрактный характер.

Однажды мне представилась возможность оценить методику Бурдона и проследить за всем ходом одного из его следствий.

Я зашел к Бурдону как-то декабрьским утром. Он только вернулся из Египта, и я поздравил его с успешным завершением работы.

— Египетская античность, — нетерпеливо воскликнул он, — это забава для детей! Ни одной серьезной трудности. Камни практически неразрушимы, и прочесть их историю довольно просто, если умеешь задавать вопросы. Сейчас я хочу заняться куда более сложным исследованием, хотя результаты его не будут особенно сенсационными. Хотите сотрудничать со мной? Но предупреждаю, работа будет долгой и нудной.

Я уверил Бурдона, что для меня нет ничего приятнее, как предоставить в его распоряжение все свои интеллектуальные возможности.

— О чем идет речь? — спросил я с интересом.

— Несколько дней назад умер мой старый друг Валетт.

— Писатель? Действительно, я читал некролог. Но

не знал, что вы были дружны.

— Мы были друзьями. Я любил его за философскую безмятежность и некую, быть может чуть старомодную, но тем и привлекательную патетику... Однако речь о другом. Обстоятельства его смерти...

— Вы хотите сказать, что он скончался при таинственных...

— Ни в коем случае. Его сразил в собственном кабинете самый обычный, но всегда неожиданный апоплексический удар. Он умер без страданий. Мир праху его.

— Так в чем же загадка, мой милый Бурдон?

— Минуточку терпения. Валетт скончался за рабочим столом. Смерть наступила в момент, когда он собирался раскурить сигару...

— Пепел сигары,— предположил я...

— Я сказал: «В момент, когда он собирался раскурить сигару»,— сурово перебил меня Бурдон.— Целехонькая сигара торчала у него в зубах. Валетт откинулся на спинку кресла. Но перед ним на столе лежали бумаги. Горящая спичка выпала из его пальцев и подожгла их. Они сгорели. К счастью, стол был накрыт стеклом, и пожара не произошло.

Труп писателя обнаружила его секретарша, работавшая в соседней комнате. Девушка перепугалась. Она издала поглядела на покойника (счастлирое обстоятельство, как вы поймете из дальнейшего) и помчалась ко мне как ближайшему другу своего шефа. Я с первого взгляда понял, что в помощи он уже не нуждается. От той же секретарши я узнал, что недели две назад мой друг приступил к новому произведению. Вне всякого сомнения, пепел на столе хранил тайну его работы. «Как жаль,— всхлипнула девушка, обожавшая своего патрона,— что этот дурацкий пожар лишил читающую публику нового шедевра. Теперь никто никогда не узнает последних мыслей покойного...» «Никто никогда»,— машинально повторил я.

Но мой ум уже пробудился. Я внимательно осмотрел пепел. Бумага сгорела, но некоторые наблюдения, некоторые сведения, сообщенные девушкой, привели меня к мысли, что произведение, возможно, исчезло не окончательно. Меня охватила дрожь от предвкушения чудесного открытия.

У Валетта нет семьи. Он жил уединенно, а меня назначил своим душеприказчиком. Я с величайшими предосторожностями извлек тело из-за стола. Затем заказал прозрачный колпак, установил его на столе, чтобы сохранить в первозданном виде кучку пепла, и запретил кому-либо входить в комнату. Я уверен, что место происшествия осталось нетронутым. Валетта похоронили. Завтра я получу необходимые инструменты и приборы, и мы сможем приступить к делу.

— Вы хотите сказать, что...— начал я, не сумев скрыть крайнего удивления.

— Я хочу сказать, что мы впряжемся в дело воссоздания сгоревшего произведения, не жалея сил и проявляя чудеса мышления, словно от этого зависит наша жизнь. Кроме того, мы возьмем на вооружение все, что предлагает нам современная наука. Я еще никогда не решал столь каверзной задачи. Из кучки пепла вернуть к жизни литературное произведение — на это не жаль никаких усилий!

— Но, Бурдон, вы же сказали, что *все* сгорело! Осталось лишь ничто...

— Великие философы утверждают, что *ничто* суть иллюзия. «В самой совершенной пустоте, которую мы можем себе представить,— говорил Бергсон,— остается наше *сознание*». У нас, кстати, осталось куда больше — пепел. Сия драгоценная материя пропитана мыслью. Будущее покажет, сможет ли ее вернуть на свет наша мудрость. Но хватит болтовни. Я хочу показать вам арену наших будущих подвигов. Завтра приступаем к серьезной работе.

Я послушно последовал за Бурдоном, хотя настроен был скептически. И все же его слова меня заинтриговали.

По пути он изложил все, что сообщила ему секретарша покойного, мадемуазель Ланж.

«Примерно за четверть часа до смерти,— сказала она,— мсье Валетт попросил принести чернильницу. Я поняла, что он закончил по меньшей мере часть своего произведения и намерен переписать все начисто. Он имел обыкновение писать черновики своих произведений карандашом, затем переписывал их начисто чернилами и уже этот текст давал мне для перепечатки. Именно эту последнюю копию, написанную чернилами собственной рукой, он хранил как рукопись. В таких случаях он писал великолепным правильным почерком».

Я спросил мадемуазель Ланж, не знает ли она, над каким произведением работал мой бедный друг. Она ответила, что не знает, но начал он его две недели назад. Ее очень удивила тщательность, с которой он хранил свой секрет; с «таинственным и хитрым видом» — я повторяю ее слова. В последний день, когда она принесла чернильницу и приблизилась к столу, он выглядел смущенным, «словно застигнутый за шалостью школьник», и наклонился вперед, прикрывая работу. На решетке камина догорали скомканые листы, по-видимому, это были первые черновики, и она удивилась, что хозяин не выбросил их, как обычно, в корзину для бумаг. Больше ничего она не знает.

— Это,— нерешительно заговорил я,— нам не в помощь. Если уничтожены и все черновики...

— Как раз наоборот, мой дорогой Менар, сия информация крайне ценна, особенно если сравнить ее с моими первыми собственными наблюдениями.

— А именно?

— На столе перед моим другом лежали только *два* листка... Но вот мы и на месте. Увидите все сами. Рекомендую вам ничего не трогать и по возможности не дышать.

Мы вошли в рабочий кабинет. Ничем не примечательный стол писателя был покрыт стеклом, которое прикрывал прозрачный колпак, что позволяло увидеть два скрюченных комочка пепла, открытую чернильницу, ручку с пером и сгоревшую спичку. Тут же лежал раскрытый бювар с закрепленным в его кожаных уголках листком промокательной бумаги. Промокашка была целая, только местами порыжела.

— Ну что? — осведомился Бурдон.

— Промокашка, — поспешил сказать я. — Текст мог отпечататься на ней в обратном изображении...

Бурдон метнул на меня возмущенный взгляд.

— Что это за загадка, если решение столь просто? Смотрите: на промокашке нет и следа чернил.

— В самом деле... — растерянно произнес я. — И что же?

— Приглядитесь лучше. Не думайте пока о произведении. Вначале мы изучим все «формальные» элементы в широком смысле этого слова. Кстати, именно таков метод работы литературных экспертов.

На что прежде всего следует обратить внимание? Видите, пепел не рассыпался — это благодаря качеству бумаги. Перед вами как бы скелет двух листков обычного формата. Такая же бумага лежит в шкафу.

Отметьте положение интересующего нас пепла. Тот, что я называю листком А, остался на промокашке, точно против кресла. Листок Б лежит слева, на некотором удалении. Пламя с одного листка на другой перешло через уголки, которые, по-видимому, соприкасались. Под действием огня листки разъединились и сжукожились,

но их первоначальное положение очевидно. Поскольку на столе нет других бумаг, основываясь на свидетельстве мадемуазель Ланж, можно утверждать, что левый документ — черновик, самый последний, а на листке А был переписан окончательный вариант произведения.

— Весьма правдоподобно.

— Поэтому поле наших изысканий ограничивается листком А, и это главное. Но не странно ли, что произведение или его завершенная часть, образующая законченное целое, поскольку Валетт переписывал его начисто, уложилось всего на одном листке, хотя он работал над ним целых две недели? Отсюда следует однозначный вывод, что и черновик не превышал этого размера. Не кажется ли вам необычным, что произведение потребовало столь большого труда? (Мадемуазель Ланж говорила о пачке черновигов, горевших в камине.) Валетт относился к числу писателей, весьма тщательно работающих со словом, но все же у него никогда не было более трех-четырёх черновигов, я выяснил это. Не слишком ли смелым будет предположить, что это было произведение особого рода, исключительно трудное и новое для него? Неужели вам не ясен его жанр?

Я задумался.

— Ну, Менар, — настойчиво потребовал он. — Вспомните, что говорила секретарша, описывая поведение своего шефа, его «хитрый и таинственный вид». Он вел себя, словно уличенный в шалости школьник. Чем же мог заниматься серьезный писатель, философ, если опасался, что девушка станет смеяться над ним, узнав, над чем он трудится? (Она с первого взгляда поняла бы, что он пишет, ведь он специально наклонился и прикрыл бумаги, когда она приблизилась к столу.) Ну? Единое целое или часть, представляющая собой единое целое, которое умещается на одном листке? Исключительно трудная работа, потребовавшая дюжины, а то и более черновигов?

Истина разом открылась мне.

— Стихотворение! — воскликнул я.— Только короткое стихотворение удовлетворяет всем этим условиям.

— Вне всяких сомнений, мы установили жанр. Это второй важный пункт... Но окружающая обстановка, формальные рамки позволяют сделать еще одно предположение.

Допуская, что Валетт делал все с исключительным прилежанием, он переписывал целую страницу примерно с четверть часа, пока его не сразила смерть. Поэтому правдоподобно считать, что работу он закончил. Это правдоподобие подтверждает аккуратно положенная рядом с чернильницей ручка. Она не выскользнула из его пальцев; ни единая клякса не оскверняет промокашки и стола. Но и это еще не все. Правдоподобие становится очевидностью, если вспомнить, что Валетт, умеренный курильщик, собирался зажечь сигару. Трудно представить, чтобы он прервал переписывание «одной» страницы ради такого пустяка. Поверьте, он завершил работу и дал себе минуту отдыха. Он готовился со вкусом перечитать стихотворение. Я абсолютно уверен в том, что переписанное чернилами произведение *здесь*, на листке А.

— Согласен, но листок-то сгорел.

— Терпение. Вас не вдохновили первые результаты? Завтра у меня будет необходимый инструментарий, и мы постараемся приподнять другой уголок завесы.

Он отказался от дальнейших объяснений и назначил мне свидание на утро здесь же, в кабинете писателя, оставив меня в крайнем возбуждении.

— За работу,— сказал Бурдон вместо приветствия.— Отныне кабинет станет нашей лабораторией. Вот моя аппаратура.

Из огромного ящика, с которого уже была снята крышка, я помог ему извлечь термометр, барометр, ги-

громметр, микроскоп и целый ряд оптических инструментов, которые он называл один за другим, но названия которых я не запомнил. Наконец он извлек странную штуковину, с которой обращался крайне осторожно, а мне и вовсе запретил к ней прикасаться.

— Вот он, тот самый золотой ключик,— высокопарно заявил он,— который откроет нам одну за другой двери храма. Это прецизионные микрохимические весы. Не стану разъяснять принцип их работы. Вам достаточно знать, что эти весы позволяют взвешивать с точностью до микрограмма, то есть одной миллионной грамма... Неужели вы не читали об уникальном опыте, проведенном иностранными учеными?

— Нет.

— Прочтите статью, пока я расставлю все по местам.

Он протянул мне научный журнал. Я дословно воспроизвожу заметку, которую он обвел красным карандашом.

Нью-Брунсвик. Демонстрируя точность своего прибора, ученые одной из здешних лабораторий определили массу запятой.

Вначале был взвешен лист чистой бумаги. Затем на нем на пишущей машинке напечатали одну запятую. После повторного взвешивания масса листа увеличилась на один микрограмм...

— Что вы думаете об этом? — спросил Бурдон.

— Честно говоря, кое-какую связь улавливаю, но...

— Присядьте. Я разъясню вам свой план, пока буду заканчивать подготовку,— и он занялся таинственным для меня монтажом электрических проводов.

Я внимательно слушал его.

— Прежде всего опытным путем я убедился,— начал он,— что разглядывать обуглившиеся листки даже

в самый сильный микроскоп совершенно бессмысленно. Пепел имеет однородный черный цвет, и никаких следов чернил на нем не видно.

— Ну, это понятно.

— Также бессмысленно прибегать к рентгеновским лучам. Слишком тонок слой. Моя попытка закончилась полным провалом.

— И это понятно,— согласился я.

— И однако, Менар, чернила, которые пропитали эту бумагу, обязательно оставили свой след в пепле. Пепел исписанного листа не может быть равен по весу пеплу чистого. Чернила состоят из мельчайших частиц красителя, находящихся в воде во взвешенном состоянии. Вода, скажете вы, испарилась во время горения. Конечно, но что случилось с твердым остатком? Он тоже сгорел и обратился в золу. И зола чернил, мой друг, там, в смеси с пеплом бумаги. И сколь бы мало ее не было, она материальна — имеет *массу*, вес. И вот наука представляет нам чудесный инструмент, который позволяет улавливать малейшую разницу! Масса страницы, на которой было написано стихотворение, не будет равна массе чистой страницы, сожженной в тех же условиях. При тщательном взвешивании я найду разницу, которая будет соответствовать массе пепла использованных чернил. Пока мы не можем оценить качество произведения, но можем определить его «количество».

— Согласен, однако у меня есть некоторые возражения. Прежде всего я не вижу, куда это приведет. А как вы узнаете вес чистого листа?

— Сперва я отвечу на последний вопрос. Он не прост и доказывает, что вы следите за ходом моих рассуждений.

Вначале я хотел использовать контрольный чистый лист того же формата, но затем придумал куда более точный и более тонкий метод. Его-то я и использую. Я возьму часть того же листка А. Мне нужен не целый

лист, а крохотный кусочек точно измеренной площади. Понимаете? Исписанная страница всегда имеет поле слева, сверху и снизу. И если я отделию крохотный кусочек в уголке, то буду уверен, что на нем нет никаких следов чернил. Я исследую этот фрагмент под микроскопом и определяю его площадь — мои оптические инструменты позволяют выполнить эту операцию с высочайшей точностью. После его взвешивания суший пустяк — узнать массу листка А без чернил. Затем я тщательно взвешу весь листок А, не забыв о ранее отделенном фрагменте. Простое вычитание укажет мне искомую разницу.

А что это даст нам? Вот старая рукопись Валетта, переданная мне его секретаршей. Мы выберем одну страницу. Пересчитаем количество букв, потом сожжем ее в тех же условиях, в которых сгорел листок А. И таким же образом определим массу пепла чернил, но на этот раз зная исходное количество букв. Из этого мы выведем, что определенная масса соответствует определенному количеству букв. После сравнения получим неочень ценную информацию — примерное количество букв в нашем стихотворении.

Затем?... Прочие объяснения я дам после завершения первого этапа. За дело.

Так началась работа моего приятеля Бурдона. Он окружал каждый свой шаг предосторожностями, которые слишком скучно описывать в подробностях. Листок в течение всего срока измерения должен был находиться в условиях с неизменной температурой и постоянной влажностью. На мою долю выпало следить за контрольными приборами и регулировать подогрев и влажность, поддерживая заданные параметры. Моя роль этим и ограничивалась, ибо я слишком нервничал и резким движением мог лишь все испортить.

Я наблюдал за Бурдоном двое суток, пока он проводил первые измерения. Прикрыв нижнюю часть лица марлевой салфеткой, чтобы не дышать на пепел, и вооружившись миниатюрным скальпелем, он отделил крохотный фрагмент от уголка сгоревшего листа. Бурдон напоминал хирурга, выполняющего тончайшую операцию. Он бился над листком А весь день и большую часть ночи. Наконец, на заре, уложив остатки на стол и накрыв их колпаком, на что ушел целый час, он наскоро проделал расчеты и торжественно объявил:

— Я был прав, Менар. Надеюсь, вы в этом не сомневались. Разница действительно существует. Так вот: масса пепла от чернил составляет 453 микрограмма.

Только теперь он разрешил мне перекусить и дал час на сон. Бурдон разбудил меня, приступив к опыту над рукописной страницей Валетта; он сжег ее, предварительно пересчитав количество букв и проделав ту же серию тончайших операций. Меня раздражала медлительность, с которой он работал, но я призывал себя к терпению, ибо хотел знать, как будет осуществляться его фантастический замысел.

На следующий день он торжественно объявил:

— 453 микрограмма соответствуют примерно пятистам буквам — пятистам буквам его великолепного каллиграфического почерка. Такова приблизительная длина нашего стихотворения. Повторяю — приблизительно, поскольку, как вы понимаете, в измерение могли вкратиться кое-какие погрешности. Я провел предварительный, довольно грубый опыт. Однако он был полезен, ибо позволил быстро получить общее представление о произведении. Запомним цифру в пятьсот букв в качестве первого приближения.

Я воспользовался перерывом, чтобы хорошенько поест. И почувствовал прилив новых сил, которые изрядно истощились за время утомительного бдения.

Вялость мысли сняло как рукой.

— А если на листке А сидит большая клякса? — заметил я.

— Я не подумал об этом,— пробормотал сбитый с толку Бурдон.— Bravo, Менар. От души поздравляю вас. Клякса действительно может быть причиной ошибки, но не бойтесь, мы преодолеем и эту трудность... Правда, посадив кляксу, Валетт воспользовался бы промокашкой.

— Верно,— согласился я,— наше стихотворение состоит из пятисот букв или около того. Восхищен результатом, а что дальше?

— Дальше? Теперь начнется проникновение в глубины формы. Слушайте.

Он уселся перед едой, которую я приготовил, и заговорил.

— Расставаться с нашими микрохимическими весами рано. Это маленькое чудо откроет нам множество тайн. Результат предварительного исследования, надеюсь, убедил вас, что лист бумаги, пропитанный чернилами и затем сгоревший, кое-что весит, и это кое-что больше, чем масса чистого листа бумаги, сгоревшего в тех же условиях. Я настаиваю на этом не очень точном термине *кое-что*, поскольку он символизирует особую элегантность моего метода. Понимание к вам придет позже, но уже сейчас сообщу, что точная величина этого *кое-что* — не самое главное в предпринятом нами воскрешении. Мне достаточно отметить его *существование*. Точное определение массы мне кажется второстепенным с момента, когда я определил, что чернила действительно были. Тысяча тонн едва ли даст более значимый результат, чем десятая доля микрограмма. Неужели вы не видите элемента возвышенного в сей простоте?

— Хотелось бы увидеть, дорогой Бурдон, но я не очень понимаю ваш слишком абстрактный язык...

— Следите внимательно за ходом моих рассуждений. Нам известна масса чистого листа бумаги, и мы можем рассчитать массу любого известного участка листа. Сделаем следующее. Начиная с верхнего края, разрежем лист А на очень узкие горизонтальные полосы слева направо. Затем тщательно взвесим каждую полоску после замера ее площади. Наверно, несмотря на все предосторожности, пепел кое-где осыпется и края полосок окажутся зубчатыми. Однако терпеливое исследование под микроскопом каждого излома позволит нарисовать его точный контур. Даже самая малая песчинка не избежит бдительного ока нашего увеличительного инструмента; мы подберем ее, определим, откуда она выпала, отдельно замерим ее площадь и взвесим вместе с полоской, из которой она выпала. Короче говоря, мы точно оценим общую площадь каждой полоски. Взвешивание даст нам основную опорную величину — написано ли *кое-что* на этом фрагменте или нет. Понимаете? Скорее всего масса полосок, близких к краям листа, будет соответствовать массе полосок чистой бумаги. И напротив, весы покажут наличие дополнительной массы, когда мы попадем на текстовую часть. Таким методом мы безошибочно определим «положение» строк и сможем изобразить их на схеме. Естественно, каждую вырезанную полоску мы тщательно сохраним. Видите этот стеклянный ящик, специально изготовленный по моему заказу? Не дай бог нарушить исходный порядок, ибо нам еще понадобятся все куски. Этот герметичный ящик, куда не попадет ни пылинки, имеет основные ячейки для горизонтальных полосок и крохотные пронумерованные ячейки для случайно отделившихся фрагментов. Таким образом мы сможем в любое мгновение установить точное положение каждого элемента листка. А нам частенько

придется возвращаться назад. Будем действовать на ощупь, пока не достигнем конца строки. А затем точно определим ее границу, разъединяя полосу по длине на все более и более узкие секции. После разделения мы взвесим каждую строку отдельно и узнаем приблизительное количество букв в каждой строке. Эта работа займет несколько недель, быть может, месяцев, но после ее завершения у нас сложится ясное представление о стихотворении. Как вы считаете?

— Признаю, это хитроумно, но не вижу, как проклянется произведение сквозь полученную вами скорлупу.

— Вечное нетерпение! Мы сможем возродить произведение, только если не будем торопиться, дав таинственному стихотворению время медленно, почти естественно, вылупиться из этой материальной оболочки. Я говорил и повторяю, что будем работать как литературные эксперты, которые презирают и отрицают вдохновение. Они выстраивают свои произведения, основываясь на «форме», на языковых элементах, на словах, на буквах...

В нашей работе мы поднимаемся на ступеньку выше. Будем исходить из массы этих букв, точнее из массы их золы, из «положения» букв в двумерном пространстве — на листке бумаги. Мы воспользуемся одновременно и более чистым, и более осязаемым источником поэтического сочинения. И вы увидите, как постепенно сюжет, «дух» стихотворения восстанет из праха. Предсказываю: сей момент наступит.

Собственные занятия не позволяли мне посвятить этим исследованиям долгие недели, и я временно прервал сотрудничество, пообещав Бурдону интересоваться ходом дел. В течение двух месяцев я несколько раз

посетил «лабораторию» и каждый раз заставлял его за «анатомированием» пепла. Однако вытянуть из Бурдона хоть слово не удавалось. Наконец он призвал меня. Лицо его выражало удовлетворение.

— Все идет как по маслу,— сообщил он.— Хотите послушать, как развиваются события? Кстати, это полезно и для меня. Заодно проверю свои расчеты.

— Я давно жду этого.

— Итак, я начал резать листок на горизонтальные полоски шириной три миллиметра каждая. В первых образцах, как я и предполагал, взвешивание дало нулевой результат. То есть шла чистая бумага. Сверху листок А свободен от записей примерно на двадцать один миллиметр.

Взвешивание следующей полоски указало *присутствие*. Я уточнил размеры аномалии и выяснил, что увеличение массы прослеживается примерно на высоте в одиннадцать миллиметров и значительно меняется в этом интервале. Я решил, что добрался до заглавия, но потом по этому поводу у меня возникли сомнения, почему — объясню позже.

Вначале мне хотелось уточнить расположение стихотворных строк. Я не стал выяснять детали, а продолжил исследование, поместив первые образцы в пронумерованные ячейки...

Итак, я прошел тридцать два миллиметра от верхнего края и спустился ниже. Наткнулся на пустой интервал, затем на зону в девять миллиметров со следами чернил. Теперь появилась уверенность, что здесь разместилось заглавие. Затем «пустоты» и «заполненности» стали следовать с абсолютной периодичностью. На этой табличке я воспроизвел общее расположение строк:

11

34

33

28

29

29

31

34

27

30

34

27

29

35

28

Рассматривайте это как скелет. Здесь отмечены только оси строк, хотя на самом деле они занимают определенные зоны. Крестиком я отметил массу, которую вначале принял соответствующей заглавию. Мы еще вернемся к этому моменту. Первая ось, теперь я уверен в этом, действительно является заглавием. Сам текст состоит из четырнадцати строк... четырнадцати стихотворных строк, поскольку речь идет о поэзии, сгруппированных в строфы из четырех и трех строк. Вам ни о чем не говорит столь своеобразная разбивка?

Хоть я и не очень разбираюсь в поэзии, истина бросилась мне в глаза.

— Сонет, это — сонет! — ошеломленно пробормотал я.

— Превосходно, — обрадовался Бурдон, — сонет. Я указал на схеме приблизительное количество букв в каждой строке, исходя из их массы. Мы воспользуемся ими лишь для проверки. Сложив их, мы получим сумму в 466 букв. Предварительное взвешивание дало мне 500. Разница, как видите, невелика, а это доказывает, что наше первое приближение довольно точно.

Итак, речь идет о сонете, поэтическом произведении, построенном по строжайшим правилам, которые такой писатель-классик, как Валетт, питавший почтение к традициям, непременно должен был соблюсти. Как вы знаете, в сонете в первом катрене утверждается основная тема сюжета, во втором она получает развитие. В первом терцете намечается разрядка, быстро завершающаяся во втором, с наиболее сильным выражением в последней строке, называемой сонетным замком. Короче говоря, это — своего рода театральная пьеска, что окажет нам неоценимую помощь в работе. Взяв за основу среднее количество букв в строке, представляется вероятным, что сонет написан александрийским стихом. Вот практически все, что можно сказать после первого «анатомирования».

— А дальше? Как быть с текстом, Бурдон?

— Дальше? Разве вы не видите, что следует делать дальше? Вам не ясен дальнейший путь? Ну, тогда слушайте.

— Следующий этап обоснован логически, и я уже приступил к нему. Мы начнем исследовать имеющееся плоское пространство, из которого родится мысль, а после исследования сверху вниз перейдем к исследованию слева направо и углубимся в детали.

Я сгруппировал комплекс горизонтальных полос, со-

ответствующих каждой строке. В них мы будем вырезать с одного края до другого крохотные последовательные фрагменты и взвешивать их с величайшими предосторожностями. Стоит ли продолжать работу? Общая методика позволяет нам, вы знаете это, выявить различие между пробелом и *кое-чем*. Пробел позволит сверкнуть истине. Мы найдем положение пробелов, а те укажут границы слов. Наша работа во многом облегчается тем, что мы имеем дело с удивительно ровным почерком.

Обратите внимание, в этой старой рукописи слова отделены друг от друга весьма значительными интервалами. Взвешивание нам здесь не может помочь — масса невелика из-за малого количества букв в словах, но их места, их «размеры» определятся с большой точностью, если мы будем работать с достаточно мелкими фрагментами, тогда количество букв в каждом таком фрагменте выявится достаточно точно.

Вы спрашиваете, что будет затем?

Как только завершится эта небольшая, но кропотливая работа, мы уже можем ожидать появления «букв», и будьте уверены, «душа» возвратится в тело... Но для выполнения столь деликатной работы мне необходима спокойная обстановка. Сейчас вы мне ничем помочь не можете. Назначаю вам свидание через полгода. Такой срок мне понадобится, чтобы с успехом провести все исследования.

Через полгода Бурдон с лихорадочным блеском в глазах положил передо мной следующую схему.

+

.....

— ..... —, ... —, ..
....
.. .. —, ...
.....: .. ..? .. .., ...

— ..... — ..... — .. —,
.... — ....
.. .. — .... — .. —
.....: .. .. — —? ... .. — !

.. .. .. — ....
.. .. .. — ....
.. — — ....

.. .. — .... :
....
.... !

— Мы движемся вперед, дружище,— сказал он.— Призрак постепенно обретает плоть, с каждым новым шагом из тумана появляются новые элементы. Смотрите, здесь показано положение слов, как я вам и предсказывал. Сгруппированные черточки и точки соответствуют одному слову и указывают его точные размеры. Попутно мне удалось добыть и некоторые другие, весьма ценные сведения. Знаки пунктуации, Менар! Точки проявились как исключительно малая масса, затерянная в безднах пустого пространства; все более и более тонкий анализ позволил мне отличить их от запятых, стоящих в основном в середине и в конце строк. Строфы заканчиваются следующим образом: первый катрен — многоточием, второй катрен и второй терцет — восклицательными знаками, а первый терцет — точкой. Я с полной уверенностью идентифицировал три двоеточия в четвертых строках катренов и в конце первой строки второго терцета, два вопросительных знака в середине четвертых строк катренов, причем после первого вопросительного знака идет многоточие. Нетрудно было установить и два тире, распо-

ложенные вдоль оси строк, хотя я их условно поместил ниже строки, чтобы отличить от букв.

— Но буквы?! — вскричал я.— Сами слова?! А мысль?! Пока я вижу только бессмысленные точки и тире.

— Не спешите,— успокоил меня Бурдон.— Эта схема завершает определенный этап. Я составил ее несколько недель назад, но с тех пор уже значительно продвинулся и буду иметь удовольствие разъяснить вам все в подробностях... Но позвольте сначала остановиться на элементе, расположенном над заглавием, который я вначале спутал с ним. Я отметил его положение крестиком. Это не похоже на слово. Общая ширина этого элемента не превышает десяти миллиметров, а высота примерно равна двенадцати миллиметрам. Несмотря на это, масса чернил в этом месте относительно велика. Она соответствует примерно тридцати буквам, что практически невозможно на столь малой площади. Здесь я отметил ненормальную плотность чернил. Быть может, это клякса, как вы заметили вначале. Думаю, этот вопрос мы разрешим позже. Пока я не хочу его касаться и в своих последующих рассуждениях принимать в расчет не буду.

Я слушал его рассеянно.

— Вы сказали, что уже перешагнули этот этап?

— Судите сами.

— Когда я установил общие границы слов, мне стал ясен следующий шаг. Любопытно, что на путь истинный меня наставили как раз «особые трудности», встреченные на предыдущем этапе. Я говорю о том уже далеком времени, когда я взвешивал горизонтальные полоски, определяя положение строк.

Трудности станут вам понятны, если вы изучите любую рукописную страницу. Некоторые буквы, как, например, *a*, *z*, *e*, *и*, *к* и так далее, образуют «главную часть»

строки, тогда как буквы *б, в, г, з, у* «выступают» за ее пределы. Вы следите за моими рассуждениями? Они выступают из средней зоны вверх или вниз. В почерке Валетта они выступают даже больше, чем обычно. Это обстоятельство мешало мне, когда я пытался определить междустрочный интервал, но в то же время подсказало — вы непременно оцените мои ухищрения! — как выкрутиться из такой ситуации. Я бы назвал эти «выступающие», а также некоторые другие буквы, о которых скажу ниже, сияющими солнцами, освещающими путь к истине.

Хотя высокопарная речь Бурдона и раздражала меня, но этот незаурядный человек пробуждал во мне интерес. Я был захвачен и слушал его пространное изложение со все возрастающим волнением.

— Когда я взвешивал горизонтальные полоски, то заметил, что резкий переход от *кое-чего* к ничему никогда не встречается или, если вы предпочитаете не столь образный язык, нет перехода от нормальной плотности письма к нулевой. Пустоты между двумя строками достигались постепенно, и высота их сводилась к одному-двум миллиметрам. Вы понимаете причину этого? Дело в том, что нижние и верхние оконечности выступающих букв были длиннее именно у Валетта. Кроме того, существуют и *краткое*, а также черточки под одной и над другой буквами. Но об этом чуть позже. Я преодолел эту трудность, ибо границы «главной части» строки легко определялись из-за резкого уменьшения веса чернил вне ее.

Вы поняли, в чем состоит суть придуманного мною способа? Я снова взялся за воссозданные горизонтальные полоски. Зона «главной части» была хорошо известна. Пришлось поработать со скальпелем и весами по обе стороны этой зоны. Я вырезал крохотные сегменты там, где находились необычные буквы, — напомним: благодаря принятой классификации я могу по желанию восстанавливать загадочную мозаику — и взвесил их. Если мне

встречался чистый участок, я немедленно переходил к следующему сегменту. При появлении доли микрограмма чернил на нем я разбивал его на все более и более мелкие фрагменты, чтобы с точностью до долей миллиметра установить положение «выступающей» буквы, найденной столь необычным манером. Так я уточнил положение букв вдоль каждой строки. Вам бы следовало оценить, как новый, чисто формальный элемент послужил могучим инструментом для воскрешения произведения. Правда, я пока не могу с точностью указать выступающую букву — я лишь знаю, что она есть и в каком конкретном месте. Кроме того, выступают прописные буквы, но их всего семь во всем сонете: в заглавии, в начале строф и после двух знаков вопроса. Но пока забудем о них, а необычные буквы сгруппируем в два ряда в зависимости от того, куда они выступают, вверх или вниз:

б в
g з у

Обратите внимание, среди них оказалась буква з, которую Валетт писал довольно своеобразно. Мои весы недостаточно точны, чтобы выявить различия между б и в. Столь же трудно отличить одну от другой буквы g, з, у, имеющие петельку в нижней части, а также р и ф, у которых вниз уходит вертикальная линия, но взвешивание позволяет установить, к какой части таблицы, верхней или нижней, относится конкретная буква... Вообще особенности почерка Валетта дали много пищи уму и позволили мне однозначно определить несколько букв. Вам известно, что ряд букв шире остальных. Это — ж, м, т, ш, щ, ы, ю. Так вот, Валетт всегда подчеркивал ш и ставил черточку над т. Я с легкостью установил и щ. Это — широкая буква без черточки внизу, но с петелькой, сравнимой по весу с запятой. Кроме того, ни с чем не спутаешь й.

— Мой дорогой Менар,— сказал в заключение Бурдон,— мы извлекли из небольшой кучки пепла все, что могли, и подошли к новому этапу. Предстоящая работа будет проходить быстрее и интереснее. Позвольте подвести первый итог. Нам известны:

размеры произведения — одна страница;

его жанр — сонет;

общая формальная структура — местоположение заглавия, строк и слов;

следующие формальные детали:

установлены буквы *й, т, ш, щ*;

точное положение букв *б* или *в*; *г, з* или *у*; *р* или *ф*,

а соответственно и возможность выбора той или иной буквы в зависимости от смысла;

пунктуация.

Этого вполне достаточно, чтобы с триумфом завершить наш титанический труд. Завтра я покажу, как это делается, на сегодня я слишком устал. После столь скрупулезного взвешивания пылинок следует проветрить мозги. Дальше будем продвигаться с помощью иных наук и иных качеств.

— Какие науки, какие качества?! — воскликнул я, буквально сраженный его неистощимой выдумкой.

— Грамматика, мой друг, расчет вероятностей, искусство поэзии, философское восприятие и *воображение*.

Когда я появился поутру, буквально сгорая от любопытства, мой ученый друг уже сидел за столом.

— Не смог уснуть,— сказал он мне,— и работал часть ночи. Я уже близок к цели.

— Вы хотите сказать, что восстановили сонет?!

— Будете судить об этом сами. Вы сможете оценить мои успехи, лишь следуя за мной. Прежде всего вот таблица, которая резюмирует наши последние открытия.

Я принялся рассматривать нижеследующий документ.

буквы, как обычно. Я проверил это. Стали на место одно-значно установленные буквы.

Таковы наши границы, а вернее, наш скелет, который следует облечь плотью. В такой работе было бы вредным и скучным ставить себе ограничения. Мы уподобимся бабочке, порхающей с цветка на цветок согласно своим инстинктам и фантазии.

Итак, приступим. Мое внимание с самого начала было привлечено последним словом второй строки первого терцета: $JJf \cdot f$, состоящее из шести букв. Четвертая — *р* или *ф*, а третья — *б* или *в*. Но в нашем языке невозможны сочетания *бф* и *вф*. Значит, на месте четвертой буквы стоит *р*. Вторая буква обязательно *у*, поскольку слов с набором согласных *гбр*, *збр*, *гвр* и *звр* просто-напросто не существует. Таким образом, можно утверждать, что наше слово начинается либо *дубр*, либо *зубр*, а полностью звучит *дубрав* или *зубров*. Беру на себя смелость поставить здесь *дубрав*, как более поэтическое. Кстати, это дает нам первую мужскую рифму терцетов, хотя я пока не могу указать, в каких строках она повторяется.

Возьмем другой пример. Первое слово второй строки в первом катрене: $\cdot m_1 \cdot - \cdot m \dots \cdot \dot{y}$. Казалось бы, расшифровать такое длинное слово трудно, ан нет. Сочетание m_1 — либо *тф*, либо *тр*. Первое встречается довольно редко: портфель, Матфей. Зато второе совершенно универсально. С высокой степенью вероятности допустим, что здесь стоит *тр*. За этим сочетанием может следовать только гласная. Следующая, пятая буква относится к широким: *ж*, *м*, *ы*, *ю*. Букву *ы* мы исключим сразу, поскольку она может стоять только после согласной. У нас остается выбор между *ж*, *м* и *ю*. Можно заняться дальнейшими выкладками и найти часть недостающих букв, но мы поступим по-другому. Мы возьмем словарь. Проверка требует немало времени, но позволяет отыскать всего два слова, укладывающихся в формальную схему:

отражательной и *стремительной*. И снова великое искусство поэзии диктует свои требования. Мы останавливаемся на слове *стремительной*, поскольку первое слово принадлежит научному лексикону.

Я во всех подробностях разъяснил подход к определению этих двух слов, чтобы вы уяснили суть методики. Думаю, дальше вам не нужно объяснять каждую деталь. Наш основной инструмент на данном этапе — словарь. Наши вехи — формальные рамки, то есть количество букв в слове и присутствие или отсутствие некоторых характерных признаков, выявленных взвешиванием.

Неужели вы еще не ощущаете, как пробивается дух стихотворения сквозь грубую материальную форму, способствуя появлению буквы, как я и предсказывал? Сей набирающий силу по мере нашего продвижения вперед дух станет путеводной звездой. Слова *губрав* и *стремительной* за секунду дали нам больше, чем неустанный труд за последние полгода. Они лучезарны. Они открывают перед нами бесконечные горизонты мысли поэта. Мы взбираемся на вершину, откуда можем бросить гордый взгляд назад и оценить пройденный путь. Не скрою, мой друг, что, когда эти слова стали ясными, меня охватило глубочайшее волнение. Наши усилия не были тщетными. Мы оперировали скальпелем, подобно хирургам. Взвешивали частички, как аптекари. Вооружили глаз оптикой. Мы медленно ползли среди остатков материи. Неужели я впрягся бы в эту подчас унижительную работу, не разгляди с самого начала ждущего нас венца со светоносными алмазами, в котором слова *губрав* и *стремительной*, банальные по форме, но глубочайшие по содержанию, являются первыми драгоценными камнями, очищенными от породы.

Итак, продолжим. Но не стоит застревать на вершине возвышенного. Еще надо походить в сапогах старателя, отыскать еле заметную тропинку с помощью едва весомых атомов. Только такой ценой человеческая мысль

обретает способность ясновидения. Чередуя абстрактные размышления с самыми тривиальными наблюдениями, мы выберемся из запутанного лабиринта, куда нас загнала мысль поэта. Так станут неразделимыми плоть и дух...

Что нам дает первое воскрешенное слово? Оно помогает выявить *механические* следствия его появления в конце стихотворной строки. Отныне мы уверены, что одной из рифм в терцетах будет окончание *ав*. По своей форме на него похожи все окончания: • / в терцетах. Не хочу, чтобы вы томилась в неизвестности. Я установил вышеуказанным способом и последнее слово этого терцета: *дубов* или *зубов*, что дало мне вторую рифму в терцетах: *ов*. Случайность ли это? Отнюдь. Заключение напрашивается само собой. Сонет построен по строжайшим правилам, ибо в терцетах мы сталкиваемся с двумя тройными рифмами: *ав* и *ов*.

Вставим в нашу схему *дубрав*, *стремительной* и букву *в* в конце строк терцетов. Более того, как видите, я добавил несколько элементов, выявление которых потребовало определенных усилий и на которые я вам укажу без разъяснений. Все они нашли отражение в таблице. Можете ее проверить, но, даю слово, иные варианты невозможны. Кстати, попутно я установил первую рифму в катренах. Это опоясывающая рифма: *вы*, имеющая в конце первого катрена форму *ви*.

+

?·т̄.....т̄|·

?·т̄ ·|··j· ·|·—, ... *будто* ·|·|·f... ..вы,
стремительной f·j·й ·|·..... ..f...,
.. ..ыщ· |j·щ·, · f—..... |·...,
теперь ...—.: *где дождь?* Ищи ..., ..ви...

?·т̄ .....f· —·f·т̄ f..... т̄равы,
—...т̄·т̄ f..... ..уш·т̄· ·т̄..... .....,
.. *смерть* щ.....т̄, ·f·|·...т̄ ·f·|·..... .. —
.....: *где* .....f· · *где* —...т̄ы?... Увы!

?· ..j··й ··f лиорщины |·f... ..|j·в,
..щ ·|·j· ..т̄ —·f· ..j .....— дубрав,
· —... — *щерит* ·|· жернова зубов.

? f· — ..f· в ·f··й ·щ·f· прав:
·|·...й ·т̄·...т̄ ·...т̄· ·j ·рыщ—· ·|·f·в,
j·т̄ ·душа |j·т̄·т̄ · ·f·т̄... f...в!

— Обратите внимание: сочетание *щерит жернова* дает право остановить наш выбор на слове *зубов*.

Пора оторвать глаза от текста и отбросить на время наскучивший словарь. Попробуем силы в абстрактных размышлениях и поищем смысловые связи между словами *стремительной* и *дождь*.

Посмотрите на первую половину второй строки первого катрена (место цезуры, интонационно-смысловая паузы, абсолютно ясно). Слово *f·j·й* состоит из двух слогов, ибо сонет написан, по моим предположениям, шестистопным ямбом. Следовательно, мы имеем дело с существительным, которое характеризуется прилагательным *стремительной*. Внимательное изучение формальных комбинаций, совместимых с синтаксисом, дает только один вариант: *водой*, тем более что через

строку речь идет о дожде. Требуется минимум воображения, чтобы почти полностью восстановить стихотворную строку. Запишем:

стрелительной водой пролились ..f... ,

Итак, поэт характеризовал воду прилагательным «стремительная» и глаголом «пролиться». Падение дождя подразумевает точку старта. Где же эта точка старта, как не в облаке или туче. К сожалению, по формальным признакам ни одно из них в наше прокрустово ложе не укладывается. Поэт делает обобщение и называет эту точку старта — *небеса*.

— Если он это сделал,— продолжил Бурдон с внезапным оживлением,— если он сделал это, то я могу утверждать, что, поместив это слово в конце стихотворной строки, он использовал окончание *са* в качестве рифмы. Вы улыбаетесь? Считаете мое утверждение безосновательным? Однако я готов поставить на кон все свое состояние, что писатель, сочиняющий сонет, где упоминается о небесах, использовал это слово для рифмы, если только он не неисправимый оригинал. Слог *са* обладает необходимой звучностью, которую поэт обязан применить, когда представляется возможность.

Снова интуиция, скажете вы. Подкрепим ее материальными доказательствами. Третья строка второго катрена выглядит следующим образом:

.. смерть щ .....т, .f./...т .f./.... .... —

Образ смерти всегда ассоциируется с ее приходом — она крайне редко отступает — и с главным символом ее функции: косой. Следовательно, не будет преувеличением предположить, что эта строка выглядит так:

.. смерть шагнет, .f./...т .f./.... коса —

Порассуждаем дальше. У смерти осечек не бывает, ее *коса* разит наповал, она выкована из отличного металла

и так наточена, что ее лезвие просто обязано *сверкать*. Я бы назвал смерть безразличной, но поэт мыслит иначе — его смерть свирепа, хотя он наделяет свирепостью — его право — ее рабочий инструмент.

•• *слерть шагнет, сверкнет свирепая коса* —

Поэтому я утверждаю, что вторая рифма катренов *са*. Давайте поищем еще одно рифмующееся слово. Где оно? Думаю, ответ возникнет немедленно, если мысленно представить картину, открывающуюся нам. У нас есть *дождь* и *вода*. Пролившийся стремительный дождь оказался на земле и траве в виде дождевых капель. Синоним таких капель — *роса*, точно вписывающаяся в формальную схему:

стрелительной водой пролились небеса,
•• •••• *ыщ* •• / •• *щ* ••, • / — ••••• *роса,*

Правила сложения сонета полностью соблюдены. Впишем рифму *са* и во вторую строку второго катрена.

Продолжим порхание среди цветов. Столь игривый способ позволяет быстрее проникнуть в дух сонета, который в свою очередь становится верным подспорьем для приведения в порядок материальной яви и мелких деталей, образующих вечный сплав мысли и формы.

Однако истинная мысль еще не ясна. Очевидно, Валетт сочинял сонет не ради того, чтобы сокрушаться по поводу судьбы дождя. Дождь — символ, подлежащий разъяснению в терцетах. Сосредоточим наше внимание на первом из них.

В третьей строке глаз останавливается на незамысловатом словечке •• / ••, которое в сочетании со смертью, уже упоминавшейся в сонете, и в обрамлении *щерит* •• / •• *жернова зубов* устанавливается однозначно — *череп*.

У нас собралась прелюбопытнейшая коллекция слов: *смерть, череп, душа*. С их помощью можно попытаться полностью или частично восстановить второй терцет. Валетт был человеком верующим и не сомневался, что душа после смерти ее владельца воссоединяется с богом или богами. Боги, как известно, обитают в горних сферах, и душе, чтобы добраться до них, следует стремиться вверх. Поэтому я считаю себя вправе вписать в готовую формальную схему:

ж·т· душа взлетит · · /·т·... богов!

Не требуется особого воображения, чтобы воссоздать строку полностью:

зато душа взлетит к обители богов!

Сей заупокойный мотив позволяет заняться предпоследней строкой сонета. Последнее слово — *гробов*, а два предпоследних — *под крышками*. Истинность такого толкования подтверждается синтаксисом и каркасом слов. Заодно мы уточнили расположение рифм в терцетах:

*ав ,
дубрав ,
зубов*

*прав :
гробов ,
богов !*

Идем дальше. Что может лежать в гробу? Мертвое тело, труп. Но мы имеем дело с поэтическим произведением писателя-классика, у которого просто рука не

поднимется писать столь низким «штилем». Менар, назовите мне антоним слова *душа* в данном контексте.

— Плоты!

— Совершенно справедливо. Что происходит с плотью в гробу? Она разлагается, становится прахом, возвращается в землю. Думаю, не ошибусь, если скажу, что поэт, прибегнув к высокому стилю, записал здесь: *истлеет плоть*. По правилам сложения сонета последние его строки самые сильные по мысли и образности, а потому следует предположить, что *истлеет* стоит в повелительном наклонении. Такая конструкция фразы и двоеточие перед ней требуют формообразующего *пускай*. И вот две полные строки перед нами:

*пускай истлеет плоть под крышками гробов,
зато душа взлетит к обители богов!*

Теперь перейдем к более методичной работе, идя от строфы к строфе. Коль поэт упоминает о плоти и душе, не может быть, чтобы он не вспомнил о едином целом, состоящем из этих двух компонентов, а именно: о человеке. Поищем подходящую группу значков. У нас таких групп . . . . / .. не одна, а целых три! В первой и четвертой строках катрена и в первой строке второго терцета. Если мы правы, то в первой строке этого катрена *человек* — подлежащее, за которым следует сказуемое — - . / . т. Нетрудно догадаться, что Валетт написал *человек живет*. Если в первой строке человек живет, а в третьей умирает, вопрос *где человек?* в четвертой строке вполне закономерен. Итак мы получили:

?·т человек живет /..... травы,

и

...—.: где человек. где — ..ты?... Увы!

— Вы не устали? Нет? Тогда посмотрим, что нам дает пунктуация. Она — важнейшая часть композиции и в построенном по строгим законам сонете позволяет выявить несколько важных элементов. Посмотрите на третьи строки обоих катренов. Они начинаются с группы • • , перед которой стоит запятая. В обоих случаях мы имеем дело со сложносочиненным предложением, где первая часть противопоставляется второй. В таком варианте мы можем без особых сомнений поставить союз *но*.

Теперь обратите внимание на две группы значков • • • — • : в четвертых строках катренов. Неужели будет излишне смелым предположить, что последующие двоеточие и вопрос означают некое доверительное обращение к собеседнику? Какое бы слово вы поставили на месте Валетта?

— Минуточку... Ну, конечно, *скажи!*

— Замечательно. Вы начинаете мыслить, как мой покойный друг. Вспомните, что я говорил вам о сонете, и вы, Менар, поймете, что такое обращение открывает перед нами новые возможности. О чем говорится в последнем терцете? Об эфемерности существования! Все исчезает, материальных следов почти не остается. Но не исчезает бессмертная, по мнению Валетта, душа. Эта мысль позволяет нам без особых трудностей восстановить первый катрен. На вопрос *теперь скажи: где дождь?* ответ напрашивается сам собой: *Ищи его, лови...* Дождь прошел, следы его исчезли. Почему? Вода испарилась — *высохла роса*. Предоставляю вам возможность восстановить первую половину третьей строки.

— Позвольте подумать... Если следовать вашим рассуждениям, Валетт должен был вспомнить о смертельной опасности для росы, иначе говоря, о солнце!

— Менар, вы делаете несомненные успехи. Валетт действительно написал *солнышко взошло* — хотя он неправ, если подойти к этому явлению со всей стро-

гостью,— а после запятой поставил соединительный союз *и*. У нас осталась первая строка катрена. Предлагаю пофантазировать. Сравнительный союз *будто* нередко употребляется в сочетании с союзом *как* для выражения условно-предположительного сравнения. Коль в катрене речь идет о дожде, мы будем правы, что Валетт сравнивает какое-то явление, связанное с дождем, с чем-то еще. Чем сопровождается дождь?

— Радугой!...

— Верно. Но для радуги нет подходящей формальной схемы. Зато есть нужные значки для грома. Правда, не говорится о грозе, но все же поэт подводит нас к мысли о внезапности сочетанием *стремительной водой*. Усилить это ощущение внезапности можно соответствующим глаголом: *грянул гром*. Теперь следует подыскать сравнение. С чем бы вы сравнили раскаты грома?

— С артиллерийским залпом, со взрывом, с грохотом обвала...

— Вы невнимательны, Менар, и забываете о формальной схеме. У нас слово из четырех букв, заканчивающееся на *вы*.

— Львы!

— Наконец-то. Сравнение с ревущими львами вполне закономерно, и получается, что мы воссоздали весь первый катрен, кроме первого слова. Поскольку Валетт описывает какую-то последовательность событий, этот катрен, как, впрочем, и второй, начинается с *Вот*.

*Вот грянул гром, как будто проревели львы,
стремительной водой пролились небеса,
но солнышко взошло, и высохла роса,
теперь скажи: где дождь? Иши его, лови...*

— По правде говоря, загадка слишком легка, и я поддерживаю в себе интерес к ней, только варьируя методы и добываясь изящества мысли.

Займемся первым терцетом. Сейчас нам придется

довольствоваться лишь догадками. Будем плясать от ключевого слова *морщины*. Оно позволит нам размотать весь клубок. Главным героем нашего сонета все же является человек, и морщины характеризуют именно его. Где мы можем видеть их? На лице, щеках, шее, лбу... Из двух трехбуквенных слов нашим условиям удовлетворяет только *лоб*. Судя по сочетанию «*лоб — морщины*», *лоб* стоит в винительном падеже и требует предлога *на*. Между ними находится определение, оканчивающееся на *й*. Скорее всего это прилагательное из ряда: высокий, гладкий, низкий, выпуклый и так далее... По формальным признакам нас устраивает только *низкий*. Общая конструкция предложения и окончание *ав* в последнем слове строки заставляют с высокой степенью вероятности предположить, что мы имеем дело с деепричастным оборотом и деепричастием глагола «*собрать*»:

На низкий лоб морщины | · f ··· собрав ,

После деепричастного оборота мы вправе ожидать появления подлежащего — таковы жесткие законы грамматики. Им может быть первое · · *ш* или второе · / · *ж* · · слово второй строки. Могу дать голову на отсечение, что первое является притяжательным местоимением *наш*, а второе — искомым подлежащим-существительным. Речь, несомненно, идет о человеке, но в иной обобщенной ипостаси, как того требует сонет. Определение *наш* резко сужает поле поисков — предок, современник, потомок.

— Предоставляю вам, Менар, подобрать нужное слово.

— Предок, *наш предок*. Я восхищен вашей пронизательностью, Бурдон. Я даже предположить не мог...

— Пустяки, — усмехнулся мой приятель. — Однако продолжим. Расшифровка остальных слов этой строки теперь во многом облегчена. Прежде всего я выделил группу значков — · f · · , почти идентичную той, что мы

расшифровали ранее как *живет*. Снова прибегнув к словарю, я нашел глагол «жевать» и поставил его в прошедшем времени: *жевал*. Итак: *наш предок . . . т жевал . . . / . . . . . — дубрав*. Вряд ли он залез на макушку, чтобы жевать. Скорее всего он стоял на земле *под . . . . . — дубрав*. Судя по конструкции сочетания, нам нужно существительное из трех слогов в творительном падеже с окончанием на *м* или *ю*. Думать не надо, у нас есть подходящее звучное слово — *пологом*. И снова шестистопный ямба требует от нас определенных жертв — я имею в виду нашего предка, которого Валетт заставил жевать *лист*, словно у него не было иной пищи.

Начало предложения — в прошедшем времени, а конец — в настоящем. Одно противопоставляется другому: когда-то и теперь. Я бы написал: *а ныне*. Запишем почти полный терцет:

*На низкий лоб морщины | · | · · · собрав,
наш предок лист жевал под пологом дубрав,
а ныне — щерит череп жернова зубов.*

Полагаю, мы наконец собрали все необходимые данные для разгадки заглавия, но оговорюсь: то, что я скажу ниже, — мои домыслы. Это слово ни разу не встречается в тексте, но намеки на него содержатся в терцете. Человек, наш предок, от которого остался лишь ухмыляющийся череп. наших общих предков можно пересчитать по пальцам: неандерталец, кроманьонец, питекантроп, синантроп — вот, пожалуй, и все. Выбор невелик. Нас устраивает только *Питекантроп*. Почему Валетт выбрал столь необычное заглавие для своего сонета, остается лишь гадать. Может быть, его всегдашнее увлечение историей. Он мне как-то говорил, как был потрясен тем, что ученые по нескольким костям и черепу, обнаруженным на Яве, воссоздали нашего отдаленного предка с признаками человека и обезьяны... Завесу над этой тайной нам не приподнять, Валетт унес ее в могилу. Кстати,

вы не обратили внимание, сколь сходна наша работа с работой тех ученых — и они, и мы восстанавливаем из праха нечто целое. Однако время идет, и мой рассказ, похоже, вас утомил. Да и мне следует поразмыслить над одним неясным для меня моментом. Возобновим работу завтра. Может, у вас есть вопросы?

— Я в полном восхищении, Бурдон. И думаю о «Золотом жуке» вашего любимого автора.

— Согласен, что-то общее тут есть. Но не забывайте о невероятной простоте исходных данных у По. Впрочем, и методы у меня иные. Героя того рассказа основная трудность поджидала в начале пути. Но, определив первую букву, он тут же расставил ее по всему тексту. У нас иначе: мы начали с самых легких пассажей. А более сложные моменты, требующие умственных усилий, еще впереди. Хотя их осталось совсем мало. До завтра.

На следующий день меня встретил взъерошенный Бурдон; лицо его сияло.

— Вы раскрыли последнюю тайну? — спросил я.

— Полностью, Менар, и исключительно горд этим... Простая деталь; позже я все объясню. Сначала закончим с сонетом.

— Вы хотите сказать, что последняя тайна не относится к сонету?

— И да и нет. Косвенно. Но позвольте продолжить. Нам осталось расшифровать только одну строку второго катрена и еще три слова.

Конструкция фразы привела меня к мысли, что вторая строка начинается с глагола в третьем лице единственного числа настоящего времени по аналогии с глаголом *живет*. Значит: — .. *тает*. Вряд ли вы отыщете глагол, начинающийся с *ю*, который позволит вам заполнить все пробелы. Он начинается с *м*, и думаю, вы согласитесь, если я напишу *мечтает*. Это сразу возвращает нас к во-

просу где — . . ты? Есть мечтающий человек, умирающий в следующей строке. Вопрос приобретает законченную форму: *где человек и где мечты?* Мечтать можно о ком-то или о чем-то, но предлога *о* здесь нет, а потому логично предположить, что мы имеем дело с конструкцией *мечтает* плюс инфинитив. Такая конструкция существует: *мечтает /..... /ш · т ·*, где третье слово — глагол *слушать!* Попробуйте опровергнуть меня. Вам это не удастся! Остался сущий пустяк. Конечно, есть любители слушать тишину, особенно в наш век, но в большинстве случаев слушают то, что звучит, а здесь безусловно звучат *голоса*.

Поскольку в сонете упоминается о дубраве, без особых раздумий следует поставить *птичьих голоса*. Катрен звучит так:

*Вот человек живёт /..... травы,
мечтает /.... слушать птичьих голоса,
но смерть шагнёт, сверкнёт свирепая коса —
скажи: где человек и где мечты?... Увы!*

Неразгаданными в нашем сонете остались три формы: /....., /.... и /· /...., и их мне с помощью логики заполнить не удалось. Поэтому я сам вставил недостающие слова. Надеюсь, я не ошибся. Это — *беспечнее, вечно робкие*.

Вот он, этот сонет, — сказал в заключение мой приятель Бурдон, любитель загадок, протягивая мне листок*.

---

* Вольный перевод С. Ахметова.

Питекантроп

*Вот грянул гром, как будто проревели львы,
стремительной водой пролились небеса,
но солнышко взошло, и высохла роса,
теперь скажи: где дождь? Ищи его, лови...*

*Вот человек живет беспечнее травы,
мечтает вечно слушать птичьих голоса,
но смерть щажает, сверкнет свирепая коса —
скажи: где человек и где мечты?... Увы!*

*На низкий лоб морщины робкие собрав,
наш предок лист жевал под пологом дубрав,
а ныне — щерит череп жернова зубов.*

*И все же человек в своей ошибке прав:
пускай истлеет плоть под крышками гробов,
зато душа взлетит к обители богов!*

— Не нам судить о достоинствах этого поэтического произведения. Уверен, специалист обнаружит в нем массу слабых сторон. В этом поиске нас интересовала только истина, и я рад этой небольшой работе.

— Не устаю восхищаться вашей проницательностью,— сказал я.— Буквально потрясен процессом этого воскрешения... Но вы говорили, что одна маленькая деталь потребовала от вас целой ночи работы? Тайна, имеющая косвенное отношение к тексту? Я помню о ваших словах.

— У вас хорошая память. Вот мой последний секрет. Вы помните тот странный элемент, который заинтриговал нас в начале поисков? Странный вес, отмеченный над заглавием по вертикальной оси листка? Под влиянием

одного из ваших замечаний я вначале подозревал, что здесь клякса. Но отсутствие порядка раздражает ум человека, постигшего методику автора. И кроме того, клякса как раз над заглавием — слишком странное совпадение!

Эта аномалия не давала мне покоя. Любитель загадок не может быть удовлетворен, пока есть хоть малейшее сомнение. Я с невероятной тщательностью провел ряд частичных взвешиваний, но не смог прийти к окончательному заключению. Я определил внутри этого пятна симметричное чередование пустот и чернил. Ось симметрии проходила по вертикальной оси. И вдруг меня осенило!...

В этот момент, Менар, мне удалось вознестись над грубой материальностью следов в сферы абстрактного мышления; я прорвал черную поверхность символа и вырвался в сияющую безбрежность, в которой отразилась исчезнувшая душа поэта...

Как странно, Менар, что наш поиск своим духом и своей методикой определил двойственность, заложенную Валеттом в стихотворение. Чудесная и волнующая гармония искусства, которая позволила нам воссоздать его. Разве вы не волновались в процессе работы, чувствуя, как постепенно сгущается нечто внешнее, окружающее этот пепел, тонкая суть, разлитая в эфире? Для полного воскрешения, Менар, нужно было только воображение. И я проник в последнюю тайну...

Это — череп, мой друг! Классический рисунок черепа с громадными пустыми глазницами, который поэт предпослал своему произведению. Тут проявился присущий Валетту черный юмор. Быть может, он хотел посмеяться над нами...

Роберт Силверберг

Одинокое заключение

С тех пор как компьютеры стали брать управление на себя, переваривая всякого рода информацию и принимая решения, человек мог привлечь к себе внимание лишь оригинальностью мышления, причем под оригинальностью подразумевался алогизм. Аналоговый компьютер с его немислимим числом сверхохлажденных криотронов, отщелкивающих биты информации, — машина умная, но его возможности все-таки ограничены. Человека же, к счастью, не связывает двоичная система, определяющая мысленные процессы компьютеров.

Джордж Брауер из Криминального бюро принадлежит к тем, кто болезненно воспринимал такую недооценку человеческих возможностей. Сложность контроля за галактической преступностью привела к тому, что Криминальное бюро одним из первых решилось на сплошную компьютеризацию. И его сотрудники опустились до роли операторов, готовящих информацию для ввода в компьютер. Истекали столетия, и необходимость присутствия людей в Криминальном бюро все уменьшалась. Они превратились просто в придатки ТОТИВАКА, выполнявшего фактически всю работу.

Джорджа Брауера это раздражало.

В тридцать один год он почувствовал, что находится на распутье. Проработав в Криминальном бюро почти пять лет, он стал превосходным программистом, но не более того. А ведь мечтал он совсем о другом.

Человек серьезный, склонный к анализу, он интересовался такими понятиями, как преступление и наказа-

---

Пер. изд.: Silverberg R. Solitary: в сб. Silverberg R. Worlds Beyond.— New York: Dell Books, 1965.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

ние, философское определение вины, нравы и характеры, ответственность и необходимость. В колледже ни о чем другом он и не говорил.

— Тебе работать только в Криминальном бюро,— сердито заметил как-то его сосед по общежитию.— У тебя на языке одни преступления, словно ты сам замышляешь что-нибудь.

— У меня сугубо научный интерес,— оправдывался Брауер. Но, закончив учебу, действительно поступил в Криминальное бюро.

И в тридцать один год оказался на распутье.

Уныло сидел он за полированным дюралюпластовым столом в роскошном здании Криминального бюро, возвышавшимся над Верхним Онтарио, перекладывая с места на место плотные карточки. Он занимался статистикой половых извращений, состоящих в склонности к созерцанию эротических сцен, которая отмечалась на Земле и семнадцати планетах того же типа. От Брауера требовалось объединить эти данные, ввести во всеядный ТОТИВАК и ждать, пока машина произведет их оценку. Затем выводы ТОТИВАКа будут переданы на Луринар IX — также планету земного типа, которую, несмотря на правление чопорной, пуританской олигархии, захлестнула волна этих извращений,— обеспокоенному начальнику тамошней полиции.

Составляя программу, Брауер понял, что завидует луринарскому полицейскому. Пусть судьба забросила его в захолустье, но он сталкивается с настоящими преступлениями и преступниками, не рассчитывая на всезнающий ТОТИВАК, вечно выглядывающий из-за плеча. Брауер еще раз просмотрел длинные колонки цифр и ввел карточки в приемное устройство компьютера.

ТОТИВАК приступил к анализу полученной информации, чтобы подготовить обстоятельный ответ. Брауер, скучая, оперся локтями о стол и положил подбородок на ладони.

Компьютер полностью исключал ошибку. Нет-нет, в ТОТИВАКе, как и в любом аналоговом компьютере, использовался метод проб и ошибок, но интервал между последующими пробами составлял долю микро-микросекунды, и, работая в таком режиме, машина могла отместить все возможные догадки не более чем за две минуты.

Две минуты. Выводы компьютера легли на стол Брауера. Даже не взглянув на них, он бросил карточку в корзину для отправки.

Насмешка, да и только. Человеку необходимо думать самостоятельно. Нет ничего плохого, когда компьютер используется для облегчения умственного труда, но нельзя же подменять им сам процесс мышления.

Повинуясь внезапному порыву, Брауер вставил карточку запроса в пишущую машинку, старинную модель с ручной клавиатурой, и отпечатал короткое требование: **ПРИШЛИТЕ ВСЕ НЕРАСКРЫТЫЕ ДЕЛА.**

Он пробежал взглядом написанное, нахмурился и добавил: **ВРЕМЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ — ПОСЛЕДНИЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ — ГАЛАКТИКА.**

Подумав, он внес в текст еще одно добавление: **ПОТОРОПИТЕСЬ, НЕ ТО Я ОБОЛЮЮ КЕТЧУПОМ ВАШИ ТОКОПРОВОДЫ.**

Брауер вытащил карточку из пишущей машинки и ввел ее в компьютер. Мгновением позже над его столом вспыхнула красная лампа, указывающая, что машина хочет ему что-то сообщить. Брауер прочел ответ: **ПРИНУЖДЕНИЕ ЛИШАЕТ ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОННОЙ СИЛЫ. ПОЖАЛУЙСТА, СНИМИТЕ ЕГО ИЛИ ВЫ БУДЕТЕ НАКАЗАНЫ.**

Брауер мог представить, какую бурю вызвала его смехотворная угроза в электронном мозгу компьютера. Вероятно, принимались экстренные меры по защите охлаждающей системы, энергетической установки и всего

прочего, что подпадало под понятие «токопроводы», от бурного потока кетчупа.

ПРИНУЖДЕНИЕ СНЯТО,— ответил он.— **КЕТЧУП НЕ ГРОЗИТ УНИЧТОЖЕНИЕМ.**

Красная лампа погасла. Компьютер успокоился.

Мгновение спустя стол Брауера захлестнул бумажный потоп.

Он просил нераскрытые дела, он их и получил. Карточки, заполненные аккуратной машинописью ТОТИВАКА, одна за другой сыпались из компьютера. Брауер растерянно мигал, глядя, как у него на столе вырастает бумажная гора. Галактику заселяли массы людей, так что совершалось множество преступлений... Даже если их малая часть оставалась нераскрытой...

Брауер вздохнул. Остановить машину он уже не мог. Компьютер так и будет рыться в своей памяти, перебирая все до самого дна, выуживая все случаи, скопившиеся за тридцать лет. По меньшей мере пять тысяч карточек уже лежало у него на столе, но поток все не уменьшался.

Мелодично звякнул селектор. Брауер нажал кнопку и услышал рык начальника:

— Брауер, чем ты занят?

— Провожу расследование,— спокойно ответил Брауер.— Машина немного перестаралась, вот и все.

— Какое еще расследование?

— Я бы предпочел не говорить о нем до завершения, шеф. Возможно, мне понадобится краткосрочный отпуск.

— Полагаю, это можно устроить,— прохрипел шеф и отключил связь.

Брауер сердито оглядел карточки, громоздящиеся на столе. Итак, он заявил, что над чем-то работает. Теперь следовало определить, над чем именно.

Из чрева компьютера появилась вторая пятитысячная порция, и Брауер ожидал, что ТОТИВАК вот-вот выдаст и третью, но вместо этого вспыхнула красная лампа и показалась одинокая карточка: ПЕРВИЧНАЯ ПРО-

ВЕРКА ЗАКОНЧЕНА. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПОСТУПЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕКУНД, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПРОСМОТРА МИКРОПЛЕНОК.

— Только не это! — в сердцах крикнул Брауер и быстро отпечатал: **ДЛЯ ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОЕКТА ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ ДОСТАТОЧНО. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОИСКИ ПРЕКРАТИТЬ.**

После короткой паузы последовал ответ: **ПОДТВЕРЖДАЮ ПОЛУЧЕНИЕ. ПОИСКИ ПРЕКРАЩЕНЫ.**

— Слава богу! — с жаром воскликнул Брауер. От вида карточек глаза его округлились, он чувствовал себя учеником волшебника. Но все же карточный водопад ему удалось остановить.

Он взял самую верхнюю карточку. Высокий, тощий уроженец Сириуса подозревался в магазинной краже, совершенной в Третьем Городе Веги IV без малого тридцать лет назад, арестовать подозреваемого не удалось. Подробности предлагалось прочесть на оборотной стороне.

Вторая карточка оказалась еще менее перспективной. Широкоплечий длинноволосый мужчина утащил у ребенка домашнюю зверушку. Это произошло 7 июля 2561 года на планете Земля. Зверушку так и не нашли. Подробности также находились на оборотной стороне.

Эти сведения сохранялись в ТОТИВАКе тридцать лет. Кто-нибудь оказал бы обществу немалую услугу, — подумал Брауер, — очистив банки памяти от подобного мусора. Зверушка, если это была не галапагосская черепаха, уже давно сдохла, а ребенок вырос. Но тем не менее «преступление» все еще числилось нераскрытым.

Брауер потянулся за третьей карточкой. Как и в предыдущих, содержащиеся в ней сведения были введены в компьютер тридцать лет назад. Но они оказались куда более интересными. Брауер внимательно прочел лицевую сторону, затем перевернул карточку и ознакомился с подробностями.

Чаркет, Эдвард Хэммонд. Родился 21 декабря 2530 г. в г. Нью-Йорке, Земля (Сол III). Преступления: мелкая кража, арестован 8 ноября 2547 г., приговорен к исправительным работам на 1 месяц. Освобожден за хорошее поведение. Похитил ребенка, арестован 12 января 2558 г., бежал 17 января 2558 г., вновь арестован 11 июня 2558 г., приговорен к пожизненному заключению 4 октября 2559 г. Отправлен 7 ноября 2559 г. на Процион IV. Начал отбывать срок 11 января 2560 г., бежал из исправительной колонии 12 мая 2560 г. По-прежнему на свободе (см. лист 101 доп. информации в картотеке разыскиваемых преступников).

Двумя пальцами Брауер перегнул карточку и глубоко задумался, перебирая в памяти, не столь всеобъемлющей, как у ТОТИВАКа, но весьма неплохой для человеческого существа, случаи из времени своей юношеской увлеченности криминалистикой, когда еще не было никаких разочарований.

Эдвард Чаркет. Да, он помнил это имя, хотя дело Чаркета получило широкую огласку через месяц или два после рождения Брауера. Чаркет был мелким воришкой. Но тридцать лет назад попался на похищении ребенка. И если Брауеру не изменяла память, оказался единственным, кому удалось бежать из исправительной колонии на Проционе IV.

Резким движением Брауер смахнул гору карточек в приемный люк компьютера и напечатал новое требование: **ПРИШЛИТЕ ЛИСТ 101 ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЧАРКЕТА, ЭДВАРДА ХЭММОНДА.**

Мгновение спустя лист лежал у него на столе. Брауер не ошибся: за все время существования колонии на Проционе только Чаркету удалось бежать оттуда. Каким-то образом он сумел украсть одноместный звездолет и уйти в подпространство, прежде чем узнали о побеге. До сих

пор неясно, как Чаркету удалось пробраться в звездолет, но поскольку ни до, ни после никто из заключенных не смог бежать с Проциона IV, все сошлись на том, что повторить побег невозможно. Осталось загадкой и местопребывание Чаркета.

Дополнительный лист содержал показания, более или менее достоверные, всех тех, кто сталкивался с Чаркетом после побега. Его видели или вроде бы видели в планетных системах дюжины звезд, более или менее укладывающихся на прямую, проведенную от Проциона до Беллатрикс, где след Чаркета терялся. Выборочный поиск на шести планетах, обращающихся вокруг Беллатрикс, ни к чему не привел.

Мысли бурлили в голове Брауера.

Не имело значения, ни кто такой Чаркет, ни то, что, убежав из колонии, побег откуда считался невозможным, он посадил в лужу пенологов, ни серьезность совершенного им преступления. Нет, Брауера занимало совсем другое.

Чаркет исчез, нарушив тем самым порядок, к которому привык Брауер. В Галактике, управляемой компьютерами, люди бесследно не исчезали. Во всяком случае, с подобной легкостью. Разумеется, этот Чаркет — парень смысленый, но куда же он подевался?

След вел в планетную систему Беллатрикс. Брауер облизнул губы. Там главным образом и искали Чаркета. Но тщетно.

Почему? Несомненно, из-за какой-то ошибки, заложенной в методику поиска. У Брауера учащенно забился пульс. Вот она возможность проявить самостоятельность, шанс для обычного человека из плоти и крови, с врожденной способностью к дерзким догадкам, показать, что компьютеры с их паршивой двоичной системой способны далеко не на все.

Он решил найти Эдварда Чаркета.

Первым делом Брауер нажал на кнопку селектора.

— Шеф, это Брауер. Я хочу попросить трехмесячный отпуск.

— С оплатой или без?

Брауер замялся, затем решительно ответил:

— С оплатой. Речь идет о специальном расследовании, о котором я вам уже говорил.

— Последовала пауза.

— Три месяца с оплатой... У нас очень напряженный бюджет, Джордж. Что это за расследование?

— Я хочу найти Эдварда Чаркета,— ответил Брауер. Реакцию шефа можно было предсказать заранее.

— Кого?

— Чаркета. Похитителя детей, который сбежал из исправительной колонии на Проционе в 2560 году. Помните?

— А... вот ты о чем. Гм-м-м. Хорошо. Заполни требование, составь программу и введи ее в компьютер. Я прослежу, чтобы тебе предоставили отпуск.

Брауер быстро заполнил карточку-требование на отпуск и скормил ее ТОТИВАКУ. Затем обратился к компьютеру с очередной просьбой: ПРИШЛИТЕ МНЕ ВСЕ ИМЕЮЩИЕСЯ МАТЕРИАЛЫ ПО ЧАРКЕТУ, ЭДВАРДУ ХЭММОНДУ.

Тут же он получил все, что запрашивал, включая повторные экземпляры карточки Чаркета и листа 101. Требование «все имеющиеся материалы» машина поняла буквально.

Брауер очистил стол и приступил к изучению полученных документов. Большая их часть содержала повторение того, что он уже знал. Он лишь мельком просмотрел эти бумаги, так же как и биографию Чаркета до отправки на Процион. Все это не имело отношения к делу.

Куда больше интересовали его подробности жизни Чаркета после побега. Он внимательно ознакомился с показаниями тех, кто утверждал, будто видели Чаркета (или думал, что видел) в том или ином обличи

после его шумевшего побега. Кто-то, Брауер надеялся, что это был человек, а не бдительный ТОТИВАК, составил вероятностный профиль каждого свидетельства о встрече с Чаркетом, аккуратно подчеркнув их разноцветными чернилами в соответствии с достоверностью, от ярко-вишневых для «заслуживающих доверия» до темно-фиолетовых для «совершенно ненадежных».

Цветовой профиль неоспоримо вел к Беллатрикс. Тут же находился и отчет экспедиции, посланной на поимку Чаркета.

Судя по всему, ТОТИВАК провел анализ шести планет Беллатрикс и пришел к выводу, что Чаркет может находиться на Беллатрикс II, III или IV, разумные обитатели которых отличались достаточным миролюбием.

Патрульный корабль CDI02-X3 тщательно прочесал эти планеты, но Чаркета не нашел. Более того, след беглеца окончательно затерялся. Дело Чаркета перешло в разряд «нераскрытых» и осталось бы там, не затребуй его Брауер.

Напевая про себя какой-то веселенький мотив, Брауер долистал оставшиеся бумаги. Среди них находилось и пожелтевшее от времени объявление о розыске преступника от 12 мая 2560 года, отпечатанное на Проционе, с фотографией Чаркета — смуглолицего, черноволосого, симпатичного молодого человека с тоненькой полоской усов, глубоко посаженными глазами и легкой улыбкой, даже ухмылкой на губах. Хитрец, решил Брауер, хотя изначальное правило криминалистики гласило, что впечатления от внешности не позволяют судить о характере личности. Однако в случае Чаркета действия преступника вполне соответствовали его наружности: требовалась немалая хитрость, чтобы вырваться с Проциона.

В объявлении упоминалось и о награде, положенной

за информацию, которая поможет поймать преступника, сообщались его приметы и краткая биография. Брауер подумал, что подобные объявления до сих пор висят на стенах почтовых отделений на окраинах Галлактики.

Брауер отложил плакат и вместе с остальными бумагами сунул его в приемный люк ТОТИВАКА.

ПРИШЛИТЕ СВЕДЕНИЯ О ПЛАНЕТНОЙ СИСТЕМЕ БЕЛЛАТРИКС,— приказал он компьютеру.

Беллатрикс, масса которой в 1,7 раза превосходила массу Солнца, находилась на расстоянии 215 световых лет от него. Относительно Земли она располагалась в созвездии Ориона, но, разумеется, видимая близость от какой-то точки не давала действительного представления о пространственном расположении Беллатрикс в трехмерной системе координат.

Как следовало из представленных компьютером материалов, вокруг Беллатрикс обращалось шесть планет. Беллатрикс I — на расстоянии пятисот миллионов миль от раскаленного светила, а орбиты остальных пяти достаточно равномерно распределились в последующих трех миллиардах миль.

Брауер быстро ознакомился с донесением разведывательного звездолета, обследовавшего систему Беллатрикс.

Беллатрикс I, выжженная горячей звездой, нагретая до 150° по Цельсию, не годилась для жизни, и там, естественно, никого не было.

Беллатрикс II была обитаемой: водяной мир (под водой понималась смесь жидких галогенов). Дружелюбные местные жители дышали хлором, а их кожа не поддавалась даже фтористому водороду, озера которого повсеместно встречались на планете.

На Беллатрикс III, также обитаемой, жили жвачные травоядные, четвероногие, но разумные существа. На этой планете находилась и небольшая колония людей.

Брауер продолжил чтение. Беллатрикс IV представляла собой необитаемую, малопривлекательную скалистую планету с редкими лишайниками, на которой еще не началась эволюция. Беллатрикс V была газовым гигантом с сильной гравитацией, также необитаемым, посадку на ней сочли излишней.

Беллатрикс VI, планету земного типа, хотя и с более низкой средней температурой, населяли гуманоиды, цивилизация которых вступила в стадию оседлого земледелия. Разведчики рекомендовали избегать контактов с обитателями планеты из опасения нарушить естественный ход развития. Их предложение было принято.

Брауер вновь потянулся к отчету поисковой экспедиции. Теперь его не удивляло предположение ТОТИ-ВАКА о возможном местопребывании Чаркета.

Где еще мог спрятаться преступник, как не на Беллатрикс VI — планете, закрытой для контактов с Галактикой. Там его поиски были предельно затруднены. Естественно, поисковая экспедиция уделила основное внимание именно Беллатрикс VI.

Затем они занялись Беллатрикс III, также вполне пригодной для жизни и обитаемой. После нее перелетели к Беллатрикс II, водяному миру, где землянин мог выжить при условии полной изоляции от окружающей среды.

Обследования остальных планет практически не проводилось. Беллатрикс V, газовый гигант, не имеющий твердой поверхности, отмели сразу. Беллатрикс I, разогретую до 150°, осмотрели с орбиты. Едва ли сбежавший преступник мог выбрать такое убежище.

Лишенную жизни скалистую Беллатрикс IV также облетели лишь однажды. Компьютер счел нелогичным решение беглеца провести хотя бы несколько дней на этой абсолютно пустынной планете.

Брауер довольно хмыкнул, прочитав заключение

ТОТИВАКа. Нелогичным? Ну и ну! Конечно, оно было нелогичным. Но подобная нелогичность указывала лишь на то, что ни один уважающий себя компьютер не стал бы прятаться в такой дыре.

В отличном расположении духа Брауер убрал со стола все бумаги, убедился, что отпуск ему разрешен, и договорился о транспорте. Он попросил одноместный звездолет и множество карт.

Он решил лететь к Беллатрикс.

Перед самым отлетом Брауер вновь пролистал досье Чаркета, чтобы кое-что уточнить. Да, награда за его поимку составляла пятьдесят тысяч долларов. Интересно, подумал Брауер, выплатят ли ее теперь, через тридцать лет?

Даже в подпространстве требовалось определенное время, чтобы преодолеть 215 световых лет. Брауер провел его в свое удовольствие, перечитывая классиков криминалистики двадцатого и двадцать первого века. Вот когда, думалось ему, человек мог найти применение своему уму, а не просто вводить данные и получать готовый ответ от бездушных криотронов.

Преступление в конце концов не что иное, как проявление иррациональности. И очень глупо, принимая ответственные решения, целиком полагаться на лишний гибкости, логичный, основанный на двоичном счислении разум, или псевдоразум.

Взять хотя бы экспедицию на Беллатрикс. Бестолковые поиски, проведенные лишь в регионах, заранее определенных ТОТИВАКом. Пытался ли кто-нибудь из поисковиков отступить от предписанных инструкций? Вероятнее всего, нет... А если и отступили, то, надо думать, сочли нецелесообразным поставить в известность компьютер.

Звездолет вышел из подпространства в непосредственной близости от Беллатрикс. Брауер, естественно, не мог считаться опытным космонавтом, но и управле-

ние звездолетом не составляло большого труда. Специальная система безопасности следила за тем, чтобы пилот не допустил роковой ошибки. Если материализация не представлялась возможной (например, внутри планеты), система безопасности без вмешательства человека вновь вводила звездолет в подпространство. В случае аварийной посадки специальное устройство подавало сигнал бедствия в широком диапазоне частот, слышимый в радиусе двадцати световых лет от места катастрофы.

Вернувшись в нормальное пространство, звездолет Брауера оказался неподалеку от Беллатрикс I. Планета находилась в афелии. Могло быть и хуже, решил Брауер. Слишком уж грозной казалась звезда даже на расстоянии полумиллиарда миль.

Брауер наметил план действий, он включал быстрый облет всех планет для ознакомления с обстановкой и последующий тщательный осмотр тех из них, на которых, по его мнению, мог находиться Чаркет.

Первым делом Брауер вывел звездолет на орбиту вокруг Беллатрикс I. Ему сразу стало ясно, что Чаркет не мог выжить, приземлился он на этой планете. Выжженной пузырящейся поверхностью лишенная атмосферы, безжизненная Беллатрикс I очень напоминала дневную сторону Сол I. Как и на Меркурии, среди скал и песка поблескивали озера расплавленного металла. Однако здесь не было ночной стороны и спасительного сумеречного пояса, где мог бы укрыться беглец. Беллатрикс I плавно вращалась вокруг собственной оси, попеременно подставляя своему солнцу каждую из половинок.

Брауер полетел дальше. Беллатрикс I не сулила надежд на успех.

Он направил звездолет к Беллатрикс III, потому что вторая планета находилась в этот момент по другую сторону звезды. Этот мир населяли разумные

четвероногие травоядные. Брауер хохотнул, вспомнив, как в колледже профессор экологии утверждал, что подобное просто невозможно.

Облетев Беллатрикс III по низкой орбите, Брауер не обнаружил присутствия Чаркета. Но он и не рассчитывал, что сразу найдет беглеца. Поисковая экспедиция побывала тут, и он не сомневался, что они сделали все от них зависящее.

То же относилось и к Беллатрикс II и VI. ТОТИВАК рекомендовал сконцентрировать поиски именно на этих трех планетах, и Брауер справедливо полагал, что экспедиция в точности выполнила полученные инструкции.

С остальными планетами дело обстояло иначе.

И Брауер продолжил знакомство с ними, поочередно облетев обитаемую Беллатрикс II, скалистую IV, закрытую для контактов VI и, наконец, V. Как его предупреждали и как он, собственно, и ожидал, сближение с могучим газовым гигантом не представлялось возможным, по крайней мере было очень рискованным. О посадке не могло быть и речи.

Закончив облет планет, Брауер перевел звездолет на орбиту вокруг Беллатрикс и, прохаживаясь по рубке, стал анализировать ситуацию.

— Компьютер,— размышлял он вслух, чтобы придать себе уверенности,— в основе своей рационалист. Логично заключив, что Чаркет находится в планетной системе Беллатрикс, он начал перебирать возможные варианты.

Три планеты оказались столь малопригодными для жизни, что ни один человек в здравом уме никогда не высадился бы на них. Четвертая, Беллатрикс II, была обитаемой, но человеку пришлось бы на ней весьма туго. Таким образом, преступник мог укрыться лишь на двух оставшихся.

Итак: Чаркет украл звездолет, а компьютер сделал из этого определенные выводы. Чаркет должен был

где-то совершить посадку. Посадка прошла успешно, ибо в случае аварии специальное устройство подало бы сигнал бедствия. Раз сигнала не было, все прошло благополучно. Следовательно, Чаркет — на одной из обитаемых планет. Отсюда и родилась рекомендация компьютера о поисках на Беллатрикс VI, III и II в указанной последовательности.

Брауер улыбнулся. Компьютер рассуждал вполне здраво и... допустил ошибку. Он исключал вероятность того, что человек может снять со звездолета устройство для подачи сигнала бедствия. Технически снять его не составляло труда, но трудно представить, чтобы кто-то на это решился. В то же время Чаркет не мог не понимать, что, повреди он что-нибудь при посадке, как на сигнал бедствия слетятся полдюжины патрульных кораблей.

Оттолкнувшись от этого алогичного постулата, Брауер вернулся к логике компьютера. Допустим, Чаркет благополучно или с аварией посадил звездолет на одной из планет Беллатрикс. В случае если это благополучно произошло бы на обитаемых планетах, его бы нашла экспедиция ТОТИВАКа. Ему не миновать того же и при аварийной посадке на других планетах...

А раз экспедиция не нашла Чаркета и он не стал бы по своей воле садиться на Беллатрикс I, IV и V, напрашивался один-единственный вывод: Чаркет совершил аварийную посадку именно на одну из этих планет.

Брауер самодовольно ухмыльнулся. Чистая дедукция, не то что знаменитые истории легендарного мистера Холмса, чьи так называемые «дедукции» на самом деле являлись обычной индукцией. Оставалось только найти доказательства.

С сочувствием подумал Брауер о тех бедолагах, что обеспечивали ТОТИВАК разнообразной информацией, сидя в Верхнем Онтарио. Как они должны ему

завидоваты!

Ведь он приступал к настоящему розыску преступника!

К тому же после короткого раздумья ему удалось еще больше сузить зону поисков. Если бы Чаркет потерпел аварию на Беллатрикс I или V, природные стихии давно бы уничтожили следы его присутствия на этих планетах. Более того, к Беллатрикс V Брауер не мог даже приблизиться.

Но Беллатрикс IV, одинокая скалистая Беллатрикс IV...

Если Чаркет сел там, среди безучастных лишайников, он найдет доказательства посадки: разбитый звездолет, инструменты, быть может, даже тело. И еще раз взвесив шансы на успех, Брауер решил начать поиски Чаркета с Беллатрикс IV.

Он понимал, что его ждала долгая, кропотливая работа. Несложный расчет показал, что для тщательного осмотра всей поверхности с орбиты потребуется не меньше месяца. И Брауер запасся терпением: многочисленные примеры, почерпнутые из книг, помогали ему.

Однако ждать пришлось недолго. Вмешалась удача, над которой всегда посмеивались, хотя частенько именно она играла в расследовании решающую роль. Звездолет кружил над Беллатрикс IV лишь семнадцать часов, когда догадки и умозаключения Брауера получили реальное подтверждение: масс-детекторы зафиксировали наличие разбившегося о скалы корабля.

Удары сердца гулко отдавались в ушах, когда Брауер повел звездолет на посадку. Экспресс-анализ атмосферы показал, что она пригодна для дыхания, и Брауер выскочил на голую равнину.

В ста ярдах от него лежал точно такой же односторонний звездолет. При посадке он повредил хвостовое оперение, перевернулся и уткнулся носовой частью в черный базальт. К счастью, при падении он лег люком

кверху и пилот смог выбраться наружу. Люк так и остался отброшенным.

Брауер подошел поближе, оглядываясь в поисках скелета. Но ничего не нашел: вероятно, Чаркет куда-то ушел, когда у него кончилась еда.

Он сфотографировал разбитый звездолет, забрался в люк. И удивленно мигнул. Внутренний отсек не производил впечатление покинутого тридцать лет назад. Наоборот, казалось, что в звездолете жили. Но каким образом?

В ту же секунду он обнаружил ответ. Сообразительный Чаркет перед отлетом затащил в звездолет пищевой синтезатор Карстера. А с синтезатором уже можно прожить... Возле него высилась горка камней: Чаркет готовил себе еду, бросая их в молекулярный конвертер синтезатора.

За исключением синтезатора и люльки, во внутреннем отсеке ничего не было. Попутно Брауер получил подтверждение еще одной догадки: на полу, вырванные из гнезд, валялись провода устройства для подачи сигнала бедствия.

Брауер все сфотографировал, вылез из люка... и ахнул.

Через голую равнину к звездолету плелся тощий, согбенный старик со спутанной седой бородой.

Несомненно, он возвращался с прогулки.

Чаркет.

Не кто иной, как Чаркет. Тридцать лет одиночества наложило свои следы, но за глубокими бороздами морщин и нечесанной бородой просматривалось остроглазое лицо хитрого молодого преступника, запечатленное на полицейском объявлении. Все еще не веря своим глазам, Брауер спрыгнул на землю и осторожно двинулся навстречу старику.

Их разделяло не более двадцати футов, когда тот заметил Брауера. Старик остановился как вкопанный,

покачнулся, поднял руку с крючковатыми пальцами, указал на звездолет Брауера, затем на него самого.

Бескровные губы шевельнулись. Из рта вырвался хрип, затем невероятным усилием старику удалось произнести: «Ты... ты...»

Потрясение оказалось слишком велико. Старик споткнулся и рухнул лицом вниз.

Оцепенение, охватившее Брауера, сняло как рукой. Он подбежал к старику, опустился на колени, сунул руку под ветхую рубашку, коснулся костлявой груди.

Тишина. Тишина смерти.

Пальцы Брауера нащупали под рубашкой сложенный лист. Брауер вытащил его и развернул дрожащими руками. Это было потрепанное, выцветшее от времени, но еще различимое объявление о розыске сбежавшего преступника. Брауер перевел взгляд с ухмыляющегося молодого человека на лицо старика.

Никаких сомнений. Это Чаркет. Каким-то чудом ему удалось выжить — в компании лишь одного пищевого синтезатора. Тридцать лет провел он в полном одиночестве, без единой книги и домашнего животного на безжизненной Беллатрикс IV.

По спине Брауера пробежал холодок. Несомненно, Чаркет верил, когда вырвался из колонии, что обретает свободу, но там по крайней мере он был бы в человеческом обществе, среди людей, которые хотели ему помочь. Одинокое заключение так жестоко, что уже давно исчезло из уголовного законодательства.

Чаркет сам загнал себя в темницу без стен. Тридцать лет наедине с собой. Его мнимая свобода в действительности превратилась в наказание, ужаснее которого не мог вынести ни один суд. И потрясение от вида другого человеческого существа убило его.

Задумчиво Брауер сунул в карман потрепанное объявление и поддел ногой лежащий рядом булыжник. На Беллатрикс IV не было почвенного слоя, и он начал

собирать камни для пирамиды над телом старика.

Позже он передал короткое сообщение коллегам по Криминальному бюро, чтобы те ввели в ТОТИВАК: О ПОБЕГЕ ЧАРКЕТА, ЭДВАРДА ХЭММОНДА — ДЕЛО ЗАКРЫТО.

Конрад Фиалковский

Вид *Homo sapiens*

Ако заглушил двигатель, и едва различимая вибрация корпуса исчезла.

— Мы на месте,— сообщил он.— База находится там, за хребтом.— Он показал на многоярусный горб скалы, отчетливо видный на основном экране.

— Полагаю, здесь нас никто не заметил,— добавил он.

— Ты точно произвел посадку. Еще несколько метров, и нам бы из этого милого места никогда не выбраться.

Лунная скала, на выступ которой они сели, в рассеянном солнечном свете была довольно хорошо видна. За выступом начиналась пропасть, черная и непроницаемая, как сам Космос.

— Да, там расщелина. До нее рукой подать — всего несколько десятков метров. Но я видел ее на радаре,— объяснил Ако.

— Посадка в твоем стиле, Ако.

Ако засмеялся.

Печатается по изд.: Фиалковский К. Разновидность *homo sapiens*: Пер. с польск.— М.: «Молодая гвардия», 1986 (*Искатель*, № 6), с испр. Пер. изд.: Fialkowski K. Gatunek *homo sapiens*: в сб. Fialkowski K. Kosmodrom.— Warszawa: Iskry, 1976.

© перевод на русский язык, «Молодая гвардия», 1986.

— Ты переоцениваешь мои склонности. В полетной инструкции задача поставлена именно так: прилуниться на участке, недоступном наблюдению с базы, но в непосредственной близости от нее. Не моя вина, что эта местность больше подходит для скалолазания, чем для посадки. Мы все-таки на Луне, а не на Земле.

— Ну ладно, не заводись. Это только начало. Впереди — прогулка по лунным кратерам, потом сама база...

— Я тоже думаю, что основные волнения у тебя еще впереди,— заключил Ако, и Вар тщетно пытался выискать хотя бы следы улыбки на его лице.

— Посмотрим,— ответил он неопределенно.

— Во всяком случае, при любых обстоятельствах имей в виду, что я возвращаюсь на базу и мы дежури́м на условленной волне. И очень прошу тебя, Вар, как товарища: заметишь что-нибудь необычное — сразу же передай вызов. Не жди до последнего.

— Ну, я не стану беспокоить вас по мелочам. И потом, что со мной может случиться в конце концов? Через два дня ты вернешься. Кроме того, я захватил с собой контейнер с дезинтегратором.

Вар пожал плечами и протянул руку к шлему.

— Нельзя быть уверенным, что с тобой ничего не может случиться. Сет уже вторую неделю не выходит на связь.

Вар не ответил. Он надел шлем и отрегулировал клапаны. Потом встал с кресла, взял контейнер — алюминиевый цилиндр внушительных размеров, но здесь почти невесомый, и вышел через шлюзы наружу.

Корабль притаился в тени скалы, и только торчащие над корпусом антенны светились на ее фоне. Вар добрался до того места, где кончалась тень и начинались тепло и солнце, и прощально взмахнул рукой. Ему показалось, что скала вздрогнула, когда стартовал Ако. Вар еще некоторое время следил за исчезающими огнями, а потом направился по краю пропасти вперед, к нагромождению

скал. Там, за горным массивом, в котловине пряталась база.

Он увидел ее через два часа, когда перевалил за хребет,— белый полукруглый нарост на сером, шероховатом подножии скал. Он спускался к ней долго, идти пришлось по затененному склону, неровности которого он мог видеть только на маленьком экране приемника инфракрасных лучей, вмонтированного в шлем.

Наконец он ступил на относительно ровную поверхность и только тогда передал позывные:

— Котловина Светящихся Скал, прием...

Ответ последовал через минуту.

«Женщина,— подумал он,— это наверняка она».

— Говорит Вар, селенист. Я нахожусь перед вашими шлюзами. Пропустите меня внутрь,— он был уже почти у базы.

— Хорошо, я открою шлюз и выйду навстречу,— отозвался тот же голос.

Вход в шлюзы был обозначен, как обычно, белой фосфоресцирующей полосой.

Он вошел внутрь. Подождав в переходной камере, пока давление воздуха придет в норму, Вар наконец снял шлем.

Она встретила его у входа в коридор, ведущий внутрь базы.

— О, Эль, это ты? Что ты здесь делаешь?

«Я замечательно удивляюсь, черт возьми»,— подумал он о себе.

— В самом деле, это ты, Вар! Сначала, когда я услышала твое имя, я еще сомневалась. Очень рада тебя видеть,— она крепко пожала протянутую ей руку и внимательно оглядела его.— Ты ничуть не изменился, Вар.

— Ты тоже. Но скажи, что ты делаешь здесь, на этой базе?

— Я ассистентка доцента Воора.

— Ты говоришь — Воора? Мне кажется, я уже где-то

слышал это имя...

«Хорошо, Вар, ты делаешь успехи»,— опять подумал он.

— Возможно... Скорее всего, еще на Земле. Он заведовал отделением перехвата космических сигналов в Порто-Андос.

— Как ты сказала — Порто-Андос? Подожди, так это там случилась история с приемом серии регулярных сигналов?

— Да, Воор был в ней замешан.

— Кажется, после той мистификации Воору пришлось отказаться от должности?

— Это не было мистификацией, Вар.

— А чем же, по-твоему, это было?

— Он и в самом деле принял какие-то сигналы.

— Не стану с тобой спорить, Эль, мне трудно объективно судить. Меня там не было. Но если мне не изменяет память, дальнейший перехват ни к чему не привел. И потом, эта басня про аварию записывающих устройств...

— Я вижу, ты интересовался этой историей,— она внимательно посмотрела на Вара.

— В свое время она наделала много шума.

«Ошибка, ты совершил ошибку»,— подумал он.— Ты не должен был так хорошо помнить эту историю».

— И все-таки я удивлен, что ты согласилась стать его ассистенткой.

— Так сложились обстоятельства, Вар. К тому же, как я уже говорила, я не сомневаюсь, что он действительно принял эти сигналы.

— Возможно, но дело не в этом. В любом случае я рад, что встретил тебя. В конце концов это твое право — быть ассистентом у кого угодно.

— Я тоже так думаю. А теперь расскажи мне, что ты делал эти два года после института.

— Работал на Марсе.

— В Марсианском институте?

— Да. Занимался там всем тем, чем может заниматься на Марсе математик.

— Тебя не обвинишь в излишней откровенности.

— Ты не права, Эль. Просто я выполнял там обычную черновую работу, которую с таким же успехом можно делать и на Земле. А сейчас я в отпуске.

— И ты выбрал лунный туризм?

— Что-то вроде этого. Только меня привлекает невидимая сторона Луны. Это может показаться смешным, но мне не доставляет удовольствия взбираться даже на самые недоступные вершины на той стороне. Возможно, мешает сознание того, что древние астрономы знали их наперечет и наблюдали их сотни раз.

— В наших краях тебе это не грозит.

— Поэтому я и здесь. Все путеводители в один голос утверждают, что окрестности базы Котловины Светящихся Скал — одно из наименее изученных мест на Луне.

— Они не обманывают, Вар. Даже мы не знаем этих скал вокруг базы.

— И вы до сих пор не исследовали их?

— У нас нет оборудования.

— Как нет?

— Видишь ли, у нашей базы не самая лучшая репутация. Поблизости нет ни одного месторождения. До нас не доходят лунные коммуникации. Ты наверняка не знаешь, что только мы, Воор и я, — постоянный персонал базы. Остальные — это практиканты с Земли. Иногда появляются туристы вроде тебя. Я даже подозреваю, хотя об этом никто официально не заявлял, что нашей базе отведена роль лунной заимки или отеля, как тебе больше нравится. Обычная периферийная база без перспектив на развитие. Скорее всего именно поэтому Воор после той истории стал ее руководителем.

— И как он это переносит?

Эль снова внимательно посмотрела на Вара.

— Привык, — сказала она. — Ладно, пойдём. Я пока-

жу тебе твою кабину.

Она пошла впереди, а Вар, держа в руке контейнер, направился следом.

«Она подозревает меня, решительно, подозревает,— подумал он.— Только непонятно почему. Ведь меня информировали, что после приезда Воора на Луну на эту тему вообще не было разговоров».

— Вот здесь,— она остановилась и открыла дверь.— Надеюсь, тебе у нас понравится.

— Уже нравится.

Он хотел еще что-то добавить, но неожиданно экран локального видеотелефона прояснился, и с него на Вара взглянуло лицо, которое он хорошо знал по стереофотограмме,— лицо Воора.

— Эль, это не Сет вернулся? — спросил Воор.

«Это неплохо,— подумал Вар,— это очень неплохо, что он первый произнес его имя. Теперь все должно быть гораздо проще».

— Нет, это не Сет.

Воор замолчал, словно обдумывая ее ответ, и после продолжительной паузы спросил:

— А кто же это пришел?

— Вар. Меня зовут Вар. Я селенист,— сказал Вар и повернулся лицом к видеотелефону.

— Селенист — это не профессия. Кем ты работаешь?

— Математиком.

— Мы все математики. Одни в большей степени, другие в меньшей. Я хочу знать, чем ты занимаешься?

— Я работаю в Марсианском институте в отделе прикладных исследований.

«Воор устраивает мне экзамен,— подумал он,— но я к этому готов».

— Это мой соученик,— сказала Эль.— Прежде — близкий товарищ.

— Прежде? — Вар почувствовал себя задетым.

— Хорошо,— сказал Воор,— попозже зайди ко мне. Расскажешь нам о большом свете.

— Я давно не был на Земле.

— Это не страшно. Для нас большой свет начинается с центральных баз Луны,— как-то неприятно засмеялся он.— Ну ладно, до встречи.

Экран погас.

— Пожалуй, он не без странностей? — Вар взял контейнер в другую руку.

— Тебе показалось.

— Возможно. А кто этот Сет?

— Практикант, наш единственный практикант. А ты очень любознательный.

— Такой от рождения. Однако, как я вижу, наплыва практикантов у вас не бывает.

— Нет, и вряд ли предвидится. Лучшие сюда не попадают.

— И этот Сет вместо того, чтобы работать, болтается без дела по горам?

— Хуже всего то, что он уже второй день не возвращается на базу.

— Он выходит на радиосвязь?

— Нет.

— Тогда почему вы не передаете сигнал тревоги?

— Воор взял ответственность на себя.

— Второй день, и вы до сих пор не поставили в известность Центр? Ведь он может погибнуть. Это никуда не годится! — Вар повысил голос.— Я пойду к Воору и скажу, что думаю об этом.

— Ты никуда не пойдешь. Я... я пошутила... Сет минуту назад пошел на автоматическую станцию пеленга метеоров.

Вар испытующе посмотрел на Эль.

— Прежде за тобой вранья не водилось, Эль, но сейчас мне трудно тебе поверить.

— Я в самом деле пошутила. А впрочем, иди к Воору

и спроси у него сам. Ты только поставишь себя в неловкое положение. Кроме того, здесь командует он, а не ты. Он руководитель этой базы, и только ему здесь принадлежит право принимать решение.

— И тем не менее я пойду к нему. Я обязан выяснить, в чем тут дело... Кстати, как и ты,— добавил он.

Эль пожала плечами.

— Я тебе говорю, что пошутила. Но если ты считаешь это своей обязанностью... Как я вижу, круг обязанностей селенистов достаточно широк.

Он повернулся и, схватив контейнер, пошел по коридору в глубь базы.

Эль последовала за ним. Он не оглядывался и только сзади слышал звук ее шагов по акриновому полу. Они миновали множество дверей, скрывающих лаборатории, которые можно встретить на любой лунной базе, и уже подходили к центральному залу, когда Вар вдруг услышал быстрые, четкие шаги, напоминающие топот. У приоткрытой двери одной из лабораторий Вар остановился. Шаги на мгновение стихли, потом снова зазвучали с ритмичностью автомата. И все же это были шаги человека. Вар подскочил к двери.

— Нет, нет! — закричала Эль.

Он понял, что она предостерегает его, но не остановился. В лаборатории царил полумрак, и в первую минуту, после яркого освещения коридора, Вар ничего не мог разглядеть. Потом различил фигуру мужчины. С минуту тот стоял неподвижно, потом двинулся вперед мелкими шажками подобно изображающему паровоз ребенку. Не отрывая глаз от мужчины, Вар протянул руку к выключателю. Потолок засветился, и он увидел его лицо.

— Сет?!

— Я же тебе говорила, что он здесь,— это был голос Эль, спокойный и сдержанный, как будто бы минуту назад кричала не она.

Он машинально обернулся, но Эль смотрела куда-то

в потолок, поверх головы Сета.

— Я же говорила тебе, что пошутила,— так же бесстрастно проговорила она.

Сет приостановился, а потом снова вернулся к своему странному занятию, даже не взглянув на них.

— Сет! Сет! — повторил Вар.

Ответа не последовало.

— Что вы с ним сделали? — он опять повернулся к Эль.

Лицо ее осталось неподвижным. Она продолжала смотреть куда-то в потолок.

— Ты не сказал, что знаешь Сета,— заметила она.

— Какое это может иметь значение? Что с ним?

Он слышал за собой мерный топот шагов.

— Выходит, ты меня обманывал, Вар. Ты не сказал, что интересуешься именно им.

— Я не сказал еще десятка других вещей. Но скажу! Скажу! Меня послали сюда выяснить, что произошло с Сетом, почему на протяжении двух последних недель во время каждого разговора с Центром Сета или вообще не было или он, по вашим словам, куда-то вышел. Я ожидал, что встречу здесь чудака и девушку, которую раньше знал...

— Теперь ты все увидел,— она говорила все тем же спокойным, ничего не выражающим голосом.— Но это уже не имеет значения. Я не хотела, чтобы ты сюда заходил...

— Ты не хотела...— оборвал ее Вар и положил руку на плечо Сета.— Сет, ты узнаешь меня? — спросил он.

— Я астронавт-звездолетчик. Сначала я должен лететь на Сириус, а на обратном пути побывать на Альдебаране.

— Ты сам видишь, что его нельзя было допускать к разговору ни с Землей, ни с Центром,— сказала Эль.

— Зато Воору придется заговорить! Я иду к нему! Бросив контейнер, он выскочил в коридор. До него

еще доносился топот Сета и голос Эль. Она все еще что-то говорила, когда он вбежал в центральный зал и свернул в коридор, в конце которого, как он знал, находились двери в кабинет Воора. Он решил, что если они будут закрыты, он их взломает. Но двери оказались открытыми.

— Воор, ты здесь?! — закричал он, так резко остановившись, что едва не упал.

С кресла поднялся Сет:

— Приветствую тебя на нашей базе и внимательно слушаю.

— Как ты здесь оказался? Ведь ты остался там, в лаборатории.

— Ты уже успел и там побывать?..

— Где Воор? Скажи, где Воор? — он стоял перед Сетом, глядя ему в глаза.

— Воора нет.

— Неправда, я говорил с ним полчаса назад.

— Ах, вот в чем дело. То была видеотронная запись.

Он подошел к пульта, и на экране видеотелефона появилось лицо. Это было то самое лицо, которое Вар видел при входе — лицо Воора.

— Тогда где же он сам?

— Только в этом образе, — Сет показал на экран. — Другого нет и не будет.

— Почему? Что с ним случилось?

— В ином образе его временно не существует.

— И вы не сообщили об этом в Центр? Как это объяснить?

— Видишь ли, Центр ставят в известность только в случае смерти. А Воор не умер. Так же, как и я не совсем Сет. Настоящего Сета ты видел в лаборатории. У меня только та же самая оболочка. У нас с Сетом одинаковая внешность. Но моя психика тождественна психике Воора.

— В таком случае, Сет, я не очень высокого мнения о психике Воора.

— Я не Сет...

— Ну хорошо, не Сет, если тебе так угодно. В любом случае я должен уведомить тебя, что послан сюда как официальное лицо, как представитель Центра и у меня есть полномочия отозвать вас отсюда.

— Не вижу большой разницы. Ты все равно не сделаешь этого...

— Я непременно сделаю *это*.

— Нет. У тебя не будет желания сделать это. Уверю тебя.

— Хорошо, но сначала я должен поговорить с Воором.

— Слушай, Вар. Ты не в силах допустить, что у оригинала может быть несколько копий?

— Конечно в силах, но...

— Дай мне договорить. А почему бы не предположить, что вся информация, которой располагает любая отдельная человеческая особь, может быть переложена на двух разных индивидуумов вида *homo sapiens*.

— Вряд ли это возможно.

— Почему?

— На практике это неосуществимо.

— А может, человечество пока еще просто не умеет этого делать?

— Другими словами, ты утверждаешь, что совершил подобную трансформацию? — Вар с интересом посмотрел на Сета.

Сет не успел ответить, как дверь внезапно распахнулась, и вместе с отдаленным глухим стоном в помещение ворвался теплый воздух. Давление изменилось так резко, что Вар с минуту ничего не слышал.

— Что случилось? — Сет подбежал к дверям.

— Кому, как не тебе, лучше других знать это. Очень напоминает небольшой взрыв где-нибудь поблизости, — отозвался Вар и подумал о контейнере, где находился дезинтегратор.

— Здесь нет ничего, что может взрываться. Ни в од-

ной лаборатории. Мы не проводим экспериментов и располагаем только реактором хозяйственного обеспечения.

— Я посмотрю, что случилось.

— Подожди, я сам,— Сет направился к двери.

В этот момент Вар услышал сигнал тревоги.

— Стой! — крикнул он.— На базе радиоактивное заражение!

— Я вызову Эль,— Сет подошел к микрофонам.— Эль, ты у себя? Эль, ты меня слышишь?

— Скорее всего она вышла из своей кабины. Вызови ее по общебазовой системе оповещения,— посоветовал Вар.

— Если она еще действует. Что там стряслось? Эль, говорит Воор. Зайди в мой кабинет. Зайди немедленно! Ты меня слышишь?

— Наверное, ты прав. Система связи вышла из строя.

— Я пойду к шлюзам,— оборвал его Сет.— Кажется, кто-то бежит...

Теперь и Вар слышал топот чьих-то ног в коридоре. Двери с грохотом распахнулись.

— Задержите его! У него дезинтегратор! — Эль прислонилась к стене.

— У кого?

— У Сета. Воор, проверь, можно ли еще им управлять. «Она сказала “Воор”»,— отметил про себя Вар.

— Нет, он не откликается на вызов.

Мерное топанье становилось все громче.

— Бежим! — скомандовал Вар.

Они оставались без движения.

— Отсюда нет другого выхода,— отозвалась Эль.

Топанье утихло — в дверях стоял Сет. Он как на трость опирался на дезинтегратор. Вар чуть присел, готовясь к прыжку, когда Сет поднял дезинтегратор. Он метил прямо в грудь Вара.

— Сет, ты что, не узнаешь меня? — прошептал он.

— Ты растение, растение с Сириуса, именуемое,— он задумался на несколько мгновений,— именуемое прецетапотрон. А там — звери,— он переместил дуло дезинтегратора.— Я охочусь на зверей,— добавил он объясняющим тоном, а потом вдруг Вар ослепил голубой блеск.

— Котловина Светящихся Скал,— сказал Ако.— Садимся, Вар. Там тебя уже ждут. Тебе предстоит тяжелое объяснение.

— Ты так думаешь?

— Я уверен. Там сейчас Сорв, а ты хорошо представляешь, что это за тип,— ответил он, не отрывая глаз от растущего на экране белого купола базы.

— Ако,— Вар говорил медленно,— ты утверждаешь, что нашел меня возле входного шлюза только через два дня?

— Да. Ты лежал, будто младенец в коляске. У тебя что, провал в памяти?

— Ты разговаривал с Воором?

— Да. Он был на экране и сказал, чтобы я не входил, потому что в коридорах остатки радиоактивного заражения.

— И ты не пошел?

— Нет. Вскоре я наткнулся на тебя. Иначе бы пошел дальше. Я был в скафандре, который многое может выдержать. И не случайно. Сразу после старта мне сообщили с базы, что здесь произошел взрыв и что тебя немного потрепало.

Вар почувствовал, как уменьшилась скорость. Вскоре корабль замер на посадочной платформе базы. Они уже выходили, когда Вар, положив руку на плечо Ако, спросил:

— Послушай, а он не рассказывал тебе, как... как

возникло это заражение?

— Он говорил, что у них что-то взорвалось в лаборатории и ты как раз оказался рядом.

— Когда это произошло?

— Незадолго до твоей посадки, так сказал Воор. Шлюз закрылся за ними. Он снова был в той самой камере и не сразу заметил... Эль.

— Эль, как я рад, что ты жива! — воскликнул он и осекся.

«А может, это Воор», — подумал он.

— Приветствую тебя, Вар, мы давно не виделись.

— Он не попал в вас тогда?

— Не понимаю, о чем ты?

— О Сете.

— Почему Сет должен был попасть в нас?

— Ну, тогда, в кабинете. Ты разве не помнишь...

— Вар, я знаю, ты попал к нам в момент взрыва в третьей лаборатории. Я сочувствую тебе.

— Не ломай комедию, Эль. Ведь он выстрелил в вас антипротонами.

— Вар, мне очень жаль, но именно Сет отнес тебя к шлюзу.

— Где он?

— В кабинете Воора. Они ждут тебя.

В кабинете сидел Сорв с центральной базы. Здесь же находилось еще несколько мужчин, и среди них Вар увидел Сета. Он непроизвольно попятился. Сорв внимательно посмотрел на Вара.

— Мы прочитали твой доклад, — сказал он. — Люди обследовали помещение, никакой радиоактивности не обнаружено. Правда, был небольшой локальный взрыв, но прошел уже месяц...

— Месяц? — Вар побледнел. — А Сет?.. — неуверенно спросил он.

— Ты видел его.

— Все, что я написал в докладе, правда, — тихо ска-

зал Вар.— Кроме того, по моему дезинтегратору можно...

— Он в контейнере. Мы обнаружили на нем незначительные следы радиоактивности. С одинаковой степенью вероятности он мог использоваться как год, так и месяц назад.

— Да. Понимаю,— сказал Вар.— Ничто не подтверждает мой доклад. Еще один вопрос, Сорв. Ведь из этого следует, что у меня были галлюцинации, а значит, травмирована психика. В таком случае почему вы не отправили меня на Землю с ракетой психиатрической помощи?

— Послушай, Вар,— медленно заговорил Сорв,— такое не проходит бесследно. Я понимаю, каким это было потрясением. Ты мог находиться в горячке... бредить... Люди-двойники... Согласись, это выглядит по меньшей мере неправдоподобно.

— Но я это пережил... Это действительно было!

— Ты в этом вполне убежден?

— Да.

— Что ж, в таком случае для тебя будет нелишним отдохнуть в изоляторе.

— Сорв, поверь мне, у меня никогда не было никаких психических срывов, посмотри мою медицинскую карту. Я прошел все тесты... Я на самом деле здоров.

— Я понимаю и... хочу тебе помочь. Потому я и вызвал тебя сюда.

— Помочь? Каким образом?

— Очень просто. Забери обратно свой доклад. К сожалению, мы не успели его задержать и он уже ушел на Землю. Ты должен понимать, что на Земле плохо представляют наши реальные условия. Им наверняка покажется, что у нас работают люди с излишне ярким воображением — вроде тебя...

— Я не могу что-либо изменить. Я описал то, что действительно произошло. Отказаться от доклада?.. Это невозможно. Да я и не откажусь. Все, что я написал, было.

Сорв помолчал, потом спросил:

— Тебя когда-нибудь интересовало, почему эта местность называется Котловиной Светящихся Скал?

— Не шути, Сорв.

— Я говорю серьезно. Эти скалы и в самом деле светятся. Разумеется, обнаружить свечение можно только с помощью приборов, так что название несколько притянуто.

— Но какое отношение это имеет к делу?

— Эти скалы были облучены.

— Пусть так, но...

— Они были облучены много лет назад, еще до появления базы.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Двигатели космических кораблей при взлете и посадке могут заражать близлежащие участки...

— Звездолеты? Здесь? — Вар с недоверием посмотрел на Сорва. — Вокруг только скалы да пропасти и ничего больше.

— Когда-то здесь была ровная поверхность. Дно кратера не совсем потухшего вулкана. Лет триста-четырееста тому назад — доля секунды по геологической шкале времени.

— Но как ты связываешь это с базой?

— Все очень просто. Они спрятали здесь свою базу. Разместили ее в расщелинах искусственных разломов.

— Кто эти *они*?

— Твой доклад только подтверждает наши предположения.

— Предположения?

— Предположения по поводу назначения базы Котловины Светящихся Скал. Ведь она не играет никакой роли в системе лунных баз.

— Да, Эль говорила мне, что здесь ничего нет, что база служит лишь приютом для селенистов.

— Она была недалеко от истины. Это единственная

бесполезная база на Луне.

— Зачем же тогда ее построили?

— Тот же вопрос задавал себе Анадо.

— Кто это?

— Создатель гипотезы реконнессанса*, но о ней чуть позже. Пока ты отлеживался в госпитале, дело несколько продвинулось. Базе двести лет. Мы просмотрели все акты, касающиеся раннего периода колонизации Луны.

— Ну и что?

— Материалов, относящихся к этой базе, не обнаружено, они исчезли бесследно. Никто не в состоянии ответить, зачем построили эту базу, не представляющую никакой практической ценности для человечества.

— И все равно я не понимаю.

— Что ж тут понимать? Ответ напрашивается сам собой: ее построили пришельцы из Космоса. Именно в этом суть гипотезы, выдвинутой Анадо.

В кабинете стало тихо. Вар заметил, что они остались вдвоем с Сорвом. Он почувствовал себя стесненно. «Проклятые ассоциации»,— подумал он.

— Я объясню тебе,— продолжал Сорв.— Они принимали человеческий облик. Так им было легче наблюдать за нами. Но они еще не умели синтезировать человека и вынуждены были использовать для этого живых людей.

— Они убивали их?

— Нет, множили. Для этого им достаточно было иметь время и живого человека. Затем они стирали из памяти человека все, что было связано с копированием, а подопытный образец продолжал жить, ни о чем не подозревая.

— В то время как у него уже был двойник?

— Да, их могло быть и несколько. В сущности, эти

---

* Реконнессанс (от фр. *reconnaitre*) — узнавание, осмотр, обследование, разведка, рекогносцировка.

двойники составляли систему, принадлежащую их цивилизации.

— Это... это невероятно!

— А тебе не доводилось слышать о случаях поразительного сходства между людьми, которые друг друга раньше в глаза не видели?

Вар минуту сидел в молчании.

— Но для чего они это делают? — спросил он наконец.

— Реконнессанс, как полагает Анадо. Возможно, они занимаются этим уже сотни лет. Вполне вероятно, что среди миллиардов людей существуют не меньше тысячи подобных близнецов.

— А где они осуществляют производство копий?

— Ты находишься в одном из таких центров. Полузабытая база на отшибе, где меняются практиканты. Они покидают ее по истечении положенного срока уже скопированными. Такие центры должны действовать постоянно, поскольку копии недолговечны.

— Значит, Воора скорее всего уже не существует?

— Он живет в образе Сета, скопированного Сета, которого ты видел. А может, он уже перешел в Эль.

— А настоящий Сет?

— Судя по всему, ты попал на базу как раз в момент копирования. Возможно, именно тогда память Сета-человека подвергалась стиранию. Отсюда его необычное поведение.

— А откуда тебе известно, где они сами, а где их копии?

— А откуда я знаю, что ты — это ты, а я — это я?

— Но ведь Воор был одним из них?

— Несомненно. Когда в ракетной аварии погиб предыдущий руководитель этой базы — нечеловек, потребовалась срочная замена. Тогда Воор и выдумал историю с серией регулярных сигналов. За подобные дела отсылают на самые отдаленные базы, а здесь как раз откры-

лась вакансия.

— А может, Сорв,— сказал Вар после минутной паузы,— может, я тоже нечеловек?

— Ты — человек.

— Почему ты так уверен?

— Иначе ты не говорил бы всего того, что сказал.

— Пожалуй, ты прав. Сейчас, когда я знаю все...

— Ты не знаешь главного.

— Чего именно?

— Что Анадо находится в изоляторе.

— Почему?

— Наверняка ты один из немногих, кто не думает, что Анадо заслуживает клинического лечения за свою гипотезу.

— Но ведь есть доводы, хотя бы мой доклад...

— О нем доктора не знают и не узнают. Поэтому ты и должен затребовать его назад.

— Не понял?

— Нельзя допустить, чтобы начались поиски других центров копирования. Непростительно отказываться от такой замечательной возможности изучения вида *homo sapiens*.

Вар несколько мгновений всматривался в Сорва и вдруг все понял.

— Так ты тоже?..

— Да.

Вар сжал подлокотники кресла.

— Но тогда зачем ты мне все рассказал?

Голос его слегка дрожал.

— Мы хотели знать, что произошло тогда на базе. Они все погибли — все, кроме тебя. Все, кого ты видел сегодня,— только копии, очередные копии, взятые со склада.

— Но ведь мой доклад...

— Нам неизвестно, что содержалось в докладе, а дело принимало серьезный оборот. Представь себе наше поло-

жение. Мы получаем сигнал тревоги и прилетаем сюда. Все нелюди, которые были в нашем распоряжении на этой базе, уничтожены. В живых остался один ты — человек. Прямо скажем, опасная ситуация. За последние столетия человек сумел сделать громадный шаг вперед и в некоторых отношениях стать вровень с нами.

— А Сет?

— Он сам себя сжег дезинтегратором. Во всяком случае, мы застали его уже мертвым. Надо было привести базу в относительный порядок. Отыскали на складе копии Сета и Эль. Ты видел их. Потом решили скопировать тебя.

— Что дальше?

— Не успели. Получили известие, что Ако стартовал к тебе. К тому моменту база еще не была готова, нам пришлось выпустить тебя отсюда, чтобы не иметь хлопот с Ако. Но ты вернулся. Впрочем, то, что тебе теперь все известно, уже не имеет никакого значения. Через минуту ты забудешь все, что помнил, кроме горячего дуновения воздуха после взрыва в момент твоего появления в шлюзе.

Вар хотел протестовать, но его волю сковала усталость, безмерная усталость путника, прошедшего длинной дорогой в горах и наконец добравшегося до места, где тепло и безопасно.

— Чувствуешь сонливость? — донесся до него заботливый голос Сорва. — Ты в радиусе действия копировального эмиттера.

— Подожди... скажи... зачем... почему вы это делаете? Сорв усмехнулся.

— Только потому, что *homo sapiens* — довольно интересный вид. Я бы даже сказал, чрезвычайно интересный. Вы быстро развиваетесь. Таких случаев, как твой, становится все больше и больше. Вы быстро сокращаете дистанцию между нашими цивилизациями, хотя ваша цивилизация на несколько миллионов лет моложе. Вы уже добрались до пределов Солнечной системы и не исключе-

но, что через несколько сотен лет захотите полететь к звездам и наткнетесь на нашу Атариду...

Он не слышал, как открылись двери. Он только увидел перед собой лицо Ако... Сорв что-то крикнул, но Вар не разобрал что. Его ослепил голубой блеск, а потом он почувствовал отрезвляющий запах озона... Омертвление, сдавливавшее его, проходило. Он снова различил лицо Ако.

— Они не догадались проверить, они не знали о включенном передатчике, который я положил в карман твоего скафандра. Извини, что я не вырвал тебя отсюда раньше, но я хотел записать весь ваш разговор. Он будет неплохим дополнением к твоему докладу.

Доналд Уэстлейк

Смерть на астероиде

Мистер Гендерсон призвал меня в свой кабинет только через три дня после моего возвращения на Землю. Это походило на поощрение — обычно разъездным агентам Танжерской всеобщей страховой корпорации не дают задерживаться на базе больше тридцати шести часов.

Гендерсон энергично потряс мне руку. Это означало, что он доволен моим отчетом и явно собирается подсунуть еще какое-нибудь запутанное дело. Радости мало. У меня даже мелькнула мысль, не вернуться ли назад, в отдел по расследованию краж и пожаров. Но я тут же подавил это желание. Хотя здесь мне и приходилось

Пер. изд.: Westlake D. Death in the Asteroid.— *Astounding Science Fiction* (december 1960).

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

копаться в ворохе бумаг, одна бессмысленнее другой, зато правление безропотно оплачивало все непредвиденные расходы.

Я устроился в кресле, и Гендерсон начал:

— Вы хорошо поработали на Луне, Стентон. Вам удалось сэкономить для компании значительную сумму.

Я изобразил на лице скромную улыбку.

— Благодарю вас, сэр.

А про себя подумал, что компания вполне могла бы выделить из этой самой суммы некую толику для парней, которые ради нее гоняют к черту на кулички.

— На этот раз, Джед, вам понадобится весь ваш нюх,— продолжал Гендерсон, вперив в меня пронзительный взгляд (насколько это позволяла его круглая физиономия).— Вы знакомы с системой выплаты пенсий лицам опасных профессий?

— В самых общих чертах.

Гендерсон удовлетворенно кивнул.

— Мы решились на создание пенсионных фондов для тех, кого компании обычно не страхуют: звездолетчиков, изыскателей на астероидах,— короче, для всей этой братии, пребывающей в невесомости.

— Понимаю,— вставил я, хотя пока плохо представлял, куда он клонит. Очевидно было одно: очень скоро мне придется покинуть нашу теплую матушку-Землю, что отнюдь не вызывало у меня энтузиазма.

— Вот каким образом мы это делаем,— мурлыкал дальше Гендерсон, не замечая у меня тоски во взоре или предпочитая ее не замечать.— Клиент вносит нам определенную сумму. Он может внести ее всю сразу, может делать это помесечно, может и задержать выплату, но при обязательном условии, что вся сумма будет внесена до оговоренного дня выхода на пенсию. Клиент сам выбирает дату. С этого момента уже мы обязаны выплачивать ему пенсию. Вам понятно?

Я кивнул. Хотя все еще не мог взять в толк, какая

тут выгода для нашей доброй Танжерской страховой.

— Такая форма выплаты гарантирует клиенту безбедную старость. Конечно, каждый старатель, копающийся там, на Поясе астероидов, надеется открыть богатую жилу. Но обычно везет одному из ста. Для тех, кто ничего не нашел, наш фонд — спасение. Человек возвращается на Землю и до конца своих дней ведет приличный образ жизни.

Я, как и подобает примерному служащему, заинтересованно кивал головой.

— Разумеется, — тут Гендерсон поднял палец, — речь идет не о *страховании* жизни. Эти люди вносят деньги в личный фонд, и их не может получить никто, кроме самого клиента.

Ага, вот она, ловушка! Я знал примерную статистику «нестрахуемых» с Пояса астероидов. Из них мало кто дотягивал до сорока пяти, а тем, кому удавалось возвратиться, было отмерено два, от силы три года. После двадцати лет, проведенных там, наверху, человек не в состоянии привыкнуть к жизни на Земле.

Только Танжерская всеобщая могла додуматься до такого. Для остальных фирм «нестрахуемый» — слишком очевидный кандидат для некролога в газете, а для моей Танжерской это человек, у которого есть деньги, еще не принадлежащие компании.

— Итак, — в голосе Гендерсона появились торжественные нотки, — мы подходим к интересующему нас делу. — Он раскрыл аккуратненькую папочку и вытащил нужную бумагу. Несколько минут он смотрел на нее, потом скорчил кислую мину. — Одним из наших клиентов, заключивших пенсионный контракт, был некто Джеф Маккен.

— Был? — отозвался я.

Гендерсон, довольный, оценил мою проницательность.

— Правильно, Стентон. Он умер, — шеф испустил глубокий вздох и забарабанил пальцами по папке. —

По идее, у нас с ним должно быть все кончено. Его счет автоматически закрывается. Но неожиданно возникло осложнение.

Еще бы! Иначе зачем было со мной говорить.

— Две недели спустя после смерти Джефа Маккена мы получили требование о выплате пенсии.

— О выплате?

Такого еще не было. Ну-ну, интересно, кто это надумал получить с Танжерской всеобщей. «У нас не выплачивают!» — таков был девиз правления, которым должны руководствоваться служащие компании (разумеется, втайне от клиентов).

— Тут особый случай,— вздохнул Гендерсон.— Ведь речь, повторяю, идет не о страховом полисе, а о пенсионном фонде. Клиент имеет право в любой момент потребовать назад внесенные ранее деньги. И мы обязаны возратить ему семьдесят пять процентов. Согласно... гм... контракту.

— Вот оно что...— протянул я.— Однако вы сказали, что деньги может получить только сам клиент.

— Совершенно верно. Но требование о возврате внесенной суммы Маккен заполнил до своей смерти. Поэтому ее должен получить наследник. Последние пятнадцать лет они с Маккеном были компаньонами. Его фамилия — Карпен.

— Сумма, наверное, не так уж велика?

Не настолько, надеялся я, чтобы заслать меня на Пояс астероидов.

— Маккен скончался,— сухо отрезал Гендерсон,— в возрасте пятидесяти шести лет. Он открыл свой пенсионный фонд в тридцать четыре, собираясь выйти на пенсию в шестьдесят. По пятьдесят дублезов. Считайте сами.

Я прикинул в уме... Да, получалось что-то около десяти тысяч.

— Понимаю,— понуро сказал я.

— Но это еще не все. Обстоятельства смерти Маккена выглядят весьма странно. Требование о выплате...

— Подделка?

— Мы тоже так считали. Но наши эксперты в один голос утверждают, что подпись на формуляре подлинная. Более того, по их заключению, это рука Маккена именно сейчас, в возрасте пятидесяти шести лет.

— Выходит, он сам заполнил требование... По-вашему, его вынудили?

— Вот именно это и надлежит выяснить вам... Да, и последнее.

Я вновь изобразил внимание.

— Маккен и Карпен, как я уже говорил, последние пятнадцать лет были компаньонами. Время от времени они находили небольшие залежи редких металлов, но сказочной жилы, которой грезят все эти парни на Поясе, им не попадалось. И представьте — накануне смерти Маккена они ее нашли.

— Вот как! — присвистнул я. — А отчего он умер?

— Несчастный случай.

— А что расследование?

— Тело затерялось в космическом пространстве. Полиция на таком удалении расследований не ведет.

— Выходит, единственное, чем мы располагаем, — заявление Карпена о смерти Маккена?

— Да. Пока это так, — согласился Гендерсон.

— Ну, и вы хотите, чтобы я сгонял туда и попробовал сэкономить десять кусков для фирмы?

— Если исключить ваш лексикон, дело обстоит именно так.

Турболет доставил меня к космодрому, где я купил билет на роскошный лайнер «Деметра», отправлявшийся на Луна-сити и дальше к Поясу. Полеты я переносу преотвратно. И это путешествие не составило исключе-

ния. Только когда мы подлетали к Атроник-сити, центру Пояса астероидов, между мной и моими внутренностями возникло молчаливое соглашение: если я не беру в рот ни капли, желудок оставляет меня в покое.

Атроник-сити производит на человека с Земли такое же гнетущее впечатление, как и турецкие бани при ярком свете. Город разбит на скальном осколке планеты и напоминает изделие сварщика-подмастерья. Снаружи он закрыт металлическим колпаком из нержавеющей стали в форме мужской шляпы, черным и грязным, а внутри состоит из четырех ярусов КПЖ — Комплекса поддержания жизни.

Под самым куполом, на верхнем уровне — стоянки для роллеров и тягачей; там же — конторы по определению металлов, служба виз, промышленная полиция и все такое прочее. Нижние уровни были встроены прямо в тело планетоида. Второй занимал завод «Атроник», на третьем расположились магазины и центр развлечений, а самый нижний представлял собой жилой блок. Уровни сообщались лифтами, окрашенными в цвет хаки. Все вместе напоминало со стороны какую-то гигантскую нефтеперегонную установку.

Во всех случаях «Деметра» не повезла бы меня дальше. Корабль направился к другим деловым центрам Пояса астероидов, а мои два чемодана и я провалились в лифте на четвертый, жилой уровень.

Когда вы попадете на планетоид, можете сами убедиться, сколь сладостен спуск в лифте при низкой гравитации. Кабина умудряется опускаться быстрее вас, так что надобно прищелкивать чемоданы к полу, а самому цепляться за ручки. Удовольствие ниже среднего.

Но вот мы добрались до четвертого уровня; портье указал мне направление, и я двинулся по длинному коридору. Чемоданы мои тянули граммов двести, не больше, а сам я, поднимая ногу, едва не отлетал к стене. Здешний люд сновал мимо, еле касаясь подошвами ме-

таллического пола, и я завистливо провожал их глазами.

Металлические улицы пересекали основной коридор строго под прямым углом, металлический потолок был освещен двумя рядами флюоресцентных трубок. Меня уже с первых шагов поташнивало от замкнутого пространства, а каково прожить здесь год, пять, десять?!

Я твердо решил, что не задержусь в Атроник-сити более двух дней. Надо было нанять роллер до концессии Эйба Карпена. Официальный почтовый адрес компаньонов был «Атроник-Сити, Главпочтамт», деньги переводились отсюда. Кроме того, я намеревался взглянуть на текущий счет Карпена и Маккена — вдруг да удастся что-то узнать.

Но не сегодня. Сегодня мой желудок находился в самом плачевном состоянии, а голова из солидарности тоже шла кругом. Сегодня я лягу в постель и пристегну ремень, дабы ночью ненароком не всплыть к потолку.

Бюро картографии и регистрации было как раз тем местом, откуда следовало начинать. Здесь не только оформляли заявки на концессии. Зал ожиданий был своего рода клубом. Сюда после многомесячных поисков съезжались старатели, здесь чесали языки, составлялись новые компании и распадались прежние.

Маккен и Карпен в этом смысле являли исключение. Они продержались вместе пятнадцать лет. Раз в шестьдесят дольше, чем старательские «фирмы» подобного рода.

Рыскание по астероидам в поисках залежей редких металлов предрасполагает к одиночеству. Но в одиночку долго не продержишься: обуревают тоска по живым людям, и старатели часто сбивались в небольшие группы. Однако как угадать, сживетесь ли, сработаетесь ли вы со своим напарником? Связи расторгали здесь так же быстро, как и завязывали, порой дружба вспыхивала

на три недели.

Бюро картографии и регистрации занимало большое помещение под куполом на первом уровне. Я толкнул дверь и вошел в просторный зал ожидания, он оказался довольно уютным. На искусственном бледно-зеленом ковре живописно смотрелась каштановая обивка диванов. В зале находилось несколько изыскателей. Разбившись на две группы, они оживленно беседовали. Поразительная вещь — люди на удивление походили друг на друга. Седеющие волосы, лица без возраста, воспаленные глаза, слежавшаяся в чемоданах одежда.

Переступив порог двери с табличкой «Директор», я оказался в респектабельном, но строгом кабинете, вполне приличествующем главе крупного офиса.

Директор — некто Тикинг — соответствовал своему кабинету. Чистое лицо, безупречная форма, украшенная всеми уставными регалиями. Мы поздоровались с изысканной вежливостью, и я спросил:

— Вам ничего не говорит фамилия Карпен?

— Карпен? Ну как же. Он работал в паре со старым Джефом Маккеном... Бедный Джеф, ведь он погиб.

— Да-да. Вот именно.

— Вы приехали в связи с этим? А я и не знал, что парней с Пояса начали страховать.

— Это не совсем так,— терпеливо ответил я.— Речь идет о пенсионном фонде, который... В общем, это детали. Я думал, вы сможете сообщить мне кое-какие подробности о Карпене. И о Маккене тоже.

На лице директора появилась слабая улыбка.

— Вы видели людей там, в зале?

Я кивнул.

— Вот вам Карпен и Маккен. В точности. Они все на одно лицо — тридцать им или шестьдесят. Роли не играет, кем они были на Земле до того, как попали сюда. Несколько лет на Поясе нивелируют их всех — как тех в зале.

— Это внешняя сторона,— сказал я.— Меня больше интересуют личные особенности.

— Все то же самое. И в этом отношении они абсолютно одинаковы. Угрюмы, необщительны, заносчивы, неизлечимые романтики — до последнего вздоха верят, что на следующем астероиде их ждет Большая Жила. Маккен, правда, был потрезвее многих. Вот видите, он вносил деньги в пенсионный фонд, вел счет каждому дублезу. Вообще в денежных вопросах он смыслил лучше, чем кто-либо из парней на Поясе. Я наблюдал однажды, как он торговался, покупая какую-то запчасть для своего роллера или что-то из инструмента, сейчас не помню,— это было зрелище, скажу я вам.

— А Карпен?

— Старатель,— ответил он, словно я не знал этого.— В финансах мало что понимает, поэтому все дела вел Маккен. Но по части минералогии Карпен — ас. Он на глаз способен распознать камни, о которых мы с вами и слыхом не слышали. Почти все парни на Поясе — с университетскими дипломами, но Карпен на голову выше их.

— Должно быть, они составляли хорошую пару,— поддакнул я.

— Конечно. Иначе они не продержались бы вместе такой срок. Они прекрасно дополняли друг друга.

Он перегнулся ко мне и продолжал доверительно:

— Эта парочка оказалась куда хитрее, чем все думали. Они нигде не регистрировали свою фирму. Официально каждый действовал на свой страх и риск. А сейчас целая куча простофиль у нас в Атронике рвет на себе волосы. Я вам говорил, что Джеф Маккен занимался денежной стороной? Так вот, он наодалживал денег по всему городу.

— А теперь, когда он умер, оказалось, что Карпен ни за что не отвечает?

Директор кивнул.

— Маккен умер раньше, чем следовало. Останься

Джеф в живых, он бы всем все вернул, я уверен. Говорят, они нашли там умопомрачительную жилу.

— Когда вы в последний раз видели Карпена? — спросил я.

— Сейчас, дай бог памяти... месяца два назад. Перед тем, как они вдвоем отправились на этот астероид и нашли свою жилу.

— Карпен не зарегистрировал у вас концессию?

— Нет. Он сделал это в Химия-сити.

— Жаль... Видите ли, у нас, признаться, возникли сомнения относительно смерти Маккена. Пока только сомнения, никаких конкретных подозрений у нас нет.

— Вас смущает, что это случилось сразу же после того, как они открыли жилу?

— Да.

— Вряд ли вам удастся что-нибудь узнать, — с сомнением, покачал головой директор. — Такое случается не впервые. Когда человек в кои-то веки нападает на настоящее месторождение, он теряет голову, а с нею и осторожность. А у нас здесь достаточно ошибиться один только раз.

— Возможно, возможно, — я встал, чтобы откланяться. — Спасибо за любезность.

— Всегда к вашим услугам.

Мы обменялись рукопожатием.

Я вышел в холл. Никто из старателей не повернулся в мою сторону.

Я отправился в фирму по прокату роллеров. Машина, которую мне предложили, оказалась не из лучших. Ею пользовались не менее десяти лет, краска облезла, а ветровое стекло (глупое земное наименование для иллюминатора — ведь здесь нет встречного ветра!) было все в мелких трещинках от астероидной пыли.

Тип из фирмы, без зазрения совести предложивший мне этот рыдван, даже не покраснел, называя цену: двадцать дублезов в день плюс горячее! Я заплатил без

звука — в конце концов это были деньги Танжерской всеобщей, — напялил космический костюм, влез в кабину этой реликвии, привязал ремни и кивнул грабителю. Тот раскрыл ворота.

Роллер тянул немного вправо, и мне приходилось удерживать его, чтобы не войти в штопор. К моему удивлению, часа через четыре лета по заданному курсу я увидел впереди огромную желтую букву «Х» — знак частной концессии. Астероид был небольшой — метров семьсот в диаметре. Возле посадочной площадки стоял припаркованный роллер, а по соседству виднелся переносной жилой купол. Роллер был побольше моего, но не в лучшем состоянии. На куполе выделялись заплатки.

Карпен скорее всего сидел дома в ожидании покупателя. Изыскатели его типа работают в одиночку и не связывают себя контрактами ни с одной из крупных фирм. Они оформляют концессию на свое имя и ждут покупателя повыгоднее. Такая форма продажи требует массы времени. Опытный старатель не тронется с места, иначе кто-то может высадиться и урвать кусок. Не так много надо взрывчатки, чтобы сделать из одного астероида два и тут же застолбить отколотую часть на собственное имя. Космическая катастрофа — ищи потом виновника...

Я поставил свой роллер рядом с хозяйским, укрепил на голове прозрачный шлем и включил систему автономного питания скафандра. Потом осторожно открыл дверцу и тихонько вылез на астероид.

В куполе не было окна, и я не знал, заметил ли Карпен мой приезд. Я постучал своей металлической перчаткой по обшивке и услышал какое-то движение.

Но открывать мне не торопились. Заснул он там, что ли?! Наконец дверь приоткрылась. Наклонив голову, я вошел. Подождал, пока наполнится воздухом шлюз, и отвинтил внутреннюю дверь.

Прямо на меня глядело дуло револьвера.

Я остановился, чуть приподняв руки. Меня вовсе не устраивало получить для начала дырку в брюхе.

— Кто вы такой? — спросил Карпен.

Директор из Атроник-сити был прав: Эйб Карпен являл точную копию старателей, которых я видел у него в приемной. Маленький, сухой мужчина без возраста. Ему можно было дать и сорок, и все восемьдесят, если бы я не знал, что ему под пятьдесят. Морщины делали его лицо похожим на вспаханное поле. Тонкий, почти лишенный губ рот. В жилистой руке он сжимал револьвер.

Засаленная майка, протершиеся брюки, обкромсанные по щиколотку, стоптанные сандалии. Это меня не удивило — температура под куполом не опускалась ниже тридцати двух градусов. Даже новое наружное покрытие плохо отражало солнечные лучи.

А вот револьвер как-то не вязался с внешностью Карпена. Сама мысль о том, что этому старому мизантропу достало сил отправить на тот свет компаньона, показалась мне абсурдной.

Должно быть, я простоял так довольно долго, потому что он переспросил: «Кто вы такой?», сопроводив свой вопрос нетерпеливым движением дула.

— Стентон, — ответил я. — Джед Стентон из Танжерской всеобщей корпорации. Могу показать вам удостоверение, но оно во внутреннем кармане.

— Достаньте. Только без резких движений.

— Договорились.

Избегая, согласно требованию, резких движений, я вылез из комбинезона, запустил руку в карман, извлек бумажник, открыл его и показал удостоверение с фотографией, подписью и отпечатком большого пальца. Удовлетворенный, он кивнул и отшвырнул револьвер на кровать.

— Приходится быть начеку, — сказал он. — Здесь у меня колоссальная жила.

— Я слышал, — приветливо бросил я. — Поздрав-

ляю вас.

— Благодарю. Вы, видно, по поводу страховки Джефа?

— Совершенно верно.

— Я так чувствую: вы не хотите платить... Что ж, ничего удивительного.

Терпеть не могу старых ворчунов!

— Меня послали уточнить кое-какие детали.

— Понятно, понятно. Хотите кофе?

— Спасибо.

— Можете сесть в кресло. Это Джефово.

Я осторожно опустился в складное парусиновое кресло, а он направился в кухонный отсек сварить кофе.

Под куполом было одно помещение диаметром метра четыре с половиной. Стены до высоты двух метров шли вертикально, а затем, легко изгибаясь, смыкались в центре.

Купол установили прямо на астероиде, поэтому каменный пол был неровным. Справа от входа стояли два стула и стол, немного поодаль — кухонный отсек и подобие загроможденной кладовой. Посреди возвышалась отопительная система, но сейчас, слава богу, она бездействовала. Пот градом катился у меня со лба. Я стянул через голову рубашку и вытер ею лицо.

— Жарко у вас, — сказал я.

— Привыкаешь, — буркнул он.

Но я ему не поверил.

Карпен принес кофе. Горький, мерзкий, вполне в духе этого отшельника. Но вслух я произнес:

— Отличный кофе.

— Да, — кисло подтвердил он. — Может, перейдем к делу?

С заскорузлыми стариками есть только один способ общения: жесткая атака.

— Речь идет вот о чем, — начал я. — У нас, разумеется, нет никаких претензий, но правление, прежде чем

перевести на ваш счет десять тысяч дублезов, хотело бы убедиться, что все сделано в соответствии с правилами. Ваш компаньон заполнил формуляр с требованием возвратить названную сумму и тут же умер... Согласитесь, довольно необычное совпадение.

— Отчего же? — Он отхлебнул из чашки и исподлобья взглянул на меня.— Мы нашли жилу. И поняли, что на сей раз это верное дело. Ведь Джеф вносил деньги как раз на тот случай, если мы ничего не найдем. Но когда мы убедились, что попали в яблочко, он мне сказал: «Слушай, зачем мне теперь пенсия?» — и заполнил формуляр. Потом мы откупорили бутылку. А вскоре он убится.

Послушать Карпена, все выходило просто и естественно. Слишком естественно.

— Как произошел несчастный случай? — спросил я.

— Точно я не могу вам сказать. К тому времени я уже здорово набрался. Ну что я видел и помню? Джеф надел комбинезон и сказал, что пойдет пометить астероид. Он тоже с трудом держался на ногах. Я сказал ему, что дело вполне терпит до утра, лучше проспаться. Но он меня не послушал. Чертыхаясь, я тоже натянул на себя комбинезон и вылез за ним. Тут-то все и произошло.

Он сделал два жадных глотка.

— Что произошло?

— Он шел с распылителем в руке, стараясь изобразить краской икс. Но здесь, вы видели, полно острых выступов. Он споткнулся, потерял равновесие и плашмя упал вперед — на один из таких выступов. Ну и тот порол ему комбинезон.

— А я слышал, он исчез.

Карпен подтвердил:

— Да, он еще успел встать, воздух под давлением стал выходить из дыры, его отбросило — и поминай как звали...

Мое лицо явно выражало недоверие. Карпен добавил:

— Мальчик мой, здесь такое маленькое притяжение, что играть в чехарду не рекомендуется: тут же улетишь с астероида.

Он был прав. Даже сидя в кресле, мне приходилось все время держаться за подлокотники. Я никак не мог привыкнуть к слабой гравитации.

Я задал еще несколько вопросов:

— Вы не пытались достать тело?

— Пытался, как не пытался. Ведь старина Джеф был моим компаньоном ни много ни мало пятнадцать лет. Но я, повторяю, был под большим газом. Я боялся, что тоже потеряю направление и не смогу вернуться на астероид.

— Честно говоря, я не очень смыслю в вопросах гравитации. Но разве тело Маккена не должно было обращаться вокруг астероида? Как оно могло затеряться?!

— Могло, еще как могло! Здесь вокруг полно астероидов с большей массой, чем у нашего, — его тут же и притянуло. Клянусь вам, ни один астронавт не смог бы высчитать траекторию полета бедняги Джефа. Он сделал несколько оборотов, потом на глазах стал удаляться и скоро исчез из виду... Думаете, в космосе плавает только его труп?

В некотором замешательстве я покусывал губу. Трудно было определить, насколько правдива версия Карпена. Приходилось полагаться на интуицию. За восемь лет общения с клиентами Танжерской страховой я научился инстинктивно чувствовать неправду.

Вся эта драматическая история с трупом, облетевшим по орбите астероид, прежде чем умчаться в бесконечность, явно была из области литературы. А серия чудесных совпадений годилась разве что для рождественского рассказа. Не успели они открыть жилу, как Маккен погибает. А за час до смерти он вдруг заполняет формуляр о возвращении пенсионного фонда! И опять-таки

по случайному совпадению труп его исчезает, так что исключается всякая проверка.

Но что бы там ни нашептывал мой внутренний голос, в формальном отношении все было безупречно.

Что делать? В рассказе Карпена не за что было уцепиться. Но не зря же, черт побери, я добирался до этого планетоида! Надо искать, искать! Должна быть какая-то деталь, которая не ложилась бы в слишком гладкий рассказ Карпена!

— Вы сказали, Маккен намеревался нарисовать икс,— начал я.— Он нарисовал его?

Карпен покачал головой:

— Не успел. Не дошел даже до места, его качало из стороны в сторону, пока он не напоролся.

— Значит, это вы его нарисовали?

Он кивнул.

— А затем полетели в Атроник-сити зарегистрировать концессию?

— Нет. Химия-сити тогда был ближе, я съездил туда. Когда все это случилось... Не очень-то хотелось оставаться тут одному.

— Как вы сказали? Химия-сити тогда был ближе? А сейчас?

— Здесь все не так, как у вас там, внизу. Здесь все движется, старина. Сегодня Химия-сити в два раза дальше от нас, чем Атроник. А через три дня он вновь приблизится. Все меняется.

— Да, я заметил. Прежде чем отправиться в Химия-сити, вы не пытались достать тело своего компаньона?

Он повел головой.

— Его уже не было видно. Я ведь стартовал десять-одиннадцать часов спустя.

— Почему? Вам ведь достаточно было нарисовать икс, и вы могли отправляться.

— Бог ты мой, я ведь уже говорил! Мы слишком много приняли. Я был пьян. Когда стало ясно, что Джефа

мне не достать, я вернулся под купол и допил, что оставалось. Будь я трезв, я бы взял роллер и попытался достать Джефа. Но я двигался чуть ли не на карачках.

— Понимаю.

О чем спрашивать дальше?

— Я чертовски устал: дорога была трудной,— сказал я.— Вы не возражаете, если я немного отдохну? Мне ведь еще возвращаться.

— Будьте как дома,— он неловко засуетился, изображая гостеприимство.— Вы случайно не играете в рами? — Лицо его оживилось.

— Нет, но я быстро схватываю.

— Идет. Сейчас я вам покажу.

Он достал колоду и принялся меня обучать. Проиграв пять партий подряд, я поблагодарил Карпена и поднялся. Совершенно невинным, как мне казалось, тоном я спросил:

— Вы не возражаете, если я пройду? Мне не приходилось еще бывать на таких... э-э-э... маленьких астероидах. Компания посылает меня, как правило, в города, где имеются наши филиалы.

— Давайте. У меня все равно здесь кое-какие дела.

Он произнес это будничным тоном, но я перехватил его цепкий взгляд.

Я не стал надевать рубашку и тут же пожалел об этом. Температура в космическом комбинезоне была плюс двадцать по Цельсию. Это не холодно, но после жары под куполом по спине побежали мурашки.

Я закрыл за собой обе двери и пошел, не очень ловко переставляя ноги. Уж что-что, а простуду я из этой поездки привезу.

До горизонта было рукой подать, и купол вскоре скрылся из глаз. Я медленно брел, всматриваясь в грунт и стараясь шаркать намагниченными подошвами башмаков, чтобы не потерять контакт. Я искал могилу. Трудно было поверить, что труп Маккена бесследно исчез в кос-

мосе. Он должен был быть где-то здесь, на астероиде.

Голая скала звенела под ногами как металл. Лопатой здесь не выроешь и лунки. Можно, конечно, сделать это с помощью динамита, но как замаскировать потом яму?

Я остановился, перевел дух и обругал себя. Надо быть последним идиотом, чтобы не сообразить! Конечно, тела Маккена не может быть на этом астероиде. Почему? Да потому, что вся масса его представляет ценность. Карпен продает свою маленькую планетку концерну, те устанавливают здесь роторный экскаватор, и через несколько недель все всплывает наружу. Нет, ни один безумец не оставил бы таких улик.

По словам Карпена, он улетел в Химия-сити примерно через десять часов после смерти Маккена. Так вот, он наверняка дорогой свалил тело на каком-нибудь брошенном планетоиде. Поди потом отыщи беднягу Маккена на Поясе астероидов!

Правда, мне это задачу не облегчало. В дурном расположении духа я поплелся назад к куполу, в который раз перебирая в уме детали услышанного. Почему Карпен направился в Химия-сити? Он был тогда ближе. Но так ли уж велика разница? Два часа, не больше. Между тем Карпена хорошо знали в Атроник-сити, там они с Джеффом оформляли все свои дела, туда приезжали на отдых. Нормально ли ехать в город, где тебя почти никто не знает, сразу же после смерти друга, даже если выигрываешь на этом два часа пути? Нет, по логике вещей человек в его положении стремится к обществу знакомых, ищет у них поддержки. Старатели, как бы они ни храбрились, сделаны не из железа...

А эта история с формуляром: Маккен вдруг вспоминает о пенсии перед тем, как отпраздновать находку, хотя отправить требование о выплате он мог только с почты в Антроник-сити. Правда, графологи Танжерской страховой уверяют, что подпись действительно при-

надлежит Маккену, и нет оснований подвергать сомнению их работу... Какой-то заколдованный круг!

Карпен открыл мне. Пока я стаскивал свои доспехи, он вернулся к прерванной работе — чистил агрегат, служивший одновременно плитой для подогрева пищи, холодильником и приспособлением для уничтожения мусора.

В таких замкнутых под куполом пространствах было все, что позволяло выжить. Все, кроме человеческого присутствия. Вокруг на миллионы километров простиралось небытие, и смерть поджидала «нестрахаемых» в миллионах случаев.

Карпен молча продолжал уборку. Я взял свою свернутую рубашку и стал протирать стеклошлем. Доведя его до блеска, я поудобнее устроился в кресле и затянулся сигаретой.

Карпен нарушил молчание:

— Не надо курить, это увеличивает нагрузку на кондиционер.

— Виноват.

Из головы не шла мысль об убийстве. Я уже не сомневался, что произошло именно убийство, хотя в подтверждении этого не продвинулся ни на шаг. Маловероятно, что Карпен оставил Маккена на каком-нибудь заброшенном астероиде. При тщательно подготовленном убийстве так не делают. Нет, Карпен не стал бы рисковать подобным образом. Он постарался обделать дело так, чтобы комар носа не подточил.

Скорей всего — Солнце.

А если Карпен затолкал тело своего совладельца в маленький роллер, настроил автопилот прямо на Солнце и запустил двигатель... Хотя нет, так ракета до Солнца не долетит, она выйдет на эллиптическую орбиту вокруг него. Он должен запустить мини-ракету в направлении, противоположном движению Пояса астероидов, замедлив таким образом ее бег. Вот тогда она упадет на Солнце.

Но и это не продвинуло меня ни на йоту...

Угрюмый старатель вновь прервал молчание.

— Вы, небось, думаете, что я убил его? — спросил он, не отрываясь от работы.

Я помедлил с ответом:

— Видите ли, в деле слишком много странностей, требующих пояснения.

— Например?

— Например, почему Маккен вдруг сел оформлять требование о выплате?

— Я уже объяснял вам, — тон его стал раздраженным. Он положил тряпку и повернулся ко мне. — Надеюсь, у вас там проверяли подпись? Это действительно почерк Джефа Маккена?

— Похоже, так, — согласился я.

— Ну и что там еще за странности? — саркастически спросил он.

— Хотя бы ваша поездка в Химия-сити. Было бы куда понятнее, если бы после всего случившегося вы отправились в Атроник-сити, где вас знают и где у вас есть знакомые.

— Химия-сити был ближе. Ваша дирекция, — он показал пальцем в мою сторону, — рассчитывает зажать эти деньги? Так вот, можете быть уверены — у вас ничего не выйдет. Я хорошо знаю законы. Эти деньги принадлежат мне!

— Я вижу, вы прекрасно обходитесь без Маккена, — холодно заключил я.

— В каком смысле?

— В Антроник-сити мне сказали, что Маккен был докой по части финансовых вопросов, а вы знаете толк в минералогии. Ведь это Маккен занимался покупкой оборудования, оформлением кредитов и прочего. Но я вижу, вы и сами неплохо соображаете.

— Я знаю, что мое, а что нет, — пробормотал он, отворачиваясь и принимаясь яростно тереть плиту.

Я смотрел ему в спину и пытался сообразить, что же сейчас произошло... Ведь он явно собирался произнести длинную тираду по поводу порядков в этих проклятых страховых компаниях, но вдруг осекся. Неужели?..

Вот почему бланк формуляра с требованием выплаты пенсионного фонда оказался заполненным рукой Маккена!

— Маккен! — вырвалось у меня.

Он повернулся, проследил за направлением моего взгляда и прыгнул к кровати, где лежал револьвер.

Этот прыжок спас меня. Он слишком резко оттолкнулся, перелетел через кровать и врезался в стену. Я осторожно встал и взял револьвер.

— Ну вот, поиграли и хватит, мистер Маккен,— жестко произнес я.

Он и бровью не повел.

— Что это вы придумали?! Маккен мертв.

— Странно как-то получается. Ведь это Маккен занимался финансами. Маккен подписывал обязательства по кредиту. А когда вы нашли жилу, именно Маккenu пришлось бы расплачиваться — ведь официально вы работали порознь.

— Чушь,— бросил он, но я заметил, что в голосе у него не было прежней уверенности.

— Вам показалось, что ваш куш слишком мал. Вам хотелось взять все. Поэтому вы решили убрать Эйба Карпена, а дело представить так, будто умер Маккен. Тем самым вы разом избавлялись и от совладельца, и от долгов.

— Вранье! — пронзительно, фальцетом заорал он.— Я — Эйб Карпен, и у меня есть документы!

— Естественно — вы их взяли у убитого. Кто вам мог помешать убраться отсюда по-тихому и вернуться на Землю? Вас ведь никто не знает, все забыли там и о Маккене, и о Карпене. Но нет! Вы еще заполняете формуляр о выплате пенсии, решив стать собственным наследником! Вот почему вам и пришлось лететь на почту в Хи-

мия-сити, где никто не мог отличить Эйба Карпена от Джефа Маккена.

— Вы не имеете права обвинять людей! У вас нет доказательств!

— А зачем они? Не надо и искать тело Карпена. Достаточно приехать в Антроник-сити, и сразу все станет ясно. Хотите?

— Нет,— мрачно буркнул он.

Гендерсон по обыкновению был оживлен, но все же соблюдал дистанцию.

— Вы отлично справились с делом на этом астероиде, Джек,— начал он.— Даже блестяще, не боюсь этого слова.

— Благодарю вас,— смиренно ответил я.

— И совершенно правильно, что не стали раздувать дело с убийством э-э-э... Карпена. В конце концов мы не полиция, а страховая фирма. Репутация клиентуры — прежде всего. Вполне достаточно было взять с него формальный отказ от выплаты пенсионного фонда. Прекрасная идея... Но что могло вас задержать на десять дней в Атроник-сити?

Я откинулся в кресле.

— Решил устроить себе маленькие каникулы.

Я стряхнул пепел в направлении гендерсоновской пепельницы, и часть его достигла цели.

— Каникулы? — Брови директора взлетели вверх.— Насколько мне помнится, вы брали отпуск всего полгода назад.

В голосе его был лед. Целые айсберги.

— Верно,— согласился я.— Но трагедия в космосе не становится меньшей от того, что там все в десять раз легче... Не по мне эта чертова работа. Не могу больше мытарить этих парней там, наверху, из-за нескольких тысяч паршивых дублезов.

Гендерсон заморгал чаще обычного.

— Джед, что с вами? Вы нездоровы?

— Совершенно здоров. Я чувствую себя лучше обычного... Я приготовил по дороге сюда маленькую речь, но сейчас раздумал произносить ее. Знаете, почему я не сдал того парня полиции? Вовсе не потому, что думал о репутации вашей компании. Я это сделал из-за остальных парней, «нестрашуемых». Они работают в одиночку. И если находят настоящего компаньона, то для того, чтобы верить ему. Чтобы стать ему братом — простите за высокопарность, мистер Гендерсон. Вскройся эта история с Карпенем — и они потеряют всякую веру в человека. Понимаете ли вы это?

— Действительно, Стентон, вам следует хорошо отдохнуть, — заключил Гендерсон, собирая бумаги.

Рольф Крон

Версия

Поезда от этой станции отходили крайне редко. Неясно даже, имело ли смысл вообще содержать такую дорогу. Правда, ее подключили когда-то к общей сети, но движение отнюдь не оживилось, и примыкающие пути успели уже зарости травой и покрыться ржавчиной. Вагончики местного поезда почти всегда оставались пустыми.

Я стоял на вокзале. Теплый летний день, душно, заняться решительно нечем. Городок нежится в умиротворяющей, праздной тиши, кафе и магазинчики либо закры-

Пер. изд.: Krohn R. Der Haltepunkt: в сб. Krohn R. Begegnung im Nebel.— Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1985.

© Verlag Das Neue Berlin, Berlin 1985

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

ты, либо позевывают от отсутствия посетителей. В такое время жизнь здесь словно замирает. И сегодняшний день отнюдь не исключение, городок всегда так живет в летнюю пору.

Недолго думая, я решительно вошел в моторный вагон. Настроение у меня было самое подходящее для того, чтобы предаться ничегонеделанию, поехать куда глаза глядят, покачаться на волнах мировой истории, как поется в песенке.

Вагон не старый и не новый; вневременной вид самой железной дороги передался и составу, причем столь глубоко, что судить о возрасте вагонов можно было только приблизительно. Но кресла оказались мягкими, и я устроился очень удобно. Никакого плана действия у меня не было. «Будь что будет»,— мысленно сказал я себе.

На стене висело расписание. Если верить ему, поезд должен был вот-вот тронуться. А если и нет, тоже не страшно. Когда никуда не торопишься, нет ничего приятнее, чем сидеть в мягком кресле удобного железнодорожного вагона и ждать отправления. Можно думать о ком и о чем угодно, можно, если устал, закрыть глаза и вздремнуть.

Я невольно оглянулся, услышав за спиной шаги. Пожилой мужчина в форме железнодорожника остановился рядом со мной.

— Приветствую вас,— проговорил он дружелюбно.— Значит, опять поедем с пассажирами! Вы первый на этой неделе.

Была среда, и мысль о том, что два дня поезда ходили пустыми, меня развеселила.

— Это у вас всегда так?

— Да,— ответил он и сел в кресло рядом.

Бросив взгляд на часы, машинист состава — а это несомненно был он — убедился, что до отхода время еще есть.

— Да, эта дорога проходит мимо нескольких деревень и хуторов. Я слышал, что движение тут скоро отменят.

— Весьма возможно, если оно совсем не окупается,— осторожно согласился я.

Наклонив голову, железнодорожник поглядел на меня, морщинки вокруг его глаз собрались в улыбку.

— Ведь вы по профессии ничего общего с дорогами и рельсами не имеете?

— Да, я делопроизводитель в страховой компании.

— Ага... Ну, тогда вы себе этого не представляете. Видите ли, профессию железнодорожника я выбрал сознательно, по любви, так сказать. Мне нравится ездить в моем моторном вагоне туда — сюда... туда — сюда...

— И вам это не наскучило?

— Большинству людей это надоедает, да. А мне так вовсе нет. Короткая она, дорога, но всякий раз иная. Весной я еду как бы мимо моря цветов — одичавшие сады, понимаете? — а летом все так и лоснится сытой зеленью; потом, осенью, я бесплатно присутствую на роскошном карнавале красок, всякий раз неповторимом. Зимой же одиночество и заброшенность здешних мест ощущается особенно обостренно. Деревни совсем пустеют, хутора замирают — только моя железка живет, она одна.

Он еще долго рассуждал таким образом, потом, оборвав себя на полуслове, поднялся.

— Ну, все, пора за дело. Не желаете ли пройти со мной в кабину? Оттуда вы сможете получше рассмотреть и дорогу, и окрестности.

Я кивнул и последовал за ним.

Место помощника машиниста было свободно. Отодвинув в сторону несколько книг и тетрадей, он показал мне, куда повесить плащ. Стал на свое место, дал звонок к отправлению. Никто больше не появился, даже дежурный по станции со своим флажком. Светофор тоже давно покрывлся ржавчиной. И свет показывал красный,

что меня сильно удивило.

— Я ничего в этом не понимаю, но разве... разве путь свободен?

— Свободен. Много лет. По нему только эти два вагона и бегают, мой моторный и прицепной. Только когда недавно состав был в мастерских, здесь ходил другой. Вообще-то встречного движения тут быть не может.

— А если разойдутся рельсы? Или стрелку заклинит? Кто-то должен же за этим следить?

— Поломку мы заметили бы невооруженным глазом. Идем-то черепашьим ходом. Здесь никто и ничто не торопится: ни время, ни люди — зачем же спешить мне?

Если вдуматься, дорога эта с поездом из двух вагончиков — уникум, реликт прошлого. Толку в ней никакого, зато, правда, и обходится она недорого.

Мягко тронувшись с места, поезд выкатился за пределы станции. Еще минуту-две мы проезжали мимо пристанционных строений, а потом попали в настоящие садовые джунгли. Фруктовые деревья, а особенно цветы, подступали почти вплотную к рельсам, на некоторых поворотах они даже мешали обзору. Если кто зазеваается... Но нет, поезд ходит столь редко, что все жители в округе точно знали, когда именно. Время от времени мы видели их, они разгибали спину, чтобы отвлечься ненадолго от работы в саду или на грядках и помахать нам вслед.

Наконец последние дома пропали из виду, и мы выехали на открытый участок дороги. Местность холмистая, а между холмами рощицы и огромные купы дикой сирени. Кое-где попадались и дубки.

Ехали мы действительно очень медленно. Машинист, наверное, в тысячный раз разглядывал все вокруг с тем же удовольствием, что и я в первый. Для такого восхищения нужно куда больше любви к окружающему миру, чем у меня. Если ты способен открывать новое в том, что тебе так хорошо знакомо, значит, наделен

незаурядной фантазией...

— Я совсем забыл спросить, где вы собираетесь сойти,— сказал машинист некоторое время спустя, когда вагон скрипя преодолел длинный поворот.

— Да где угодно. Я просто хотел проехаться, поглазеть. Проеду туда и обратно.

— Теперь я понял, почему вас не знаю,— проговорил он с улыбкой.— А то я все мучаюсь — откуда вы, почему не видел вас прежде?.. Тех немногих пассажиров, которых мне приходилось возить, я могу перечислить, даже если разбудить меня среди ночи. Вот, значит, какое дело — вы впервые едете по этой дороге?

— Да.

— Тогда я могу... или даже так: тогда я должен вам кое-что показать. Не сейчас, попозже. Я, знаете, по этой дороге ежу еще по одной причине, не только из-за красоты природы.

Я внимательно поглядел на него.

— Раз вы не отсюда, мое имя вам вряд ли что скажет. Меня зовут Калин.

— Ага,— кивнул я. С таким же успехом он мог назвать любое другое имя.— Очень приятно,— и я назвал свое.

Мы тем временем опять прошли длинный поворот, и машинист притормозил. Вагон медленно остановился. Маленькая станция, перрон. Вокруг ни души. Никто поезда не ждал. Меня охватило неясное чувство тревоги.

В станционном здании выбиты два окна из трех, да и в третьем — треснувшие стекла. Стены дома поросли диким виноградом, он же совсем закрыл, можно сказать, сковал шлагбаум у железнодорожного переезда. И раз никто не додумался его срезать, выходит, и проезжая дорога здесь тоже забыта богом, как и железная.

— Никого. Поехали дальше,— проговорил Калин поскучневшим голосом и отпустил тормоза.

И пока вагон набирал привычную скорость, он объяс-

нял, что мне предстоит.

— Это на следующей станции. Там сами увидите. Метров за пятьсот до места мы выедем из туннельчика, ну а там все как на ладони. Вы только повнимательнее приглядитесь, увидите кое-что странное и даже удивительное. И самое главное, что заметить это можно, только когда проезжаешь мимо в первый раз; после эффект больше не повторяется.

Я недоумевал. Что за непонятные речи он ведет?! Вещь либо существует, либо ее нет. Слыханное ли дело — в первый раз ты ее увидишь, а во второй уже нет? Я решил переспросить Калина.

— Почему оно так, я не смогу вам объяснить, — пробормотал он. — И не только вам — никому. Я видел, что оно *так*; а если уж совсем начистоту, сам-то я не видел.

— *Чего* вы не видели?

— Трудно сказать. Лучше всего посмотрите сами. Мы скоро будем на месте.

Перед нами опять тянулась цепь холмов, часто поросших кустарником и деревьями. Будь я на двадцать лет моложе, более красивого места для прогулок с девушками и не сыскать. Кое-где кусты сирени вымахали метров на пять-шесть.

А вот и тоннель, тот самый, наверное, о котором упоминал Калин. В тоннеле совсем темно, и Калин осторожности ради просигналил несколько раз: а вдруг на выезде кто-то стоит?.. Да и ход поезда он замедлил.

Я мысленно поблагодарил его, ведь если мне действительно предстояло увидеть нечто необычное, при медленной езде это будет сделать проще. Если! Был в словах Калина какой-то привкус сказки...

Посветлело. Калин указал рукой вправо:

— Вот! Смотрите в оба!

Буквально пешим шагом вагон выкатился из тоннеля. Здесь местность была более равнинная, тоже поросшая

кустарником и молодыми деревцами, но кое-где виднелись и луга. На этом обычном в общем-то фоне выделялось сравнительно большое, почти развалившееся здание, стоявшее в низине. За ним открывался вид на озеро, поросшее у берегов камышом.

По зеркальной поверхности озера скользила лодка. Расстояние было все-таки слишком большим, чтобы хорошо разглядеть сидящих в ней людей, но мне показалось, что это мужчина и женщина.

Неожиданно один из них поднялся и ударил другого каким-то предметом по голове. А потом столкнул в воду. Все длилось лишь несколько мгновений. Потом вид на озеро закрыли высоченные кусты сирени.

— Что это было?

— Я-то ничего особенного не заметил,— уверял меня Калинин.— Но само собой знаю, что именно вы видели. Все видели это убийство... или несчастный случай, если хотите. Но вот, вот! Смотрите же!

Снова открылся вид на озеро, но лодки на нем уже не было и в помине. Поверхность гладкая, как стекло. А ведь убийца должен обладать просто-таки нечеловеческой силой, чтобы за эти считанные секунды отогнать лодку к берегу и спрятать ее там. Живому существу такие подвиги не под силу.

— Мы уже подъезжаем,— проговорил машинист.

Пораженный увиденным, я был не в силах произнести ни слова. Вагон остановился. Станция, еще более жалкая и заброшенная, пожалуй, чем предыдущая. Я огляделся по сторонам — взгляд задержать решительно не на чем.

— Объясните, пожалуйста, что все это значит? Здесь что, фильм снимают? Или какое-то необычное преломление воздуха? Или еще что-нибудь?

— Ну что мне вам на это ответить? Наверно... наверно, это совсем не то, не то... что кажется... Однако никто в округе не сможет толком объяснить, в чем тут дело. В одном могу вас уверить — кино здесь не снимают. Это

уж точно. Преломление света? Вряд ли... И чтобы все видели одну и ту же сцену?.. Потому что все, все без исключения, видели то же, что и вы! Всегда одно и то же!

— Гм... Когда вы возвращаетесь?

— Понимаю... Желаете убедиться. Как вам будет угодно, но все это зря. Так, посмотрим... вот, ровно в семнадцать тридцать! Если вы к тому времени будете здесь... Но учтите, что до ближайшего подворья полчаса ходу. А в следующий раз я буду здесь только завтра.

Я пожал плечами. А что мне было ответить? Проверить хотелось — сил нет!

— В семнадцать с минутами я сюда вернусь, подожду вас.

— Отлично. Удачи вам в ваших поисках!

Я вышел. Калин махал мне рукой, пока вагон не скрылся из вида. Я в раздумьи глядел ему вслед.

Вообще-то я собирался просто отдохнуть на природе, а вовсе не заниматься метафизическими опытами. Но в данную минуту обратного пути уже не было. Поезд ушел — в самом прямом смысле этих слов. Поезд? Жалкая колымага, словно нарочно придуманная для здешних мест, заснувших посреди реки времени! А Калин, этот странный субъект с его загадочными речами, которые заставили меня выйти из вагона...

Как бы там ни было, мне оставалось либо сидеть здесь на покрытой мхом скамейке, либо все-таки прогуляться к озеру. А вдруг в болтовне Калина что-то есть? Видел я своими глазами происшествие на озере или нет? Преступление это или мираж?

Дом у озера оказался при ближайшем рассмотрении куда более ветхим, чем можно было предположить. Его порога нога человека не переступала, наверно, несколько десятков лет; стены совсем искрошились, крыша каким-то чудом держалась на сгнивших и покосившихся балках. Хозяева забрали из дома все, что могло пригодиться, остались одни голые стены,—

стены да куча мусора по колено на полу.

Я разглядывал дом, но войти не решался. Того и смотри упадет балка и прибьет; а предпримет ли что-нибудь Калин, чтобы спасти меня,— еще вопрос. С виду его смельчаком не назовешь...

Рядом залаяла собака. Я отошел от развалюхи и увидел вдруг, к своему удивлению, невесть откуда взявшихся на дороге овец. Овчарка подбежала ко мне, обнюхала, вильнула хвостом и вернулась к стаду.

Пастух, старик с неременной ярыгой в руке, заметил меня и дружелюбно улыбнулся. Я подошел.

— Добрый день! Пасти овец в такую погоду, наверно, одно удовольствие?

— Вообще-то да. А здесь, уважаемый,— нет! Животные чем-то встревожены и даже траву щипать не хотят.

— Вот как?! А я гуляю тут. Красотица! Только как-то пустынно здесь, безлюдно.

— Выходит, вы приехали поездом,— подытожил пастух. Он оказался не таким замкнутым, какими мы привыкли представлять себе пастухов.— Я только что видел старика Калина, он проезжал мимо. Бедолага!

— Бедолага? Почему? Меня это, конечно, не касается, но...

— Рак легких,— ответил он коротко и повернулся к своим овцам.

— Он тут мне всякие страсти рассказывал,— осторожно начал я,— и мне захотелось побывать на месте преступления...

— Вы... Вы тоже видели?

— Ну да, кое-что. Но, может быть, это всего лишь мираж. Воздух перегрелся и дрожит, в такую погоду бог знает что привидится.

Он покачал головой, свистнул собаке, та лениво повернула голову в его сторону, но с места не двинулась. Овца, за которой старик посылал овчарку, верну-

лась к отаре сама.

— Если вы меня спросите — что-то в этом есть, но никто точно не знает, в чем загвоздка. И никто в убийство не верит, хотя многие видели, как женщину сбрасывают в воду.

— М-да.

— А почему овцы у этого треклятого озера не жалят жрать траву, такую сочную? У самого берега мокровато, трава кислая — согласен, но здесь-то растет, как в сказке. А овцы чем-то встревожены, жмутся одна к другой и траву не трогают, будто она отравленная.

— А вы траву проверяли?.. Ну так, на всякий случай?

— Что я был бы за пастух, если бы не проверил. Нет, ничего такого нет. Вроде бы. А вот поди ж ты — не жрут и все тут.

— И впрямь чудеса,— согласился я.

«У овец что, тоже бывают галлюцинации? — добавил я про себя.— Мыслимое ли дело?»

— Пойдемте поближе к берегу. А Нерон пока посторожит мою паству.

— Какой-то он вялый. Жару не переносит, что ли?

— Да, боится ее, просто беда. Ну вот, пришли. Садитесь. Отсюда вид на озеро исключительно хорош. В прежние времена здесь было что-то вроде причала для лодок. А может быть, купальня. От всего этого осталось несколько досок, они едва заметны в густом кустарнике.

— Безлюдный уголок,— словно обращаясь к самому себе, проговорил я.

Пастух тем временем тоже сел. Кивнул в знак согласия.

— Знаете,— начал он после долгой паузы, обведя глазами берега озера,— прошлым летом инспектор Винтер решил расследовать что к чему. Он профессионал, ему и карты в руки. Во всех архивах копался,

нас всех расспросами замучил. Но в этом доме, как и в ближайших деревеньках, ничего такого сверхъестественного никогда не случалось. Никто ничего такого не припомнил. Хозяин этого дома был генералом, погиб: подбили вертолет. Ну а дом пришел в запустение — никто не захотел его купить.

— А дом какое к этому имеет отношение?

— Ходят тут разные слухи... Только инспектору Винтеру не удалось найти ничего, чтобы дело прояснилось. А насчет того, почему каждый видит это преступление *только один раз*, — вообще сплошная тайна.

— Надо было вызвать специалиста покрупнее!

— А он и пытался, бедный инспектор Винтер. Высмеяли его там, наверху. Блажью назвали все это, выдумкой одичавших провинциалов. За сенсацией, мол, гоняемся, только и всего.

— Не слишком они были вежливы, — согласился я с обиженным пастухом. — Могу себе представить, как на вас всех это подействовало. Да, но... а что *вы сами* об этом думаете?

— Вы будете смеяться... Я, конечно, человек простой, старик... Я думаю, все это правда.

— В каком смысле правда? Ведь на озере никого нет.

— Нет. Сейчас нет. Но — *был*. Там произошло убийство. И дух убитой воскресает, взывает к мщению. Очень даже может быть, что дело никогда не расследовалось по-настоящему или когда-то расследование не довели до конца — вот душа убитой и никак не успокоится.

Мистика. Бред, Да, провинция... Но разве происшедшее, или, точнее говоря, то, что *все видели*, не странно само по себе? Удивительное можно постичь и объяснить только в сравнении с удивительным.

Вода в озере по-прежнему недвижна, она словно застыла в этот светлый летний полдень. Где-то вдали

щебечут птицы, тихонько блеют овцы; хриловатым рыком дает о себе знать Нерон — скорее всего просто так, для порядка. Но есть во всей обстановке что-то неестественное. Тишина и умиротворенность эта только кажущаяся. Вот-вот произойдет что-то страшное, непоправимое... Я встряхнулся, постарался отбросить нелепую мысль. Не хватало еще поверить в подобную несурязицу!

— А дно озера обследовали? — поинтересовался я.

— Да, но оно покрыто таким слоем ила, что ищи не ищи — ничего не доищешься. Нашли какие-то кремневые осколки. Говорят, из каменного века...

Если отвлечься от мысли о душах, вызывающих к мщению, то что же все-таки произошло? Реальное убийство? И никакой это не мираж? Между прочим, возникновение миражей куда сложнее объяснить, чем житейские факты.

— Вы, конечно, в духов и в привидения не верите, — продолжал старик. — Откуда? Я этого ни от кого не жду. Кто сегодня в них верит? Но как иначе вы эту историю объясните? Попыток много было; предлагали даже поверить в версию, куда более невероятную, чем существование привидений. Какая разница: один ищет привидения, другой — рациональные решения? В принципе же это одно и то же!

С подобными рассуждениями я, разумеется, согласиться не мог, но из вежливости возражать не стал.

Вздохнув, пастух поднялся:

— Ну, мне пора двигаться дальше. Пусть вам улыбнется удача, молодой человек! Она вам придется кстати. Всем, кто пытался эту тайну раскрыть, роковым образом не везло. Взять хотя бы Калина с его раком легких! Инспектор Винтер попал в автокатастрофу: сгорел в своей машине, его секретаршу застрелили... Двое задохнулись в лифте: кто-то отключил ток. Один тут утонул... Всякого хватало. Так что будьте осторожны!

И вообще — если исходить из общеизвестного, тут ничего не найти.

Мы попрощались. Вопросы о том, откуда в речи простого пастуха появляются выражения, обычно простым людям не свойственные, я себе не задал. Здесь, в этих местах, все странно и необычно — и природа не меньше, чем люди.

Овцы чуть ли не в мгновение ока испарились, исчезли, я остался один у озера, у «исчезающего озера», как, наверное, с удовольствием подчеркнул бы Калинин. Пока он со своим жалким поездом появится здесь, пройдет еще много времени. «Ищи не ищи — ничего не доищешься», — эти слова словно засели во мне.

Во время разговора с пастухом мне вспомнилось, что когда-то давно, еще в юности, я читал повесть, которая называлась «Замок в Моене», и в ней тоже упоминалось о подобном зрительном эффекте: кто-то видел что-то такое, чего на самом деле не было. О чем там еще шла речь, я помнил смутно, только в конце повести автор признавался, что произошел невольный обман зрения, воссоздавший симметрию, которой уже не существовало. Никаких других деталей я не помнил, но на этом озере все иначе.

Говорят, если бросить беглый, быстрый взгляд, никогда не заметишь, что у восьмиконечной звезды один конец отсутствует или как-то смазан. Очень может быть. Но может ли быть, чтобы множество людей видели сцену, которой нет в природе? И все с одними и теми же подробностями!

Значит, преступление все же произошло? И это правда?

Мне стало не по себе от этой мысли: я ступил на скользкий лед ирреальности. Для сотрудника страховой компании, призванного в первую очередь опираться на стопроцентно проверенные факты, это тяжкий грех. Отрицать то, что я видел собственными глазами, как

и десятки людей до меня, тоже не приходится. Насчет призраков и воскресающих душ писано, как говорится, в другой грамоте, верить которой нельзя: поддельная.

Жарко, тихо, все вокруг залито солнцем. Сидя у воды, я размышлял, что в рассуждениях пастуха можно принять всерьез, а что чистой воды фантазия. Что, собственно, доказано? Несчастные случаи? Ну, с помощью таких фактов, сколь убедительными они ни показались бы на первый взгляд непосвященному, опытный криминалист в состоянии доказать что угодно, в том числе и версии абсолютно противоположные. Остается предположить, что здесь перепутались причинные и следственные связи...

Я прошелся вокруг озера — настолько близко к воде, насколько это позволял заболоченный берег. Ничего достойного внимания не обнаружил. Ну, несколько предметов, оставленных любопытствующими вроде меня: рейки, сети и, главное, лодка, хотя и без весел.

Усевшись на старое место, я почувствовал, что порядком устал. От жары меня разморило, и я прикорнул на солнышке. Я не забыл, что в запасе у меня какой-нибудь час, но до станции рукой подать, не опоздаю.

Проснулся я от звука возбужденных голосов. Они принадлежали мужчине и женщине, которые разговаривали, наверное, уже довольно долго, но теперь перешли на повышенные ноты.

— Ты мерзавец и в довершение всего — трус! — с презрением воскликнула женщина.

И тут же, услышав душераздирающий крик, я вскочил на ноги.

Сонливость словно ветром сдуло.

Примерно на середине озера покачивалась лодка, которую я несколько минут назад видел на берегу. А весла откуда взялись?.. Молодой человек, брюнет, примерно одного со мной роста, с усиками, в сером костюме и сером плаще, несколько раз ударил каким-то

предметом женщину, упавшую на корму. Все это длилось несколько мгновений, и я не успел сообразить, сколько времени я мог проспять и как лодка появилась на озере. Я словно оцепенел, увидев, как этот мужчина сталкивает свою жертву за борт. Мне казалось, я присутствую при некоем зрелище, вмешаться в которое свидетели не в силах, ибо действующие лица его — призраки, фантомы.

— Ни с места! Или нет — прыгайте за ней! — закричал я во весь голос, выхватив из кармана пистолет-зажигалку, которую я на всякий случай — а вдруг придется кого-то пугнуть? — брал с собой в дальние прогулки. — Полиция!

Убийца испуганно уставился на меня, явственно вздрогнув всем телом. О бегстве не могло быть и речи: озеро небольшое, пока он догребет до берега, я уже буду там, в любом месте. Заметив мое «оружие», он понял, что игра проиграна, и решил сдаться.

Все произошло столь быстро, столь невероятно быстро, что я не успел как следует прийти в себя и четко ответить на вопрос: наяву все это происходит или снится мне? Но нет же, я не сплю, черт побери!

— Причаливайте сюда и не делайте глупостей! — прокричал я.

Он не делал попыток скрыться и через несколько минут причалил к доскам, на которых я стоял.

Я невольно взглянул на часы. Если я не хочу опоздать к поезду, самое время поторопиться...

На этом кинолента моих воспоминаний обрывается, никаких подробностей больше я вспомнить не в состоянии. Могу предположить лишь, что, когда я опустил глаза на часы, убийца оглушил меня ударом по голове.

Когда я пришел в себя, вокруг собрались люди.

Откуда только они здесь появились? И полицейский — а он-то откуда взялся! — объявил, что я обвиняюсь в убийстве девушки, имени которой я, конечно, никогда в жизни не слышал. Меня арестовали. Сколько бы раз я не повторял свой рассказ, никто мне не верил.

Да, теперь я знаю, что труп девушки найден. Теперь!.. Я ссылался на Калина, который мог бы подтвердить, что на этой злосчастной станции я сошел только после того, как услышал его рассказ и увидел мираж на озере... Мираж... Но где он, Калин? Он загадочным образом пропал...

Я не в состоянии объяснить, каким образом, подобно многим, видел то, что случилось впоследствии. Стал свидетелем преступления из будущего? Или из прошлого?.. Да, а как насчет настоящего времени? Причина и следствие действительно менялись местами. Но только от случая к случаю и в одном и том же месте. Теперь по крайней мере можно как-то объяснить, почему раньше никому не удавалось обнаружить следы преступления: ведь оно еще не было совершено. Но то, что само преступление *происходило* на их глазах, пусть и в разное время, подтвердили многие обитатели тамошних мест.

Хочу еще раз настоятельно заявить, что требую разыскать описанного мною человека. Ведь это он — убийца, а не я, хотя должен признать — внешне мы с ним похожи. Вот почему свидетели *моего* преступления столь неуверенны при опознании. Откуда, тысяча чертей, они все же взялись?.. И еще требую, чтобы специалисты нашли объяснение удивительному феномену: как все свидетели могли видеть преступление прежде, чем оно произошло? В этом — ключ ко всему...

Дж. Венс

Удар милосердия

1 «Колесо», комплекс шаров в громадной металлической авоське, висело в пустоте в районе созвездия Стрельца. Владельцем этого космического приюта был некто Пан Паскоглу, невысокий энергичный человек с почти лысым черепом и карими подвижными глазами и густыми усами на смуглом лице. Не лишенный амбиций, Паскоглу надеялся превратить «Колесо» в модный курорт, эдакий райский островок среди звезд, а не просто перевалочный пункт для грузов и корреспонденции. С этой целью он добавил к комплексу дюжину сверкающих шаров — он называл их коттеджами — и разместил по периферии «Колеса», которое больше напоминало модель сложной молекулы.

В комфортабельных коттеджах царил тишина; в ресторане отменно кормили; в салонах можно было встретить жителей любого уголка Галактики. Магнус Рудольф считал, что пребывание в «Колесе» вселяет в человека спокойствие и бодрость.

Он сидел в полутемном уголке ресторана, где вместо свечей мерцали звезды, и наблюдал за обедающими. Увидев за столиком слева, под сенью высоких растений, четверых, Магнус Рудольф удивленно вскинул брови. Они ели молча, но трое из них буквально повисли над своими тарелками.

— Ну и варвары, — пробормотал Магнус Рудольф и отвернулся.

Его не шокировало отсутствие хороших манер: в «Колесе» он привык встречать кого угодно. Сегодня,

---

Пер. из: Vance J. Coup de grâce: в сб. Vance J. The many worlds of Magnus Rudolf.— New York: 1966.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

похоже, были представлены все цивилизации: от таких невеж, как за столиком справа, до элиты — Магнус Рудольф осторожно пригладил салфеткой ухоженную белую бородку, — к которой он причислял самого себя и благородных визитеров с дюжины более или менее развитых миров.

Краем глаза он заметил, что один из четверых встал со своего места и направился к его столику.

— Простите за нескромность, если не ошибаюсь, вы — Магнус Рудольф?

Магнус Рудольф подтвердил, что это именно он, и человек, не ожидая приглашения, опустился в кресло. Несмотря на скудное освещение, Рудольф узнал в подошедшем антрополога Лестера Бонфиса, о прибытии которого слышал днем. Магнус Рудольф поздравил себя с тем, что еще не утратил проницательности, и решил быть любезным. Трое существ, оставшихся за столиком справа, были дикарями с С-НА-6, планеты, еще не перешагнувшей эры палеолита. Эту троицу временно передали под опеку Бонфиса. У дикарей были злобные, мрачно-настороженные лица; похоже, им смертельно надоели миры, по которым их возили. На руках у них были металлические браслеты, а на талии — мощные металлические пояса: магнитные кандалы. В случае необходимости Бонфис мог мгновенно обездвигить своих подопечных.

Светлокожий и светловолосый Бонфис был высок, грузен и рыхловат. Обычно такого типа мужчины наделены прекрасным цветом лица, сердечны и открыты, а в его лице поражала бледность, он был сдержан и робок. Нос его заострился, губы кривила безвольная улыбка. Живость движений на самом деле была проявлением нервозности. Бонфис наклонился вперед.

— Я уверен, вам надоели чужие неприятности, но мне необходима ваша помощь.

— В настоящее время я не склонен заниматься

делами,— решительно отрезал Магнус Рудольф.

Бонфис откинулся назад и отвел глаза, даже не найдя в себе сил возразить. В его зрачках отражались звезды, лицо стало серым.

— Иного я и не ожидал,— пробормотал он.

Весь его вид выражал такое отчаяние, что Магнус Рудольф почувствовал сострадание.

— Не беря на себя никаких обязательств, позвольте узнать, в чем состоят ваши трудности?

Бонфис мрачно усмехнулся.

— Одним словом — в судьбе.

— В таком случае я вряд ли смог бы вам помочь,— заключил Магнус Рудольф.

Бонфис безрадостно засмеялся.

— Я употребляю слово «судьба» в широком смысле,— он неуверенно махнул рукой.— Похоже, мне предначертаны поражения и провалы. Я считаю себя хорошим человеком, однако вряд ли у кого наберется столько врагов. Они кружат вокруг меня, словно мухи над падалью.

Магнус Рудольф с интересом посмотрел на Бонфиса.

— Значит, враги сплотились против вас?

— Да нет, не думаю. Меня преследует одна женщина. Она решила убить меня.

— Могу дать общий совет. Прервите с нею всякие отношения.

Бросив взгляд на дикарей, Бонфис заговорил с энергией отчаяния.

— Да у меня никогда не было с ней никаких отношений! И в этом беда! Согласен. Я старый безумец. Антрополог должен видеть все вокруг, а я поглощен своей работой. Все произошло на южном мысе Карезма, на Краю Мира. Вы знаете эту планету?

— Я никогда не был там.

— Меня останавливали на улице вопросом, не состоял ли я в интимной связи с одной из тамошних женщин.

Я протестовал, отрицал. Мне, как любому уважающему себя антропологу, следует избегать двусмысленных ситуаций, словно чумы.

Магнус Рудольф удивился.

— Разве ваша профессия требует монашеского заворничества?

Бонфис только махнул рукой. Он повернулся, чтобы посмотреть на своих подопечных,— за столом сидел только один дикарь. Бонфис застонал, резко вскочил, едва не опрокинув столик, и бросился вслед за беглецами.

Магнус Рудольф вздохнул и покинул зал ресторана. Он обвел неторопливым взглядом громадный холл, но Бонфиса там не было. Магнус Рудольф уселся в кресло и заказал коньяк.

Он с любопытством разглядывал публику. Откуда прибыли эти мужчины и женщины, или почти мужчины и почти женщины? Каковы были их планы, что привело их на «Колесо»? Например, этого бонзу с круглым лунообразным лицом? Он был уроженцем Падмы и жил в противоположном конце Галактики. Зачем он забрался в такую даль от родных мест? А высоченный угловатый мужчина с продолговатым бритым черепом, увешанный немислимыми танталовыми украшениями, был сеньором с Дакки. Эмигрант? Преследует своих врагов? Сумасшедший паломник? А этот антроп с Гекаты, сидящий в полном одиночестве в своем уголке,— живой аргумент в пользу теории параллельной эволюции. Его облик был карикатурой на человека, а на самом деле он относился к брюхоногим. Голова походила на побелевшую от времени кость, лишенный губ рот напоминал щель. А вот мет с Маэто относился к расе робких мягких существ, их разум имел столь мало общего с человеческим, что несведущие считали, будто все дело в их замкнутости и необщительности. Взгляд Магнуса Рудольфа остановился на женщине. Его поразила ее волшебная красота. Тоненькая брюнетка с золотистой кожей; в ее манерах сквозила вызывающая

уверенность в себе.

В соседнее кресло опустился низенький лысый человек с густыми черными усами — Пан Паскоглу, владелец «Колеса».

— Приветствую вас, мистер Рудольф! Как самочувствие?

— Спасибо, отлично... Кто эта женщина?

Паскоглу проследил за взглядом Магнуса Рудольфа.

— А! Это — принцесса-фея. С Края Мира. Ее имя... — Паскоглу поцокал языком, — не могу вспомнить. Что-то инопланетное.

— Она, конечно, путешествует не одна?

Паскоглу пожал плечами.

— Она утверждает, что замужем за Бонфисом, но живут они в разных коттеджах, и я ни разу не видел их вместе.

— Странно, — пробурчал Магнус Рудольф.

— Еще бы. В пещерных людях, наверное, масса скрытых прелестей.

Наутро все «Колесо» пришло в волнение: Лестер Бонфис был обнаружен в своем коттедже мертвым, а три дикаря, словно дьяволы, прыгали в своих клетках. Постояльцы невольно поглядывали друг на друга. Один из них был убийцей!

2 Взволнованный Пан Паскоглу прибежал к Магнусу Рудольфу.

— Мистер Рудольф, я знаю, вы на отдыхе, но вы должны мне помочь. Кто-то прикончил этого беднягу Бонфиса, но кто?.. — Он воздел руки к небу. — Я не могу терпеть подобных штук в своем заведении.

Магнус Рудольф подергал себя за бородку.

— А разве не будет официального следствия?

— Почему я к вам и пришел! — Паскоглу рухнул в кресло. — «Колесо» находится вне чьей-либо юрисдик-

ции. Законы здесь устанавливаю я, но, конечно, в определенных пределах. То есть, если бы мы укрывали преступников или торговали пороком, нам бы не поздоровилось. Но ничего подобного у нас нет. Кто-то выпьет лишнего, случится драка, мелкое мошенничество — все это решается в узком кругу. Но убийство — такого никогда не было! Его следует раскрыть!

Магнус Рудольф задумался.

— У вас, конечно, нет никакого криминалогического оборудования?

— Вы имеете в виду машины правды, детекторы дыхания, определители клеток? Ничего. Нечем даже снять отпечатки пальцев.

— Так я и думал,— вздохнул Магнус Рудольф.— Ну ладно, мне трудно отказать вам. Но мне хочется знать, как вы намерены поступить с преступницей или преступником, когда я его обнаружу?

Паскоглу вскочил. Было очевидно, что он не думал об этом. Он сжал кулаки.

— Как поступить? У меня нет прав на создание судебной инстанции. И я не могу никого казнить.

Магнус Рудольф рассудительно заметил:

— Вопрос может разрешиться сам собой. В конце концов, понятие справедливости не всегда абсолютно.

Паскоглу энергично закивал головой.

— Совершенно верно! Сначала найдем убийцу. А потом решим, что делать дальше.

— Где тело? — спросил Магнус Рудольф.

— По-прежнему в коттедже. На том месте, где его нашла горничная.

— Труп никто не трогал?

— Его осмотрел врач. И я тут же отправился к вам.

— Прекрасно. Пойдемте в коттедж Бонфиса.

Коттедж Бонфиса — шар, бывший одним из внешних узлов паутины «Колеса», — висел метрах в пятистах от

главного салона.

Тело лежало на полу возле белого шезлонга — тяжелое, гротескное, патетическое. Рана посреди лба, и больше никаких следов. Дикари сидели тут же в хитроумно запертой клетке с гибкой решеткой. Стержни ее вряд ли выдержали бы их напор, но по ним был пропущен ток.

Возле клетки стоял худощавый человек. Он то ли рассматривал, то ли дразнил дикарей. Когда Паскоглу и Магнус Рудольф вошли в комнату, он живо обернулся.

Паскоглу представил их друг другу:

— Доктор Скентон. Мистер Рудольф.

Магнус Рудольф церемонно склонил голову.

— Насколько я понял, доктор, вы провели внешний осмотр?

— Вполне достаточный, чтобы констатировать смерть.

— Можете ли вы определить, когда она наступила?

— Около полуночи.

Магнус Рудольф решительным шагом пересек комнату и осмотрел труп. Потом возвратился к Паскоглу и врачу, которые ждали у двери.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Паскоглу.

— Пока я еще не нашел преступника, — ответил Магнус Рудольф. — Однако я почти признателен бедняге Бонфису. Мне представился почти классический случай расследования.

Паскоглу прикусил ус.

— Быть может, я туп...

— Несколько прописных истин помогут вам навести порядок в мыслях, — назидательно сказал Магнус Рудольф. — Прежде всего — преступник в данный момент находится на «Колесе».

— Естественно, — согласился Паскоглу. — Я запретил старты и прием кораблей.

— Мотивы преступления следует искать в недалеком прошлом.

Паскоглу нетерпеливо махнул рукой. Магнус Рудольф

жестом остановил его, и Паскоглу снова принялся покусывать ус.

— Возможно, у преступника были кое-какие отношения с Бонфисом.

— Вам не кажется, что лучше вернуться в салон? — спросил Паскоглу.— Может, кто-нибудь признается сам или...

— Всему свое время,— остановил его Магнус Рудольф.— Подводя итоги сказанному, могу утверждать, что в основном подозрение падает на тех, кто прибыл на «Колесо» тем же кораблем, что и Бонфис.

— Он прибыл на «Молер принцепс». Могу принести список лиц, которые высадились с него.

Паскоглу поспешно вышел.

Магнус Рудольф, стоя на пороге, внимательно оглядел комнату и повернулся к доктору Скентону.

— Для официального следствия нужна серия подробных фотографий. Можете заняться этим?

— Конечно. Я сделаю их сам.

— Превосходно. Ну а потом... потом нет оснований держать тело здесь.

3 Магнус Рудольф вернулся в салон, Пан Паскоглу протянул ему лист бумаги.

— Вот то, что вы просили.

Магнус Рудольф с интересом посмотрел на список, который состоял из тринадцати имен:

1. Лестер Бонфис вместе с

Абу

Токо

Хомупом

2. Въяместрис Диаспорус

3. Торн 199

4. Фодор Банзосо

5. Фодор Имплиега

6. Скрягл
7. Эркюль Старгард
8. Фьямелла Тысяча-Подсвечников
9. Клан Кестрел, племя 14, семья 6, сын 3
10. Без имени

— Превосходно! — воскликнул Магнус Рудольф.— Но кое-чего здесь не хватает. Меня весьма интересуют планеты, на которых родились эти пассажиры.

— Планеты? — простонал Паскоглу.— Зачем?

— Вы желаете, чтобы я провел расследование?

— Конечно, но

— Тогда никаких ограничений, замечаний и лишних реплик.

Магнус Рудольф сопроводил свои слова столь ледяным и многозначительным взглядом, что Паскоглу оставалось только вздеть руки к небу.

— Делайте, как знаете. Но я по-прежнему не понимаю...

— Как я вам уже сказал, Бонфис был настолько любезен, что предоставил нам редкую возможность заняться классическим делом.

— Ничего не понимаю,— проворчал Паскоглу. Он бросил взгляд на список.— Вы считаете, что один из них убийца?

— Возможно, но не обязательно. Им можете быть вы или я. У нас обоих были взаимоотношения с Бонфисом в самом недавнем прошлом.

Паскоглу горько усмехнулся.

— Если это вы, прошу тут же признаться — я сэкономлю на вашем гонораре!

— Боюсь, что все не так просто. Проблему можно решать разными способами. Подозреваемые, люди из этого списка, родились на разных мирах. Каждый воспитан в традициях своей культуры. Обычное полицейское следствие решило бы дело с помощью анализаторов и детекторов. Я получу тот же результат путем анализа куль-

тур их планет.

На лице Паскоглу появилось выражение, которое, наверное, было на лице Робинзона, когда тот со своего острова видел, как исчезает за горизонтом долгожданный корабль.

— Лишь бы раскрыть дело,— обреченно пробормотал он.— Ну ладно, пойду поищу...

Против каждого имени появилось название планеты. Магнус Рудольф снова посмотрел список. Он дернул бородку и поморщился.

— Мне надо часа два на предварительные исследования. Затем... приступим к допросу подозреваемых.

Прошло два часа, и Паскоглу, потеряв терпение, ворвался в библиотеку; Магнус Рудольф сидел, уставившись в пустоту и постукивая карандашом по столу. Паскоглу открыл было рот, но Магнус Рудольф повернул голову, и его ясные голубые глаза словно нажали на кнопку в голове Паскоглу. Тот спохватился и довольно спокойно осведомился, как обстоит дело с расследованием.

— Дело движется,— ответил Магнус Рудольф.— А что удалось узнать вам?

— Можете вычеркнуть из вашего списка Скрягла и Клана Кестрела. Они играли в казино, и у них железобетонное алиби.

— Вполне вероятно, что Бонфис встретил на «Колесе» старого врага,— задумчиво проговорил Магнус Рудольф.

Паскоглу откашлялся.

— Пока вы здесь занимались, я провел свое маленькое следствие. У меня очень наблюдательный персонал, и от его внимания редко что ускользает. Они говорят, что Бонфис долго беседовал только с тремя людьми: со мной, с вами и с круглолицым бонзой в красном

одеянии.

Магнус Рудольф кивнул.

— Верно, я говорил с Бонфисом. Он казался встревоженным и утверждал, будто некая женщина, несомненно Фьямелла Тысяча-Подсвечников, хочет его убить.

— Как?! — воскликнул Паскоглу.— Вы знали это с самого начала?

— Успокойтесь, дружище. Он утверждал, что она предпринимает попытки его убить, а это вовсе не то же самое, печальный результат чего мы видели. Прошу вас, умерьте пыл — я вздрагиваю от каждого вашего слова. Я действительно говорил с Бонфисом, но, думаю, с полной уверенностью могу исключить себя из списка подозреваемых. Вы обратились ко мне за помощью и знаете мою репутацию — следовательно, с той же долей уверенности я отвожу подозрения и от вас.

Паскоглу захрипел и бегом пересек комнату.

Магнус Рудольф невозмутимо продолжил:

— Бонза... я немного знаком с его культом. Он верит в перевоплощение и главным в человеке считает добродетель, доброту и милосердие. Бонза с Падмы никогда не пойдет на убийство, поскольку в его представлении в будущей жизни он рискует оказаться шакалом или медведем.

Дверь распахнулась, и в комнату, словно следуя телепатическому зову, вошел бонза. Заметив, что Магнус Рудольф и Паскоглу внимательно рассматривают его, он смутился.

— Я не помешал вашей беседе?

— Помешали,— подтвердил Магнус Рудольф,— но лишь настолько, насколько являетесь ее объектом, а потому прошу вас присоединиться к нам.

— К вашим услугам.— Бонза пересек комнату.— На чем вы остановились?

— Вы, наверно, знаете, что этой ночью был убит антрополог Лестер Бонфис?

— Да, знаю.

— Нам известно, что вчера вечером он беседовал с вами.

— Совершенно верно.— Бонза печально вздохнул.— Похоже, он был в большой опасности. Я никогда не видел человека в столь подавленном состоянии. Бонзы Падмы — особенно мы, члены секты Изавест, — даем клятву альтруизма. Мы оказываем услуги всех видов любым живым существам, а в некоторых обстоятельствах — и неодушевленным предметам. Мы верим, что принцип жизни одушевляет протоплазму, а через нее простое — а может, и не простое — движение. Молекула, задевающая другую молекулу, разве это не одна из форм проявления жизни? Почему бы не предположить, что каждая молекула наделена разумом? Представьте, что нас окружает фермент мысли; подумайте, какой всплеск негодования мы вызываем, наступив на ком земли! Вот почему мы, бонзы, передвигаемся с крайней осмотрительностью и всегда глядим, куда ступаем.

— Вот как?! — удивился Паскоглу.— А что хотел Бонфис?

Бонза задумался.

— Это очень трудно выразить. Он был жертвой различных видов тоски. Думаю, он пытался вести почтенный образ жизни, но им двигали противоречивые принципы. Потому его и терзали разнообразные страсти — подозрение, эротика, стыд, сомнение, страх, гнев, опасение и разочарование. К тому же, как мне кажется, он стал опасаться за свою профессиональную репутацию.

Паскоглу прервал его.

— О чем он вас просил?

— Практически ни о чем. Ему хотелось спокойствия и поддержки.

— Вы его успокоили и поддержали?

Бонза едва приметно улыбнулся.

— Мой друг, я посвятил себя крайне строгой системе

мышления. Нас научили думать отдельно правым и левым полушарием, поэтому мы думаем параллельно...

Паскоглу был готов выпалить новый вопрос, но Магнус Рудольф опередил его.

— Бонза хочет сказать, что только глупец одним словом может решить проблемы Бонфиса.

— Это довольно точно передает мою мысль,— подтвердил бонза.

Паскоглу обескураженно посмотрел на них и в очередной раз воздел руки к небу:

— Я хочу выяснить, кто шлепнул Бонфиса. Вы можете помочь мне или нет?!

Бонза хитро усмехнулся.

— Мой друг, я все больше склоняюсь к мысли спросить, известен ли вам источник вашего импульсивного поведения? Быть может, ваши действия мотивированы каким-то старым провалом?

Магнус Рудольф тут же разъяснил:

— Бонза намекает на «закон мозаики». Он предостерегает вас от применения принципа «глаз за глаз, зуб за зуб».

— И опять вы правильно ухватили суть моей мысли,— подтвердил бонза.

Паскоглу принялся расхаживать по комнате, будто лев в клетке.

— Хватит глупостей! — взревел он.— Бонза, вон отсюда!

Магнус Рудольф взял на себя труд объяснить бонзе смысл этих слов:

— Пан Паскоглу благодарит вас и просит извинить. Он постарается найти время, чтобы рассмотреть ваш случай на свежую голову.

Бонза поклонился и вышел. Паскоглу с горечью произнес:

— Когда все кончится, вы с бонзой можете дискутировать сколько угодно. Но мне осточертели словеса,

я жажду действий.

Он нажал кнопку.

— Пригласите в библиотеку женщину с Края Мира, мисс Тысяча-Подсвечников или как ее там!

Магнус Рудольф вопросительно поднял одну бровь.

— Что вы собираетесь делать?

Паскоглу отвел глаза в сторону:

— Я хочу допросить всех этих людей и выяснить, что они знают.

— Боюсь, вы напрасно теряете время.

— Однако,— упрямо ответил Паскоглу,— надо с чего-то начинать. Еще никто не смог выяснить истины, замуравившись в библиотеке.

— Из этого следует заключить, что вы больше не нуждаетесь в моих услугах.

Паскоглу с раздражением прикусил ус.

— Откровенно говоря, мистер Рудольф, вы, на мой взгляд, слишком медлительны. Речь идет о серьезном деле. Мне нужен быстрый ответ.

Магнус Рудольф развел руками.

— Надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии присутствовать на допросах?

— Пожалуйста.

Мгновением позже в дверях показалась Фьямелла Тысяча-Подсвечников.

Пан Паскоглу и Магнус Рудольф молча оглядели ее. На женщине была простенькая бежевая туника и сандалии из мягкой замши. Кожа ее обнаженных рук и ног была едва бледнее одежды. Волосы украшал небольшой оранжевый цветок.

Паскоглу мрачно пригласил ее пройти; Магнус Рудольф уселся в стороне, в противоположном углу комнаты.

— О чем идет речь? — спросила Фьямелла нежным мелодичным голосом.

— Ммм... вы, безусловно, знаете о смерти мистера

Бонфиса? — начал Паскоглу.

— О, да!

— И это вас не тревожит?

— Я счастлива.

— Неужели?! — Паскоглу откашлялся. — Насколько мне известно, вы утверждаете, что являетесь миссис Бонфис.

Фьямелла кивнула.

— Это по-вашему. На Краю Мира говорят — мистер Фьямелла. Я сама его выбрала. Но он осмелился сбежать, а это — тяжкое оскорбление. Я отправилась за ним и заявила, что убью его, если он не вернется на Край Мира.

Паскоглу подпрыгнул, будто наступил на гадюку.

— А! Вы признаетесь, что убили его?

— Ни в коем случае! — с негодованием воскликнула она. — Огнестрельным оружием? Вы столь же безумны, как и Бонфис. Берегитесь, я убью вас!

Паскоглу отступил, словно ошпаренный. Он повернулся к Магнусу Рудольфу.

— Вы слышали, Рудольф?

— Конечно, конечно.

Фьямелла с силой тряхнула головой.

— Вы издеваетесь над красотой женщины! Что ей остается делать? Убить вас, смыть оскорбление кровью!

— А как вы это делаете, мисс Фьямелла? — вежливо осведомился Магнус Рудольф.

— Само собой разумеется — мы убиваем любовью. Я подхожу вот так...

Она сделала несколько шагов вперед, остановилась перед Паскоглу и заглянула ему прямо в глаза.

— Я поднимаю руки...

Она медленно подняла руки, повернув ладони к лицу Паскоглу.

— Потом поворачиваюсь и удаляюсь.

Она отошла от Паскоглу, глядя через плечо.

— Я возвращаюсь...

Она снова приблизилась.

— И вскоре вы говорите: «Фьямелла, разрешите мне коснуться вашей кожи!» А я отвечаю: «Нет!» Я подхожу к вам сзади и нежно дую в шею...

— Хватит! — сказал Паскоглу. Ему явно было не по себе.

— ... и вскоре вы бледнеете, дрожите и плачете: «Фьямелла, Фьямелла Тысяча-Подсвечников, я люблю тебя, я умираю от любви! И тогда я прихожу к вам поздним вечером, и все мои одежды состоят из нескольких цветков, а вы рыдаете: «Фьямелла!» Потом я...

— Думаю, все ясно,— вкрадчиво сказал Магнус Рудольф.— Когда мистер Паскоглу отдышится, он, безусловно, извинится перед вами за нанесенное оскорбление. Со своей стороны хочу заверить, что не в силах придумать более приятной смерти, я почти готов...

Она озорно дернула его за бородку.

— Будь вы несколько моложе...

Магнус Рудольф печально вздохнул.

— Боюсь, вы правы. На мгновение я решил... Можете идти, мисс Фьямелла Тысяча-Подсвечников. Ваш муж умер. Возвращайтесь на Край Мира. Более никто не посмеет нанести вам оскорбление.

Фьямелла с удовлетворением улыбнулась, крадущимися шагами подошла к двери, обернулась и сказала:

— Вы хотите знать, кто убил беднягу Лестера?

— Конечно,— поспешно ответил Паскоглу.

— Вам известны священнослужители с Камбиза?

— Фодор Имплиега и Фодор Банзосо?

Фьямелла кивнула.

— Они ненавидели Лестера. Они повторяли ему: «Отдай нам одного из твоих рабов. Прошло слишком много времени. Мы должны отослать душу нашему богу». Лестер отвечал им: «Нет!» Тогда они сердились и говорили между собой о Лестере.

Паскоглу задумчиво кивнул.

— Понятно. Я обязательно разберусь с этой парочкой. Спасибо за сведения.

Фьямелла вышла. Паскоглу подошел к настенному микрофону.

— Пришлите мне Фодора Имплиегу и Фодора Банзосо.

После некоторого молчания послышалось:

— Мистер Паскоглу, они заняты... Какая-то ритуальная церемония. Говорят, что придут через несколько минут.

— Хм!.. Тогда попросите зайти Вьяместриса Диаспоруса.

— Хорошо, сэръ.

— Для справки,— сказал Магнус Рудольф.— Вьяместрис Диаспорус прибыл с планеты, где в почете гладиаторское искусство. Там гладиатор-победитель становится кумиром, особенно если он любитель и происходит из знатного рода, а борется ради славы и престижа.

Паскоглу повернулся к нему.

— Если Диаспорус гладиатор-любитель, наверно, он вспыльчив и не считается с жертвой!

— Я изложил вам факты, почерпнутые во время утренних исследований. Выводы за вами.

Паскоглу заворчал.

На пороге возник Вьяместрис Диаспорус, высокий человек с орлиным профилем, которого Магнус Рудольф накануне заметил в холле. Он внимательно оглядел библиотеку.

— Проходите, пожалуйста,— пригласил его Паскоглу.— Я веду следствие по поводу смерти Лестера Бонфиса. Возможно, вы сумеете нам помочь.

Узкое лицо Диаспоруса от удивления вытянулось еще больше.

— Разве убийца не явился сам?

— К сожалению, нет.

Диаспорус коротко дернул головой, словно ему все

вдруг стало ясно.

— Очевидно, Бонфис был противником самого низкого ранга, и убийца стыдится, а не гордится своим подвигом.

Паскоглу потер затылок.

— Позвольте сделать мне одно маленькое предположение, мистер Диаспорус. Положим, Бонфиса убили вы. Какие причины...

Диаспорус резким жестом прервал Паскоглу.

— Ха! Я не стал бы чернить свой список триумфов столь жалкой победой!

— Все же предположим, что у вас была причина убить его...

— Какая может быть причина? Он не принадлежал к знатной семье, не бросал мне вызова, а по виду даже не достоин подметать песок на арене.

— А если он вас оскорбил?..— жалобно простонал Паскоглу.

Магнус Рудольф вмешался в разговор:

— Просто из удовольствия продолжить беседу предположим, что мистер Бонфис обрызгал белой краской фасад вашего дома.

В два прыжка Диаспорус оказался перед Магнусом Рудольфом и окинул его жестоким взглядом.

— Что, что он сделал?

— А! Понимаю! Я бы отравил этого дикаря. Но, по всей видимости, Бонфис не совершил такой ошибки. Как я понял, его смерть была обставлена с приличием, он погиб от престижного оружия.

Паскоглу посмотрел в потолок и протянул руку посетителю.

— Спасибо, мистер Диаспорус. Спасибо за помощь.

Диаспорус вышел, а Паскоглу сказал в микрофон:

— Пожалуйста, пришлите в библиотеку мистера Торна 199.

Они молча ждали, пока появился Торн 199, тонюсень-

кий человек с громадной круглой головой, который принадлежал к сильно мутировавшей расе. У него была изжелто-восковая кожа и яркое сине-оранжевое одеяние с красным, как и мокасины, воротником.

Паскоглу оправился от первого потрясения.

— Спасибо, что пришли, мистер Торн. Я пытаюсь установить...

— Позвольте мне одно замечание? — задумчиво произнес Магнус Рудольф.

— Какое? — сухо осведомился Паскоглу.

— Боюсь, что мистер Торн одет не в тот наряд, который он несомненно выбрал бы по столь важному случаю. Вот если бы он пожелал нарядиться в черное и белое и не забыл бы черную шляпу...

Торн 199 ожег Магнуса Рудольфа ненавидящим взглядом.

Паскоглу не знал, как быть. Он переводил взгляд с Магнуса Рудольфа на Торна 199 и обратно.

— Этот костюм подойдет,— хрипло сказал Торн 199.— В конце концов, мы не будем говорить о вещах, имеющих серьезные последствия.

— Увы, нет! Мы стараемся установить обстоятельства смерти Лестера Бонфиса!

— О которой мне ничего неизвестно!

— Тогда вам нет смысла протестовать против черного и белого.

Торн 199 повернулся и покинул библиотеку.

— При чем тут черное и белое? — не выдержал Паскоглу.

Магнус Рудольф вставил пленку в проектор.

— Сегодня утром я ознакомился с обычаями полуострова Колар на Дуаске. У них удивительная символика одежд. К примеру, оранжевые и синие цвета, в которых появился Торн, свидетельствуют о фривольном настроении и сознательном презрении к тому, что мы, земляне, называем фактами. Напротив, черное и белое — цвета

ответственности и мудрости. Когда они дополнены черной шляпой, коларцы обязаны говорить только правду.

Паскоглу сдержанно кивнул:

— Хорошо, а пока я допрошу двух священников с Камбизы.

Он с извиняющимся видом глянул в сторону Магнуса Рудольфа.

— Как я понял, они совершают человеческие жертвоприношения на Камбизе, это так?

— Совершенно верно,— подтвердил Магнус Рудольф.

Как раз в этот момент появились священники с Камбизы, два рыжих неприветливых молодца с красными рожками, мясистыми губами и бегающими глазками, наполовину погребенными в жировых складках щек.

Паскоглу начал в официальном тоне:

— Я расследую дело о смерти Лестера Бонфиса. Вы совершили вместе с ним путешествие на «Молер принцепс»; быть может, вы заметили что-нибудь, что могло бы пролить свет на обстоятельства его смерти?

Священнослужители дружно скривили рты, моргнули и отрицательно качнули головами:

— Такие люди, как Бонфис, нас не интересуют.

— Вы не поддерживали с ним никаких взаимоотношений?

Священнослужители молча глядели на Паскоглу своими колючими, как шипы, глазками.

Паскоглу не желал признать себя побежденным:

— Я слышал, вы собирались принести в жертву одного из дикарей Бонфиса. Это правда?

— Вы не знаете наших обычаев,— жалобно и в то же время мрачно ответил Фодор Имплиега.— Великий бог Камб существует в каждом из нас, все мы — части целого, а целое состоит из частей.

— Вы использовали слово «жертва»,— подхватил Фодор Банзосо.— Это неправильно. Вы должны были сказать: «Отправиться к Камбу!» Как если бы вы шли

к костру, чтобы погреться, а огонь в нем горит тем жарче, чем больше душ в него бросают.

— Ясно, ясно,— кивнул Паскоглу.— Бонфис отказался дать вам одного из своих дикарей...

— Нет, речь не шла о жертве!

— Могу ли я прервать ваши споры? — спросил Магнус Рудольф.— Думаю, мне удастся сберечь драгоценное время. Как вы знаете, мистер Паскоглу, я провел часть утра в исследованиях. Случайно я наткнулся на описание жертвенных ритуалов камбийцев. Для того чтобы ритуал был действенным, жертва должна стоять на коленях и касаться лбом пола. В этом положении ей втыкают в уши две иглы и оставляют в коленопреклоненном состоянии в позе ритуального челобития. Бонфис лежал вытянувшись — правила не были соблюдены. Полагаю, Фодор Имплиега и Фодор Банзосо не виновны — по крайней мере в данном случае.

— Это правда,— сказал Фодор Имплиега.— Мы никогда бы не оставили тело в забвении!

Паскоглу надул щеки:

— Пока все.

Именно в этот момент вернулся Торн 199. На нем были черные панталоны в обтяжку, белая блуза, черный жакет, наряд завершала черная треуголка. Он столкнулся в дверях с уходящими монахами.

— Теперь надо задать всего один вопрос,— сказал Магнус Рудольф.— Как вы были одеты вчера вечером?

— Итак, как вы были одеты вчера вечером? — повторил Паскоглу.

— На мне было синее и пурпурное.

— Вы убили Лестера Бонфиса?

— Нет.

— Вне всяких сомнений, мистер Торн 199 говорит правду,— сказал Магнус Рудольф.— Коларцы совершают акты насилия, будучи либо в серых панталонах, либо в зеленом жакете и красной шляпе. Можете исключить

мистера Торна из списка подозреваемых.

— Ну что же,— согласился Паскоглу.— С вами все, мистер Торн.

Торн 199 вышел, и Паскоглу обескураженно заглянул в список. Потом сказал в микрофон:

— Попросите зайти мистера Эркюля Старгарда.

Эркюль Старгард оказался очаровательным молодым человеком — из-под копны светлых курчавых волос сияли синие глаза. На нем были штаны горчичного цвета, черный расклешенный жакет и высокие черные сапоги. Паскоглу встал с кресла.

— Мистер Старгард, мы пытаемся выяснить все, что может иметь отношение к трагической смерти мистера Бонфиса.

— Не виновен,— заявил Эркюль Старгард.— Я не убивал эту свинью.

Паскоглу вздернул брови:

— У вас были причины не любить его?

— Да, могу сознаться, я недолюбливал мистера Бонфиса.

— И в чем же причина такого нерасположения?

Эркюль Старгард презрительно поглядел на Паскоглу:

— Откровенно говоря, мистер Паскоглу, не вижу, как мои эмоции могут повлиять на ход следствия.

— А если именно вы то лицо, которое убило Бонфиса? — возразил Паскоглу.

Старгард пожал плечами.

— Это был не я.

— Вы мне можете доказать это более убедительным способом?

— Вероятно, нет.

Магнус Рудольф наклонился вперед.

— Быть может, я смогу помочь мистеру Старгарду?

Паскоглу метнул в него убийственный взгляд:

— Не думаю, что мистер Старгард нуждается в помощи.

— Я пытаюсь только отместить лишнее, дабы прояснить ситуацию,— заметил Магнус Рудольф.

— Да, и отмечаете всех подозреваемых одного за другим,— сухо оборвал его Паскоглу.— Итак, что у вас на этот раз?

— Мистер Старгард — землянин и, будучи таковым, воспитан в рамках нашей культуры. В отличие от большинства людей и гоминидов с внешних миров ему с детства внушили, что человеческая жизнь бесценна и что посягнувший на нее непременно понесет заслуженное наказание.

— Это никогда не останавливало убийц,— проворчал Паскоглу.

— Но это же не позволяет землянину убивать в присутствии свидетелей. Даже если речь идет о дикарях. Следовательно, мы со спокойной совестью можем вычеркнуть мистера Старгарда из списка подозреваемых.

Лицо Паскоглу вытянулось.

— Но... кто остается? — он заглянул в список.— Гекатец.

Паскоглу подошел к микрофону.

— Пришлите мне мистера...— его брови вздернулись.— Пришлите мне гекатца.

Гекатец не принадлежал к гуманоидам, хотя внешне походил на человека. Высокое существо на тонких ногах с лицом, покрытым белой хитиновой оболочкой, и черными угрюмыми глазами. Руки его заканчивались эластичными мембранами, лишенными пальцев, и это сразу бросалось в глаза. Он остановился в дверях, изучая комнату.

— Входите, мистер...— Паскоглу осекся.— Я не знаю вашего имени; вы отказались его сообщить... Будьте любезны войти...

Гекатец переступил порог.

— Вы, люди, забавные животные. У каждого есть свое особое имя. Я знаю, кто я есть, зачем же клеить

на себя этикетку? Возмутительно называть каждую реальность отдельным звуком.

— Мы предпочитаем знать, о чем говорим,— возразил Паскоглу.— Поэтому мы фиксируем предметы в нашем мозгу по их названиям.

— И тем самым лишаете себя великих интуитивных прозрений,— торжественным тоном провозгласил гекатец.— Вы меня позвали для того, чтобы спросить о человеке с этикеткой Бонфис. Он умер.

— Вы правы. Вы знаете, кто его убил?

— Безусловно,— ответил гекатец.— Разве остальные не знают?

— Нет. Кто его убийца?

Гекатец посмотрел вокруг, и, когда его взгляд вернулся к Паскоглу, его глаза ничего не выражали.

— Совершенно очевидно, я ошибся. Но даже если бы я знал, лицо желает, чтобы его подвиг остался в тайне. Так почему же я должен поступать наперекор его желанию? Если я знал, то уже не знаю.

Паскоглу что-то забормотал, но Магнус Рудольф серьезно произнес:

— Весьма разумная позиция.

Паскоглу захлестнула волна гнева.

— Я считаю такое поведение невыносимым! Было совершено убийство, это существо утверждает, что знает убийцу, и не желает его назвать!.. Вот запрем его в номере до прибытия ближайшего патруля!

— Если вы сделаете это,— заявил гекатец,— я выпущу в атмосферу содержимое моих споровых мешков. Ваше «Колесо» мгновенно заселят сотни тысяч анималькулей, и если вы уничтожите хоть одного из них, вы будете виновны в том же преступлении, как то, что занимает вас в данный момент.

Паскоглу подошел к двери и распахнул ее.

— Уходите! Вон! Садитесь на первый же корабль! Я категорически запрещаю вам возвращаться!

Гекатец вышел, не проронив ни звука. Магнус Рудольф встал и хотел последовать за ним. Паскоглу схватил его за руку:

— Минуточку, мистер Рудольф. Я нуждаюсь в совете. Я был слишком нетерпелив и потерял голову.

Магнус Рудольф задумался.

— А чего вы ждете от меня?

— Найти убийцу! Избавить меня от неприятностей!

— Ваши требования могут оказаться противоречивыми!

Паскоглу рухнул в кресло и закрыл лицо руками:

— Прошу без загадок, мистер Рудольф!

— Вообще-то, мистер Паскоглу, вам не нужны мои советы. Вы опросили всех подозреваемых и теперь представляете, в условиях каких цивилизаций они сформировались.

— Да-да,— прошептал Паскоглу. Он схватил список, пробежал его глазами, затем искоса глянул на Магнуса Рудольфа.— Кто? Диаспорус? Он?

Магнус Рудольф поморщился.

— Это рыцарь Дакки, гладиатор-любитель с высокой репутацией. Убийство подобного рода нанесет урон его достоинству и престижу. Вероятность не более одного процента.

— Хм! А Фьямелла Тысяча-Подсвечников? Она утверждала, что преследовала его с целью убийства.

Магнус Рудольф нахмурился.

— Меня тоже интересует эта дама. Убийство вследствие разочарования в любви вещь отнюдь не невозможная, но мотивы Фьямеллы не совсем однозначны. Насколько я понимаю, ее честь пострадала от отказа Бонфиса и ее целью было восстановить репутацию. Доведя беднягу Бонфиса до смерти своим шармом и красотой, она необычайно высоко поднялась бы в глазах сородичей. При ином исходе она слишком много теряет. Вероятность — один процент.

Паскоглу сделал отметку в списке.

— А Торн 199?

Магнус Рудольф отрицательно махнул рукой.

— На нем не было костюма смерти. Проще простого. Вероятность — один процент.

— Ну ладно! — воскликнул Паскоглу. — А священнослужители Банзосо и Имплиега? Им же надо было принести жертву своему богу.

Магнус Рудольф покачал головой:

— Работа была испорчена. Неудачное жертвоприношение равнозначно для них тысяче лет греховной жизни.

Паскоглу неуверенно заметил:

— А может, они не веруют?

— А зачем тогда жертвоприношение? — парировал Магнус Рудольф. — Вероятность — один процент.

— Ладно, — согласился Паскоглу. — Остается Старгард. Но вы утверждаете, что он бы не совершил убийства в присутствии свидетелей...

— Это выглядит на редкость маловероятным, — ответил Магнус Рудольф. — Можно было бы предположить, что Бонфис был шарлатаном, его дикари — мошенниками, а Старгард тем или иным способом замешан в аванюре...

— Да-да, — с жаром подхватил Паскоглу. — Я как раз и думал о таком варианте.

— Единственное слабое место в этом построении — безупречная репутация Бонфиса как антрополога. Я наблюдал за этими дикарями из палеолита и думаю, они — истинные дикари. Они робки и растеряны. Цивилизованный человек, который попытался бы имитировать дикарство, непременно впал бы в гротеск, напирая на их кровожадность. Варвар в процессе адаптации ведет себя по примеру воспитателя, в нашем случае Бонфиса. Я наблюдал, как во время обеда они старательно повторяли действия Бонфиса. А когда мы осматривали тело, они выглядели совершенно потерянными, обеспокоенными,

даже испуганными. В них нет ни капли сознательной хитрости, которая свойственна цивилизованному человеку, пытающемуся выпутаться из неприятной ситуации. Думаю, следует считать непреложной истиной то, что Бонфис и его дикари были именно теми, за кого себя выдавали.

Паскоглу вскочил на ноги и принялся нервно расхаживать взад и вперед по библиотеке.

— Значит, дикари не могли убить Бонфиса.

— Весьма маловероятно. А если согласиться с тем, что они истинные дикари, то следует отбросить мысль о сообщничестве Старгарда и вычеркнуть его из списка подозреваемых: особенности воспитания, о которых упоминалось, не позволяют ему совершить убийство.

— Ну а гекатец?

— Это — самый маловероятный убийца, — сказал Магнус Рудольф. — По трем причинам. Во-первых, он не человек и ему не знакомы чувства ярости и мщениия. На Гекате не существует насилия. Во-вторых, не будучи человеком, он не имел никаких точек соприкосновения с Бонфисом. Леопард не нападает на дерево. То же самое гекатец. В-третьих, он как физически, так и психологически не в состоянии убить Бонфиса. У него нет пальцев, а кожистой мембраной не нажмешь на спуск под спусковой скобой. Думаю, вы со спокойной совестью можете вычеркнуть гекатца из списка.

— А кто же остается?! — в отчаянии воскликнул Паскоглу.

— Остались вы, я и

Дверь открылась. На пороге возник бонза в красном одеянии.

4 — Входите, входите, — дружелюбно произнес Магнус Рудольф. — Мы только что закончили следствие. И пришли к заключению, что из всех тех, кто живет

в данный момент в «Колесе», вы единственный, кто мог убить Бонфиса. Поэтому мы освобождаем помещение библиотеки.

— Что?! — вскричал Паскоглу, уставившись на бонзу. Тот принял извиняющийся вид.

— Я надеялся,— заявил бонза,— что моя роль в этом деле не привлечет внимания.

— Вы слишком скромны,— возразил Магнус Рудольф.— Что дурного в том, что о человеке судят по его добрым деяниям?

Бонза поклонился.

— Мне не нужны похвалы. Я лишь исполнил свой долг. Вы свою работу закончили, а передо мной еще горы труда.

— Прошу прощения. Мистер Паскоглу, пойдёмте, мы мешаем нашему почтенному гостю предаться медитации.

Магнус Рудольф увлек за собой в коридор ошеломленного Пана Паскоглу.

— Как? Это он — убийца? — с трудом выдавил Паскоглу.

— Да. Бонфиса убил он,— подтвердил Магнус Рудольф.— Это ясно как день.

— Но почему?

— Из самых добрых побуждений. Бонфис говорил со мной вчера вечером. Совершенно очевидно, что он страдал серьезным психическим расстройством.

— Но его можно было вылечить! — возмущенно воскликнул Паскоглу.— Зачем было убивать? Ради облегчения страданий?

— Согласно нашим представлениям, убивать не стоило,— согласился Магнус Рудольф.— Но не забывайте, что бонза искренне верит в перевоплощение. Он уверен, что освободил беднягу Бонфиса от неприятностей, когда тот обратился к нему за помощью. Бонза убил Бонфиса ради его же блага.

Они вошли в кабинет Паскоглу, который задумчиво уставился в окно.

— Что же мне делать? — прошептал он.

— Увы,— вздохнул Магнус Рудольф,— не ждите от меня совета.

— Вряд ли будет справедливым наказывать этого добряка бонзу... Смехотворно. Что же мне делать?

— Дилемма,— подтвердил Магнус Рудольф.

Воцарилось молчание. Паскоглу задумчиво теребил ус. Наконец Магнус Рудольф сказал:

— Самое главное в том, что вы хотите уберечь ваших клиентов от новых проявлений этой излишней филантропии. Не так ли?

— Безусловно! — воскликнул Паскоглу.— Я могу замять смерть Бонфиса. Объяснить все несчастным случаем. Могу отослать дикарей на их родину.

— К тому же я бы тщательно изолировал бонзу от любого, кто впал в меланхолию. Бонза — человек энергичный и преданный своему делу, а потому может расширить круг своей благотворительности.

Паскоглу внезапно схватился за голову. Выпучив глаза, он уставился на Магнуса Рудольфа.

— Сегодня утром я чувствовал себя совершенно подавленным. И говорил с бонзой... Я поделился с ним своими неприятностями. Пожаловался на расходы...

Дверь бесшумно распахнулась. В комнату заглянул бонза. На его добрейшем лице светилась добрейшая улыбка.

— Я вам не помешаю? — спросил он, глядя на Магнуса Рудольфа.— Я надеялся застать мистера Паскоглу в одиночестве.

— Я собирался уйти,— вежливо ответил Магнус Рудольф.— Если вы будете так добры, что простите меня...

— Нет, нет! — закричал Паскоглу.— Не покидайте нас, мистер Рудольф!

— Тогда мы встретимся в другой раз,— вежливо

сказал бонза и тихо затворил за собой дверь.

— Я не вижу выхода,— простонал Паскоглу.

— Ни в коем случае не говорите об этом бонзе,— посоветовал Магнус Рудольф.

Дж. Венс

Гнусный Макинч

Слово «тайна» не имеет объективного смысла. Оно просто указывает на ограниченность ума. Ведь каждый ум можно классифицировать в порядке явлений, которые он считает таинственными... Когда тайна раскрыта и решение найдено, все восклицают: «Ну конечно, это же очевидно!» Замечу, очевидное — всегда и всем очевидно... Ординарный ум производит логическую инверсию — сначала тайна, потом ее решение. Это — логика наизуот: в действительности между тайной и решением существуют те же связи, что между пеной и пивом...

Магнус Рудольф

В Культурной миссии ему сказали:

— Его зовут Макинч; он — убийца. Это все, что мы знаем.

Магнус Рудольф отказался бы от этого дела, будь его банковский счет на обычном уровне. Но крах рекламного агентства — светящаяся реклама в межзвездной пустоте с помощью люминесцентных газов — вверг белобородого философа в положение, близкое к нищенскому.

Пер. изд.: Vance J. Unspeakable Mackinch: в сб. Vance J. The many worlds of Magnus Rudolph.— New York: 1966.

© перевод на русский язык, «Мир». 1988.

Его первое впечатление от планеты Склеротто только усилило отвращение к предстоящей работе. Свет двух солнц — красного и голубого — вызывал раздражение. Ленивые воды океана, непроходимый хаос скал на берегу отнимали надежду даже на краткий отдых, а Склеротто-Сити, жалкий лабиринт из хижин и развалюх, не сулил никаких развлечений. И наконец, Клеммер Бозк, капеллан-директор Культурной миссии на Склеротто, встретил его без особого тепла. Более того, его, казалось, раздражал приезд Магнуса Рудольфа, будто тот проявил личную инициативу.

Они сели в старый дребезжащий автомобиль и добрались до здания миссии, венчавшего вершину голой скалы. Полумрак, царивший внутри, показался Магнусу Рудольфу раем после яркого света и уличной пыли.

Он извлек из кармана тщательно сложенный носовой платок, промокнул им лоб, изящный нос и ухоженную белую бородку. Затем вопросительно глянул на хозяина.

— Похоже, обилие света действует на меня раздражающе. Синее, красное... И потом — три разноцветные тени от каждого булыжника, от каждой былинки — это слишком.

— Я привык к этому, — безразлично ответил Клеммер Бозк, низенький человек с круглым, словно дыня, брюшком, которое выпирало из-под туники, и с розовым гладеньким личиком, как у китайского фарфорового болванчика, на котором голубели круглые глазенки и торчал мясистый короткий нос. — Я едва помню Землю.

— В туристическом справочнике, — сказал Магнус Рудольф, укладывая носовой платок в карман, — говорится о «стимулирующем и экзотическом» воздействии света. Следует думать, я не очень к нему восприимчив!

Бозк проворчал:

— Туристический справочник? Там расписано, что Склеротто-Сити — красочный, увлекательный городок, миниатюрный мирок, иллюстрирующий межпланетную

демократию в действии. Тому, кто написал эту чушь, пожить бы здесь с мое!

Он пододвинул Магнусу Рудольфу плетеное кресло и налил в стакан ледяной воды. Магнус Рудольф устроился поудобнее, а Бозк буквально рухнул в кресло напротив.

— Итак,— осведомился Магнус Рудольф,— Макинч — кто это или что это?

Бозк горько усмехнулся.

— Именно это вы и должны выяснить.

Магнус лениво обвел комнату взглядом, раскурил сигару и промолчал.

— Все, что я узнал о Макинче за шесть лет,— продолжал Бозк,— можно пересказать в шесть секунд. Первое: он — хозяин всей этой навозной кучи,— Бозк ткнул пальцем в сторону города.— Второе: он — убийца, подонок, который думает только о себе. Третье: никто, кроме самого Макинча, не знает, кто такой Макинч.

Магнус Рудольф поднялся, подошел к окну, отключил поляризацию и принялся разглядывать скопище крыш, которые дырявым разноцветным ковром стлались до самой Магнитной бухты. Его взгляд скользил по пилообразным вершинам с четкими контурами на фоне неба, затем возвращался к бухте, переходившей в океан, который не знал приливов и терялся в лиловатом тумане на горизонте.

— Мерзкое зрелище. Не понимаю, чем сюда можно завлечь туристов.

Бозк подошел к нему.

— Вы знаете, это действительно странный мир,— он кивнул в сторону расстилавшихся внизу крыш.— Там, в этом лабиринте, живут представители самых разных разумных рас — эмигранты, беглецы и тому подобное. И как ни удивительно, они вполне приспособились к совместной жизни.

— Хм! — равнодушно буркнул Магнус Рудольф и спросил: — А этот Макинч — человек?

Бозк пожал плечами.

— Этого никто не знает. Тот, кому удастся что-нибудь разведать, немедленно умирает. Главная ставка дважды присылала первоклассных сыщиков. Оба внезапно скончались в самом центре города: один — рядом с экспортными складами, второй — в кабинете мэра.

Магнус Рудольф откашлялся.

— А... причина их смерти?

— Неизвестная болезнь.— Бозк обвел взглядом лежащие внизу крыши, дороги и аркады.— Миссия старается держаться в стороне от местной политики, но в то же время, знакомя иноземцев с нашей земной культурой, мы рекламируем наш образ жизни. И иногда,— он кисло улыбнулся,— мы сталкиваемся с феноменом вроде Макинча.

— Естественно,— согласился Магнус Рудольф.— А какие формы принимают проступки Макинча?

— Коррупция,— ответил Бозк.— Самая обычная коррупция. Древняя, как мир, коррупция в лучших земных традициях. Я должен был бы вам сказать,— он снова кисло улыбнулся, глядя на Магнуса Рудольфа,— что Склеротто-Сити управляется законно избранным мэром и группой гражданской администрации. Имеются также казарма пожарных, почтовая служба, служба удаления отходов, полиция — вам вскоре предстоит с ними познакомиться!

Он хихикнул — его смех походил на скрежет ведра по каменному полу.

— По правде говоря, туристов привлекает то, как все эти существа выкручиваются, пытаюсь скопировать земной образ жизни.

Магнус Рудольф слегка наклонился вперед, его лоб прорезала глубокая складка.

— Здесь, как я вижу, ничто не выставляется напоказ — нет ни одного претенциозного здания, кроме того, что у бухты.

— Это отель для туристов «Пондишери хауз».

— Да-да. Ясно,— протянул Магнус Рудольф с отсутствующим видом.— Должен признаться, что на первый взгляд форма правления Склеротто-Сити выглядит довольно невероятно.

— Она достаточно рациональна, если вспомнить историю города,— возразил Бозк.— Лет пятьдесят назад здесь была основана колония компьютеронационалистов. Это единственное плоское место на планете. Понемногу — Склеротто лежит на границах Содружества, и здесь никто не задает нескромных вопросов — сорви-головы со всех концов Галактики стеклись в этот городишко. Одни сумели выжить. Другие погибли.

Когда сюда прибывают неискушенные — а именно таковы туристы,— все поражает их воображение. Ступив первый раз на главную улицу, я подумал, что вижу кошмарный сон. Кмауши в бассейнах, которые вместе с фонтаном воды выплескивают жемчуга, стеножки с Портмара, жители Тау-Близнецов, армадиллы с Карнеги 12, желтые птицы, зиксы и даже альдебаранцы, не говоря о нескольких антропоидных расах. Как им удастся ужиться, не разорвав друг друга в клочья,— этот вопрос меня мучает до сих пор.

— Наверно, это трудность скорее видимая, чем истинная,— заметил Магнус Рудольф.

Бозк искоса посмотрел на него и поджал губы.

— Проживи вы здесь столь долго, как я...

Он снова перевел взгляд на Склеротто-Сити.

— Эта пыль, этот запах, эта...— он никак не мог подобрать нужного слова.

— Во всяком случае, здесь живут лишь разумные существа,— заключил Магнус Рудольф.— Еще несколько вопросов. Первый. Каким образом Макинч получает мзду?

Бозк снова сел в кресло и откинулся на спинку.

— Похоже, он запускает руку прямо в муниципаль-

ную кассу. Муниципальные сборы поступают в наличности, деньги приносят в мэрию, где они запираются в сейф. Макинч открывает сейф, когда считает нужным, берет сколько хочет и снова закрывает его.

— А что говорят на это граждане?

— Возмущение относится к разряду эмоций,— саркастически промолвил Бозк.— Большая часть населения — негуманоиды, а потому лишены эмоций.

— Значит, возмущение испытывает только людская часть населения?

— Люди... они боятся.

Магнус Рудольф погладил бородку.

— Иными словами,— продолжил Бозк.— Весь импорт-экспорт проходит через руки муниципального кооператива. Там-то налоги и выдирают.

— Почему бы сейф не перенести в другое место? Почему не поставить возле него охрану?

— Предыдущий мэр попытался это сделать. Охранники были найдены мертвыми. Они скончались от неизвестной болезни.

— По всей видимости,— сказал Магнус Рудольф,— Макинч — один из муниципальных администраторов. Именно они подвержены наибольшему искушению.

— Совершенно согласен с вами. Но кто из них?

— Сколько их?

— Так... Почтарь — многоножка с Портмара. Брандмайор — человек; начальник полиции — с Сириуса 5; главный мусорщик... черт, забыл его имя. Уроженец планеты Оригэ 1012.

— Голеспод?

— Он самый. Единственный в городе. Затем директор муниципального склада, он же сборщик налогов — муравей с Тау-Близнецов и, наконец, последний, но отнюдь не самая мелкая сошка,— мэр. Его зовут Жужу-Жижи. Так по крайней мере мои уши воспринимают эти звуки. Это — желтая птица.

— Ясненько...

Они помолчали.

— И что же вы обо всем этом думаете? — спросил Бозк.

— Задача состоит из ряда любопытных моментов,— милостиво снизошел Магнус Рудольф.— А пока я хотел бы прогуляться по городу.

Бозк посмотрел на часы.

— Когда вы будете готовы?

— Переоденусь — и сразу двинемся, если вы не возражаете.

— Еще одно,— угрюмо сказал Бозк.— Поймите меня правильно. В ту самую секунду, как вы зададите первый же вопрос о Макинче, ему это станет известно и он постарается вас устранить.

— Культурная миссия платит мне достаточно, чтобы пойти на подобный риск,— заявил Магнус Рудольф.— Я, если можно так выразиться, рыцарь Апокалипсиса. Моя шпага — логика, мой щит — бдительность. А кроме того, я буду носить фильтр для дыхательных путей и поливать себя антисептиком.

Он любовно погладил свою бородку.

— Более того, предосторожности ради я возьму с собой портативный излучатель для уничтожения спор.

— Он говорит — рыцарь, скорее черепаха! — пробормотал тихо Бозк.— Итак, когда вас ждать? — проговорил он громко.

— Будьте любезны показать мне апартаменты, я буду в вашем распоряжении через полчаса.

— Это все, что осталось от основателей,— с угрюмо-торжествующим видом сказал Бозк.

Магнус Рудольф окинул взглядом запущенное, кубической формы здание. Вдоль стен протянулись пылевые дюны, дверной проем зиял провалом.

— А ведь это самое прочное здание Склеротто! — усмехнулся Бозк.

— Чудо, что Макинч не обосновался в нем! — заметил Магнус Рудольф.

— В настоящее время здесь находится муниципальная свалка. Кабинет главного мусорщика как раз позади. Это одна из туристических достопримечательностей. Кстати, вы здесь инкогнито?

— Нет, — ответил Магнус Рудольф. — Не думаю. К тому же не вижу необходимости прибегать к хитростям.

— Вольному воля, — Бозк выпрыгнул из машины. Он с саркастической улыбкой наблюдал, как Магнус Рудольф не спеша выбрался из автомобиля, затем надел ослепительно сверкавшую противосолнечную каску, фильтр и черные очки.

Они с трудом двинулись вперед, увязая в грязи, словно в сугробах, и поднимая синие и красные пылевые облака, которые сотнями оттенков переливались в лучах солнца.

Магнус Рудольф наклонил голову. Бозк усмехнулся.

— Запашок? А правильное сказать, вонища!

— В самом деле, — кивнул Магнус Рудольф. — К кому мы идем?

— К самому главному мусорщику, к голесподу. Он не собирает отбросы — граждане сами доставляют их ему, его дело поглощать.

Они обогнули бывшее здание церкви, и Магнус Рудольф увидел, что разрушенная задняя стена открывает доступ воздуху и свету, но в то же время предохраняет обитателя сих владений от прямых солнечных лучей. Здешний владыка, голеспод, оказался упругой громадиной, похожей на ската, но туловище его было помассивнее и потолще. Оно держалось на множестве коротеньких бесцветных ножек. Во лбу голеспода красовался невыразительный молочно-голубой глаз. Под глазом извивались гибкие щупальца. Существо лежало в болоте полужидкого гнилья — кухонных отбросов, рыбьих внутрен-

ностей и других органических отходов.

— Ему платят за уничтожение отходов,— сказал Бозк.— А зарплату он целиком, если по отношению к нему можно так выразиться, кладет в карман, поскольку и столуется, и спит в одном и том же месте — здесь, на свалке.

Послышался ритмичный шелест шагов. Из-за угла древней каменной церкви показалось змееподобное существо, как бы подвешенное на тридцати членистых хитиновых лапках.

— Почтарь,— сообщил Бозк.— Многоножки прекрасно справляются с этой работой.

У нитеобразного существа было тускло поблескивающее медного цвета тело. На плоском личике гусеницы выступал небольшой ротовой клюв, обрамленный четырьмя угольно-черными глазами. Под брюхом болталась коробка с письмами и маленькими пакетиками. Почтарь схватил один из пакетов и пронзительно свистнул. Голеспод заворчал, приподнял переднюю часть тела и, откинув назад щупальца, открыл черное брюхо с огромным ртом.

Почтарь изловчился и забросил пакет прямо в пасть, а затем, равнодушно взглянув на Бозка и Магнуса Рудольфа, изящно извернулся дугой и удалился. Голеспод всхрипнул, пискнул и еще глубже зарылся в гнилье, наблюдая за гостями, которые не спускали с него глаз.

— Он понимает человеческую речь? — спросил Магнус Рудольф.

Бозк кивнул.

— Не подходите слишком близко. У него бешеный характер.

Магнус Рудольф сделал несколько осторожных шагов и заглянул прямо в молочно-голубой глаз.

— Я пытаюсь идентифицировать преступника по имени Макинч. Можете ли вы мне помочь?

По телу голеспода прошла судорога и откуда-то снизу

донеслось яростное урчание. Глаз буквально вылез из орбиты. Бозк насторожился.

— Он предлагает вам убраться по добру по здорову и поскорее.

Магнус Рудольф отмахнулся.

— Значит, вы не можете мне помочь?

Помоечник рассвирепел, отпрыгнул назад, поднял голову и выплюнул струю зловонной жидкости. Магнус Рудольф ловко отскочил в сторону, но несколько вонючих капель все же попало на тунику.

Бозк с ухмылкой следил, как он оттирает пятна носовым платком.

— Со временем отмоется,— успокоил он сыщика.

— Хм! — в тоне Магнуса Рудольфа чувствовалась неуверенность.

По колено в пыли они добрались до машины.

— Теперь я подвезу вас на экспортный склад,— сказал Бозк.— Он находится почти в центре города, а оттуда можно пройти пешком. Тогда вы лучше поймете, что представляет собой наш город.

По обеим сторонам улицы жались друг к другу хижинки и лавчонки из сланца и высушенных водорослей. Перед ними ключом била жизнь. Чумазные детишки в лохмотьях играли с бесформенными антропоидами Капеллы, юными армадиллами с Карнеги 12, с марсианскими лягушатами.

Сотни крохотных многоножек с Портмана сновали под ногами словно ящерицы; большая их часть со временем погибнет от «руки» собственных родителей по причинам, которые люди даже не старались понять. Желтые птицы, похожие на страусов и покрытые мягкой золотистой чешуей, небрежно шествовали среди толпы, задрав головы и вращая громадными глазами. Население Склеротто-Сити вышагивало, как на параде чудовищ, порожденных пьяным бредом алкоголика.

В лавочках по обе стороны улицы были выложены

скромные товары — корзины, кастрюли и тысячи других домашних принадлежностей, употребление которых было ведомо лишь продавцу и покупателю. Кое-где продавалось то, что можно было назвать пищей, — фрукты и консервы для людей, твердые коричневые капсулы для желтых птиц, красные червеподобные штуковины для альдебаранцев. То там, то тут встречались небольшие группы туристов, в основном землян, которые глазели по сторонам, болтали, жестикулировали, смеялись...

Бозк остановил машину рядом со строением из гофрированного металла, и они снова ступили на пыльную мостовую.

Склад гудел от негромкого бормотания. По нему бродили многочисленные туристы, они покупали безделушки — фигурки из камня, ткани с затейливым рисунком, жемчужинки, которые образовывались в брюхе кнаушей, духи из водорослей, статуэтки, крохотные шаровидные аквариумы с микроскопической линзой, которая позволяла рассмотреть морские пейзажи, населенные инфузориями, крохотными губками, кораллами, осьминогами, бесчисленными рыбками. В задней части склада высились горы тюков с самыми разными сухими водорослями, а также мешки с солями редких металлов.

— А вот и директор склада, — Бозк указал пальцем на муравья ростом в полчеловека, прочно стоящего на шести лапах. У существа были добрые собачьи глаза, серая шелковистая шерстка, довольно короткий и плотный торс.

— Вас представить? Он понимает человеческую речь и говорит сам. Мозг у него как вычислительная машина.

Приняв молчание Магнуса Рудольфа за согласие, Бозк протиснулся к уроженцу Тау-Близнецов.

— Я не знаю, как вас и познакомить, — радостным тоном сообщил Бозк (Магнус Рудольф уже заметил, что его гид, словно в пальто, рядится в тогу приветливости при встрече с ответственными лицами города), — по-

сколько господин директор не имеет имени.

— На моей планете,— сказал муравей, однотонно гудя,— обитателей различают по частоте звуков, как вы это называете. Так звучит моя...

Из двух щек у основания головы послышалось верещание.

— Позвольте представить вам Магнуса Рудольфа, посланного сюда дирекцией миссии.

— Я пытаюсь идентифицировать преступника, известного под именем Макинч,— заговорил Магнус Рудольф.— Вы мне можете помочь?

— Сожалею,— тем же ровным тоном ответило насекомое.— Слышал это имя. Знаю о кражах. Не знаю, кто он.

Магнус Рудольф поклонился.

— Теперь я отведу вас к брандмайору,— сказал Бозк.

Вся одежда брандмайора, громадного голубоглазого негра с шевелюрой цвета старой бронзы, состояла из одних пунцовых шаровар. Бозк и Магнус Рудольф отыскали его на каланче в районе центральной площади. Он приветственно кивнул Бозку.

— Джо, познакомься с моим другом с Земли,— начал Бозк.— Мистер Магнус Рудольф, представляю вам мистера Джо Бертрана, главу наших пожарников.

Брандмайор, не скрывая удивления, переводил взгляд с одного гостя на другого.

— Очень рад,— наконец вымолвил он, пожав протянутые руки.— Мне сдается, что я уже слышал ваше имя.

— У меня неординарное имя,— доверительно сообщил Магнус Рудольф,— но думаю, в Содружестве встречаются и другие Рудольфы.

Бозк поглядывал на них, нервно переступая с ноги на ногу, потом вздохнул и отвел глаза в сторону.

— Но не очень-то много Магнусов Рудольфов! — воскликнул брандмайор.

— Весьма мало,— согласился гость.

— Смею также предположить, что вы ищете Макинча?

— Именно так. Вы можете мне помочь?

— Я ничего о нем не знаю. И не желаю слышать. Так полезнее для здоровья!

Магнус Рудольф покачал головой.

— Понятно. И все же благодарю вас.

Бозк ткнул пухлым пальцем в сторону высокого здания, возведенного из водорослевых панелей, укрепленных на каркасе из побелевших костей.

— Это — мэрия,— сказал он.— Мэр живет на самой верхотуре, где ему легче — ха! ха! — хранить муниципальные деньги.

— Каковы его функции? — спросил Магнус Рудольф, осторожно стряхивая пыль с туники.

— Он встречает корабли с туристами и разгуливает по городу в красной шапочке. Он же исполняет функции судьи, распоряжается муниципальными фондами и платит служащим. Лично я считаю, что у него маловато серого вещества, чтобы быть Макинчем.

— Мне хочется осмотреть сейф, с которым столь беззастенчиво обращается Макинч,— сказал Магнус Рудольф.

Они толкнули легкую скрипучую дверь и оказались в длинном низком зале. Старые, выдавшие виды стены проели ящерицы, и сквозь дыры внутрь проникали двухцветные лучи света, отчего пол казался испещренным синей и красной мозаикой. Массивный сейф, древний металлический короб с кнопочным замком, выступал из стены напротив.

Из отверстия в потолке выглянула плоская головка со смешным красным клювиком и длинная шея, покрытая желтыми чешуйками. На вошедших уставился пур-

пурный глаз. Вслед за шеей показалось стройное тело — птица мягко приземлилась на гибкие ноги.

— Здравствуйте, господин мэр,— сердечно проворковал Бозк.— Позвольте представить вам посланца Главной ставки мистера Рудольфа.

Затем он повернулся к Магнусу Рудольфу.

— Наш мэр, Жужу-Жижи.

— Восхищен,— пронзительно проверещал мэр.— Хотите получить мой автограф?

— Конечно,— ответил Магнус Рудольф.— Буду безмерно рад.

Мэр сунул голову между ног и достал из набрюшной сумки карточку с непонятными Магнусу Рудольфу письменами.

— Это — мое имя, начертанное знаками моей родной планеты. Грубо говоря, оно значит — чарующая вибрация.

— Благодарю вас,— улыбнулся Магнус Рудольф.— Я сохраню это как сувенир из Склеротто. Кстати, я прибыл сюда, чтобы арестовать существо, известное под именем Макинч.— Мэр издал пронзительный вопль и быстро взад-вперед закачал головой.— И полагаю, что вы можете оказать мне содействие.

Шея мэра описала в воздухе серию зигзагообразных движений.

— Нет, нет и нет! — тоненьким голоском сообщил он.— Я ничего не знаю, я — мэр.

Бозк поглядел на Магнуса Рудольфа, и тот кивнул.

— Ну что же, господин мэр, тогда мы покинем вас,— заспешил Бозк.— Я зашел, чтобы представить своего друга.

— Восхищен,— хрипло прокаркал мэр. Затем напряг ноги, подпрыгнул и исчез в отверстии в потолке.

Они прошли еще с сотню метров, щурясь от красного и синего света, и подошли к тюрьме, длинному бараку

из сланца. Двери камер выходили прямо на улицу. За решетками виднелись печальная головка желтой птицы, безмятежное лицо антропоида с Капеллы и человека, который проводил взглядом Бозка и Магнуса Рудольфа, а потом лениво сплюнул, подняв фонтанчик пыли.

— Что они натворили? — поинтересовался Магнус Рудольф.

— Человек украл материал для крыши, желтая птица напала на юную стоножку с Портмара, а про капелланта ничего не знаю. Начальник полиции, тип с Сириуса 5, живет позади тюрьмы.

Кабинет начальника полиции был огромной палаткой из брезента, а сам начальник — чудовищных размеров амфибией в форме торпеды. Его плавники заканчивались длинной бахромой, черная кожа блестела, и от нее исходил неприятный сладковатый запах. Голову его, как корона, венчал ряд глубоко посаженных, круглых, словно жемчужины, глаз.

Когда Бозк и Магнус Рудольф, усталые, вспотевшие и грязные, завернули за угол барака, он, дрожа и покачиваясь, приподнялся на пружинистых плавниках и скрестил два из них на груди. Там, где находилась бахрома, появились слова — белые буквы на черном фоне.

— Здравствуйте, мистер Бозк. Здравствуйте, господин.

— Хэлло, Фриц! — ответил Бозк. — Я проходил мимо. Показываю другу город.

Амфибия уселась на корытообразное сиденье. Плавник коснулся груди, первая фраза исчезла, и появилась другая.

— Чем могу быть полезен?

— Я пытаюсь найти Макинча, — ответил Магнус Рудольф. — Вы мне можете помочь?

Плавники вздрогнули и тут же коснулись торса.

— Я ничего не знаю. Но окажу вам официальное содействие, когда понадобится.

Магнус Рудольф кивнул и медленно отвернулся.

— Я вас поставлю в известность, если что-нибудь разузнаю.

— А теперь,— сказал Бозк, откашлявшись, чтобы прочистить забитое пылью горло,— остается почта.— Он повернулся и посмотрел в сторону экспортных складов.— Думаю, мы быстрее доберемся пешком, чем на машине.

Магнус Рудольф поднял глаза к двум солнцам, сиявшим в аквамариновом небе.

— К вечеру не бывает свежее?

— Чуть-чуть,— ответил Бозк, решительно шагая вперед.— Надо вернуться в миссию до наступления сумерек. Мне всегда не по себе, когда наступает ночь. Особенно теперь, с этим Макинчем.

Он поджал губы.

Дорожка между развалюх вывела их к морю. Вокруг кипела жизнь во всех ее формах. Через двери и окна можно было видеть неподвижные массивные фигуры, быстрые мятущиеся тени.

За землянами следили глаза дюжины невозмутимых скатов, до их ушей доносились неведомые звуки, их ноздри щекотали самые невероятные запахи.

Все вокруг покраснело — голубое солнце склонялось к горизонту. Когда они приблизились к почте, лачуге из сланца, прилепившейся к зданию космопорта, оно зашло.

Если Магнус Рудольф рассчитывал, что почтарь, многоножка с Портмара, проявит энтузиазм по поводу его миссии, то он был разочарован. Они застали служителя связи за разбором почты — стоя на половине ножек, второй половиной он раскладывал письма по ящикам.

Пока Бозк представлял ему Магнуса Рудольфа, почтарь приостановил разбор корреспонденции и вперил в детектива ничего не выражающий взгляд (Магнус Рудольф уже начал привыкать к этому), затем на прямой

вопрос гостя сообщил, что по поводу личности Макинча не знает ничего.

Магнус Рудольф кинул взгляд на Бозэка и сказал:

— Извините меня, мистер Бозэк, но я хотел бы задать господину почтарю парочку конфиденциальных вопросов.

— Пожалуйста.— Бозэк отошел в сторону.

Магнус Рудольф освободился через несколько минут.

— Мне хотелось знать, какую корреспонденцию получают муниципальные служащие и не подметил ли он что-нибудь необычное, что могло бы мне помочь в поисках.

— Он оказал вам помощь?

— Еще бы.

Они прошли вдоль набережной, где на якорях стояли громадные баржи с водорослями, затем вернулись к экспортному складу. Когда они добрались до машины, красное солнце висело совсем низко. Кровавый свет рядил город в пурпурные одежды, скрадывая нищету и грязь. Всю дорогу до миссии они не перекинулись ни словом.

Когда они вылезли из машины, Магнус Рудольф повернулся к Бозэку.

— У вас есть микроскоп?

— Целых три,— сухо ответил Бозэк.— Оптический, электронный и гамма-бэта.

— Дайте мне один из них на сегодняшний вечер,— попросил Магнус Рудольф.

— Пожалуйста.

— Думаю, завтра мы решим это дело тем или иным способом.

Бозэк с любопытством глянул на гостя.

— Вы знаете, кто Макинч?

— Это стало мне очевидным почти сразу же,— ответил Магнус Рудольф,— ведь я все же располагаю некоторыми знаниями.

Бозэк сжал челюсти.

— Будь я на вашем месте, я непременно запер бы свою дверь на ночь. Кто бы он ни был, ясно одно — Макинч убийца,— процедил он.

Магнус Рудольф согласно кивнул.

— Думаю, вы правы.

В этот период года ночи в Склеротто были длинными — целых четырнадцать часов, а потому Магнус Рудольф встал, принял ванну и облачился в чистенькую бело-голубую тунику еще до зари.

Из окон гостиной он долго любовался восходом солнца, которое предвосхищало ярко-синее сияние, разлившееся по всему небосводу.

Сзади послышались шаги, он обернулся и увидел Клеммера Бозка, который, склонив голову набок, глядел на него. Его голубые глаза сверкали от любопытства.

— Как спалось? — приветствовал его Бозк.

— Отлично,— ответил Магнус Рудольф.— Надеюсь, вы тоже неплохо выспались.

Бозк проворчал что-то нечленораздельное, а потом добавил:

— Вы готовы завтракать?

— Давным-давно,— кивнул Магнус Рудольф и последовал за хозяином в столовую. Бозк велел единственной служанке миссии принести завтрак.

Во время еды оба молчали. Синий цвет зари становился все ярче. Выпив кофе, Магнус Рудольф откинулся на спинку кресла и раскурил сигару.

— Вы по-прежнему считаете, что закончите дело сегодня? — спросил Бозк.

— Да,— не замедлил ответить Магнус Рудольф.— Думаю, это вполне возможно.

— Вы знаете, кто Макинч?..

— Без тени сомнения.

— И вы можете это доказать?

Магнус Рудольф выпустил колечко дыма, которое поплыло вверх, сверкая в первых лучах сапфирового солнца.

— В какой-то мере да.

— Вы не очень уверены в себе.

— Видите ли, у меня зреет замысел, как покончить с делом побыстрее.

— Ах так! — Бозк не скрывал сарказма, постукивая пальцами по столу.

— Мне хотелось бы, чтобы мэр...— этот, как его... Жужу? — собрал сегодня во второй половине дня совет. В мэрии. Там мы и обсудим дело Макинча.

По дороге в мэрию Бозк заявил:

— Все это пахнет дешевой мелодрамой.

— Возможно, возможно,— загадочно откликнулся Магнус Рудольф.— А может быть, и драмой.

Бозк схватил его за руку.

— Вы уверены?..

— Ни в чем нельзя быть уверенным абсолютно,— философски промолвил Магнус Рудольф.— Даже во вращении этой планеты вокруг своей оси. А самым непредсказуемым явлением, по моим наблюдениям, является продолжительность жизни.

Бозк замолчал и уставился куда-то вдаль.

Они вошли в мэрию, постояли несколько минут в прихожей, давая глазам привыкнуть к полумраку. Вскоре стали различимы по сторонам предметы, испещренные красными и синими солнечными зайчиками.

— Мусорщик уже здесь,— пробормотал Магнус Рудольф, поднося руку к носу.— Я ощущаю его присутствие.

Они вошли в центральный зал. Мэр в красной шапочке набекрень торжественно расхаживал по кругу, образованному мусорщиком-голесподом, почтарем-многонож-

кой, пожарником Джо Бертраном, директором склада — уроженцем Тау-Близнецов и начальником полиции — черной амфибией.

— Господа,— начал Магнус Рудольф,— я недолго задержу вас. Как известно, я провел следствие по поводу существа, известного под именем Макинч.

Аудитория зашевелилась, и по залу разнесся шум — зашуршали, поблескивая, лапки многоножки-почтаря, на эластичной коже начальника полиции заиграли желваки, хрустнула шея мэра. Приглушенно засвистел скат-го-леспод, закашлялся негр-пожарник.

Директор склада, муравей с Тау-Близнецов, взял слово и произнес своим бесцветным голосом:

— Почему мы здесь собрались? Изложите ваши намерения яснее.

Магнус Рудольф безмятежно погладил бородку и по очереди оглядел каждое существо.

— Я установил личность Макинча. Подсчитал, во сколько он обходится ежедневно Склеротто. И могу доказать, что это существо — убийца, во всяком случае оно пыталось убить меня. Да-да, меня, Магнуса Рудольфа! — Магнус Рудольф говорил с необычайной торжественностью.

Снова началось движение, послышались самые разные звуки, словно каждое существо стремилось уйти в тайники собственного тела.

Магнус Рудольф продолжил:

— Поскольку вы представляете местную власть, мне хотелось бы выслушать ваше мнение о том, что мне надлежит делать далее. Господин мэр, у вас есть какие-либо предложения?

Желтая птица яростно закрутила шеей и издала ряд пронзительных неразборчивых звуков. Затем ее голова застыла и пурпурный глаз с хитрым блеском воззрелся на Магнуса Рудольфа.

— Макинч может всех нас убить!

Бозк прочистил глотку и нехотя проворчал:
— Вы полагаете, что поступили здраво, собрав...

Пожарник Джо Бертран прервал его:

— Мне эта киношка надоела! У нас есть тюрьма. У нас есть уголовный кодекс. Осудим его за проступки. Если он вор, засадим его в тюрьгу. Если убийца и его можно подвергнуть ментальной хирургии, сделаем ему операцию. Ежели нет, казним!

Магнус Рудольф кивнул.

— Я могу доказать, что Макинч — вор. Несколько лет тюрьмы — хорошее наказание. У вас есть чистенькая тюрьма со спороубивающими фильтрами, обязательными гигиеническими ваннами и свежей пищей...

— Почему вас так заботит гигиена тюрьмы? — подозрительно осведомился директор склада.

— Потому что туда посадят Макинча, — торжественно возвестил Магнус Рудольф. — Его вакцинируют и иммунизируют, он будет жить в совершенно стерильных условиях. Именно от этого Макинч будет испытывать такие муки, по сравнению с которыми смерть — ничто. А теперь...

Он обвел взглядом присутствующих, застывших в немом любопытстве.

— Так кто же Макинч?

В этот момент вскинулся мусорщик. Он принял почти вертикальное положение, открыв бледное брюхо и двойной ряд бесцветных коротеньких ножек. Его тело свела судорога, оно выгнулось назад.

— Пригнитесь! — закричал Бозк, когда голеспод выплюнул во все стороны липкие струи жидкости.

Из утробы мусорщика донеслось раскатистое урчание.

— Теперь они все умрут, все...

— Тихо! — сухо проговорил Магнус Рудольф. — Тихо, всем молчать! Прошу вас, господин мэр!

Испуганные крики желтой птицы стали тише.

— Вы все вне опасности, — продолжал Магнус

Рудольф, хладнокровно вытирая лицо и не сводя глаз со вздыбившегося голеспода.— Ультразвуковой вибратор под полом, облучатель Гехтмана под потолком. Они работали, как только мы вошли в этот зал. Бактерии яда Макинча погибли, как только вылетели из его глотки, если не раньше.

Голеспод присвистнул, рухнул на пол и засеменял прямо к двери — его ножки работали как поршни. Начальник полиции, словно морская черепаха, ныряющая в волны, бросился вперед и рухнул прямо на плоскую дрожашую спину голеспода. Его плавники впились в плоть беглеца. Голеспод взвыл, перевернулся на спину, охватил амфибию ножками и напрягся. Джо Бертран подскочил к сцепившимся и ткнул кулаком в голубой глаз. Многоножка с Портмара оказался в самой гуще схватки и своими лапками стал одну за другой разжимать лапки голеспода, спасая задыхающегося начальника полиции. Мэр прыгнул в потолочное отверстие и тут же вернулся, размахивая топориком...

Бозк, покачиваясь, доковылял до машины. Магнус Рудольф выбросил бело-голубую тунику в канаву и подошел к нему.

Бозк судорожно сжимал руль, на нем не было лица.
— Они разорвали его в клочья,— прошептал он.

— Весьма унизительный спектакль,— Магнус Рудольф ощупывал бородку.— Гнусное дельце, иначе не скажешь.

Бозк укоризненно посмотрел на него.

— Никогда не поверю, что вы не предусмотрели такого исхода!

— Дружище, неплохо вернуться домой и принять ванну,— тихо ответил Магнус Рудольф.— Думаю, чистые одежды позволят нам оценить происшедшее в истинном свете.

За обедом напротив Магнуса Рудольфа восседал совершенно иной Клеммер Бозк. Он едва замечал, что лежит у него на тарелке. Магнус Рудольф ел деликатно, однако не отказывал себе ни в чем. На нем снова была безупречно чистая одежда, его ухоженная бородака белым руном струилась по тунике.

— Но как,— пробормотал Бозк,— как вы узнали, что Макинчем был мусорщик?

— Все очень просто,— Магнус Рудольф небрежно взмахнул вилкой.— Безупречная логическая цепочка. Теория и немного справочного материала...

— Да-да,— буркнул себе под нос Бозк,— чуть логики, чуть ума...

Губы Магнуса Рудольфа едва приметно дрогнули.

— Если говорить конкретно, моя мысль шла следующим путем. Макинч занимается коррупцией, ворует, хищничает значительные суммы денег. Что он делает с добычей? Ничего такого, что могло бы быть заметно постороннему взгляду, иначе он сразу же обнаружит себя. Исходя из того, что Макинч тратил все свои деньги или часть их — предположение, которое вскоре превратилось в уверенность,— я оценил каждого из муниципальных служащих, логически бывших на подозрении, с точки зрения существа его расы.

Взять Джо Бертрана, пожарника. По вышеуказанным соображениям он чист как стеклышко, поскольку живет скромно и без трат.

Теперь мэр. В чем суть удовольствия для желтой птицы? Я узнал, что у желтых птиц понятие удовольствия связано с неким цветком, запах которого их одурманивает и возбуждает. Ничего подобного в Склеротто нет. Мэр ведет скромный образ жизни.

Затем директор склада, муравей с Тау-Близнецов. Запросы этих существ очень невелики. Слова «роскошь» и «отдых» не имеют даже эквивалентов в их языке. Именно поэтому я был готов оставить его вне подозрений. Но

узнал от почтаря, что тот покупает ежемесячно некоторое количество книг, — это его единственная слабость. Однако стоимость этих книг вполне укладывается в рамки его оклада. На время я отбросил мысль о муравье.

Начальник полиции — случай особый. Это — амфибия, привыкшая к образу жизни моллюска. На его родной планете повышенная влажность, она покрыта болотами. Можно считать чудом, что он еще остается в живых здесь, на Склеротто.

Заинтересовал меня и почтарь, многоножка с Портмара. Его понятие роскоши — огромный бассейн горячего масла и крохотные зверьки, выдрессированные для массажа кожи, после которого она становится песочно-желтой. Кожа почтаря имеет кирпично-красный цвет и покрыта наростами — несомненный признак бедности и равнодушия к туалету.

И наконец мусорщик. Человеческая реакция на его образ жизни — отвращение и презрение. Мы не можем заставить себя поверить в то, что копающееся в отбросах существо наделено тончайшими ощущениями. Однако мне известно, что голесподы с успехом поддерживают весьма хрупкое и тонкое внутреннее равновесие. Они поглощают органические вещества, которые подвергают брожению в ряде своих желудков, используя различные бактерии. Таким образом они получают спирты, окисление которых снабжает их энергией.

Главное в том, что для голесподов состав и качество органического сырья не имеет никакого значения: это могут быть бытовые отходы, продукты разложения белка, трупы. В дело идет все, все годится. Они получают удовольствие не от того, что поглощают, а от выработанных организмом веществ, но здесь особую и весьма важную роль играет микрофлора в их желудках.

За тысячелетия голесподы стали первоклассными бактериологами. Они выделили миллионы различных типов бактерий, вывели новые виды, каждый из которых создает

свое, ни на что не похожее чувственное ощущение. Самые ценные виды культивировать трудно, отсюда их цена.

Когда я узнал все это, то понял, что мусорщик и есть Макинч. Он считал себя весьма удачливым дельцом — с одной стороны, он буквально купался в неограниченном количестве органических веществ, с другой стороны, он мог себе позволить приобретение смесей самых редкостных и самых дорогих бактерий.

Почтарь сообщил мне, что голеспод получал с каждым кораблем, прибывающим в Склеротто, небольшой паке-тик — бактерии родной планеты, а некоторые из них стоили баснословно дорого.

Магнус Рудольф откинулся в кресле и пригубил кофе, глядя поверх чашки на бледного хозяина. Боэк нервно передернулся.

— А как он убил двух сыщиков? — спросил он. — Вы ведь сказали, что он пытался сделать это и с вами.

— Помните, он плюнул в меня? Вернувшись в миссию, я рассмотрел пятно под микроскопом. Это был толстый слой мертвых бактерий. Я не смог определить их вид. К счастью, мои предосторожности не были излишними. — Он отпил глоток кофе и затянулся сигарой. — Теперь по поводу гонорара. Надеюсь, вы получили инструкции?

Боэк тяжело встал, направился к столу и вернулся с чеком.

— Благодарю вас. — Магнус Рудольф бросил беглый взгляд на сумму, спрятал чек и задумался, постукивая пальцами по столу: — Итак, Склеротто-Сити остался без мусорщика...

— И никаких шансов отыскать нового, — нахмурился Боэк. — В городе будет вонять пуще прежнего.

Магнус Рудольф любовно поглаживал бородку, устремив взгляд вдаль.

— Нет... Доходы едва соизмеримы с усилиями...

— Что вы хотите сказать? — Боэк округлил глаза от удивления.

Магнус Рудольф вышел из задумчивости и холодно посмотрел на грызущего ногти Бозка.

— Ваши затруднения заставили меня пораскинуть мозгами.

— И что же?

— Чтобы заработать деньги,— наставительно сказал Магнус Рудольф,— следует предложить нечто такое, что покупатель согласен оплатить. Очевидная истина, не так ли? Но не все так просто. Очень многие заняты тем, что продают совершенно бесполезные предметы и услуги. Поэтому и преуспевают нечасто.

— Вы правы,— согласился Бозк.— Но какая здесь связь со сбором мусора? Вы претендуете на это место? Если да, могу замолвить за вас словечко.

Магнус Рудольф посмотрел на него с укоризной.

— Просто я подумал, что Ориге 1012 кишит голесподами, каждый из которых готов купить привилегию на занятие этой работой,— он вздохнул и покачал головой.— Доходы от разового найма не стоят даже усилий, а вот помещение капитала в создание мусорной службы в рамках всего Содружества может принести немалые барыши!

Радомир Клабал

Если вы такой умник, то скажите, где трупы?

— Что предложите на ужин? — спросил единственный посетитель ресторана «Орленок».

— Только зельц с луком. Горячее готовить невыгод-

Пер. изд.: Klabal R. Kde máte mrtvolu, vy chytráku?: в сб. Stalo se zítra.— Praha, Svoboda, 1984.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

но,— кельнер кивнул головой в сторону пустого зала.

— Но еще не так поздно.

— Вы, наверное, не здешний? У нас тут всегда было народу битком, пока в городе вдруг не стали пропадать люди. В прошлую пятницу пропал третий. Ходят слухи, будто объявился какой-то кровожадный маньяк. Чуть стемнеет, и никто уже не выходит на улицу. Но я считаю, что это глупость: ведь трупов-то не нашли. Так будете есть зельц?

— Да. Принесите, пожалуйста.

Кельнер удалился на кухню, а когда вернулся с порцией зельца и плетеной хлебницей, посетитель спросил, что тот думает по поводу этих загадочных исчезновений.

— Я? Да ничего, вряд ли это убийства. Младшего Зикла, который пропал первым, я сам не знал, а знаком только с его отцом. Старик иногда наберется лишнего и воюет с женой, когда та приходит за ним. Но кому надо убивать его сына, студента техникума? Говорят он был головастый парнишка, добряк и тихоня. Его карманы были набиты книжками, а не деньгами. Откуда им взяться, если папаша — выпивоха, а мать — бухгалтерша в коммунальной конторе?

— А двое остальных?

— Доктор Кожела? Этот работал врачом в заводской поликлинике. Свойский мужик. В своем роде, но честный, приличный человек. Холостяк, почитай, весь город ходил у него в друзьях. Люди шли к нему, как к духовнику на исповедь, женщинам нравился, но амурных дел за ним никто не замечал. А вот у инженерши Рабицовой, у этой все наоборот. Уверен, не одна местная дамочка облегченно вздохнула после ее пропажи. Из мужчин вряд ли кто желал ей плохого. Будь у нее с доктором причина прятаться, можно было бы подумать, что они нашли себе где-то райский уголок. Оба холостые, красивые собой — из них получилась бы хорошая пара.

— А если они все же скрывали свою взаимную сим-

патию?

— Может, оно и так. Но у меня другие соображения. Наверно, правда, фантастические... Я недавно где-то читал, что наука обогнала даже самую смелую фантастику. Не хотите ли пивка? А то я надоел вам своей болтовней.

— Напротив, все это мне очень интересно.

— Вы не из газеты?

— Нет. Приехал в командировку.

— На автозавод? Наверно, в новой гостинице поселились? Могли бы и у нас, хотя здесь номеров маловато — всего пять. Ведь этому дому за полвека перевалило. Но если хотите...

— Нет, спасибо. Вы так и не поделились вашими соображениями.

— Ах, да. Если вас интересует. До войны здесь жил такой Спирит. Спирит — это его фамилия. Он был доктор права, но практикой не занимался. Говорили, что он получил богатое наследство. Так этот Спирит — одна фамилия чего стоит! — устраивал раз в полгода для местной верхушки спиритические сеансы. У него имелся шикарный номер. Он пристально смотрел на шкаф, в котором стояло сто семьдесят семь книг, и тот полз из одной комнаты в другую через пятисантиметровый порожек. А сам Спирит не вставал со стула. На другой день старик Грабек — он и сейчас еще в добром здравии — вместе с тремя другими силачами перетаскивали книжный шкаф на прежнее место. Обратного вернуть шкаф он не мог: сил не хватало, даже потом недели две его возили на коляске. Однажды Спирит устроил так, что исчез молодой советник. Причем кругом стояли люди. На другой день инспектор рыбнадзора нашел советника на берегу реки. Тот ничего не помнил и не знал, кто он и как его зовут. Скажете — небылицы? Но через много лет на том самом месте на берегу решили построить завод точных приборов. Сделали замеры, и оказалось, что завод строить

нельзя из-за каких-то магнитных отклонений, которые не могли объяснить и которые могли отразиться на производстве. Завод все же построили, но автомобильный и выше, на горе. Вот я и думаю, что в пропаже людей тоже виноват сверхмагнетизм, кажется, это так называют. Им, похоже, пользовался Спирит. Не верите? А как насчет магнитных браслетов? Некоторым они помогают. Кстати, молодого Зикла в последний раз видели как раз на лугу у речки!

Начальник городского отделения полиции, взглянув на вошедшего капитана Кршика, едва сдержал улыбку. Ноябрьское солнце на миг заглянуло в помещение, и в его лучах рыжая шевелюра капитана вспыхнула ярким пламенем. Он коротко изложил гостю из областного центра историю странного исчезновения троих сограждан.

— И это все? — удивился капитан. — А кельнер из «Орленка» вчера вечером рассказал мне куда больше.

— Ну а парикмахер на главной площади вообще знает больше всех, — не без раздражения ответил начальник отделения.

— Судя по всему, — невозмутимо продолжил капитан, — завтра можно ожидать следующего исчезновения.

— Не исключено. Рабицова исчезла через неделю после Зикла, Кожела — через восемь дней после Рабицовой. После исчезновения Кожелы прошло уже шесть дней.

— Если только Рабицова не сбежала к какому-нибудь поклоннику, как уже было однажды, хотя тогда она отсутствовала всего два дня, и если Зикл не ушел от своего невоздержанного родителя, а доктору его кабинет не опостылел настолько, что... — капитан ребром ладони провел по шее.

— Буду рад, если ваши предположения подтвердят-

ся,— помолчав, ответил начальник отделения.— Но как объяснить вереницу этих событий? К тому же Рабицова свой отпуск уже отгуляла!

Капитан нетерпеливо поднялся.

— Чтобы сдвинуться с мертвой точки, следует действовать познергичнее. Исчезновения происходили в вечерние часы. С завтрашнего дня снимите все патрули. Приманкой буду я сам.

Дождь моросил не переставая. От пронизывающего холода Кршика стало познабливать. Он попрыгал на месте, надеясь немного согреться. Ни вчера, ни позавчера он так никого и не встретил, хотя проторчал на улице до трех часов ночи. У него уже пропала всякая охота бродить вечерами по городу. Он миновал арку в нижней части площади и направился к церкви, намереваясь обогнуть ее и пройти к мосту, чтобы завершить последний круг.

Когда он подошел к церкви, ему показалось, что он слышит в ночной тишине чьи-то шаги. Кршик остановился и прислушался. Теперь он отчетливо слышал твердую поступь. Всматриваясь в темноту, Кршик инстинктивно нащупал кнопку радиации. Когда прохожий подошел совсем близко, капитан разглядел пожилого мужчину, согнувшегося под тяжестью ноши. Кршик вынул руки из карманов и закурил, а мужчина, поровнявшись с ним, остановился и опустил на землю сверток.

— Дежури́м? — спросил он.

Удивленный Кршик молча кивнул. Пока он раздумывал, что бы спросить в ответ, полуночник затараторил, объясняя, что возвращается от брата, который живет внизу за мостом, что брат живет один и уже несколько дней хворает. В такую погоду схватить грипп ничего не стоит. Сегодня он задержался у брата дольше обычного. А несет братово белье, которое он завтра собирается сдать

в прачечную. Тяжеленное, черт бы его побрал. Даже не подумаешь, что грязь может весить столько, что от нее немеют руки. Слава богу, что тут уже близко.

— А вы не боитесь ходить один в такое позднее время? Вы, наверно, слышали, что в городе исчезают люди?

— Слышал. А чего мне, старику, бояться? Когда торопишься домой, думаешь только о том, как бы быстрее дойти. Однако не стану вас задерживать. Доброй вам ночи! — он нагнулся и кряхтя поднял сверток с земли.

— Минуточку,— Кршик преградил ему дорогу.— Предъявите ваши документы!

— У меня нет документов. Я не ношу их с собой.

— В таком случае я вынужден пойти с вами,— заявил капитан.— Да и вам со мной безопаснее. Дайте-ка сверток — я вам помогу.

— Вы очень любезны. Премного вам благодарен. Я живу недалеко, на Медовой улице.

Вскоре они оказались на улице с одноэтажными домами, окруженными полисадниками. Один-единственный фонарь отбрасывал мутный желтый свет вокруг столба.

— Вот мы и дома,— незнакомец толкнул плечом калитку из железных прутьев и потянул капитана за сверток вслед за собой.— Кофейком не попотчую, потому как сам не любитель. Надеюсь, вы не намерены у меня долго засиживаться?

Старик локтем толкнул незапертую дверь, пошарил рукой по стене и щелкнул выключателем. Скучный свет едва осветил пахнущий сыростью холодный коридор, который, по всей вероятности, выходил во двор. Они миновали первую дверь, а у второй двери мужчина остановился, открыл ее ключом и жестом пригласил капитана войти.

— Только после вас,— Кршика все еще не покидала настороженность. Он вошел и застыл от изумления,

оказавшись в прекрасно оборудованной лаборатории.

— Здесь у меня кухня, а гостиная и спальня находятся рядом. Я тоже живу один. Предлагал брату переехать ко мне, но он не захотел. Старые люди, как кошки, любят жить сами по себе...— он подошел к столу, выдвинул ящик и стал рыться в нем. Отыскав паспорт, он протянул его капитану. Кршик раскрыл документ и прочел: Алоис Чиржичек. Он хотел еще посмотреть штамп с места работы, но Чиржичек его опередил, сообщив, что давно на пенсии. По болезни, из-за страшных головных болей и головокружений. Пробовал лечиться, но... не помогло, и он получил пенсию по инвалидности. Последнее место работы — городская больница, где он тоже надеялся подлечиться, но от процедур и лекарств не было никакого проку.

Капитан захлопнул паспорт и указал им на стеллажи и длинный стол со склянками и аппаратурой.

— Все это принадлежит вам?

— Разумеется.

— Чем вы занимаетесь? Надеюсь, в местной больнице ничего не пропало?

Чиржичек протянул руку, чтобы взять паспорт.

— В больнице я насмотрелся всяких экспериментов и увлекся ими. Кое-какие списанные приборы мне подарил главврач Долник. Остальное купил или сконструировал сам.

Кршик улыбнулся и пошутил:

— Где же скрыт мозг, превосходящий самого Эйнштейна?

— Зачем он мне?

— Умная голова всегда в цене. Не так ли?

— Безусловно. Но при сердце и душе. Мозг без души и сердца может натворить бед.

— Каково направление ваших исследований?

Чиржичек что-то невнятно буркнул и отмахнулся, как бы давая понять, что объяснять пришлось бы слиш-

ком долго.

— Вас, небось, уже разыскивают ваши коллеги. Не дай бог заявятся сюда!

— Надеюсь, вы не боитесь стражей порядка? Уж больно загадочный у вас вид. Итак, чем вы занимаетесь?

— Проблемой регулируемой эволюции индивидуума.

— Вот как? А я полагал, что это педагогическая проблема! — заметил Кршик.

— Я имею в виду биологическую эволюцию, причем в фазе эмбрионального развития, поскольку меня интересуют возможности перестройки структуры зародыша.

— Хм. И как далеко вы продвинулись в изучении этой проблемы?

— Можно сказать, что я добрался до цели и купил обратный билет.

— Ну, значит, вам есть чем похвастать? — спросил Кршик не без иронии.

Чиржичек задумался, а затем ответил с неподдельной искренностью:

— А почему бы и нет? Некоторыми своими мыслями я поделился с доктором Кожелой, но тот сказал, что я сумасшедший. А я, между тем, достиг успеха, который... который пока и сам не в состоянии осмыслить.

Чиржичек показал на три стеклянных сосуда, каждый емкостью литров в тридцать, на три четверти их наполнила розово-молочная студенистая жидкость.

— Вот результаты моих трудов.

— Похоже на фруктово-молочное желе. Однако, судя по вашим словам, это — живая вода!

Чиржичек рассмеялся:

— А ведь вы правы! Удачное определение. Хотя на самом деле это вода и в то же время не вода... Можете на нее взглянуть, — предложил он криминалисту и отдернул занавеску рядом с сосудом. Там стояла ванна, до половины наполненная розовой жидкостью, в которой виднелись части человеческого скелета.

— Ведь это...— начал Кршик и поперхнулся.

— Вот именно,— кивнул Чиржичек.— Это — останки человека. Берцовая и бедренная кости, позвонки, челюсть.

— Откуда у вас все это? — изумился Кршик.

Но Чиржичек не ответил. Он подошел к холодильнику, достал из него две бутылки тоника, открыл их и одну из бутылок протянул криминалисту.

— Выпейте! — он ждал с протянутой рукой до тех пор, пока Кршик не взял бутылку.— У вас наверняка пересохло в горле.

Капитан настороженно посмотрел на Чиржичека, но спокойный и прямой взгляд старика обезоружил его. Он взял бутылку и сделал глоток. Холодный напиток остудил мысли, и его тут же осенило, что количество сосудов со странным содержимым соответствует числу пропавших людей. А в ванне находится четвертый, которого пока никто не разыскивает.

— Кто это?! — рявкнул капитан.

— Не хотите присесть? В двух словах не объяснишь.

— Меня интересует его имя! Остальное изложите при допросе.

Чиржичек сник.

— Эх, вы...— произнес он, глотнув из своей бутылки, а потом доковылял до рабочего стола и с трудом сел на стул.

— Итак, сначала о живой воде, как вы ее назвали... Без воды нет жизни, вернее, вода — это сама жизнь. Да и человек на восемьдесят процентов состоит из воды.

Кршик допил тоник, поставил бутылку на стол и тоже присел.

— Да и происхождением своим человек обязан воде! Вам ли этого не знать! Только вода обеспечивает кругооборот веществ в любом организме. Вы не задумывались, почему люди любят смотреть на бегущую воду? Мною в этот момент всегда овладевает ощущение, будто я гляжу

на водораздел между бытием и небытием. Вода породила жизнь и поддерживает ее. Вода — живой минерал. Клетка, первичный элемент жизни,— не что иное, как водная суспензия белков с примесью других веществ. Клетка — вода, которая неведомо почему спряталась в крепости, называемой оболочкой. А когда ей надоедает быть затворницей и участвовать в удивительных биологических процессах, она возвращается к остальной воде — в реки, в моря. То, что не было в клетке водой, превратится в прах. И снова какая-нибудь вода, пожелавшая уединиться, соберет частички пыли и замкнется в новой клетке. Вода, из которой мы состоим, уже несметное количество раз побывала в клетках цветов, лани, сверкающих стрекоз...

— Все, что вы говорите, весьма любопытно, однако меня больше интересует, чем наполнены эти банки.

Чиржичек поглядел на сосуды.

— Людьями,— спокойно ответил он.— В них находятся целиком растворенные люди. Дис-со-ци-и-ро-ван-ные. Их зовут — Кожела, Рабицова и Зикл.

— А в ванне?

— Неизвестный бродяга.

— Надеюсь, вам понятно, что вы признались в убийстве четырех человек?

— В чем я признался? — Чиржичек смотрел на него с недоумением.— В убийстве четырех человек? Вы с ума сошли!

— Я?! — взревел Кришик.— Сейчас вы пойдете со мной в участок. Там доведем разговор до конца.

— Я никого не убивал! Если вы такой умник, то скажите, где трупы?

— Судя по всему, в этих банках и в ванне.

— Итак, по-вашему, это трупы! А совсем недавно вы называли жидкость живой водой. Да это и есть живая вода! У этих людей каждый волосок на месте и целее, чем после посещения педикюрного кабинета или парик-

махерской. Вам приходилось арестовывать парикмахера за то, что он вас побрил? А ведь он снимает с вас живые частички — вашу щетину. Эта троица не улетила, не заколочена в ящик, не засыпана землей и не сожжена. Каждая их частичка на своем месте, а удален лишь избыток воды. Изменитесь ли вы, когда выпьете воды у соседей? Или сходяв в туалет? Вряд ли! Им не хватает немного воды — и все. Но они живы. Все трое!

— У вас слишком оригинальный взгляд на существование.

— А у вас?

— Что — у меня?

— Что вы, к примеру, считаете признаками существования?

— Осязаемость, различаемость в пространстве... Черт побери, я не философ. Существование означает уйму вещей. Хотя бы возможность разговаривать. Вы можете разговаривать с вашей живой водой?

— Зачем? Что дают разговоры? Я понимаю, что у многих существование сводится к болтовне, однако я скорее согласен с тем, что вы сказали вначале, — различаемость в пространстве. И ничего больше. Иначе придется вспомнить о душе. А она-то и не существует, ибо неосязаема и неуловима во времени и пространстве. Если у этих людей, — Чиржичек кивнул головой в сторону банок, — не было души, они все равно существуют, как вы или я. А если она у них была, то докажите, что они ее лишились и что это дело моих рук. То, что вы представляете собой в настоящее время, то есть плоть, суть не что иное, как дифференциация и специализация комплекса клеток. Возможно, прокурор найдет зацепку для обвинения в совершении преступления. Однако накопленный до сих пор опыт подтверждает, что дифференциация и специализация всегда ведут к гибели. Чем выше специализация, тем ниже жизнеспособность.

Пчелиная матка специализируется на откладывании яиц, и если ей не подсовывать пищу под самый хоботок, она погибнет. Тогда как диссоциированные существа не имеют внутренней структуры или дифференциации, а следовательно, являются стабильными, идеально стабильными. Они находятся в состоянии абсолютного равновесия в соответствии со вторым началом термодинамики. Не кажется ли вам мое объяснение слишком сложным?

Кршик не успел ответить.

— В таком случае постараюсь несколько упростить свои объяснения. Допустим, у вас имеются две краски — желтая и голубая. Смешав их, вы получите зеленую, однако ценой потери желтой и голубой. А из зеленой их вы уже никогда не выделите. А жизнь есть анклав, в котором зеленое посредством устройства, называемого существом, с удивительным совершенством разделяется на все оттенки желтого и голубого. Но любое живое существо превращается в прах. Из праха мы восстаем и в прах обращаемся. А я превратил прах в раствор. Об убийстве можно говорить, если я вылью содержимое этих сосудов в канализацию, предоставив строительный материал организма в распоряжение других живых существ, что, собственно, мы делаем при погребении тела. Однако пока раствор находится в сосуде, существо продолжает процесс развития, дифференциации. И если организм вернуть в обычное состояние, в нем появятся новые оттенки голубого и желтого.

— И вам это удастся? — недоверчиво спросил капитан.

— Я на это надеюсь.

— Ах, надеетесь? — опомнился Кршик. — Что ж, надейтесь! Неприятностей вам не избежать в любом случае.

Увлечшись рассуждениями, Чиржичек пропустил замечание капитана мимо ушей.

— Вы только представьте себе процесс обратной дифференциации!

— Я представляю себе судебный процесс над вами, так как считаю невозможным превращение этого желе в живых людей.

— Крысы, которых я научил разыскивать в лабиринте пищу, после диссоциации и обратной эволюции ориентировались в любом лабиринте сразу же, без предварительного обучения. Подумайте, какие возможности открываются перед человечеством благодаря моему открытию? Возьмем, к примеру, Зикла. Талантливый, умный парень. Его мозг должен содержать определенное вещество, некую специфическую разновидность ДНК, нечто такое, что формирует его мышление. Если Зиклу удастся сохранить максимум воли, его мозг будет производить или содержать это вещество до преклонного возраста. Если же по каким-нибудь причинам он обленится, потеряет способность учиться и творить, то уже в сорок лет станет таким же выпивохой, как его папаша. Слишком многое зависит от среды, и мы не знаем, станет Зикл бездельником или ученым. Парню жить несладко из-за грубости и скандального характера отца. Ни с того ни с сего старик Зикл влепил пару пощечин директору техникума, в котором учится юноша, и боюсь, это отразится на его оценках. А я могу ему помочь. Умственные способности юного Зикла усилены значительным объемом фактических знаний, разнообразного опыта. С точки зрения науки все это можно объяснить определенным химическим балансом мозга. Когда Зикл снова станет творить, он не сможет исключить привнесенный материальный компонент. Опыты, которые я проводил на крысах и собаках, показали, что диссоциация оказывает заметное влияние на увеличение способностей мозга. В случае Зикла — это способность к творческому усвоению приобретенных знаний. Вначале мозг Зикла формировался школой,

но ему следует закончить институт, чтобы мыслить по-научному. Во время учебы в вузе его мозг будет формироваться уже эволюционным путем, в котором участвует и химия, развитие структурных связей между мозговыми клетками, нейронных синапсов. Вам понятно? Сложно, не так ли? Возьмем, к примеру, вас. За время работы в полиции вы накопили опыт, который укрепил комбинаторные способности вашего мозга, умение логически и точно рассуждать, находить тонкие связи между разными явлениями, предугадывать периодичность их появления и указывать правильный ход причин и следствий. Конечно же, ваши способности имеют некий предел. Будь они совершенными, вы бы сейчас не сидели здесь. Я бы сидел у вас. Вы бы не попались на мою удочку. Но когда я вас растворю и помогу вам эволюционировать, вы возродитесь с мозгом, идеально приспособленным к мышлению, которое необходимо криминалисту в его повседневной работе. Если вы хорошо стреляете из пистолета, вам больше не будут нужны постоянные тренировки, ибо после диссоциации эта ваша способность станет как бы врожденной.

— Не хотите ли вы сказать, что собираетесь меня запихнуть в один из ваших аквариумов?

— Без особого труда. Но я еще не закончил.

— Закончили! Хватит! Остальное доскажете в городском отделении.

— Как вам будет угодно. Но потом не жалейте, что упустили единственный шанс в вашей жизни.

Кршик резко отодвинул стул и встал. Чиржичек допил остаток тоника и продолжал спокойно сидеть, давая капитану понять, что не намерен повиноваться его приказу, поскольку не закончил своих объяснений.

— Учтите и тот немаловажный факт, что растворы людей могут храниться как угодно долго. Причем без особых требований к среде и таре. Поймите, какое это имеет значение. Это своего рода анабиоз. Учтите к тому

же, что одного человека можно хранить в сосуде любой формы емкостью в тридцать литров, который можно держать под кроватью. Не нужно сооружать дорогостоящие холодильники и тратиться на охлаждение. Вам не кажется заманчивым пребывание в таком сосуде? Периодически вы можете возвращать себе человеческий облик. Взглянуть на мир, узнать, что в нем нового, некоторое время поработать, влюбиться и снова диссоциироваться на несколько десятилетий. Разумеется, диссоциация не спасает человека от смерти, но жизнь можно прожить частями, например, в течение тысячи лет. Если вам грозят неприятности, растворитесь на пять, десять лет. Когда проснетесь, неприятности канут в Лету. Женщины получают возможность продлить свою молодость на много десятилетий. Ясное дело, что это всего лишь попытка обмануть время, но думаю, трудно найти человека, который не пожелал бы взглянуть на несколько столетий вперед.

— Ну ладно, пошли! — устало перебил его Кршик.

— Это уже не имеет смысла, — ответил Чиржичек и постучал по часам.

— Лично я временем располагаю. Привык работать всю ночь, если надо. Пошли!

— Если я по ошибке пил не из той бутылки, которую предназначал вам, то я уже готов для растворения. Но вы не знаете, как это делается.

— Что вы порете чушь? Вставайте и марш в отделение! — заорал капитан.

— Эх, вы, пан...

— Капитан Кршик из криминальной полиции, если вас интересует мое звание.

— Пан капитан, — продолжил Чиржичек тоном учителя, пытающегося втолковать урок туго соображающему ученику. — Поймите, уже поздно. У вас осталось каких-нибудь двадцать секунд.

Кршик в три прыжка очутился у окна, где на под-

ставке стоял телефон. Чиржичек продолжал смотреть на часы.

— Алло... Ну, наконец! У телефона Кршик. Я задержал человека, на совести которого все исчезновения. Это Алоис Чиржичек. Вторая улица за церковью... Вы знаете? Отлично! И поторопитесь! Кажется, я выпил не то, что следовало.

Кршик повесил трубку. Чиржичек наблюдал за ним с безмятежной доброжелательностью. У капитана не было сомнений, что перед ним сумасшедший.

— Сон вызван люминалом и не угрожает здоровью. Однако проснется он только утром. Это все, что я могу сказать,— извиняющимся тоном произнес дежурный врач.

— Чиржичек упоминал главврача Долника,— сказал Кршик,— который, вероятно, знает о его экспериментах. И хотя время позднее, хотелось бы, чтобы он осмотрел лабораторию. Вы не могли бы пригласить его сюда?

Доктор кивнул и набрал нужный номер. Не прошло и нескольких минут, как главврач появился в доме на Медовой. Он продефилировал по лаборатории словно на обходе: принюхался к содержимому банок, минуты две изучал содержимое ванны, внимательно присмотрелся к окружающим предметам и стал что-то искать. Вскоре он нашел большой деревянный пинцет вроде тех, которыми когда-то вылавливали соленые огурцы из чанов. Вернувшись к ванне, он вытащил из нее пинцетом берцовую кость. Взглянув на кость поближе, он сунул ее под нос своим спутникам, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Искусственная. Как и все остальное. Только зубы настоящие, но готов держать пари, что он их добыл в анатомичке. Он вас попросту разыграл. Велико-

лепная шутка.

— Вообще-то он говорил, что я попался на его удочку,— признался Кршик.

— Говорите — разыграл? Нашел над кем потешаться! Над должностными лицами! Он у меня под суд пойдет за свои штучки!

Главврач положил руку на плечо рассерженного Моравека:

— Будьте снисходительны. В конце концов, когда еще вы можете посмеяться при выполнении служебных обязанностей? А мне не до смеха. Меня вытащили из постели, но я тоже поразвлекся. Приходится удивляться, как этот человек способен шутить, будучи в столь преклонном возрасте и безнадежно больным. У него опухоль головного мозга, вызывающая жуткие головные боли, и жить ему осталось немного. А все же на розыгрыши он мастак. Завтра пришлю кого-нибудь из ассистентов взять пробы растворов на анализ. Ради вашего спокойствия, товарищи. Доброй ночи.

— Судя по всему, ваше пребывание на автозаводе затянулось,— заметил кельнер «Орленка», поставив перед Кршиком поднос с завтраком.

— Да. Непредвиденные обстоятельства, проблемы...

— Надеюсь, что хоть спите спокойно?

— О, да.

— Говорят, вчера что-то стряслось.

— Да? А что именно? — Кршик сделал вид, что тщательно пережевывает черствый рогалик.

— Пока точно не знаю. Говорят, был переполох в больнице. Даже главврача вытащили из постели.

— Неужели новое исчезновение? И из больницы?

— Понятия не имею. Точную информацию получу вечером. Все городские новости у нас можно узнать в трактире «Кружка черного пива».

В зал вошел новый посетитель. Его заслоняла фигура кельнера.

— Гони бутылку, Франтишек! Я выиграл! Он проглотил все мои байки, как скворец вишню. Правда, лучшую часть представления я проспал, но главврач, который побывал на месте происшествия, заверил, что финал был великолепный!

Вошедший замолк, как только кельнер сделал шаг в сторону. Чиржичек увидел перед собой капитана.

— Вижу, вы отлично выпались,— с кислой миной произнес Кршик.— Присядьте на минутку. Я бы хотел вас кое о чем спросить.

— К вашим услугам,— Чиржичек без церемоний сел за стол.

Кельнер проворно ретировался на кухню.

— Что вы выиграли?

— Бутылку бехеровки. Мне рекомендует пить ее пан Долник, а она ныне дорогая, как супруга. Разве что не бранится.

— А кто проглотил ваши байки, как скворец вишню?

— Ах, вы об этом... Коль спрашиваете, пан капитан, я вам, так и быть, отвечу. Видите ли, Франтишек раскусил вас сразу же в первый вечер, а на другой день и говорит мне: «Ты, Алоис, у нас самый смышленный. Попробуй-ка сбить с толку этого криминалиста...» Вот и поспорили с ним на бутылку. Но, честное слово, делали без злого умысла, пан капитан. Вчера вечером я ждал вас здесь, за окном, и потом пошел вслед за вами с тем свертком. Остальное вы знаете.

— Да, знаю. Вы играли очень убедительно. Доктор Долник высоко ценит ваши знания. Вы ему тоже рассказали об этой вашей диссоциации?

— Кое-что рассказал.

— И каково его мнение?

— Он практик. У него другие заботы.

— Кстати, он обещал сделать для нас анализ ваших

растворов.

— И взял пробы из моих банок?

— Почему вы так испугались?

— Как же не пугаться! А если у кого-нибудь из них потом не будет руки, почки или глаза?

Кршик рассмеялся.

— Вам бы в театре работать, пан Чиржичек. Что же касается взятия проб, пан Долник собирался послать одного из ассистентов.

— Простите, но я лучше пойду домой.

Возле кабинета Моравека сидела инженерша Рабицова. Старший лейтенант пригласил ее в кабинет и почувствовал, как учащенно забилося сердце. Он никак не ожидал, что разыскиваемая так красива.

— Мне сказали, что вы интересуетесь мною,— улыбнулась Рабицова.

— Кто вам сказал?

— Вахтер. Я проспала и с опозданием явилась на работу, а он сказал, что меня разыскивает полиция. Вот я и пришла прямо к вам.

— А когда вы вернулись?

— Откуда?

— Вам лучше знать откуда.

— Но я нигде не была. Отпуск я провела летом на курорте и в выходные ездила к родителям. С тех пор нигде не была.

— Вы отсутствовали на работе целых две недели. Где вы провели это время?

— Нигде! О каких двух неделях вы говорите? Ведь только вчера...

— Пани Рабицова, уже две недели вы считаетесь пропавшей без вести, а теперь пытаетесь убедить меня, что нигде не были. Конечно, увлечения толкают на безрассудство, но не уверяйте меня, что никуда не

исчезали. Лучше постарайтесь вспомнить, где вы находились это время! И побыстрее! — повысил тон Моравек и нажал кнопку селектора.

— Разыщите, пожалуйста, капитана Кршика и попросите его немедленно зайти ко мне!

Рабицова закинула ногу за ногу и вздохнула. Ее побледневшее красивое лицо выражало смятение. «Здесь пахнет запутанной любовной интрижкой», — подумал Моравек.

Когда капитан вошел в кабинет, Моравек коротко пересказал ему разговор с Рабицовой.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить поподробнее, что вы делали в последний вечер, — попросил ее Кршик.

— Я не могла уснуть и вышла прогуляться.

— На улице встретили кого-нибудь?

— Человек восемь или десять. Не считала.

— Был ли среди них кто-нибудь из знакомых?

— Да. Пан Чиржичек.

— Откуда вы его знаете?

— Однажды он ждал меня у проходной завода.

Он интересуется измерением биотоков. Его просьба сделать для него кое-какие расчеты меня смутила. У себя мы измеряем силу тока с точностью до сотой доли ампера. К биотокам с такими мерками не подступишься, к тому же ему нужна была высокая точность. Я прокорпела над его заданием около пяти недель. Могу дома найти кое-какие расчеты, если они вам нужны. А вчера... ну, в тот вечер, когда мы с ним встретились на улице, он сказал, что у него возникли какие-то сложности с аппаратурой, которую он смонтировал на основании моих расчетов, и попросил зайти к нему и взглянуть на приборы. Я с удовольствием выполнила его просьбу. Пан Чиржичек много знает и умеет занимательно рассказывать. Я ушла от него в одиннадцатом часу.

— А по пути домой никого не встретили?

Рабицова перевела взгляд с Кршика на Моравека, на ее лице снова появилось выражение смутения.

— Я... я ничего не помню.

— Неужели ничего?

— Помню только, как прощалась с паном Чиржи-чеком в его лаборатории. Он еще предложил проводить меня, но я отказалась.

В дверь постучали.

— Пришли двое граждан. Они хотят с вами поговорить,— сообщил дежурный.

В кабинет вошли пожилой мужчина и долговязый парень.

— Это молодой Зикл,— сказал пожилой мужчина, не здороваясь.— Я нашел его на берегу реки на том месте, где когда-то собирались построить завод точных приборов. Он сидел на траве и что-то бормотал. Вначале я подумал, что он с перепоею, но оказалось, что он голоден и хочет пить. У меня дома он поел, пришел в себя, и я привел его сюда — ведь вы давно разыскиваете парня.

— Большое спасибо. Если вы нам понадобится, мы вас оповестим,— сказал Моравек пожилому мужчине, отпуская его, а затем обратился к парню.— А ты садись!

— Вспомнили что-нибудь еще? — спросил Кршик Рабицову. Она отрицательно покачала головой.

Кршик повернулся к Зиклу.

— А ты где пропадал?

В ответ парень пожал плечами.

— Куда направился, выйдя из дому? И где прятался?

— На сеновале, в конце луга, где стоит мельница Горака.

— Как доставал еду?

— Я не ел. Первые три дня очень хотелось есть,

но потом в основном я только спал.

— Знаешь, сколько ты отсутствовал?

— От силы дней десять.

— Три недели.

— Быть того не может!

— Почему решил вернуться домой именно сегодня?

— Не знаю. Даже не помню, уходил ли я с сеновала. Только в доме пана Кадавского я начал воспринимать окружающее.

— Отвезите юношу в больницу — пусть его хорошенько осмотрят. По виду никак не скажешь, что он голодал целых три недели. Интересно, к какому заключению придут доктора? — Кршик немного помолчал, а затем отдал еще одно распоряжение. — Отошлите кого-нибудь к реке, на тот луг, где был найден Зикл. В общем, туда, где собирались построить завод. Пусть обследуют это место.

После того как Зикла отвезли в больницу и послали двух сотрудников полиции на луг, Кршик облегченно вздохнул и обратился к Моравек:

— Если и здесь замешан Чиржичек, эта история закончится тем, что над нами будет смеяться вся область. Прodelки гения из Конопиц. Ну и влипли мы!

— Я напишу на него рапорт, — пообещал Моравек. — Это ему не сойдет с рук. Он же просто хочет принизить нашу работу!

— Мы теряем способность оценить его шутку, — сказал Кршик. — А жаль. Думаю, что шутка учит быть терпимым и помогает совершенствоваться и себя, и свою работу.

Доктор Долник сидел на краешке больничной койки и внимательно всматривался в лицо пациента. Тот лежал неподвижно. Его привезли сюда труп трупом. По всей вероятности, из-за простуды — неизвестно, как долго

он пролежал на лугу у реки. После обследования у доктора Долника сложилось впечатление, что организм этого человека пребывает в состоянии, поразительно схожем с состоянием плода незадолго до появления на свет. По всем признакам приближался момент «рождения». «Будь он новорожденным, его следовало бы взять за ноги, опустить головой вниз и хорошенько шлепнуть», — подумал Долник, улыбнувшись неожиданной мысли.

Вдруг пациент громко засопел, заворочался, издал звук, похожий на детский плач, и ровно и глубоко задышал. Он открыл мутные глаза, взгляд его постепенно осмыслился.

— Агу, агу, агусеньки! — невольно засосюкал доктор. — Ну, как нам нравится на этом свете?

Взгляд пациента стал более внимательным. Он вынул руки из-под одеяла и нелепо замахал ими в воздухе, затем начал шевелить губами, пытаясь что-то произнести. Последовал целый ряд нечленораздельных звуков, из которых постепенно образовалось слово «доктор». Наступила длинная пауза, и наконец Кожела произнес уже вразумительно:

— Доктор, что со мной? Что я здесь делаю?

— Вы только что родились, коллега. К счастью, без акушерки и, к еще большему счастью, мгновенно миновав грудной возраст, потому что найти для вас кормилицу было бы выше моих сил.

— Что со мной случилось?

— Десять дней назад вы исчезли неизвестно куда.

— Исчез? Десять дней я был... или скорее всего меня не было?!

— И не только вас. Сегодня утром нашлись и остальные пропавшие. Теперь расскажите, что с вами произошло.

— Я помню только до определенного момента, а потом — провал. Вечером мне позвонил Чиржичек, тот, который одно время работал у вас в больнице, и попросил

меня зайти к нему. Дескать, у него есть кое-что, что меня может заинтересовать. И действительно, было. Но хоть убейте, не могу вспомнить, как именно развивались события после нашего с ним разговора.

— Надеюсь, вы от души посмеялись над чудачествами старика?

— Я бы не сказал, что было до смеха,— доктор Кожеда приподнялся и сел на постели.— Страшно хочется пить.

Главврач показал ему на стоявший на ночном столике стакан. Кожеда схватил его и присмотрелся к золотистому напитку.

— Неужели травяной настой? — он понюхал жидкость.— Жаль, не на спирту!

— Вы должны радоваться, что вам прописали не сунар, который мы даем детям-искусственникам. Когда вас нашли, вы скорее всего напоминали утопленника. Так чем же вас удивил Чиржичек?

— Синтезом клетки. Да, вы не ослышались. Из какого-то розового желе ему удалось выделить тканевую культуру. Запросто, прямо у меня на глазах. Удивительно, что синтез фиброцитов ему удавался с той же легкостью, как и синтез нейроцитов. Все было как во сне. Я всегда считал его умным человеком, но все, что он мне продемонстрировал, было вершиной гениальности. Или же шарлатанства. Однако в чем же тогда заключается подвох?

— Он здесь одному человеку внушил, что может его растворить и снова синтезировать. Эдак через пару годков. И сыграл все это, как мне было сказано, очень убедительно.

Кожеда молча смотрел на главврача. Потом отпил чай из стакана, который держал в руке, поставил его на столик и чертыхнулся:

— Черт побери, так что же все-таки произошло? Я разговаривал с Чиржичеком о его экспериментах,

однако не помню, как ушел от него... Я непьющий, и вряд ли он мог спойть меня.

Главврач задумался. Он старался вспомнить, что видел в лаборатории Чиржичека. Действительно ли кости были искусственными? Но достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться, что они не настоящие. Вряд ли он мог ошибиться. А растворы? То, что принес от Чиржичека ассистент, по его словам было пробой жидкости из ванны. А раствор в ванне отличался от раствора в банках прежде всего плотностью. Но ассистент никаких банок в лаборатории не видел. Почему Чиржичек спрятал их?

— Кстати, в полиции меня просили сообщить, когда вы очнетесь.

— Передайте им, что я ничего не помню. Ведь так оно и есть.

— А не хотите поговорить с Чиржичеком? Мне кажется, ему есть что рассказать.

Чиржичек встретил обоих врачей с почтительной приветливостью.

— Я бы с удовольствием принял вас в гостиной, но там у меня беспорядок,— извинился он и открыл дверь лаборатории.— Присаживайтесь, пожалуйста, где вам будет угодно.

Войдя в помещение, оба врача сразу же заметили, что все банки исчезли, а ванна занавешена.

— Что вас привело ко мне? — спросил Чиржичек, закрыв дверь.

Главврач испытующе всмотрелся ему в лицо.

— Вы, очевидно, уже знаете, что доктор Кожела на некоторое время пропадал без вести. Сегодня его обнаружили в несколько странном состоянии на берегу реки. Последнее, что он помнит до своего исчезновения, это свой визит к вам. Возможно, вам придется объяснить полиции, что здесь произошло в тот вечер. Однако нас

интересуют другие вопросы.

— Пожалуйста, спрашивайте... Я с удовольствием отвечу...

— Прежде всего объясните, почему вы дали ассистенту пробы не того раствора, который от вас требовался?

— Если исходить из предположения, что это были диссоциированные люди, то без их согласия нельзя было подвергать анализу какую-либо часть их тела,— Чиржичек говорил медленно и сосредоточенно.— При современных методах анализа они могли бы пострадать. Я не мог взять на свою совесть членовредительство. Если же исходить из предположения, что я пошутил, то в таком случае это были растворы, не представляющие никакой ценности. Поэтому не все ли равно, какой из растворов я дал ассистенту для анализа.

— Коллеге Кожеле вы продемонстрировали клетки. Вы наверняка сознаете, что речь идет об открытии перво-степенной важности? Почему вы не предадите его гласности?

— Видите ли, человеческое поведение не всегда бывает рациональным. А потом...— Чиржичек смерил взглядом Кожелу,— вы уверены, что это — ваше воспоминание? Воспоминание о действительном факте? Ведь это мог быть и ловкий трюк. Или же галлюцинация.

— Послушайте! — повысил голос главврач.— Всем нам хорошо известна ваша страсть к розыгрышам, но и шуткам есть предел. Вряд ли вам удастся избежать обвинения в причастности к исчезновению троих или даже четверых граждан нашего города...

— Обвинить можно и вас,— прервал его Чиржичек.— Обвинить можно кого угодно и в чем угодно. А где доказательства? Что можно выдвинуть против меня? Что доктор Кожела был у меня в гостях?

— Откуда я не ушел,— вмешался в разговор Кожела.

— Уверяю, что ушли! Попробуйте доказать обратное, ведь вас обнаружили не в моем доме!

— Вы пытались усыпить капитана Кршика,— напомнил главврач,— намереваясь сделать с ним то же, что и с остальными, но при этом перепутали бутылки и уснули сами.

Чиржичек рассмеялся:

— Вы это серьезно, пан Долник? Почему же в таком случае пан капитан не взял обе бутылки для анализа остатков их содержимого? Или вы считаете, что я ошибся нарочно?

— Но я точно знаю, что домой я не дошел. Все могут подтвердить, что меня обнаружили спящим на берегу реки. В ноябре месяце! А я даже летом предпочитаю спать в постели, в своей постели!

— Неужели это свидетельствует против меня? — удивился Чиржичек.— Люди добрые, вам наверняка хорошо известно, какие шалости могут позволить себе душевно здоровые люди с совершенно безупречной репутацией. Известны случаи, когда добропорядочные отцы семейства, уважаемые торговцы, степенные чиновники ни с того ни с сего покидали свой дом, работу, не попрощавшись с близкими, и отсутствовали не один год. Они жили в другом месте иной жизнью и без какой-либо связи с прошлым до тех пор, пока вдруг в один прекрасный день не возвращались обратно, так и не вспомнив, где провели это время.

— Вы считаете, что нечто подобное могло постигнуть нескольких людей из одного города одновременно?

— На это трудно возразить. Но могу напомнить одну историческую аналогию, которую трудно постигнуть и толком объяснить.

— Какую же? — поинтересовался главврач.

— Речь пойдет о немецком народе в сорок первом, о восьмидесяти миллионах немцев, горстка преступных авантюристов погнала их на совершенно бессмысленную войну. Миллионы мужчин оставили свои дома, жен, детей, работу, понимая, что идут на верную смерть. И все же

шли, чтобы погибнуть. И хотя люди знают, что подобный уход из жизни абсурден, все грозит повториться. За примерами далеко ходить не надо...— Чиржичек замолк, его лицо приняло прежний безмятежный вид.— Не хотите выпить? Могу предложить тоник, в холодильнике остались еще две бутылки.

— Как-нибудь в другой раз,— поспешно ответил главврач и поднялся с места.

Доктор Кожела последовал его примеру.

На улице поднялся туман.

— Мерзкая погода,— проворчал Кожела.— И в такое ненастье я преспокойно спал под открытым небом. Бр-р-р! Как вы думаете, доктор Долник, найдется ли со временем объяснение этого феноменального происшествия?

— Если тут замешан Чиржичек, то наверняка. В полиции он не сможет долго разглагольствовать на темы морали.

— А я склонен верить, что нас посетили инопланетяне. Вот только непонятно, почему они действовали инкогнито?

— Но это легко объяснить,— улыбнулся главврач.— Если мы хотим изучить хищного и коварного зверя, мы его заключаем в клетку или усыпляем. По сравнению с животными вам повезло. Инопланетяне, проделав эксперимент, вернули вас обратно целым и невредимым. Хотя не исключено, что они вас анатомировали, чтобы познакомиться с внутренним строением человеческого тела. Однако чему они могли бы научиться от людей? Войнам, лжи, уничтожению природы и своих собственных творений, нетерпимости, расизму, унижению беззащитных, низменным страстям. Я не занимался подсчетом, но думаю, что перечень негативных человеческих проявлений куда длиннее списка его гуманных дел. И если

кто-нибудь из Вселенной прибудет к нам раньше, чем мы проникнем к другим цивилизациям, у него будет более совершенная техника, он уйдет дальше нас в научном познании и будет иметь более развитую технологию и производство. В этом направлении ему будет нечего перенимать у нас. Остается только психическая сфера, в которой он мог бы найти что-нибудь новое. Но для него будет лучше, если он пройдет мимо этой сферы по дуге с радиусом в несколько световых лет.

— Да, но пришельцы могли бы и поделиться чем-нибудь с нами. Например, вразумить нас, поднять нас на более высокий уровень.

— Бросьте! Вы бы доверили средневековому колдуну рентгеновский аппарат в качестве инструмента для изгнания бесов?

Кожела громко рассмеялся.

Чиржичека не могли нигде найти уже четвертый день, и старший лейтенант Моравек распорядился произвести обыск в его доме.

Там все было прибрано, и только мебель покрылась тонким слоем пыли. На столе в лаборатории лежал конверт с надписью «Нашедшему!». В нем была записка, написанная красивым, хотя и неразборчивым почерком. Автор записки просил, чтобы до прихода нотариуса, главврача Долника и доктора Кожелы в доме ничего не трогали. К записке было приложено письмо, предназначенное для упомянутой тройцы.

Вскрыв письмо, нотариус огласил его содержание присутствующим. Поскольку у Алоиса Чиржичека не было близких родственников, он завещал все свое имущество городу. Лишь небольшую часть денег от распродажи своего имущества старик просил использовать для покрытия расходов, связанных с выполнением его единственной просьбы. Несколько дней назад он переправил

в сейф одного из иностранных банков письмо, которое местная больница получит в 2084 году. Во имя человеческой жизни подписавшийся просил, чтобы молочно-розовая жидкость, содержащаяся в ванне, под наблюдением главврача Долника и доктора Кожелы была перелита в чистый сосуд и с помощью выпаривания при температуре 36,2°С доведена до объема тридцати литров. Сосуд, накрытый целлофаном, должен находиться в безопасном месте до тех пор, пока не придет письмо, хранящееся в сейфе. Далее шла подпись: Алоис Чиржичек.

Объявленный по стране розыск пропавшего без вести Алоиса Чиржичека, родившегося 29 июня 1921 г. (особые приметы: среднего роста, прихрамывает, глаза карие, волосы редкие, с проседью), через год был прекращен. По истечении предусмотренного законом срока пропавший был объявлен умершим.

Капитан захлопнул папку с документами по делу об исчезновении Чиржичека. Он вздохнул и вздрогнул, словно услышав насмешливый голос: «Если вы такой умник, то скажите, где трупы?».

Гэри Алан Рьюз

Веселый Роджер

— Это заговор! — взревел Гас Макэби.

— Ты преувеличиваешь, — попытался успокоить его Зейн Кирби. — Тебе оказана большая честь. Они всегда стараются выбирать лучших из лучших, а ты не можешь

Пер. изд.: Ruse G. A. Jolly Roger. — *Analog* (September 1981).

© 1981 by Davis Publications, Inc.

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

отрицать, что прекрасно справился с предыдущими заданиями.

— Ерунда! Ты выполнил бы их ничуть не хуже. Просто в комиссариате меня не любят. Я у них в черном списке. Они знают, что меня тошнит от их затхлого бюрократизма, и мстят, как могут.

— У тебя просто навязчивая идея.— Кирби дружески хлопнул Макэби по спине, но про себя подумал, что в словах Гаса есть доля правды.

Руководство Службы Контроля Времени считало Макэби бунтарем. Его ярко-желтый комбинезон и неизменно взъерошенная рыжая шевелюра бросали вызов строгим костюмам и коротким стрижкам сотрудников службы. Если бы не блестящий послужной список, Макэби давно бы предложили искать другое место.

— Все равно, это заговор,— не успокаивался Макэби, выходя из лифта на десятом этаже здания, где размещалась штаб-квартира службы.— Они специально подбирают мне такие задания. Ну почему я не могу хоть раз отправиться в прошлое в собственном теле?

— Да хватит тебе ворчать. Я уверен, в нашей операции тебе отводится важная роль.

— Чепуха! Они даже не сказали, куда и зачем мы отправляемся. Сначала, мол, надо подготовиться.

Пожав друг другу руки, они разошлись: Кирби — направо, в костюмерную, Макэби — налево, в лабораторию трансплантации.

Полчаса спустя в лифте поднимались два странных пассажира. Первым был Зейн Кирби, в выцветших бурых бриджах, едва достигавших ботфортов с отвернутыми вниз голенищами. Он непринужденно упирался плечом о стену кабины. Его грудь прикрывала белая свободная рубашка, а голову украшал алый шелковый платок. С одной стороны, из-за широкого пояса торчала рукоятка кремневого пистолета, а с другой — болталась музейного вида абордажная сабля.

Вторым пассажиром был большой попугай, зеленый, с желтым отливом, и оранжевым клювом, который, нахохлившись, сидел на поручне. Кирби видел эту птицу впервые, но выражение ее глаз показалось ему весьма знакомым, и он не смог сдержать улыбку.

— Ни слова! — рывкнул попугай. — Ни звука! И на твоём месте я не стал бы улыбаться.

— Извини, Гас, — Кирби попытался придать лицу серьезное выражение. — Я невольно.

— Не вижу ничего смешного, — продолжал возмущаться Гас. — Интересно, как бы ты отреагировал, доведись тебе доверить собственное тело птичьему мозгу, а самому питаться семечками да пшеничными зёрнами.

— В самом деле, я не сообразил сразу, что твой мозг загнали в попугая, а его — в твоё тело.

— Хорошенький обмен. Надеюсь, он не вздумает полетать.

На двадцать третьем этаже двери распахнулись, и Кирби вышел из кабины. Попугай неуклюже взлетел с поручня и опустился ему на плечо. Навстречу шла Анжела Дивейн. Она приветствовала их взмахом руки.

— Здорово, Зейн! Как дела, Гас?

— Видишь! — воскликнул Макэби. — Даже она знает, что в нечеловеческом облике могу оказаться только я.

— Успокойся, — Кирби попытался сменить тему. — Честно говоря, меня поражают достижения наших биологов. Как им удастся всунуть человеческий мозг в такой маленький череп?

— Ха! — хмыкнула Анжела, отбросив прядь золотистых волос. — Держу пари, там ещё осталось много свободного места.

— Лежачего не бьют, — обиделся Гас, но двери лифта уже захлопнулись за ней.

Они вошли в приемную командора Хьюсфорда Шеффилда, и робот-секретарь провёл их в кабинет.

— А, агенты Кирби и Макэби.— Высокий, бородатый, начавший полнеть командор поднялся из-за стола. Он подождал, пока робот-секретарь покинул кабинет.— Полагаю, вас интересует, что мы приготовили вам на этот раз. Я...

— Подождите,— прервал его Гас с плеча своего напарника.— Я догадался: вы решили послать нас в Голливуд на съемку фильма о капитане Флинте.

Шеффилд нахмурился.

— Оставьте ваши шуточки, агент Макэби. Вам предстоит выполнить весьма ответственное поручение?

— Так пошлите меня без этих перышек!

— Мы это уже проходили.— Шеффилд нетерпеливо махнул рукой.— Как вам хорошо известно, люди прошлого не подозревают, что животные могут обладать человеческим разумом. Поэтому в образе попугая вы приобретаете определенные преимущества, которые позволят наиболее эффективно использовать ваши способности. Ваш послушной список доказывает справедливость моих слов.

— Провались вы вместе со своим списком,— пробурчал попугай.

— Простите?..

— Я сказал, что мы внимательно слушаем.

— Да, конечно,— кивнул Шеффилд.— Как уже случилось и прежде, ваше задание будет связано с контрабандой во времени. Но на этот раз она может повлечь за собой серьезные исторические изменения.

— И что это за контрабанда? — поинтересовался Кирби.

— Из армейских арсеналов Соединенных Штатов тысяча девятьсот семидеятого года исчезло значительное количество оружия и боеприпасов. И то и другое наша разведка обнаружила на острове Нью-Провиденс в тысяча семьсот пятнадцатом году.

— В это трудно поверить,— удивился Кирби.— Пе-

редвинуть такую массу сквозь пространство-время! Неужели наши детекторы не засекали машину времени преступников?

— Не засекали,— хмуро кивнул Шеффилд.— Возмущения от новых японских моделей минимальны. А чувствительность наших детекторов оставляет желать много лучшего.

— И не только детекторов,— пробормотал Гас.

— Вероятно, в тысяча семьсот пятнадцатом году это оружие произведет фурор,— быстро вмешался Кирби.— Какому государству оно предназначено?

— Оно предназначено не государству,— ответил Шеффилд.— Как мы понимаем, преступник, доставивший оружие в восемнадцатый век, намерен продать его пиратам за золотые дублоны и прочие ценности с испанских галеонов, захваченных посредством этого оружия. Они сейчас в большой цене. Разумеется, пираты, оснащенные оружием, появившимся на двести лет позже, предельно опасны. Создав свое государство, они изменят соотношение сил в мире. Наши компьютеры сожгли добрую сотню предохранителей, пытаюсь рассчитать возможные исторические последствия.

— Личность преступника вам известна? — осведомился Гас.

— Да, конечно.— Шеффилд нажал кнопку на большом пульте и, не оборачиваясь, указал рукой на возникший на стене за его спиной портрет президента.— Вот он, джентльмены.

У Зейна Кирби от удивления округлились глаза.

— Вы что, голосовали не за него? — любопытно спросил попугай-Гас.

Шеффилд круто обернулся и побагровел.

— Черт побери,— выругался и стал лихорадочно нажимать кнопки.— Опять барахлит переключатель.

Величественный образ президента исчез, уступив место мужчине средних лет с круглым лицом и приятной

улыбкой, сфотографированному анфас и в профиль. Челка почти скрывала его лоб.

— Это Роджер Тернбакл,— продолжал Шеффилд.— За решеткой не сидел, хотя трения с законом у него и возникали.

Кирби поправил платок.

— Насколько я понял, мы должны завладеть оружием и привезти Тернбакла сюда, чтобы он предстал перед судом за нарушение законов перемещения во времени?

— Совершенно верно.— Шеффилд передал ему увесистую папку с материалами намеченной операции и нажал кнопку, отворившую дверь кабинета.— Ознакомьтесь с этими документами. Через два часа вас ждут в лаборатории транспортации.

— Мне не нравится твоя рожа, приятель,— прорычал огромный пират.— И то же самое я думаю об этой вонючей курице!

— Я сам от нее не в восторге,— едва успел пробормотать Зейн, как пират сгреб в кулак его сорочку и рванул на себя.

Они материализовались посреди бурлящего пиратского поселения, когда на остров Нью-Провиденс уже спустились вечерние сумерки. Из полотняных палаток и деревянных хибар доносились пьяные выкрики и похабные песни.

— Видел я таких, как ты,— ревел пират.— Паршивые аристократы, воображаете, будто мир принадлежит вам, и можете толкать кого угодно.

Гас уже успел удалиться на безопасное расстояние, и Кирби решил, что с него хватит. Рука его потянулась к пистолету за поясом. Умельцы службы ловко вмонтировали в него парализатор и лазер. Однако воспользоваться техническими чудесами будущего Кирби не удалось: пират, отпустив сорочку, одной рукой схватил аген-

та за шиворот, а другой — за бриджи и, подняв в воздух, швырнул в открытую дверь таверны.

— В следующий раз,— донеслось вслед,— будешь смотреть, куда идешь.

Пролетев над тремя столами, к счастью пустыми, Кирби приземлился на юного пирата, который нес уставленный полными кружками поднос. Таверна наполнилась звоном разбитой посуды и возмущенными криками посетителей. Пока Кирби приходил в себя, появился Гас и уселся на спинке ближайшего стула.

— Великолепно, Зейн,— хмыкнул он.— Ты летаешь лучше меня.

— Спасибо за помощь,— огрызнулся Кирби.— Мог бы и клюнуть его.

— Честно говоря,— буркнул попугай,— я испугался, что он свернет мне шею.

Тут из-под Кирби послышались приглушенные стоны, сменившиеся отборными проклятиями. По тембру голоса и некоторым округлостям фигуры он понял, что ошибся, приняв пирата с подносом за мужчину.

Поднявшись, Кирби помог встать и девушке. Посетители таверны, уже забыв о его необычном появлении, вернулись к своим кружкам и песням.

— Я искренне сожалею о случившемся,— пробормотал Кирби.

— Сожалеешь? — девушка отряхнулась.— Будешь сожалеть, когда я возьму саблю и изрублю тебя на куски.

— Ты нашел истинную жемчужину,— проворковал Гас, пролетая мимо него к двери.

Глаза девушки сердито сверкнули:

— Кто это сказал?

— Вон тот зеленый болтун,— ответил Кирби.— Мне в самом деле жаль, что все так нескладно вышло.

В мужских бриджах, сапогах и мешковатой рубахе девушка в полумраке таверны и впрямь могла сойти за мужчину. Из-под каштановых коротко остриженных во-

лос на Кирби смотрели большие карие глаза.

— Гляди, что натворил! Что я теперь отнесу моим друзьям? — уже спокойнее сказала она.

Кирби вытащил из кармана золотую монету.

— Пусть они выпьют за ваше здоровье.

Поколебавшись, она схватила монету и попробовала ее на зуб. Гас снова влетел в таверну и опустился на стол возле девушки. В клюве он держал цветок, который и положил возле ее руки.

— Кр-р-расота! — прокричал он, как истинный попугай.— Кр-р-расота!

Девушка зарделась, взяла цветок, поднесла к лицу и не смогла скрыть улыбки.

— Ну, во всяком случае, твой попугай — настоящий джентельмен. Пожалуй, я не стану тебя убивать.

— Молодец, Гас,— шепнул Кирби.

Девушка протянула руку и погладила попугая.

— Что-то я не встречала вас раньше.

— Да, здесь мы не бывали,— подтвердил Кирби.— Прибыли только сегодня и зашли, чтобы утолить жажду. Где хозяин таверны?

— Прямо перед тобой. Тот самый, кого ты не так давно сшиб с ног. Таверна стала моей с той поры, как отца скрутила лихорадка и он отправился на тот свет. Раз уж ты угощаешь моих друзей, почему бы тебе не выпить вместе с ними?

На взгляд Кирби, девушке было лет восемнадцать. Она наполнила кружки из большого котла и понесла их в дальний угол, где расположились с полдюжины пиратов. Кирби тоже присел рядом.

— Меня зовут Зейн Кирби,— представился он девушке.— А вас?

— Хиггинс. Салли Хиггинс.

— А мы зовем ее Салли-в-сапогах,— ухмыльнулся пират с худым вытянутым лицом, сидевший слева.— Уж больно любит она эту обувку.

Салли вспыхнула.

— Ты старый козел, Том Оукс, и к тому же сплетник. Оукс расхохотался.

— Какие слова! Кто бы подумал, что отец ее был образованным человеком и заставил дочку прочитать не один десяток книжек.

Пока Салли переругивалась с приятелями, Кирби пригубил пиратское пойло. К его удивлению, напиток оказался не только крепким, но и приятным на вкус.

— Что это? — спросил он.

— Матросский пунш, — ответила Салли. — Здесь спирт, лимонный сок, сахар, пряности. Могу поспорить, что лучшего пунша на всем острове не сыщешь.

Гас вонзил когти в плечо Кирби.

— Извини, — сказал тот и поднял кружку. — Попробуй и ты.

Гас набрал полный клюв и судорожно проглотил — птичье нёбо оказалось не очень приспособленным к крепким напиткам. Его глаза закатились, перышки взъерошились, хриплым попугаичьим голосом он пропел: «Йо-хо-хо!»

— Так он умеет говорить? — удивился Том Оукс. Кирби кивнул.

— Даже больше, чем мне хотелось бы, — когти попугая вновь впились в его плечо. — Но хватит о нем. Мне нужен человек по имени Роджер Тернбакл. Вы слышали о таком?

— Может, и слышали, — отозвалась Салли-в-сапогах. — А может, и нет.

— Он тебе друг? — подозрительно спросил Том Оукс.

— Друг? Едва ли. — Кирби почувствовал, что этот Роджер не пользуется симпатией в компании Салли. — Я никогда с ним не встречался. Но мне говорили, что он торгует неплохим товаром.

— Не знаю, чем он торгует, — ответила Салли. — Тернбакл собирает команду и сыплет обещаниями напра-

во и налево. Он тут человек новый так же, как и ты. Уж не собираешься ли ты плыть вместе с ним?

Взгляды присутствующих скрестились на Кирби.

— Нет,— он покачал головой.— Я ему не компаньон. Но, честно говоря, у меня есть в отношении Тернбакла свои планы, надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Ясно.— Том Оукс снова растянул губы в улыбке.— Не зря ты мне сразу понравился. Ну, раз ты не дружишь с Тернбаклом, то, может, захочешь помочь нам? Мы решили поставить этого мерзавца на место, и лишняя голова и пара крепких рук нам не помешают.

Кирби задумался.

Союз с друзьями Салли мог несколько связать его, но зато обеспечивал прекрасное прикрытие.

— Хорошо,— кивнул он.— Считайте, я с вами. Но что вы собираетесь делать?

— Мы узнали, что он отплывает завтра на рассвете,— наклонившись к нему, шепнула Салли.

— Чтобы проверить себя в деле,— добавил Том Оукс.— Если добыча будет такой, как похвально Тернбакл, что-нибудь, может, достанется и другим.

— Это интересно.— Кирби взглянул на попугая.— Что ты, Гас, думаешь на этот счет?

— Интересно, интер-ресно,— весело прокричала птица.

— Похоже, Тернбакл не намерен продавать оружие,— заключил Кирби.— Он собирается использовать его сам.— Гас, нахохлившись, сидел у него на плече.— Неорганизованные пираты с оружием из будущего — это одно. Но если во главе их такой предводитель, как Тернбакл, ситуация резко обостряется.

— Помолчи,— прошептал Гас.— Вон идет гроза Испанского Мейна.

Салли-в-сапогах сменила вечерний туалет на боевой

наряд — все те же сапоги, черные, облегающие ноги кожаные бриджи и куртка того же цвета с золотыми пуговицами, вероятно, снятая с какого-то денди, пересекшего ее тропу. Голову девушки украшала шляпа с пышным плюмажем. Слева у пояса болталась внушительных размеров абордажная сабля.

— Ты готов? Хорошо, — она подошла к Кирби, сопровождаемая группой пиратов. — Имей в виду: Том — наш боцман и рулевой и его слово — закон. Я — капитан корабля. — Салли прыгнула в шлюпку.

Из материалов, переданных Шеффилдом, Кирби знал, что капитана избирала команда и его власть распространялась только на время погони за торговым судном и самой битвы. Короче, капитан руководил боевыми действиями.

— Капитан?! — Кирби не скрыл удивления.

Том Оукс пожал плечами.

— Эта посудина, — он указал на трехмачтовый шлюп, покачивавшийся на волнах в сотне метров от берега, — под ее управлением не проплывет и дюжины футов, не сев на мель, но когда дело доходит до драки, ни один из нас не сравнится с ней. И не советую тебе, приятель, менять установленный порядок.

— Хорошо, — кивнул Кирби. — Я это учту.

Шлюпки быстро доставили их на «Единорог», как назвала Салли свой корабль. Один из пиратов, оставшихся на борту, указал на большое судно, выходящее из гавани.

— Вон Тернбакл!

— Все по местам! — крикнул Том Оукс. — Поднимаем якорь и поглядим, куда они направляются.

Спустя два часа они обогнули остров с севера и приблизились к Флориде, мимо которой пролегал основной торговый путь в Европу. «Единорог» держался в почти

тельном отдалении от корабля Тернбакла, но не упустил его из виду. И тут расстояние между ними начало таять, как апрельский снег.

— Они убрали паруса! — прокричал Том Оукс.

— Но почему? — удивилась Салли.— Сели на риф?

— Тут нет никаких рифов, детка. Они встали по другой причине, хотя я и не знаю, по какой именно.

Зейн Кирби указал на корабль, почти скрытый судном Тернбакла.

— Может, их заинтересовало вон то судно?

— Судно? — Салли приставила к глазу подзорную трубу.— Да, я его вижу. Испанский галион! Он сам плывет к нам в руки.

— И наверняка везет богатую добычу,— добавил Том Оукс.— Но Тернбакл не догонит его со спущенными парусами.

Салли-в-сапогах повернулась к нему.

— Тогда его догоним мы!

— Прекрасно,— пробормотал Гас.— Инструкции допускают наше участие в действиях пиратов?

— Вероятно, да,— ответил Кирби, взглянув на попугая,— если только мы не окажем решающего влияния на ход сражения.

— Другими словами, мы можем выступать как обычные пираты.

«Единорог» прошел в сотне метров от корабля Тернбакла. Высокие борта не позволяли видеть, чем занимается его команда.

— К флагу, Том,— приказала Салли.— Приготовить абордажные крючья!

Пока Том Оукс готовился поднять черный флаг с белым черепом и скрещенными костями, канониры заряжали фальконеты «Единорога». Кирби не обольщался насчет судьбы, уготованной матросам испанского галиона в случае захвата его пиратами. Но строгие инструкции запрещали агентам службы изменять ход событий. Даже

первоклассные компьютеры не могли рассчитать того или иного воздействия на прошлое.

Они плыли на северо-запад, быстро сближаясь с галионом, когда сзади послышался какой-то стрекочущий звук.

— Что это? — спросила Салли.

И тут из-за кормы показалось полдюжины фибергласовых скуттеров с подвесными моторами. Легко обогнав «Единорога», они помчались к испанскому галиону. В каждом скуттере Кирби насчитал четыре-пять пиратов, вооруженных автоматами и базуками.

— Выходит, — прошептал он, — Тернбакл притащил сюда не только оружие.

Салли-в-сапогах, как и вся команда «Единорога», остолбенела от изумления.

Над кормой галиона закурился дымок, несколько ядер шлепнулись в бирюзовую воду. Но затрещали автоматы, снаряд базуки сшиб золоченую фигуру, украшавшую нос галиона, и тут же испанцы выкинули белый флаг. Пираты Тернбакла, вскарабкавшись по бортам, захватили галион. Слишком легко, по мнению Салли.

— Ну что это за сражение?! — возмущалась она. — Теперь пиратом может стать любой дурак! А испанцы даже не сопротивлялись.

— И правильно делали, — прогремел сзади мужской голос. — Надеюсь, вы последуете их примеру.

Все как один пираты «Единорога» повернули головы. На корме стояло пятеро, четверо из них — с автоматами в руках. Безоружный мужчина довольно улыбался.

— Как вы посмели подняться на борт?! — взревела Салли-в-сапогах.

Оправившись от неожиданности, они двинулись на малочисленных пришельцев. Но автоматная очередь прошла палубу у их ног.

— А теперь бросайте оружие, — улыбка не сходила с лица Тернбакла. — Нам нет нужды проливать кровь...

пока. Мы не собираемся развлекать вас, как гостей, но, думаю, найдем вам дело.

— В хорошенькую мы влипли историю,— печально проговорил Кирби, скованный по рукам и ногам.

— Стыд и срам,— согласился Том Оукс, который сидел рядом в таких же кандалах.

— М-м-м-ф! — добавила Салли, которой к тому же заткнули рот кляпом. Даже привыкшие к крепким выражениям люди Тернбакла не выдержали непрерывного потока ее оскорблений и проклятий.

Их оставили на песчаном берегу небольшого островка неподалеку от Нью-Провиденс. Наступила ночь. Метрах в ста от пленников победители при свете факелов отдавали должное рому, обнаруженному в трюмах испанского галиона. Как ни странно, там не оказалось ни золота, ни драгоценностей, и пираты позволили испанцам следовать дальше. Оружие с «Единорога» побросали в большую сеть возле самой кромки воды. Та же участь постигла и кремневый пистолет Кирби, снабженный парализатором и лазером.

Роджер Тернбакл подошел к ним в сопровождении шести пиратов.

— Я хочу, чтобы вы разбогатели,— он улыбнулся.— Стали настоящими богачами.

— Слушаем тебя,— буркнул Том Оукс.— Тем более что нам не остается ничего другого.

Тернбакл прошелся перед пленниками.

— Все очень просто. Сегодня на ваших глазах мы проверили наше новое оружие.

— Хороша проверка! — фыркнул Оукс.— Вы отпустили испанца.

— Кому нужна эта дырявая посудина? — Тернбакл презрительно махнул рукой.— Этот галион — ничто по сравнению с тем, что нас ждет через несколько дней.— Я говорю об испанском флоте, который перевозит серебро.

Пленники недоверчиво переглянулись. С лица Тернбакла не сходила улыбка.

— Да, серебряном флоте. Кораблях, которые перевозят сокровища из Америки в Европу.

— Но кроме драгоценностей на этих кораблях хватает и пушек,— возразил Том Оукс.— Надо быть сумасшедшим, чтобы решиться напасть на них.

— С обычным оружием — да. Но не с тем, что имеет у нас. Я могу обойтись и своими людьми, но будет лучше, если вы присоединитесь к нам. Капитаном, разумеется, останусь я.

— Мммм-мммм-мммф! — хотя кляп не позволял Салли говорить, ее взгляд мог бы расплавить камень.

— Она говорит, что должна подумать над вашим предложением,— перевел ее слова рассудительный Том Оукс.

Испанский ром притупил подозрительность Тернбакла, и он согласно кивнул.

— Ну и отлично. Завтра утром вы сообщите мне о своем решении. Кто захочет, поплывет с нами. Остальные...— он ухмыльнулся.— Ну, им придется задержаться на этом островке на неопределенное время. А теперь позвольте пожелать вам спокойной ночи.

Как только Тернбакл и его свита удалились на безопасное расстояние, Гас слетел с пальмы на плечо Кирби.

— Привет, Зейн. Наслаждаешься жизнью?

— Тебя бы на мое место,— пробурчал тот.

— Ты думаешь, Веселый Роджер освободит вас?

— Конечно,— ответил Кирби.— И возьмет к себе на службу. Чтобы мы помогли ему захватить испанские сокровища. А потом... Сомневаюсь, чтобы даже его люди получили хотя бы по дублону. Но, как бы там ни было, Салли ему не уговорить. Уверен, она не подчинится Тернбаклу. Даже если ей придется остаться на этом острове.

— Это точно,— согласился Гас.— Значит, нельзя те-

рять ни минуты,— он взглянул на кандалы Зейна.— Полагаю, ты не прочь освободиться от этих побрякушек?

— Надо думать! Ты что, можешь сломать замок?

— К сожалению, у меня нет рук. Может, тебя устроит ключ?

— Он у тебя?

— Я попытаюсь его достать.

Ключ от кандалов висел на гвозде, вбитом в стойку парусинового навеса, под которым Роджер Тернбакл расположился на ночь. Гас опустил на пышный куст, росший рядом, и огляделся. Никто из пиратов не обращал внимания на попугая. Сам Тернбакл уже начал похрапывать. Потом он перевернулся на спину и, сунув руку в карман, вытащил портативную машину времени. Видно, она мешала ему, он положил ее рядом с собой и вновь улегся на бок.

— Шеффилд был прав,— пробормотал Гас.— Это японская модель.

Набравшись храбрости, он взлетел с куста и опустил на стойку. Теперь ему оставалось лишь наклониться и схватить клювом кожаный ремешок с ключом.

— Эй,— раздался чей-то хриплый голос, и Гас похлодел.

Нетвердой походкой к тенту приближался пират с кремневым пистолетом за поясом и автоматом в руках. На его плече сидел белый какаду. Остановившись у стойки, пират поднял руку с куском бисквита.

— А попка хочет кушать? — просюсюкал он.— Очень хочет?

Страх Гаса сменился раздражением.

— Ешь его сам, пьян...— он замолк на полуслове, заметив, что пират потянулся за пистолетом.— Если вы так настаиваете... Попка очень хочет кушать.

Пират улыбнулся и вновь протянул ему бисквит. Гас

с трудом проглотил его.

— Премного благодарен. В то время как ваши друзья пьют ваш ром, вы выкроили минутку, чтобы накормить меня.

Улыбка сползла с лица пирата.

— Мой ром.— он повернулся и заковылял к берегу.

Гас сдернул ключ с гвоздя и полетел к Зейну Кирби и остальным пленникам.

— Сколько тебя можно ждать? — недовольно спросил Кирби.

Гас опустил на песок и, держа ключ в клюве, вставил его в замок.

— Меня задержали. Что ты собираешься делать?

Кирби разомкнул ножные кандалы.

— Сначала я хочу найти свой пистолет. Сколько там часовых?

— Один или двое. И они не слишком бдительны.— Гас почесал голову правой лапкой.— По пути ты мог бы прихватить и машину времени. Она лежит под боком у Тернбакла.

— Непременно. Иначе он удерет от нас в другое столетие. А ты пока освободи Салли и остальных. И пусть они не очень шумят в мое отсутствие.

Кирби исчез в темноте, а Гас перелетел к Салли. Та подпрыгнула от неожиданности. Гас освободил ей ноги и сел на колено.

— Слушай меня внимательно,— сказал он.

У Салли округлились глаза.

— М-м-м-ф? — промычала она.

— Мы не имеем права говорить, кто мы такие,— продолжил Гас,— но иногда приходится отступать от инструкций. Я не настоящий попугай. В жизни я гораздо выше и куда симпатичнее.

Он открыл замок ручных кандалов, Салли сбросила

их и вынула кляп изо рта.

— Но кто?.. Но как?.. Почему?..— вырвалось у нее.

— У меня нет времени на ответы. Мы должны помочь Зейну. Нельзя допустить, чтобы Тернбакл изменил суть пиратства. Сегодня вы видели, к чему это может привести. Полагаю, вам не понравилось?

— Разумеется, нет,— фыркнула Салли-в-сапогах.— Никакой романтики.

— Совершенно верно. А теперь освободите своих друзей. Я не могу объяснять каждому что да как.

Тут на песок опустился белый какаду.

— Привет...— сказал он или, как заподозрил Гас, она.

Салли недоверчиво взглянула на вторую птицу.

— А ты кто? — спросила она.

Зейн Кирби осторожно прокрался к берегу. Гас оказался прав. Часовых было мало, а большинство пиратов пребывало в непробудном сне. Отыскав в куче оружия свой пистолет, Зейн с облегчением убедился, что тот в полном порядке.

— Эй, приятель,— раздался над ухом чей-то грубый голос.

Зейн вскочил и оглянулся. К нему приближался высокий мускулистый пират.

— Оружие будем делить утром... Эй, а почему ты не в канда...— Послышался пронзительный, воющий звук, и пират застыл с открытым ртом.

— Вот так-то, дружище, парализатор работает как часы,— Зейн довольно улыбнулся.

Присмотревшись, он заметил под кокосовой пальмой второго часового. Зейн щелкнул переключателем, прицелился и нажал на курок.

Луч лазера, словно бритва, срезал верхушку пальмы. Град орехов обрушился на часового, и тот рухнул как

подкошенный.

— И лазер тоже.— Прихватив автомат застывшего пирата, Кирби направился к тенту Тернбакла, мирно похрапывавшего во сне. Он поднял машину времени и положил ее в карман.

Теперь предстояло собрать автоматическое оружие и спрятать его в безопасном месте. Салли и ее друзьям оно тоже не должно было достаться. Он решил отвезти автоматы на корабль. Тем более что там остались скуттеры и базуки.

— Не иначе, у меня лихорадка,— пробормотала Салли.— Папе тоже казалось, что он слышит, как разговаривают чайки.

Сидя на ее плече, Гас покачал головой.

— Не волнуйтесь, Салли, вы совершенно здоровы. И в своем уме.

— Возможно,— она нахмурилась.— Но когда же вернется Зейн? Мне надоело ждать.

— Надоело? — переспросил Гас.— Что бы вы тогда говорили, попав в попугайчью шкуру.

К ним подполз Том Оукс.

— К нам кто-то идет.

Какой-то человек тащил за собой сеть с оружием.

— Гас? — позвал он, остановившись шагах в десяти, но не видя пиратов, притаившихся в кустах.— Салли?

— Ну, наконец-то.— Салли-в-сапогах выпрямилась и подбежала к Кирби.— Где мои пистолеты и сабля?

— Тут,— он показал на сеть.

Пираты быстро разобрали оружие.

— Ну, слава богу,— сказала Салли, засунув пистолеты за пояс.— Без них я словно голая. Что делают люди Тернбакла?

— В основном спят,— Кирби взглянул на Гаса.— Я отвез автоматы на корабль. Как только мы доставим

туда Тернбакла, сразу отправляемся к себе. Оказалось, все не так уж сложно...

— Замолчи! — оборвал его Гас. — Стоит тебе произнести эти слова, всякий раз начинаются неприят...

БАНГ!

— ...ности!

— Черт! — выругался Кирби, поняв, что второй часовой пришел в себя. — Следовало парализовать его.

— Будь уверен, этот выстрел разбудил даже мертвых, — воскликнула Салли-в-сапогах, выхватывая саблю. — А люди Тернбакла, пьяные или трезвые, всегда готовы к бою. Ну что ж, зададим им перца.

— Вы хорошая девушка, Салли, — Гас взлетел с ее плеча, — но боюсь, что предложенное вами развлечение вредно для моего здоровья.

Скрестились сабли, загрели пистолетные выстрелы, тишина сменилась громкими криками. Зейн Кирби бросился к Тернбаклу, который вылезал из-под тента. Он едва увернулся от брошенной в него бутылки и тут же увидел пирата, с десяти ярдов целящегося из пистолета в спину Салли.

В следующее мгновение он прыгнул на девушку, сбив ее с ног. Прогремел выстрел, и пуля вонзилась в ствол пальмы, просвистев над самым ухом Зейна.

— Не слишком ли часто ты бросаешься на меня? — огрызнулась Салли, придя в себя.

— Извините, пожалуйста, — ответил Кирби. — Но лучше упасть на землю, чем получить пулю в сердце. Он встал и помог подняться девушке.

— Где мой пистолет? — спросил Кирби, сунув руку за пояс.

— Откуда мне знать? — Салли посмотрела на землю. — Это не он?

Кирби нагнулся, схватил пистолет, прицелился в паль-

му и нажал на крючок. Что-то щелкнуло, но пальма осталась целой.

— Черт...— процедил Кирби.— Он сломался.

— И мой тоже.— Салли стряхнула с себя пыль.— А теперь нам пора посчитаться с Тернбаклом. Где этот мерзавец?

— Он там...— Кирби взглянул на тент, но Тернбакла и след простыл.— Куда же он подевался?

— На берег! На берег! — раздался сверху крик Гаса, кружащего над полем битвы.— Он хочет добраться до корабля!

Действительно, Тернбакл с четырьмя пиратами бежал к шлюпкам.

— Все оружие на корабле! — воскликнул Кирби.— Если они приплывут раньше нас, все погибло. Вперед!

Когда они подбежали к берегу, шлюпка Тернбакла уже отплыла ярдов на сорок. Салли прыгнула в ялик, Кирби толкнул его в воду и сел на весла. Гас опустил на нос.

— Быстрее, быстрее, Зейн! — крикнул он.— Они уходят!

Минуты текли, но расстояние между лодками сокращалось слишком медленно.

— Они будут там первыми! — Салли стукнула кулаком по скамье.

— Это точно,— вздохнул Гас.— Нам не хватит времени, чтобы догнать их.

— Времени? Как же я сразу не догадался! — и Кирби бросил весла.

— Ты сошел с ума?! — рявкнула Салли.— Давай гребли!

— Зачем? — Кирби достал из кармана портативную машину времени.— Они приплывут к кораблю первыми. Но корабля там уже не будет.

— Ничего не выйдет, Зейн,— возразил Гас.— У этой штуки не хватит мощности на перенос целого корабля.

Это тебе не десяток автоматов.

— Я отключу предохранители.— Кирби нажал три кнопки, соединив аккумуляторы в единую цепь.— Во всяком случае, стоит попробовать. Но сначала надо доставить ее на корабль. Ты сможешь взлететь с ней, Гас?

— Попытаюсь.

Кирби установил на циферблате время включения и передвинул рычажок на боковой панели.

— У тебя ровно тридцать секунд, чтобы донести ее до корабля и отлететь на безопасное расстояние. Пошел!

Гас зажал машину времени в лапках и взмахнул крыльями.

— Скорее, Гас, скорее! — кричал Кирби.

Салли сидела на корме, недоуменно качая головой.

— Никак не могу понять, что вы затеяли.

Тернбакл едва не выпрыгнул из шлюпки, увидев, что несет в своих лапках попугай.

— Быстрее, быстрее! — понукал он пиратов.

Гас с каждым метром опускался все ниже. Тяжелая ноша пригибала его к воде.

— ...девятнадцать...двадцать...двадцать одна...— считал он.

Собрав последние силы, он взлетел над планширом и, бросив машину времени на палубу, лихорадочно замахал крыльями, чтобы улететь подальше от корабля.

Прошло еще несколько секунд, и яркая вспышка озарила корабль. В следующее мгновение он исчез.

Пираты Тернбакла побросались в воду и поплыли к берегу. Сам он, обхватив голову руками, так и остался в шлюпке.

Кирби и Салли запрыгали от радости, когда Гас чуть дыша опустился на скамью.

— Молодчина, Гас! — воскликнул Кирби.

— Нам повезло,— ответил тот, переведя дух.— Но куда попадет корабль? Держу пари, после такого фейерверка он не вернется в наше время...

Полчаса спустя закованный в кандалы Тернбакл дожидался отправки в будущее, а его люди заискивающе поглядывали на пиратов Салли, которые отдавали должное остаткам рома с испанского галиона.

Салли же, открыв от изумления рот, наблюдала, как Кирби отвинтил каблук и на крошечном экране вмонтированного в нем темпорального приемопередатчика появилась бородатая физиономия командора Шеффилда.

Кирби коротко доложил обстановку.

— Хорошо,— кивнул командор,— мы попробуем найти корабль с помощью наших детекторов и...— но тут он заметил Салли, выглядывающую из-за плеча Зейна, и, нахмурившись, замолчал.— Агент Кирби, разве вам не известно, что вы не имеете права пользоваться специальным оборудованием в присутствии людей прошлого?

— А, вы о ней,— Кирби улыбнулся.— Извините, командор, но я уверен, что она сохранит все в тайне. Как ни как, я спас ей жизнь...

Кирби запнулся, осознав, что допустил роковую ошибку. Взгляд Шеффилда помрачнел.

— Агент Кирби, вы не хуже меня знаете, что действия сотрудников службы не должны служить причиной спасения или смерти людей прошлого. Надеюсь, вы сами исправите допущенную оплошность. Конец связи.

— Но я... Командор...

Изображение Шеффилда исчезло с экрана. Кирби вздохнул и выключил приемопередатчик. Он хорошо знал, что решение щекотливых проблем Шеффилд предпочитал перекладывать на плечи подчиненных.

— Это о чем он? — спросила Салли.

— Увы, он прав,— насупился Кирби.— Спасая вашу жизнь, я нарушил устав службы. В вашем времени вы непременно должны умереть. Значит... остается только одно...

Зейн Кирби и Салли нетерпеливо кружили по холлу десятого этажа. Наконец открылись двери лаборатории трансплантации, и на пороге появился Гас Макэби, на этот раз в собственном теле.

— О боже, как хорошо вновь почувствовать себя человеком,— воскликнул он.

Салли-в-сапогах попятилась назад.

— Это дьявольская магия!

— Нет-нет,— попытался успокоить ее Кирби.— Это не магия, Салли, а наука.

— Я в этом не уверен,— подмигнул Гас испуганной девушке.— Не знаю, чего больше за этими дверьми,— он указал на лабораторию,— магии или науки.

Раздался мелодичный звонок, и из кабины лифта вышел командор Шеффилд.

— А, агенты Кирби и Макэби... Рад вас видеть. А это... я полагаю... мисс-в-сапогах? Или мисс Хиггинс?

— Мисс Хиггинс,— потупилась Салли.

— Я понимаю, что принял неординарное решение,— вмешался Кирби.— Но поскольку формально она перестала существовать в своем времени, мне не оставалось ничего другого, как перенести ее в наше.

— Слишком неординарное,— поправил командор, но в его суровом взгляде мелькнули веселые искорки.— Однако, учитывая некоторые обстоятельства, я могу лишь одобрить ваши действия.

— А где корабль Тернбакла? — спросил Гас.— Вы нашли его?

— Да... и нет. Мы знаем, где он, но не можем добраться до его груза.

— Как так?

— Машина времени Тернбакла не выдержала перегрузки и не смогла доставить корабль в заданную точку. В результате он оказался размазанным во времени. Как говорится, он находится одновременно в прошлом, настоящем и будущем, но не может материализоваться

в реальном мире.

— То есть машина времени превратилась во временную бомбу, разорвавшую корабль на тысячи кусков? — переспросил Гас.

— Совершенно верно, — кивнул Шеффилд. — Ну, не смею вас больше задерживать. За успешное выполнение задания вам полагается отпуск. Через две недели прошу явиться ко мне. А вам, агент Макэби, — командор с неодобрением оглядел ярко-желтый комбинезон и взъерошенные волосы Гаса, — я бы советовал одеваться скромнее и хотя бы изредка посещать парикмахерскую.

Доминик Дуэ

Кочезе из Северамы 10

«Рег Хайленд», — прочел служащий и сунул пластмассовую карточку в щель посреди консоли. Тут же замигала зеленая лампочка. Человек нажал клавишу — и над консолью вспыхнул экран дисплея. Рег увидел на нем собственное изображение — лицо медленно поворачивалось, и по нему бежали буквы и цифры. Рег не знал кода, но понимал, что эти бегущие символы содержат всю информацию, которой располагает о нем администрация Всевременья.

Взгляд чиновника скользнул по молодому человеку. Равнодушный, профессионально холодный взгляд. Рег сознавал необходимость строго соблюдать правила безопасности, но ему претила эта процедура, словно

Пер. изд.: Douay D. Cochise d'AméNord Dix: в сб. Douay D. Le monde est un théâtre.— Paris: Denoël, 1982.

© by Éditions Denoël

© перевод на русский язык, «Мир», 1988.

его лишали собственной сути. Однако он послушно повернул голову сначала вправо, затем влево, чтобы облегчить идентификацию. Рега всегда занимало, по каким чертам чиновники судили, что это именно он — ведь внешность у него была самая обычная: метр восемьдесят, карие глаза, темный шатен, правильные черты лица...

Короткая процедура опознавания закончилась, агент извлек карточку из щели и вернул ее владельцу.

— Приказ с заданием,— попросил он, протягивая руку.

Рега передал ему пластифицированный прямоугольник, который тут же скользнул в ту же щель, где мгновением раньше побывало удостоверение личности. На этот раз на экране высветилось лишь слово СЕВЕРМА 10 и чуть ниже — буква X.

— Приоритет X,— донесся из динамика мелодичный голос.— Никто, кроме уровней Альфа и Бета, не имеет права требовать отчета от исполнителя.

Предупреждение было недвусмысленным.

— Приоритет X,— пробормотал чиновник, на мгновение сбросив напускное равнодушие, и поднял глаза на Рега.

Молодой человек угадал причину его удивления. Приоритет X — один из самых высших, если не самый высший. Обычно его присваивают руководителям Всевременья, тем самым Альфа и Бета, которым он подотчетен. А тут столь высокий приоритет получает сопляк, выполнявший до сих пор лишь незначительные задания.

Он сделал усилие над собой, чтобы скрыть собственное удивление,— на лице не дрогнул ни единый мускул. Его собеседник смутился, опустил глаза и принялся нажимать на клавиши. По экрану побежали новые цифры.

— Вы отбываете в семнадцать тридцать пять,—

наконец сказал он.— Будьте в зале ожидания в семнадцать часов. Вас проводят.

Молодой человек молча кивнул, взял свое предписание и удалился.

Центр зала украшала гиганская голограмма — бородатый человек в старинном черном рединготе восседал в опутанной множеством металлических трубок гондоле, снабженной неисчислимыми рычагами и приборами. «Герберт Джордж Уэллс и его машина времени», — в который раз прочел Рег надпись на цоколе и улыбнулся, вспомнив, какие шуточки нередко отпускали в адрес писателя... Изобретатель путешествий во времени был бы весьма удивлен, узнав об изменениях, которые наука внесла в его машину. Но к его удивлению, вероятно, примешалось бы разочарование: двери в другие времена выглядели слишком обыденно. Тем хуже для мечты — эффективность прежде всего!

— Рег! Какими судьбами?..

Обернувшись, он узнал Мака Бийона, приятеля по выпуску. В Академии полиции времени они были неразлучными друзьями. Но годы учебы остались в прошлом. С тех пор они лишь изредка встречались в промежутках между заданиями. Но сердце уже не лежало к этим встречам. Сотрудникам полиции Всевременья, как известно, нельзя иметь друзей. Слишком многое приходится выполнять в одиночку, слишком велика ответственность. Своего рода клан давших обет одиночества.

— Какими судьбами, говоришь? — усмехнулся Рег.— Скорее всего электронными. Куда тебя засылает Центр на этот раз?

— Азия 4.— Мак лениво пожал плечами.— Сплошная рутина, ничего необычного. А тебя?

— Северама 10.— Он помолчал и как бы невзначай

добавил: — С приоритетом X.

Мак присвистнул.

— Приоритет X! Старик, я впервые сталкиваюсь со столь высоким индексом! Лезь из шкуры... Не удилюсь, если тебя ждет повышение...

— При условии, что удача не изменит,— улыбнулся Рег.

Они немного помолчали. Мак явно горел желанием узнать побольше, но не решался спрашивать. Обычно из заданий тайны никто не делает, особенно с приятелем по выпуску, но здесь... Впрочем, Рег при всем желании ничего не мог сообщить по простой причине — сам был в полном неведении о цели своей миссии. Впервые с момента работы в полиции Всевременья ему поручили дело, подробности которого станут известны только по прибытии на место... И он почувствовал облегчение, когда Мак предложил подняться в бар на крыше. Отсюда открывался красивый вид. Далеко внизу лежал город — с его улицами, проспектами, зеленью бульваров. Несколько гектаров бетона и прирученной природы... Но это была лишь декорация — настоящий город прятался в глубине. Километры и километры подземелий, столь же обширных, как и эти платановые бульвары. Сотни тысяч зданий... Крохотные функциональные квартирки для миллионов обитателей Всевременья. Только квартиры руководителей соответствовали их рангу.

— Упряма ты, Рег Хайленд,— в голосе Мака сквозила ирония.— Я имею в виду цвет твоей кожи,— пояснил он, заметив недоумение на лице собеседника.— Все тот же загар, несмотря на кучу солнцезащитных препаратов...

— А почему я должен быть белокожим? — возмутился Рег.— Чтобы ни на шаг не отставать от моды? Плевать я на нее хотел!

— Дело не только в этом. Вряд ли ты остаешься

незаметным в колониях, куда тебя посылают.

Рег скривился.

— Ну и что? Стоит ли беспокоиться из-за этого? Я никогда не скрывал, что являюсь агентом Всевременья.

Мак наклонился вперед.

— Вспомни, чему учили в Академии: старайтесь внешне походить на тех, кто руководит колониями, куда вас посылают...

— ...А в девяти случаях из десяти руководители — белые. Значит, будьте белее белых — будьте бледно-белыми... Загар не мешал мне делать свое дело не хуже других. А может, и лучше — миссия X досталась мне не случайно!

«Мак прав, — подумал он, — меня ждет повышение, если все пройдет нормально».

Если все пройдет нормально.

«А если те, кто посылает меня в Севераму 10, рассчитывают на обратное? Может, им нужен мой провал?»

Он отогнал неприятные мысли и обвел взглядом бар. Все вокруг плавало в приглушенном серебристом свете — свете солнца, отфильтрованном куполом. Наступал вечер. К двадцати часам купол станет непрозрачным и наступит искусственная ночь. Поскольку солнце всегда занимало одну и ту же точку в небе и сверкало одним и тем же блеском.

Блеском сверхновой.

Сверхновая — взорвавшаяся звезда. Всевременье было создано именно здесь и именно в эту эпоху по одной-единственной причине. Когда взрывается звезда, бег времени прерывается в радиусе нескольких миллиардов километров.

Всевременье жило вне времени, в созданном сверхновой анклав вечности. А почти все его подданные — в колониях времени. Например, в Севераме 10.

— А Консуэла? — неожиданно спросил Мак перед

самым расставанием.— Ее так и не отыскали?

— Нет,— ответил Рег. Он с невероятным трудом выдавил это односложное слово. Рана по-прежнему кровоточила, и достаточно было одного замечания, одного имени, чтобы вернулась боль.

— Невероятно! — Мак зло тряхнул головой.— Невероятно! Человек исчезает во время перехода, и ни колониальная полиция, ни полиция Всевременья не могут его найти! Не укладывается в голове!

«Если только человек сам не желает исчезнуть»,— едва не произнес Рег. Но удержался. Отказ говорить о Консуэле был для него единственной возможностью сохранить нетронутыми воспоминания о ней.

17.15. Зал ожидания был почти пуст, и Регу не удавалось отвлечься от ненужных мыслей. Наряжение возрастало с каждой минутой. «Чертова миссия... Знать бы, что от меня требуется!»

В зале появилась одетая в ярко-голубую форму Трансвременья стюардесса. Она направилась прямо к молодому человеку.

— Рег Хайленд?

Тот согласно кивнул.

— Следуйте за мной.

В коридоре он обнял девушку за плечи. Она искоса глянула на него и улыбнулась. В лифте стюардесса закинула ему руки за голову, но мимолетное возбуждение прошло, и он легонько оттолкнул ее от себя. «Опять ты, Консуэла. Неужели ты всегда будешь преследовать меня?..»

Проходя мимо застекленной стены, он увидел двери времени, предназначенные для переброски групп. Одна из них была под напряжением и напоминала громадный стеклянный куб, гигантский алмаз, оправленный в пол здания, но Рег знал, что это иллюзия. Внутри его не

было ничего плотнее воздуха. И этим воздухом дышали и здесь, и на расстоянии в сотни или тысячи лет... В воздухе медленно материализовывались фигуры людей и какие-то приземистые, массивные силуэты. Скорее всего бульдозеры. Не иначе, строительная бригада возвращалась после подготовки места для новой колонии...

— Пожалуйста, поспешите. Время поджигает! — нетерпеливо произнесла девушка.

Он кивнул и пошел вслед за ней.

Через несколько десятков метров она указала ему на проем в стене коридора. За ним виднелась небольшая, совершенно пустая комната с белыми стенами, только воздух в ней казался кристаллом хрусталя.

— Пришли,— сказала стюардесса и глянула на часы над проемом,— еще тридцать секунд. А где багаж?

— Нет,— однозначно сказал он, не объясняя, что власти Северамы 10 снабдят его всем необходимым. Вопрос стюардессы был риторическим, чтобы заполнить последние секунды ожидания.

Вдруг она отступила в сторону и коротко приказала:

— Идите! Приятного перехода!

Рег шагнул в мерцающее отверстие. Передвижению ничто не мешало. Он был в пустой комнатке и шел к противоположной глухой стене.

Неожиданно в ее непорочной белизне появился черный прямоугольник. Проем, такой же, как и тот, что он только миновал, вел в другой коридор. Но этот коридор был уже в Севераме 10. Несколько шагов — и молодой человек миновал пропасть в несколько тысячелетий.

Начальник службы безопасности Северамы 10 нахмурил брови и перегнулся через стол.

— Надеюсь, вам известно, в каком историческом периоде расположена наша колония?

Рег пожал плечами:

— Увы, О'Брайен, я не историк. Конечно, у меня есть представление, но...

Его собеседник вздохнул.

— Ну ладно, начнем сначала. Северама — часть Американского континента, расположенная в Северном полушарии. Это вам известно?

— Конечно,— с улыбкой ответил Рег. Преувеличенная снисходительность чиновника его не удивляла. Типичная реакция представителей колониальной администрации, испытывающих неистребимый комплекс неполноценности перед любым агентом Всевременья. Диагноз был прост.

— А цифра означает, что наша колония хронологически десятая в ряду тех, что занимают Северную Америку,— продолжал О'Брайен.

«Почему,— между тем думал он,— почему они прислали именно этого Рега Хайленда? Может, во Всевременья что-то заподозрили?»

— Она простирается между XV и XIX веками. То есть начинается незадолго до прибытия Христофора Колумба и волн иммиграции, последовавших за открытием континента.

— Обычная схема,— кивнул Рег.— Для колонизации всегда выбираются наименее населенные эпохи. И в этом случае происходит легкая ассимиляция автохтонов.

— Так считают социологи Всевременья! А действительность редко совпадает с таким идеальным расписанием. Некоторые популяции автохтонов, даже самые малочисленные, отказываются от ассимиляции...

Начальник службы безопасности намеренно не окончил фразу, ожидая, что агент Всевременья осведомится о причинах его вызова в Севераму 10. Но Рег не спешил. Разузнать об особенностях колонии, а потом приступить к выполнению задания — таково неизбывное правило полиции времени, которое вбивалось

в голову всем слушателям ее Академии с первого дня. Он обвел взглядом комнату. Обшитые панелями стены, под деревянными балками потолка — люстра под керосиновую лампу. «Они даже не отказались от электричества!» Позади О'Брайена на стене висела голова оленья. А сам чиновник Северамы 10 был в трапперской замшевой куртке и высоких, кустарного производства, сапогах.

Все это не удивляло Рега. Он знал, что во многих колониях не копируют общество Всевременья, предпочитая выбирать образ жизни, характерный для периода размещения колонии. В Европе 8 ходили в римских тогах и варварских шкурах (конечно, синтетических). В Африке 7 мужчины щеголяли с завитыми волосами и бородами подобно ассирийцам... Но приспособление к эпохе имело свои пределы — никто не соглашался жить в пещерах.

Декор, не более того, скрашивающий печальное однообразие всех колоний, созданных Всевременьем. Панели скрывали бетон здания — двойника тех, что он видел в Азии 5 или Океании 3.

Считая, что молчание слишком затянулось, он спросил:

— Вы намекаете на индейцев?

— Да,— признал О'Брайен.— Они жили здесь задолго до нашего прибытия.

— Ну и что? — Рег, не скрывая нетерпения, глянул на часы. В уголке циферблата мигали цифры: 29 апреля 1703 года.— Ваша колония существует уже более двух веков. Проблемы интеграции следовало давно решить.

— Увы,— вздохнул его собеседник.— Вначале все шло по плану, разработанному Всевременьем. Популяция аборигенов считала нас богами и не решалась на открытые столкновения. Но шли годы, и они поняли, что мы такие же люди, как и они, а могущество наше кроется в научных и технических знаниях. Тогда они восстали.

— И вы раздавили их,— продолжил Рег.— Потом разобщенные племена воевали главным образом между собой... Сделать это было нетрудно!

— Куда труднее, чем вы думаете. Схваток было более чем достаточно, а кровопролитными они оказались не только для индейцев! У нас было сверхсовременное оружие, а они великолепно знали местность и к тому же защищали свое право на существование, тогда как мы...

— Но вы же здесь. Значит, их решимость ничего не стоит против вашего оружия.

— Это была война-оборотень,— продолжал О'Брайен, не обращая внимания на слова Рега.— Когда одно племя было раздавлено или соглашалось на ассимиляцию, поднималось другое. После сиу — ирокезы, после ирокезов — делавары, после делаваров — могикане, потом снова сиу... А когда для виду покорившиеся племена вставали на тропу войны, они держали в руках оружие, которым обучились пользоваться во время краткого пребывания в колонии... Война тянулась несколько десятилетий, с долгими перемириями и внезапными вспышками кровожадности. За эти несколько десятилетий индейцы обрели уверенность, что им принадлежит особое место в колонии. А когда война действительно закончилась, положение исправлять было поздно. В конце концов они согласились на ассимиляцию, но только ради того, чтобы не исчезнуть совсем, и добились сохранения собственных традиций, собственной цивилизации. Все это тянется уже целый век.

— Целый век! — воскликнул Рег.— И вы потратили все это время на... — он на мгновение задумался.— По правде говоря, не вижу, чем здесь должно заниматься Всевременье. Ваша проблема — внутреннее дело Северамы 10. Она должна была быть решена на месте своими силами и... уже давно! Почему вдруг призыв

на помощь? Всевременно не занимается разбором внутривиколониальных склок!

Начальник службы безопасности заколебался:

— Хотелось бы, чтобы вы составили собственное мнение...

Он открыл ящик стола, извлек оттуда папку, к которой была приколата фотография. Он показал ее молодому человеку.

— Мато-Хопа,— пояснил он.— Вернее, Джексон Меллоуз, как значится в наших актах гражданского состояния. Или Кочезе, как он себя именует. Думаю, вам следует встретиться.

На улице было прохладно, и Рег оценил трапперскую куртку, которую ему посоветовал надеть О'Брайен.

— Если вы не хотите в глазах всех и каждого выглядеть агентом Всевременья,— добавил он.— Мне кажется, это особенно нежелательно при встрече с индейцами...

Хайленд нехотя расстался с чрезвычайно удобным и функциональным комбинезоном, который носило большинство обитателей Всевременья, и надел то, что было принято в Северае 10 — замшевую куртку, грубые штаны, высокие сапоги... и множество шерстяных вещей, которые местные жители напяливали на себя под предлогом поздней весны. Во Всевременьи подобной проблемы не существовало: изотермический комбинезон автоматически компенсировал любые внешние температуры...

«Мейн-стрит 359»,— повторил он про себя. Адрес, где, по мнению О'Брайена, должен находиться Мато-Хопа. Или Джексон Меллоуз. Или Кочезе. «Любопытно, зачем ему три имени?.. И почему меня отправили именно к нему? Странная манера вводить в курс дела!» Но Рег отогнал эту мысль: он слишком мало знал о Северае 10, чтобы позволить себе вынести определенное суждение.

Пока ему следовало ограничиться наблюдением.

Он пересекал улицу, когда ему в глаза бросилась надпись охрой на серой стене какого-то здания: «ГОТОВЬТЕСЬ, БРАТЬЯ, ДЕНЬ БЛИЗОК!»

Быть может, секта — из тех, кто обычно процветают в колониях времени. Или индейцы.

Он хотел остановить первого же прохожего, но тот прошествовал мимо, сделав вид, что не заметил его. Второй оказался не очень красноречив:

— День близок! — усмехнулся он, бросив взгляд на надпись.— Это уж точно. Великий День близок! Но, наверно, это не совсем то, чего ожидают краснокожие!

Потом прохожий внимательно посмотрел Регу в лицо. Губы его сомкнулись, и он быстро удалился, не добавив ни слова. Реакция прохожего удивила Рега: ему показалось, что тот испугался.

— Мы же договорились, что вашей ноги здесь не будет,— с неудовольствием процедил О'Брайен.— Слишком опасно и для вас, и для меня. Особенно теперь. Этот агент Всевременья...

— Вот-вот,— собеседник без приглашения уселся за стол. Его глубоко надетая широкополая шляпа скрывала глаза.— Я пришел именно из-за него. Нам следует побеседовать.

Вдруг он грохнул кулаком по столу начальника службы безопасности:

— Что за игру вы ведете, О'Брайен?!

— Я... я не понимаю! — залился краской чиновник Северамы 10.

— Ах, не понимаете...— повторил человек с вызовом. Он уперся локтями о стол О'Брайена и пристально посмотрел в глаза.— Не разыгрывайте простака. Вам наверняка известно, что моя организация повсюду имеет тайных агентов... и ничто в колонии не ускользает от

меня! Вы что же думали, что я не узнаю, как выглядит агент Всевременья? Видели бы вы лица моих ребят, когда нам сообщили, что этот Рег Хайленд...

— А я,— зло прервал его О'Брайен.— Вы думаете, я не удивился?

— Это ваша идея. Я никогда не был сторонником того, чтобы вмешивать в это дело Всевременье. Вам известно мое мнение, а точнее — мнение моей организации. Мы достаточно самостоятельны, чтобы самим стирать свое грязное белье!

— Действительно, идея была моей, но вы ее одобрили. Согласитесь, это единственная возможность доказать Всевременью справедливость нашей позиции. Как только представитель метрополии выявит, что индейцы настроены враждебно по отношению к колониальной администрации, руки у нас будут развязаны и мы сможем поступить с ними, как сочтем нужным.

— Но нам прислали именно *его*,— недовольно проговорил человек.— Его, а не кого другого. Значит, Всевременье не доверяет нам до конца.

— Не думаю. В некотором роде этот Хайленд — наиболее квалифицированное лицо для оценки обстановки в Северама 10. Наша ошибка состоит в том, что мы не предусмотрели вероятности того, что среди агентов Всевременья имеется такой Рег Хайленд.

Воцарилось молчание. Оба собеседника задумались.

— Надо менять планы,— вымолвил наконец незнакомец.— Хайленд представляет слишком большую опасность для Северама 10. Его следует устранить.

О'Брайен нахмурился.

— Пока еще рано. Мы же ни в чем не уверены.

— Ну, полноте! Мои люди не ошибаются! Они узнали его с первого взгляда.

Стены помещения, куда провели Рега, были завешаны тканью с геометрическим рисунком, иногда переходив-

шим в стилизованные фигуры животных. Тотемические символы? Возможно. Рег сожалел, что покинул Всевременье, не зная цели своей миссии. Для начала было бы неплохо познакомиться с информацией о древних индейских цивилизациях... «С администрацией всегда так,— вздохнул он про себя.— Вам надлежит выполнить задание и в то же время отказано в средствах для успешного его завершения. Мания секретности. Если однажды Всевременье утратит власть над колониями, то только по этой причине. По причине того, что метрополия не считает возможным облечь доверием своих агентов».

Приподнялась одна из занавесок, и в комнату вошел седовласый человек с непроницаемым лицом. Тот самый, который несколько минут назад провел Рега сюда.

— Кочезе примет вас,— бесстрастно произнес он и отодвинул в сторону занавеску, пропуская гостя.

В комнате, куда вошел Рег, царил полумрак, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к слабому освещению. Похожие занавеси, никакой мебели. Только подушки и одеяла на полу. Навстречу ему поднялся человек.

— Джексон Меллоуз? — спросил Рег, подходя ближе.

— Мато-Хопа,— поправил его человек, протягивая руку. Он выглядел несколькими годами старше посланца Всевременья. Ему было лет тридцать — тридцать пять, и он был выше на целую голову. Они обменялись рукопожатием, и человек добавил: «Меня зовут еще и Кочезе».

Следуя приглашению, Рег неловко уселся среди подушек.

— Кочезе...— задумчиво повторил он.

Мато-Хопа, или Джексон Меллоуз, тихо рассмеялся.

— Что вас удивляет?

— Конечно, имя. Где вы его откопали?

— Вы имеете в виду великого вождя? — ответил вопросом Мато-Хопа.— Последнего великого вождя ин-

дейцев? После него индейские племена были окончательно разобщены бледнолицыми... Но это история. Колонизация, проводимая Всевременьем, изменила многое. Индейцев как народа уже не существует. Подлинный Кочезе, по всей вероятности, никогда не родится. Что же мешало выбрать его имя?

Он расхохотался.

— Я знаю слишком много, не правда ли? Вещи, которые известны Всевременью и колониальной администрации, знать не положено нам, подневольным поселенцам колонии времени. История...

— Запрета нет,— возразил Рег.— Но чему послужит знание истории в колониях времени, где никогда не будут происходить события, составляющие ее? Возьмите, к примеру, Джорджа Вашингтона. Исторически он сыграл решающую роль в создании американской нации. А здесь одна нация — северамцы 10. Здесь Вашингтону не суждено сыграть своей исторической роли. Более того, в настоящее время он живет в Европе, поскольку колонизация пресекла эмиграцию. Он живет в такой же колонии времени. Колониальная политика Всевременья ставит крест на истории, словно того, о чем написано на ее скрижалях, никогда не происходило.

Мато-Хопа покачал головой, и Рег заметил, что его черные волосы собраны в косичку у затылка с помощью кожаного ремешка.

— Однако именно история привела к созданию Всевременья и позволила колонизацию времени. Более того, она для нас полезный инструмент исследования. Индейцы могут лишь сожалеть, что не узнали ее раньше. В массовых убийствах, совершенных современниками или наследниками Вашингтона, мы смогли бы разглядеть ожидающую нас участь...

Рег вздохнул. Его собеседник некоторое время пристально смотрел на него, не произнося ни слова.

— Полагаю, Всевременье прислало вас сюда не за

тем, чтобы беседовать об истории, господин Хайленд...— видя впечатление, которое произвели его слова, меднолицый человек растянул губы в улыбке.— Простите, я забыл. Вы знаете все мои имена, я же по положению не должен знать ни вашего имени, ни того, в каком качестве вы выступаете...

— Не имеет значения,— смущенно пробормотал Рег. Он представился простым сотрудником О'Брайена, а индеец спокойно заявил ему, что знает все... Следовательно, Мато-Хопа имел доступ и к секретной информации.

— У нас повсюду есть свои люди,— продолжил Мато-Хопа.— По крайней мере там, где цвет кожи не делает нас нежелательными лицами. Секретные службы для нас закрыты. Но информаторы у нас есть. Это те, кто не согласен с политикой Северамы 10 по отношению к нам...

— Но... это же подрывные действия! — воскликнул Рег.— Выступая против колониальной администрации, вы выступаете и против Всевременья!

Индеец успокоил его поднятием руки.

— Мы боремся за то, чтобы выжить. Не более того. Рег пожал плечами:

— Никто не собирается угрожать вашему существованию!

— Вы уверены в этом, господин Хайленд? Вы здесь всего несколько часов и многого не знаете... К тому же колония уже разрушила наши традиции, уничтожила нашу культуру. Мы в некотором смысле мертвый народ, раса живых призраков...

Он замолчал — седовласый человек, отодвинув занавеску, вошел в комнату с подносом, на котором дымилась две чашки. Рег взял одну из них и поднес к лицу.

— Чай? — удивился он.— Это что, теперь ваш традиционный напиток?

— Нет,— улыбнулся Мато-Хопа.— Но почему бы не пользоваться тем хорошим, с чем нас познакомили колонизаторы? Мы не все отбрасываем в цивилизации

Всевременья!

— Я думал...— Рег кивнул головой на занавеску,— что для вас вопрос чести — жить, как жили ваши предки.

— Ну, эти ткани все же приятнее для глаза, чем голый бетон. К тому же подобный камуфляж успокаивающе действует на службы безопасности. Наша привязанность к прошлому вселяет в них уверенность, будто они без труда раздавят нас, как только будет принято решение.

Они молча выпили чай.

— Агент Всевременья! — снова заговорил Мато-Хопа.— Какая честь для Северамы 10!.. Скажите, с какой целью администрация метрополии послала вас сюда?

— Чтобы собрать максимально достоверную информацию о положении в колонии. Когда некоторые проблемы выходят за пределы компетенции колониальных правительств...

— Неужели! — прервал его Мато-Хопа.— Значит, по-вашему, поддержание порядка в колонии является прерогативой метрополии?

Рег был в нерешительности.

— Нет,— невозмутимо продолжал индеец.— Правительство Северамы 10 может принимать самостоятельные решения, по крайней мере в тех случаях, когда его меры соответствуют законам Всевременья. Если оно потребовало присылки наблюдателя, то только ради того, чтобы оправдать некие исключительные меры. К примеру, поголовное истребление всех индейцев колонии. Агента метрополии проще простого обвести вокруг пальца. Достаточно разыграть соответствующую мизансцену, и тип отбудет восвояси в полной уверенности, что индейцы угрожают существованию колонии и принятие радикального решения неизбежно. А когда Всевременье будет поставлено в известность о состоявшемся геноциде, умы будут уже подготовлены, организаторов для проформы пожурят, но никаких серьезных санкций не последует.

— Мизансцены не было,— возразил Рег.— Доказа-

тельством тому наша встреча.

— Не было, поскольку вы не обычный агент! — рассмеялся Мато-Хопа.— Представляю их рожи, когда вы появились перед ними!

Рег хотел спросить, чем он отличается от других агентов Всевременья, но индеец уже поднялся. Молодой человек понял, что аудиенция закончена. Он вскочил и направился к выходу. Мато-Хопа проводил его до выхода.

— До свидания, брат,— сказал он, пожимая руку Регу.— Будьте осторожны. Бледнолицые наверняка считают, что смогут использовать вас в соответствии со своими планами. Быть может, они попытаются вас убить.

Идя наугад, Рег незаметно для себя миновал оживленные торговые кварталы и оказался в печальном тихом пригороде. Хотя различие заключалось лишь в интенсивности автомобильного движения и числе пешеходов. Повсюду стояли одинаковые пятиэтажки, повсюду тянулись одинаковые асфальтированные улицы, пересекающиеся под прямым углом. «Так и должно быть,— подумал он.— Строительным бригадам, которые готовят колонии к заселению, некогда заниматься архитектурными излишествами. Надо строить тысячи и тысячи квартир, контор, заводов, а значит, приходится использовать типовые проекты». Его интересовало, как могли выглядеть города прошлого с непохожими друг на друга домами, лепившимися один к одному вдоль не всегда прямых улиц... Но прошлое есть прошлое, стоит ли его оплакивать? Тем более что оно перестало существовать с момента, когда Всевременье занялось его перекройкой. Из-за того что население продолжало расти, требовались почти целинные земли для размещения демографических избытков. В некотором роде Северная Америка с XV по XIX век была идеальным местом и эпохой. Всего-навсего несколь-

ко сотен тысяч коренных жителей, а ведь природные богатства этих мест позволяли разместить в тысячи раз больше людей...

Неожиданно для себя Рег заметил, что идет по совершенно безлюдной улице, на которую глядят пустые глазницы окон. Он не испугался, нет, агента Всевременья лучше любого оружия защищал страх возмездия со стороны метрополии.

Он двинулся дальше, решив уточнить дорогу у первого же прохожего.

Вдруг метрах в десяти от него из подворотни высыпала группа индейцев — их легко было узнать по длинным черным волосам. Они цепочкой рассыпались поперек улицы. Каждый сжимал в руках охотничье ружье.

Попытка запугать? Возможно. Но с какой целью? Единственное средство узнать — не вступать в игру, не пугаться. И продолжать идти...

Дуло одного из ружей направилось в его сторону. Сухой треск горохом заплясал по бетонным фасадам. Над головой Рега просвистела пуля.

Рефлексы, отработанные безжалостными тренировками, бросили его за выступ стены. Еще один выстрел — рядом посыпалась штукатурка.

Нападавшие не таились. Они имели на то основания: Рег был безоружен. Непокколебимая уверенность в том, что Всевременье защитит тебя даже в самой отдаленной колонии...

Вдруг послышался визг горящих на крутом повороте шин, затем скрип тормозов.

Хлопнули дверцы автомобиля. Снова выстрелы. Непонятный шум, и все стихло.

Он осторожно выглянул из укрытия. Метрах в пяти-шести от него посреди улицы стояла машина. Лэндровер в стиле XX века, что, впрочем, не удивило Рега: колонии времени снабжались оборудованием, сделанным по подобию древних вещей. Еще одна возможность Всевре-

меня обеспечить себе главенствующее положение. Метрополия пользуется самыми последними достижениями науки и техники, колонии же — отошедшими в прошлое: в таких условиях всякий мятеж обречен на провал.

У машины стояли четверо индейцев с ружьями в руках. Те ли это, что напали на него, или те, кто спас?

Увидев Рега, один из мужчин опустил оружие.

— Ну что, брат, убедился?

Он узнал Мато-Хопа, но спокойнее от этого не стало.

— Если бы они в самом деле хотели тебя убить, им хватило бы и одной пули,— заявил индеец, когда они вернулись на Мейн-стрит, 359.— Ты представлял собой отличную мишень.

— Мизансцена? — спросил Рег.— Вроде той, о которой вы мне только что говорили.

Ему не очень нравилось, что Мато-Хопа перешел на ты. Он не давал повода для подобной фамильярности.

— Если хочешь...— индеец на мгновение задумался, устремив взгляд в пустоту.— Да! Они хотели припугнуть тебя. Они предупредили — в следующий раз выстрелят точнее. Не думал, что они будут действовать с такой предосторожностью... Впрочем, ты агент Всевременья. Ликвидировать тебя без всяких оснований они опасаются. Предпочитают начать с устрашения... Надеются, что ты откажешься от миссии по причине некомпетентности. Тогда Всевременье пришлет другого агента, больше соответствующего их замыслам.

— Они... Кто эти люди?

Мато-Хопа неподдельно удивился.

— Ты в самом деле не знаешь? Те, кто хотят освободить Севераму 10 от индейцев. О'Брайен и компания.

— Почему именно они? Меня действительно пытались запугать, но ведь ваше вмешательство тоже может быть частью мизансцены. А если предположить, что

стрелявшие в меня были заодно с вами? Может, вы хотели доказать тем самым лояльность индейцев ко Всевременью, чтобы я составил соответствующий отчет властям метрополии? Или я ошибаюсь?

Мато-Хопа печально покачал головой:

— Ты мне не веришь. И упрямо продолжаешь доверять этим людям... Надеюсь, тебе не придется раскаиваться.

— Я никому не доверяю! — с яростью вскричал Рег.— Ни им, ни вам. Я объективно веду свое следствие. Попытка покушения на представителя Всевременья — деталь. Я не считаю, что покушались именно на меня.

— Здесь ты неправ. Они целились не во Всевременье, а именно в тебя.

— В конце концов объясните мне, что происходит! — взорвался Рег.— Вы говорите намеками... Объяснитесь! Чем я отличаюсь от других агентов Всевременья?

— Ты в самом деле не знаешь? — глаза Мато-Хопа расширились от удивления.— Ты что, никогда не смотрелся в зеркало? Ты же индеец, как и мы.

Итак, причиной всему был цвет его кожи. Не сопротивляйся он с таким упрямством моде Всевременья, ничего бы не случилось. И власти Северамы 10 увидели бы в нем обычного посланца метрополии...

Еще никогда Земля не обращалась вокруг столь щедрого солнца. Вот почему белая кожа не выходила из моды у жителей Всевременья. Ее предохраняли, используя солнечные фильтры. А кое-кто решался даже на депигментацию. И лишь в редких случаях с модой не считались. Не считался и Рег Хайленд, но теперь он спрашивал себя, не совершил ли непоправимой ошибки.

Рег вздохнул. Стоит ли объяснять это Мато-Хопа? В конце концов, если индейцу хочется видеть в нем брата по расе... Его самого расовые вопросы не волновали.

Что значит этнические признаки для гражданина Всевременья? Существует лишь единый народ, вобравший в себя все культурное и расовое наследие.

— Нет,— сказал он.— Решительное нет. Вы предлагаете мне союз, а я должен оставаться сторонним наблюдателем.

Мато-Хопа был явно раздражен:

— Я уже говорил, брат, власти Северамы 10 не оставят тебе выбора. В их глазах ты самый чистокровный индеец, и они не позволяют тебе выполнить миссию. Либо ты откажешься от нее, либо дискредитируешь себя в глазах руководителей Всевременья, либо умрешь, а О'Брайен с компанией постараются возложить вину за твое убийство на нас.

— Предпочитаю забыть эту сцену,— холодно произнес Рег вставая.— В ваших же интересах. Но не вздумайте начинать снова. Делу, которому вы служите, подкупом не помочь.

Индеец стоял с опущенной головой, не отвечая. Говорить было больше не о чем.

«Жаль,— думал Рег, направляясь к выходу,— Мато-Хопа — единственный симпатичный человек из всех, кого я встретил в этой колонии. И самый хитрый...»

Почувствовав, что за ним следят, Рег резко обернулся и заметил, как какая-то фигура бросилась в ближайший подъезд.

Пожав плечами, он пошел дальше. Пересек улицу напротив торгового центра. Его наметанный глаз сразу заметил отражение преследователя в огромных зеркальных стеклах. Уверенный в том, что Рег не видит его, тот, не прячась, шел метрах в пяти или шести позади и собирался в свою очередь сойти с тротуара. Длинные черные волосы — индеец?

Но позади оказался еще один преследователь, кото-

рый следил за ними обоими. Снова человек Мато-Хопа? Нет, не похоже, что за ним следят двое. Значит, кто-то из них был на содержании О'Брайена. Вероятно, это полицейский Северамы 10... Но зачем его сделали похожим на сторонника Кочезе? Быть может, Мато-Хопа все же говорил правду?

Кто был ему другом? О'Брайен? Или Мато-Хопа? Скорее всего ни тот ни другой. С момента прибытия в Севераму 10 его не покидало неприятное ощущение, что им играли, словно пешкой, и эта пешка стала главной фигурой в каких-то тайных интригах.

Вдруг он заметил в толпе знакомое лицо.

Консуэла! Мелькнуло только лицо, но он был уверен, что это именно она.

На мгновение он забыл и о Севераме 10, и об О'Брайене, и о Мато-Хопа, и о преследователях. Консуэла была здесь, всего в нескольких шагах!

Секунда рассеянности едва не обернулась катастрофой. Позади послышались быстрые шаги. Однако выработанные долгими тренировками рефлексy не подвели — он вовремя отпрянул в сторону. Удар пришелся по плечу. Рег ткнулся носом в асфальт.

И тут же вскочил, готовый к схватке. Нападающий тоже упал, не выпуская из правой руки широкий охотничий нож. Заняв оборонительную позицию, Рег выждал, когда его противник встал, и бросился на него. Он знал, что справится...

Он был безоружен, но не беззащитен. Ни одному убийце Северамы 10 не выстоять против человека с его подготовкой!

Не задумываясь, Рег выполнил тысячи раз повторенное движение: схватил противника за запястье, дернул на себя, лишив равновесия, и перебросил через бедро...

Человек приземлился на голову. Рег упал вместе с ним и довершил дело резким ударом ребром ладони.

Прохожие отстранились и с удивлением наблюдали

за происходящим. Ни один не вмешался в драку. Рассчитывать только на себя — первое правило, которое вбивали вам в голову во Всевременьи.

Поднимаясь, он встретился взглядом с одним из зрителей, тем самым индейцем, который шел следом за ним и его преследователем.

Человек улыбнулся и растворился в толпе. Рег не успел сделать и шага в его сторону. Нечего было и думать отыскать его в незнакомом городе. Да и зачем? Чтобы выяснить, кто он? Теперь любезные объяснения были бы излишними...

Он перевернул человека и не удивился, обнаружив, что голову его прикрывал парик.

Толпа росла, но держалась на почтительном расстоянии. Консуэла... Он обвел взглядом лица в тщетной надежде...

«Пропавшее дело, — подумал он с апатией. — И надо же было, чтобы этот тип бросился на меня именно в этот момент... Она не могла не обратить внимания на драку. И, конечно, узнала меня, а теперь спрячется. В одиночку мне ее не найти. Не привлекать же службы Всевременья...»

Он уселся рядом с недвижимым телом, поджидая полицию — та не должна была быть далеко...

Зеваки принялись оживленно обсуждать случившееся, однако не осмеливались подходить ближе.

Он уже начал думать, что воображение сыграло с ним злую шутку. Миллиарды и миллиарды людей рассеяны по десяткам колоний времени... Отыскать ее среди них невозможно. Ни здесь, ни в ином месте.

Как он и предполагал, представители закона не замедлили появиться. Пока полицейские разгоняли толпу, начальник патруля проверил документы Рега, который без улыбки взирал на всю эту комедию. Полицейский кивнул и мрачно прокомментировал:

— Этого следовало ожидать... Выходить на улицу без эскорта в вашем положении — чистое безумие! По-

верьте, они готовы на все, только бы дискредитировать власти Северамы 10 в глазах Всевременья.

— Кто? Индейцы? — спросил Рег, пораженный наглостью полицейского.

Тот нахмурился.

— А кто же еще?

— Кто же? — тихо переспросил Рег. Он бросил взгляд на распростертое на тротуаре тело. Этот ведь белый, не индеец. Но кому нужна такая инсценировка? Чтобы подтвердить свои догадки, следовало допросить типа, лежавшего у его ног. Но он упустил эту возможность. К тому же вряд ли человек знал своих нанимателей в лицо.

Он забрал свои документы и пошел прочь.

— Советую побыстрее найти укрытие. В следующий раз они не промахнутся! — крикнул ему вдогонку полицейский.

Рег не ответил. Он чувствовал невероятную усталость.

Мертвенно-бледный, О'Брайен рухнул в кресло.

— Опять неудача,— пробормотал он.

— Мы допустили ошибку, недооценив его,— сказал человек, сидевший по другую сторону стола.— Но худшее не в этом. Время играет против нас, О'Брайен! Краснокожие договорились с ним за нашей спиной, это ясно...

Он наставил указательный палец на своего собеседника:

— Теперь в игру вступаете вы! Индейцы не осмелятся выступить против законных властей Северамы 10.

— Я? — Начальник службы безопасности посмотрел в глаза визитера.— Вы хотите сказать...

— Вы должны ликвидировать его. А когда проблема будет решена, мы сочиним убедительную версию для Всевременья.

— Подождите! — воскликнул О'Брайен.— Мы же можем обвинить его в сообщничестве с мятежниками и потребовать его немедленного отзыва...

— Чтобы он поделился нашими маленькими тайнами с властями метрополии? Вы свалились с луны, мой милый, мы не можем так рисковать. Мы ведь не знаем, что ему удалось разнюхать с момента прибытия. А вдруг он уже в подробностях знает, как мы собираемся решить индейскую проблему.

О'Брайен уныло повесил голову:

— Что он делает сейчас?

— Отдыхает. Денек был для него нелегким... Он закрылся в комнате, которую вы предоставили ему в здании для офицеров ударного корпуса.

— Ударного корпуса? — Начальник службы безопасности безрадостно усмехнулся.— Тогда вопрос решен.

Он протянул руку к кнопке.

— Четырех-пяти человек хватит. Можете считать Рега Хайленда покойником.

Его собеседник перегнулся через стол и схватил О'Брайена за рукав.

— А вдруг это ловушка? Может, Хайленд только и ждет этого! Нет, следует поступить иначе. Ваша мысль обвинить его в сообщничестве с мятежниками не так уж плоха. Вот, что вы сделаете...

Когда за ним пришли, Рег не оказал никакого сопротивления. Он с безразличием дал себя обыскать, однако отметил удивление полицейских — те явно ожидали найти целый арсенал оружия.

Ему связали руки, провели чередой похожих коридоров, вывели во двор. В конце концов он очутился в кабинете начальника службы безопасности. Сидящий за столом О'Брайен не предложил ему стула. И Рег остался стоять. Полицейские удалились. Молодой человек приблизился

к столу и оперся о него ладонями, не обращая внимания на боль от врезавшихся веревок.

— Жду ваших объяснений! — ледяным тоном произнес он.

— Ну что вы, господин Хайленд, не будьте ребенком,— раздался голос позади.— Вы хотите объяснений? Но ведь вы и так знаете более чем достаточно!

Рег резко повернулся и окинул с ног до головы человека, которого сразу не заметил.

— Кто вы такой?

Тот небрежно махнул рукой.

— Мое имя вам ничего не скажет. У меня нет никаких официальных постов в администрации Северамы 10...— Он помолчал, по-видимому ожидая повторного вопроса, но Рег не доставил ему этого удовольствия.— Я представляю жителей колонии, по крайней мере тех, кому опротивели краснокожие, и можете мне поверить, таких большинство. Они считают, что у администрации не хватает духу выступить против индейцев... Наша организация берется урегулировать сию щепетильную проблему. Раз и навсегда.

— Геноцид,— заключил Рег.— Значит, именно это. Его собеседник скривился:

— Слишком напыщенное слово для такого пустяка. К тому же они сами напрашиваются! Держались бы потише...

— Почему вы мне говорите все это? — оборвал его агент.— Собираетесь убить? Советую поостеречься: метрополия проведет расследование и...

— Кто собирается вас убивать? Предпочитаю думать, что вы в согласии с логикой поймете...

— Об этом не может быть и речи! — перебил Рег.— Геноцид?!

— Кто знает?

В этот момент вошли вызванные О'Брайеном полицейские и увели Рега, не дав ему возможности возразить.

— С этим мальчишкой не договоришься! — вздохнул начальник службы безопасности, когда агент исчез за дверью.

— Да,— его собеседник уселся на край стола.— Но вопрос не в этом. Сговорчив он или нет, не имеет значения. Его следует устранить. Вы помните, что надо делать?

— Организовать побег,— кивнул О'Брайен.— Предоставим ему возможность смыться от нас и пристрелим. Такая попытка к бегству будет расценена Всевременьем как доказательство его предательства.

— Хорошо. Помогите ему сбежать. Но не облегчайте задачу. А то, глядишь, он и на самом деле смоеется! Последние слова рассмешили О'Брайена.

Посадить человека довольно просто, а заставить его сбежать, не предоставляя истинной свободы...

Регу не хотелось бежать. По-правде говоря, ему ничего не хотелось. В голове бродили какие-то разрозненные мысли — невозможность связать их обрекала на бездействие.

Прежде всего — Консуэла. Перед его глазами то и дело мелькал образ женщины, исчезнувший в толпе. Ее лицо безусловно напоминало то, что хранила память, но было ли оно тем же? Рег то отчаянно верил в это, то убеждал себя, что все только привиделось. Стоит ли пытаться найти ее? Ведь прежде чем скрыться из Всевременья, она ушла от него? К тому же обладательница этого лица и тут предпочла исчезнуть. Если это была Консуэла, ее новое бегство доказывало, что она окончательно порвала со всем, что их некогда связывало.

Рег никогда не был уверен в Консуэле. Она была для него мечтой. Или кошмаром.

Все, во что верил Рег, рухнуло. Могущество Всевременья, лояльность колониальных властей, справедли-

вость колонизации времени — все, вплоть до доли миротворца, которую ему надлежало играть...

Нескольких часов хватило, чтобы развеять в прах прекрасные идеалы. Удаленность метрополии — он теперь ясно понимал — позволяла идти на любую ложь. Люди, поставленные Всевременьем во главе колоний, творили откровенное беззаконие. Колонизация могла привести к исчезновению исконных цивилизаций.

Столь безжалостный пересмотр собственных убеждений лишил его сил. А ведь они были источником его мужества, его решимости. Конечно, он был не столь наивен, чтобы полагать, будто безопасность, которой он пользовался в качестве агента Всевременья, позволяла ему безнаказанно выступать против населения целой колонии, но не это было главным. Черпая силу в своей вере, он всегда боролся, отменяя мысль об опасности, ведь на его стороне было право, а право не могло не восторжествовать.

Угасло желание бороться, даже защищать собственную жизнь. Все, что до сих пор, как ему казалось, оправдывало его существование, растаяло словно дым. Ложь царила на всех уровнях как в метрополии, так и в колониях, и бороться — означало множить эту ложь.

Ему принесли еду. В куске хлеба был спрятан ключ, но и это его не всколыхнуло. Ключ позволял открыть дверь камеры. Но кто положил его в хлеб? Индейцы или те белые, которые, по словам Мато-Хопы, тайком поддерживали их дело? Он не видел необходимости в бегстве. Бегство позволяло добраться до двери времени, но она наверняка тщательно охранялась службой безопасности...

Он отшвырнул ключ в угол и забыл о нем.

Через некоторое время он задремал.

Его разбудили выстрелы. Пока он спал, наступила ночь.

Поспешные шаги в коридоре, скрип ключа в замочной скважине. Дверь приоткрылась. В проеме возник высокий силуэт Мато-Хопа.

— Добрый вечер, брат,— весело проговорил он.

— Привет, брат,— ответил Рег тем же тоном и удивился тому, что все его сомнения и колебания исчезли.

Они стояли у окна. Снаружи сновали люди в синей форме. Бронемшины занимали позиции на каждом перекрестке.

— Почему они не дают сигнала к штурму? — спросил Рег.— Их по крайней мере в десять раз больше.

— Ошибаешься,— усмехнулся Мато-Хоп.— Слышишь шум с нижних этажей? Там тысячи индейцев. Такое же положение в каждом городе Северамы 10 — мы захватили все здания, принадлежащие службе безопасности.

Рег недоверчиво посмотрел на него:

— Зачем?

— В этих зданиях размещаются двери времени.

Посланец Всевременья непонимающе нахмурился.

Мато-Хоп вздохнул:

— Двери времени очень много значат для жителей колонии. Это единственная связующая нить с метрополией. Сейчас они в наших руках, и мы можем на равных вести переговоры с властями Северамы 10. Вы — нам, мы — вам: мы возвращаем вам двери, а вы взамен этого освобождаете территории, нужные нам для того, чтобы жить, как мы хотим.

— Резервации для индейцев...— Рег покачал головой.— Ты плохо изучал историю, Мато-Хоп! Иначе бы знал, что белые всегда отдавали индейцам территории не без задней мысли — со временем они собирались их вернуть... Это будет легко сделать! Им даже не придется ждать, пока вы доберетесь до резерваций. По правде

говоря, ваше единственное оружие — контроль над дверями. Стоит вам покинуть эти здания, как вас начнут убивать поодиночке.

— Это — наш единственный шанс, — помрачнел Мато-Хопа. — На этот раз придется поверить им. Я знаю, что мы многим рискуем, но... Мой народ ждет столько лет, столько поколений, когда наступит Великий день, день, когда индейцы будут жить свободными на своих землях...

Рег ответил не сразу. В отчаянии он прикидывал все возможности.

— Вы действительно хотите уйти? Тогда, быть может, есть другой выход...

Целый народ собирался отправиться сквозь время и пространство на поиски убежища... Идея была не нова — колонизация времени основывалась на том же принципе. Рег воспользовался известным примером.

Энергия, которой ему так не хватало в последние часы, возвращалась. Следовало все предусмотреть, все организовать. Время сомнений миновало, настала пора действий.

Кто, кроме него, мог справиться с компьютером, управляющим дверями времени?.. Индейцы, похоже, полностью положились на него, поэтому он не сказал, что имеет весьма поверхностные знания в данной области: люди вокруг так полагались на него, что он боялся неосторожным словом стереть выражение надежды с возбужденных лиц.

Прежде всего он спутал координаты Всевременья — это-то он умел. Дело пошло хуже, когда он попытался заменить их. По контрольному экрану бежали все более и более плотные серии букв и цифр, и эта бешеная пляска, как он понимал, не имела ничего общего с настройкой.

«Защитный контур», — встревоженно подумал Рег.

Всевременье предусматривало опасность мятежа и захват дверей времени, а потому кто-то придумал это средство, чтобы помешать нежелательным элементам нарушить ход колонизации. Специальная программа отсылает мятежников в то место и в ту эпоху, где они ничего не могут предпринять. Хуже — они могут быть уничтожены в момент выхода из дверей. Если выход открывается в сердце звезды...

Не зная, что делать, он повернулся к Мато-Хопа. Не так поняв его немой вопрос, индеец пожал плечами:

— Нам все равно, какое место ты выберешь для нас. Только бы там не было колонизаторов...

«Каждому свое,— подумал Рег.— Он предводитель, такие, как он, делают историю. А я простой техник, и он мне доверяет в том, что выше его понимания. Одна загвоздка — я не смогу сыграть даже роль техника.

Сказать ему правду? Он и его народ воспользовались эффектом неожиданности, но колониальное правительство долго бездействовать не будет. И прекрасная мечта Мато-Хопа превратится в кошмар. Надежды потонут в крови».

Он выдавил некое подобие улыбки.

— Тогда останемся в Северной Америке,— сказал он, делая вид, что крутит ручки.— Сразу после оледенения. Суровая эпоха. Но Всевременье там еще не разместило ни одной колонии.

Мато-Хопа поощрительно потрепал его по плечу. «Я — сволочь, я — сволочь»,— в отчаянии повторял про себя Рег. Но другого решения не было. Что угодно, но не кровавая бойня, к которой готовятся О'Брайен и его ультра. Если двери времени распахнутся в центре звезды, никто не успеет осознать, что произошло. И никто его не упрекнет...

Бег символов по экрану прекратился. Кто-то подошел и переписал цифры и буквы с экрана.

— Для наших братьев, которые захватили осталь-

ные центры,— пояснил Мато-Хопа.— Они отрегулируют двери времени таким образом, и мы встретимся.

«Или вместе умрем»,— мысленно добавил Рег.

Снаружи полицейские смыкали кольцо осады. Занимали стратегические точки, но штурма не начинали. Из боязни повредить драгоценные двери времени или потому, что власти Северамы 10 надеялись с помощью тех же дверей решить индейскую проблему без пролития крови.

Ожидание будет долгим и для осажденных, и для полицейских: напряжение на дверях времени достигнет нужной величины только через несколько часов.

Грязно-серое утро постепенно вытесняло ночь. Рег, словно во сне, следил за нескончаемой колонной молчаливых людей, тянувшихся к дверям. Попав в зал, где он материализовался всего лишь сутки назад, индейцы разбивали попарно. Станный кортеж, двигаясь вперед, постепенно таял и окончательно исчезал в центре зала...

— Похоже, ты кого-то высматриваешь? — вдруг спросил стоявший рядом Мато-Хопа.— Вроде, у тебя здесь не может быть знакомых!

Рег повернулся к нему.

— Возможно, и высматриваю,— ответил он.— Коекого, кто не принадлежит ни мне, ни этой колонии...

Сколько времени он отказывался говорить о Консуэле? Целую вечность. С тех пор, как она скрылась. И вот здесь, в месте, вовсе не предназначенном для исповеди, он вдруг ощутил необоримое желание исповедаться перед этим едва знакомым человеком. Он заговорил о Консуэле, о Консуэле и о себе.

Уже не больше сотни мужчин, женщин и детей топталось в коридорах, по которым за несколько часов

прошли тысячи их собратьев. Исход завершился. Еще десять минут — и центр службы безопасности Севера-мы 10 опустеет.

Мато-Хопа повернулся к Регу.

— Я пойду последним,— сказал он.— После этого ты установишь координаты Всевременья и вернешься домой.

— *Домой?* У меня больше нет дома. Я ухожу вместе с вами. «И умру вместе с вами, если те, кто запрограммировал двери, предусмотрели именно такое решение».

Лицо Мато-Хопа расплылось в широкой улыбке:

— Я верил в это, брат. Не знаю, индеец ты или нет, но ты достоин им быть. Мой народ будет горд считать тебя своим.

Когда наконец наступила их очередь, Рег придержал Мато-Хопа за руку:

— Мне остается только сказать тебе кое-что. Консуэла ушла не из-за пустой ссоры влюбленных. Точнее, она ушла не от меня, она скрылась от Всевременья. То, что я понял сегодня, ей стало известно после первых же заданий. Я продолжал верить в красоту, в благородство нашей миссии, и пропасть между нами ширилась с каждым днем...

— И вдруг стены ее сомкнулись,— заключил Мато-Хопа.— Теперь ты поступишь, как она. Ты уйдешь, исчезнешь из системы, созданной Всевременьем. Кто знает, может, все беглецы собираются в одном и том же месте?.. Поверь мне, у тебя больше шансов отыскать ее, отправившись с нами, чем продолжая поиски по разным колониям.

«Даже если это место именуется Нигде?» — едва не спросил Рег. Потом подумал о смерти и вдруг понял, что постоянно надеялся на нее с момента исчезновения любимой женщины.

Индеец подsunул под компьютер небольшую коробочку.

— Бомба замедленного действия, — усмехнулся он. — Ничего страшного. Она разрушит только компьютер. И нас не отыщут ни люди О'Брайена, ни люди Всевременья. Мы будем свободными. Наконец.

Они ступили внутрь двери.

— Больше нет Джексона Меллоуза, — торжественно заявил краснокожий. — Это имя дали мне колонизаторы, а значит, оно с полным правом отбрасывается. Отказываюсь и от имени Кочезе — оно означало, что после меня у индейцев больше не будет вождей. Теперь все переменялось. После меня другие поведут мой народ к его судьбе. Отныне я лишь Мато-Хопа.

Рег не слушал. Мысль о близкой смерти не оставляла его. И вдруг он подумал, что исход этой миссии в конце концов придется по нраву властям Всевременья. Проблема индейцев решается без всякого пролития крови. И в геноциде никого не обвинишь... Кто знает, быть может, метрополия не случайно остановила свой выбор на нем, рассчитывая, что из-за обожженной солнцем кожи обитатели колонии примут его за индейца и он, используя промахи колониального правительства и расистской организации, перейдет на сторону угнетенных? Слишком хитроумно, но ведь правители Всевременья славились своим маккиавелизмом!..

Ему некогда было продолжать свои рассуждения. В глазах расплылось. Белые стены комнаты сменил золотистый свет. И это не был невыносимый свет звездного пламени — вместе с Мато-Хопа он вступил в осенний день. Перед ними расстилалась бесконечная прерия.

Генри Каттнер

Кэтрин Мур

Двурукая машина

Еще со времен Ореста находились люди, которых преследовали фурии*. Однако только в двадцать втором веке человечество обзавелось настоящими стальными «фуриями». Оно к этому времени достигло критической точки в своем развитии и имело все основания для создания таких человекоподобных роботов — они как собаки шли по следу тех, кто совершил убийство. Преступление это считалось самым тяжким.

Все происходило очень просто. Убийца, полагавший, что находится в полной безопасности, вдруг слышал за собой чьи-то размеренные шаги. Обернувшись, он видел следовавшего за ним по пятам двурукого робота — человекоподобного существа из стали, которое в отличие от живого человека было абсолютно неподкупным. С этой минуты убийце становилось ясно, что всемогущий электронный мозг, наделенный способностью проникать в чужие мысли, какой не обладало ни одно человеческое существо, вынес свой приговор.

Отныне убийца постоянно слышал шаги за спиной.словно некая движущаяся тюрьма с невидимой решеткой отгораживала его теперь от всего остального мира. С этой минуты он сознавал, что уже ни на миг

Пер. изд.: Kattner G., Moor K. Two-handed Engine.— *Magazine of Fantasy of Science Fiction* (August 1955).

* Фурии — в римской мифологии богини мести и угрызений совести, наказывающие человека за совершенные грехи. Они отождествляются с эриниями в греческой мифологии. Героя греческой мифологии Ореста эринии преследуют за убийство матери.— *Прим. ред.*

не останется в одиночестве. И однажды наступит день — хотя сам он не мог предугадать когда именно — и робот из тюремщика превратится в палача.

В ресторане Дэннер удобно откинулся в кресле, словно отлитом по форме человеческого тела, и, прикрыв глаза, чтобы лучше насладиться букетом, смаковал каждый глоток вина. Он чувствовал себя здесь в полной безопасности. Да, в абсолютной безопасности. Вот уже почти час он сидит в роскошном ресторане, заказывает самые дорогие блюда, прислушиваясь к негромкой музыке и приглушенным голосам посетителей. Здесь хорошо. И еще хорошо иметь сразу так много денег.

Правда, для того чтобы получить их, ему пришлось пойти на убийство. Но чувство вины ничуть не тревожило его: не пойман — не вор. А ему, Дэннеру, гарантирована полнейшая безнаказанность, какой не обладал еще ни один человек. Он прекрасно знал, какая кара ожидает убийцу. И если бы Гарц не убедил его в абсолютной безопасности, Дэннер никогда бы не решился нажать на спусковой крючок...

Какое-то старое, давно забытое словечко на мгновение всплыло в памяти: грех... Но оно ничего не пробудило в его душе. Когда-то это слово странным образом было связано с чувством вины. Когда-то давно, но не сейчас. Человечество с тех пор далеко ушло в своем развитии. Понятие греха превратилось в бессмыслицу.

Он постарался не думать об этом и приступил к салату из сердцевины пальмы. Салат ему не понравился. Ну что ж, случается и такое. В мире нет ничего совершенного. Он отхлебнул еще вина. Ему нравилось, что бокал словно живой слегка подрагивает в руке. Вино превосходное. Дэннер подумал, не заказать ли еще, но потом решил, что не стоит. На сегодня, пожалуй, хватит. Ведь впереди его ждет множество раз-

нообразных наслаждений. Ради этого стоило многое поставить на карту. Никогда раньше ему такого случая не представлялось.

Дэннер был из числа тех, кто родился не в свой век. Он прожил на свете уже достаточно много, чтобы помнить последние дни утопии, но был еще настолько молод, чтобы не ощущать в полной мере пресса новой политики, которую компьютеры ввели для своих творцов. В далекие годы его юности роскошь была доступна всем. Он хорошо помнил времена, когда был подростком: последние из эскапистских* машин тогда еще выдавали сверкающие радужными красками, утопичные, завораживающие картины, которые никогда не существовали в реальности и вряд ли могли существовать. А потом жесткая политика экономии положила конец всем удовольствиям. Теперь каждый имел лишь самое необходимое. И все обязаны были работать. А Дэннер ненавидел работу всеми фибрами души.

Когда произошел этот перелом, он был еще слишком молод и неопытен для того, чтобы выйти победителем в конкурентной борьбе. Богатыми могли себя считать сегодня лишь те, кто сумел прибрать к рукам предметы роскоши, которые еще производили машины. На долю же Дэннера остались только яркие воспоминания да тоскливая злоба обманутого человека. Единственное, что ему хотелось,— это вернуть былые счастливые дни, и ему было абсолютно наплевать на то, каким путем он этого достигнет.

И вот теперь он своего добился. Он провел пальцем по краю бокала, почти ощущая, как тот отозвался на это прикосновение едва слышным звоном. «Хрусталь?» — подумал Дэннер. Он был слишком мало знаком с предметами роскоши и плохо во всем этом

---

* От англ. escape — бежать, спастись. Эскапизм — стремление уйти от действительности в мир иллюзий.— *Прим. ред.*

разбирался. Но он научится. Всю оставшуюся жизнь ему предстоит этому учиться и вкусить наконец счастье.

Он посмотрел вверх и сквозь прозрачный купол крыши увидел неясные очертания небоскребов. Они обступали его со всех сторон, точно каменный лес. И это только один город. Когда он устанет от него, будут другие города. Всю страну, всю планету опутала сеть, соединяющая один город с другим, подобно огромной паутине, напоминающей загадочного полуживого монстра. И это называется обществом.

Он почувствовал, будто кресло дрогнуло под ним.

Протянув руку к бокалу с вином, он быстро осушил его. Неосознанное ощущение какого-то неудобства, словно задрожала сама земля, на которой стоял город, было чем-то новым. Причина была — ну да, конечно, — причина в этом неведомом страхе.

Страхе из-за того, что его до сих пор не обнаружили.

Пропадал смысл. Город представляет собой сложный комплекс, и, конечно, он живет спокойно в расчете на то, что машины неподкупны. Только они и удерживают людей от вырождения и стремительного превращения в вымирающих животных. И среди этого множества машин аналоговые компьютеры стали гироскопами всего живого. Они разрабатывают законы и следят за их исполнением — исполнением законов, которые необходимы человечеству, чтобы выжить. Дэннер многого не понимал в тех огромных изменениях, которые потрясли общество за годы его жизни, но для себя кое-что он все-таки уяснил.

Он чувствовал, что во всем есть определенный смысл: в том, что он презрел законы общества, в том, что сидел сейчас в роскошном ресторане, утопая в мягком, глубоком кресле, потягивая вино, слушая тихую музыку, и никакой «фурии» не было за его спиной в качестве доказательства того, что компьютеры являются ангелами-хранителями человечества...

Если даже «фурию» можно подкупить, то во что остается верить людям?

И тут она появилась.

Дэннер слышал, как внезапно смолкли все звуки вокруг. Оцепенев, он застыл с вилкой в руке и установился в противоположный конец зала, туда, где была дверь.

«Фурия» была выше человеческого роста. На какое-то мгновение она замерла у двери, и луч послеполуденного солнца ярким зайчиком отразился от ее плеча. Глаз у робота не было, но казалось, что его взгляд неторопливо, столик за столиком, ощупывает весь ресторан. Затем робот шагнул в дверной проем, и солнечный зайчик скользнул в сторону. Похожий на закованного в стальные латы высокого мужчину, робот медленно брел между столиками.

Отложив вилку с нетронутой пищей, Дэннер подумал: «Это не за мной. Все, кто здесь сидит, теряются в догадках, но я-то твердо знаю, что он пришел не за мной».

И в памяти ясно и четко, во всех деталях, как те воспоминания, что проносятся в сознании тонущего человека, возник их разговор с Гарцем. Как в капле воды, способной отразить широкую панораму, сконцентрировать ее в крошечном фокусе, в мгновение сфокусировались сейчас в его памяти те тридцать минут, которые Дэннер провел с Гарцем в его лаборатории, где стены, если нажать кнопку, становились прозрачными.

Он снова увидел Гарца, полного блондина с печально опущенными бровями. Этот человек казался необычайно расслабленным, пока не начинал говорить, и тогда его пламенный темперамент заставлял вибрировать даже воздух. Дэннер снова вспомнил, как стоял перед столом Гарца, ощущая по дрожанию пола едва слышное гудение компьютеров. Они были хорошо

видны отсюда сквозь стекло: гладкие, сверкающие, с поблескивающими будто свечи в разноцветных лампадках огоньками. Снизу глухо доносилось их жужжание — словно машины переваривали факты, осмыслили их и, подобно оракулам, изрекали свои выводы на загадочном языке цифр. Только такие, как Гарц, способны были понять то, что они вещают.

— У меня к тебе дело,— начал Гарц.— Я хочу, чтобы ты убрал одного человека.

— Ну уж нет! — ответил Дэннер.— Ты что, за дурака меня принимаешь?

— Подожди, не спеши. Тебе нужны деньги?

— Для чего? — с горечью спросил Дэннер.— Нашикарные похороны?

— На шикарную жизнь! Я знаю — ты не дурак. Я чертовски хорошо знаю, что ты не согласишься сделать то, о чем я тебя прошу, до тех пор, пока не получишь деньги и гарантию безнаказанности. Но именно это я и собираюсь тебе предложить. Гарантию безнаказанности.

Дэннер бросил взгляд сквозь прозрачную стену на компьютеры.

— Да уж, конечно,— сказал он.

— Послушай, я отдаю себе отчет в том, что говорю. Я...— Гарц замялся, беспокойно оглянувшись вокруг, как будто сомневался в предпринятых мерах предосторожности.— То, о чем я говорю,— нечто совершенно новое,— продолжал он.— Я могу пустить любую «фурию» по ложному следу.

— Ну, конечно...— недоверчиво бросил Дэннер.

— Правда, правда. Я покажу тебе, как это делается. Я могу отвести любую «фурию» от ее жертвы.

— Каким образом?

— Это, разумеется, тайна. Дело в том, что я нашел способ закладывать в компьютер искаженные данные, так что машины выносят неверное определение ви-

новности или же делают неверные выводы после признания виновности.

— Но это же опасно!

— Опасно? — Гарц взглянул на Дэннера из-под своих печальных бровей.— Конечно, опасно. Я знаю это. И потому не слишком часто прибегаю к этому способу. В общем-то я проделал это только один раз. Я разработал метод теоретически и один раз проверил его на практике. Он сработал. Чтобы доказать тебе, что я говорю правду, я повторю его. Затем повторю еще раз, для того чтобы обезопасить тебя. Вот и все. Мне не хочется вносить путаницу в работу вычислительных машин без особой необходимости. Когда ты сделаешь свое дело, мне это больше не потребуется.

— Кого я должен убить?

Гарц невольно посмотрел вверх — туда, где несколькими этажами выше располагались кабинеты наивысшего ранга.

— О'Райли,— сказал он.

Дэннер тоже посмотрел в потолок, словно мог увидеть сквозь перекрытия подошвы ботинок высокочтимого О'Райли — управляющего, Главного Контролера электронных вычислительных машин, вышагивающего по пушистому ковру где-то там, над его головой.

— Все очень просто,— сказал Гарц.— Я хочу на его место.

— Почему бы тогда тебе самому не убрать его, если ты уверен, что можно отделаться от «фурии»?

— Потому, что это выдаст меня с головой,— раздраженно сказал Гарц.— Подумай сам. У меня есть совершенно очевидный мотив для преступления. Даже калькулятор покажет, кому больше всего выгодна смерть О'Райли. И если я еще и сумею отделаться от «фурии», все начнут ломать голову, как это мне удалось. У тебя же нет никаких побудительных причин

для убийства О'Райли. Никто, за исключением компьютеров, об этом знать не будет, а уж о них я позабочусь.

— А откуда я узнаю, что ты действительно можешь это сделать?

— Очень просто. Смотри сам.

Гарц поднялся и быстро пересек комнату по мягкому пружинящему ковру, который обманчиво придавал его походке молодую статью. У дальней стены комнаты на уровне человеческой груди был расположен контрольный пульт с наклонным стеклянным экраном. Гарц нервно ткнул пальцем кнопку, и на экране появился план одного из районов города.

— Мне нужно отыскать сектор, где находится «фурия»,— объяснил он.

Изображение на экране начало мерцать, и Гарц снова нажал кнопку. Нечеткая сеть городских улиц заколебалась, стала яркой, а затем погасла, пока он быстро сканировал один район за другим. Затем план района снова стал четким. Три волнистые полосы разного цвета пересеклись в одной точке неподалеку от центра. Точка медленно двигалась по экрану — соответственно скорости идущего человека, уменьшенного в масштабе, соответствующем изображению улицы, по которой он шел. Вокруг него медленно плыли цветные линии, сфокусированные в одной точке.

— Вот здесь,— сказал Гарц, наклоняясь вперед, чтобы прочесть название улицы. С его лба на стекло упала капля пота, и он неловко стер ее пальцем.— Вот идет человек в сопровождении «фурии», она следует за ним неотступно. Вот сейчас будет хорошо видно. Смотри-ка!

Над столом был расположен другой экран, побольше. Включив его, Гарц нетерпеливо ждал, когда уличная сценка появится в фокусе. Толпы людей, оживленное движение, шум — одни куда-то спешат, другие

слоняются без дела. И середина толпы, словно оазис отчуждения, словно остров в людском море. А по этому находящемуся в гуще движения островку бредут неразлучные, будто Робинзон и Пятница, двое его обитателей. Первый из них — изможденный, усталый мужчина — шагает, не отрывая глаз от земли. Второй — закованный в блестящие доспехи верзила — следует за ним шаг в шаг.

Кажется, невидимые стены отделяют их от толпы, сквозь которую они движутся, ограждают пространство, которое смыкается, как только они проходят, и распаивается перед ними, делая проход. Одни прохожие с любопытством глазят на них, другие в замешательстве отводят взгляд. А находятся и такие, кто смотрит с откровенным нетерпением, ожидая момента, когда Пятница поднимет свою стальную руку, чтобы нанести Робинзону роковой удар.

— Гляди внимательно, — взволнованно бросил Гарц. — погоди минуту... Я хочу отвести «фурию», чтобы она перестала преследовать этого человека.

Он пересек комнату, подойдя к письменному столу, открыл ящик и низко склонился над ним, словно прятал что-то от посторонних глаз. Дэннер услышал несколько щелчков, а затем короткую дробь клавишей.

— Ну вот, сейчас, — сказал Гарц, закрывая ящик, и тыльной стороной ладони вытер лоб. — Очень жарко здесь, правда? Давай-ка посмотрим поближе. Вот увидишь, сейчас что-то произойдет.

Они снова вернулись к большому экрану. Гарц повернул рычажок, и уличная сценка заполнила весь экран. Они увидели крупным планом человека и его преследователя. На лице мужчины было такое же бесстрастное выражение, как и у робота. Слово эти двое прожили вместе долгое время и заразили один другого. Иной раз время кажется беспредельным, когда секунды тянутся необычайно долго.

— Подождем, пока они выберутся из толпы,— сказал Гарц.— Не стоит привлекать внимание. Вот сейчас он повернет.

Мужчина, который, казалось, шел наугад, свернул с аллеи в узкий, темный переулок, уводивший в сторону от оживленной улицы. Объектив следовал за ним так же упорно, как и робот.

— Значит, и в самом деле существуют камеры, которые следят за всем, что происходит на улице,— сказал Дэннер, явно заинтересованный происходящим.— Я всегда это подозревал. Как это делается? Они что же, установлены на каждом углу или это луч, который...

— Не имеет значения,— прервал его Гарц.— Это секрет фирмы. Смотри — и все. Надо подождать, пока... Нет-нет! Смотри, он сейчас попытается от него отделаться!..

Человек, обернувшись, украдкой бросил взгляд назад. Как раз в этот момент робот, следуя за ним, заворачивал за угол. Гарц стремглав бросился к своему столу и выдернул на себя ящик. Его рука замерла над ним, глаза все еще были прикованы к экрану. Было интересно смотреть, как человек в переулке, вовсе не подозревая, что за ним наблюдают, поглядел вверх и обвел глазами небо, на мгновение уставившись прямо в объектив следящей за ним скрытой камеры, точно взглянул в глаза Гарцу и Дэннеру. И вдруг они увидели, как он, глубоко втянув в себя воздух, кинулся бежать.

В ящичке письменного стола раздался металлический щелчок. Как только человек побежал, робот тоже перешел на бег. Но затем он будто споткнулся обо что-то и, казалось, зашатался на своих стальных ногах. Робот замедлил движение, а потом и вовсе остановился, точно автомобиль перед светофором. Он стоял без движения.

На самом краю экрана виднелось лицо мужчины. Он остановился, разинув рот от изумления, — видимо, понял, что свершилось невероятное. Робот стоял в перелуке, делая нерешительные движения, как будто новые приказы, которые Гарц посылал в начинавшие его внутренности механизмы, приходили в конфликт с ранее заложенными в него программами. Затем он повернулся спиной к мужчине и медленно, почти умиротворенно, словно подчиняясь чьей-то команде, побрел вдоль улицы прочь, не нарушая общепринятых законов.

Надо было видеть в эту минуту лицо мужчины. На нем было одновременно и удивление, и испуг, словно он лишился лучшего друга.

Гарц выключил экран. Он снова смахнул пот со лба и, подойдя к стеклянной стене, посмотрел вниз, будто опасался, что компьютеры уже знают о том, что он натворил. Он казался сейчас таким крошечным на фоне металлических гигантов!

— Ну что скажешь, Дэннер? — бросил Гарц через плечо.

Итак, все получилось. Их переговоры потом еще продолжались, и после долгих словопрений сумма, обещанная Дэннеру, была увеличена. Но сам-то он уже заранее отлично знал, что на все согласен. Игра стоила свеч. И хорошо оплачивалась. Вот только если...

Все замерли. «Фурия», подобно светящемуся видению, спокойно прошла между столиками, ни до кого не дотрагиваясь. Лица посетителей, обращенные к ней, бледнели. Каждого сверлила мысль: «А вдруг это за мной? Может, это первая ошибка, допущенная компьютером. Ошибка ошибкой, а жаловаться-то некуда, да и ничего не докажешь». И хотя в этом мире слово «ви-

на» давно утратило смысл, наказание осталось, и оно могло быть слепым и разящим как молния.

Дэннер мысленно твердил, стиснув зубы: «Не за мной. Я в безопасности. Я спокоен. «Фурия» явилась не за мной». Но в то же время никак не мог отогнать неотвязную мысль: странное совпадение — под стеклянной крышей этого дорогого ресторана одновременно оказались двое убийц — он сам и тот, за кем явилась «фурия».

Дэннер положил вилку и услышал, как она звякнула о тарелку. Он взглянул на нее, на тарелку с почти не тронутой едой и почувствовал, что мозг его внезапно отключился от всего, что происходило вокруг. Ему захотелось, подобно страусу, спрятать голову. Он постарался переключить мысли на другое, ну, скажем, на овощи, что лежали перед ним на тарелке.

Интересно, как растет спаржа? И вообще, как выглядят сырые овощи, на что они похожи? Он никогда их не видел. Он получал их уже в готовом виде, из ресторанных кухонь или автоматических блоков питания. Вот, например, картофель. На что он похож? Влажная белая масса? Нет, иногда ведь бывают ломтики овальной формы, так что, по-видимому, и целая картофелина должна быть овальной. Но не круглой. А иногда картофель подают на стол разрезанным на длинные брусочки, квадратные в сечении. Наверно, это что-то длинное, овальное, что режется вдоль. Безусловно, белого цвета. Растет картофель под землей. Дэннер был почти уверен в этом. Такие длинные тонкие сцепившиеся корни, точно белые руки; он видел их среди труб и трубопроводов, когда рыли канавы при ремонте улиц. Как странно: он ест что-то похожее на человеческие руки, которые обнимают сточные трубы города, мертвенно-бледные руки, извивающиеся в земле, где обитают черви. И где окажется и он сам, если «фурия» достигнет его.

Дэннер оттолкнул от себя тарелку.

Шорохи и едва уловимое бормотание в зале заставили его против собственной воли поднять глаза. «Фурия» дошла до середины зала, и было забавно видеть, как успокаивались те, кто оставался у нее за спиной. Две или три женщины закрыли лицо руками, а один мужчина, потеряв сознание, тихо сполз со своего кресла. По мере того как «фурия» миновала очередной столик, все скрытые опасения вновь возвращались в тайники сознания.

Вот она уже почти поровнялась с его столиком. Ростом робот был около семи футов, но движения его были неожиданно плавными. Даже более плавными, чем движения человека. Однако ноги робота ступали по ковру с тяжелым, размеренным стуком: бух, бух, бух. Дэннер попытался прикинуть, сколько робот мог весить. Обычно считается, что «фурия» не издает никаких звуков, если не считать этих ввергающих в ужас шагов, но этот робот при ходьбе слегка поскрипывал. Лица у робота не было, однако человек уж так устроен, что всегда старается представить себе подобного и невольно надеется и эту стальную поверхность глазами, которые, кажется, должны были внимательно шарить по ресторанному залу.

Робот приближался. И вот взгляды присутствующих устремились на Дэннера. «Фурия» шла прямо на него.

«Нет! — твердил себе Дэннер. — Этого не может быть». Он чувствовал себя, словно в кошмарном сне. «О господи, помоги мне поскорее проснуться. Дай мне проснуться, прежде чем она доберется до меня!»

Однако это был не сон. Великан застыл перед ним, тяжелые шаги умолкли. Слышалось только легкое поскрипывание. «Фурия» возвышалась над его столом, обратив к нему свой гладкий лик.

Дэннер почувствовал, как невыносимо жаркая волна обдала его лицо, — волна гнева, стыда, сомнения. Сердце

забилося так сильно, что ресторанный зал поплыл перед глазами, и внезапная боль молнией пронзила голову — от виска к виску.

Дэннер, вскрикнув, вскочил.

— Нет, нет! — закричал он бездушной стальной громадине.— Ты ошиблась! Ты перепутала! Пошла прочь, дура! Это ошибка, ошибка! — Не глядя, он нащупал на столе тарелку и запустил ее прямо в бронированную грудь. Тарелка разлетелась вдребезги. На гладкой стальной поверхности остались белые, зеленые и коричневые пятна от ее содержимого. Дэннер с трудом выбрался из своего кресла, обогнул стол и, минуя высокую металлическую фигуру, устремился к выходу.

Он думал сейчас только о Гарце.

Море лиц проплывало слева и справа, пока он на негнущихся ногах выбирался из ресторана. Одни смотрели на него с жадным любопытством, ловя его взгляд. Другие старались вовсе не смотреть, уставившись в тарелку или прикрыв лицо рукой. За его спиной снова раздались размеренная поступь и едва слышное ритмичное поскрипывание.

Лица исчезли, он миновал двери, даже не помня, как их открыл. Дэннер вышел на улицу. Пот лил с него ручьями; хотя день был вовсе не холодный, дыхание ветра показалось ему ледяным. Ничего не различая вокруг, он посмотрел налево и направо, а затем бросился за полквартила к телефонам-автоматам. Перед его глазами так ясно и отчетливо стояло лицо Гарца, что он наткнулся на прохожих. Словно откуда-то издалека, слышал он возмущенные возгласы, которые сразу же смолкли в благоговейном молчании. Люди расступались перед ним как по мановению волшебной палочки. В этом образовавшемся вокруг него вакууме он дошел до ближайшей будки.

Он закрыл за собой стеклянную дверь, лихорадочная пульсация крови в ушах, казалось, заставила выбриро-

вать звуконепроницаемую кабину. Сквозь стекло он видел бесстрастного робота, который ожидал его, разноцветные пятна на его стальной груди были похожи на странную орденскую ленту.

Дэннер попытался набрать номер. Пальцы были как резиновые. Пытаясь взять себя в руки, он сделал несколько глубоких вдохов. Неожиданно подумалось совсем не к месту: «Забыл заплатить за обед». И еще: «Деньги мне сейчас здорово помогут. О, чертов Гарц, будь он проклят!»

Он дозвонился сразу.

На экране перед ним в четком цветном изображении вспыхнуло лицо девушки. Почти неосознанно он отметил хорошее качество дорогих экранов в будках общественных телефонов-автоматов этого района.

— Кабинет управляющего Гарца. Что вам угодно?

Только со второй попытки Дэннеру удалось произнести свое имя. Он гадал: видит ли секретарша его и того, кто стоит позади,— высокую фигуру за полупрозрачным стеклом. Он так и не смог этого понять: девушка сразу же опустила глаза, очевидно в какой-то список, лежавший перед ней на столе.

— Извините, но господина Гарца нет. И сегодня не будет.

Свет и краски исчезли с экрана.

Дэннер открыл раздвижную дверь. Колени его дрожали. Робот отступил немного, чтобы он мог выйти. Какое-то мгновение они стояли друг перед другом. Внезапно Дэннер, сам того не желая, начал глупо хихикать. Робот с пятнами, пересекающими его грудь наподобие орденской ленты, казался ему ужасно смешным. И тут Дэннер понял, что находится на грани истерики, и с изумлением обнаружил в левой руке салфетку из ресторана.

— Ну-ка, посторонись,— сказал он роботу.— Дай мне выйти. Ты что, не понимаешь, что произошла ошиб-

ка? — голос его задрожал. Робот, чуть слышно скрипнув, отошел в сторону.

— То, что ты преследуешь меня по пятам,— уже не радость,— сказал Дэннер.— Должен же ты быть хотя бы чистым. Грязный робот это уж слишком... Да-да, слишком...— Эта идиотская мысль была невыносимой, и в голосе его зазвенели слезы. Одновременно смеясь и рыдая, он вытер стальную грудь робота и отшвырнул салфетку.

И в ту самую секунду, когда Дэннер ощутил под своими пальцами твердую стальную поверхность, он понял все, что с ним произошло, и тогда прорвало наконец защитный экран истерии. Никогда в жизни он больше не будет один. До тех пор, пока не умрет. А когда пробьет его смертный час, то глаза ему закроют вот эти стальные руки, и свой последний вздох он испустит, прижимаясь к этой стальной груди, и над ним склонится металлическое бесстрастное лицо. Это будет последнее, что суждено ему увидеть перед смертью. Ни одной живой души рядом — только черный стальной череп «фурии».

Почти неделю он не мог связаться с Гарцем. За это время он изменил свое мнение о том, как долго может выдержать и не сойти с ума человек, преследуемый «фурией». Последнее, что он видел, засыпая по ночам, был свет уличного фонаря, который проникал сквозь шторы гостиничного номера и падал на металлическое плечо его тюремщика. Без конца пробуждаясь от тревожного забытья в течение всей долгой ночи, он слышал легкое, едва различимое поскрипывание механизма, работающего под стальной броней. И каждый раз он задавал себе вопрос, удастся ли ему проснуться снова и не настигнет ли его разящий удар во время сна. Каким будет этот удар? Как «фурии» справляются со своими жертвами? Он всегда испытывал некоторое облегчение, встречая лучи раннего утра, отражающиеся от стального

одеяния стража, бодрствующего у его постели. Ну вот, и эта ночь прожита. Хотя можно ли назвать это жизнью? И стоит ли жить в таком аду?

Он продолжал занимать гостиничный номер. Возможно, администрация была бы не прочь выселить его. Но никто ничего ему не говорил. А может, просто никто не осмеливался. Жизнь становилась какой-то странной, призрачной — словно нечто видимое сквозь невидимую стену. Дэннер не мог думать ни о чем другом, кроме того, как связаться с Гарцем. Его прежние желания — жажда роскоши, развлечений, путешествий — растаяли как дым. Ему уже больше не суждено путешествовать в одиночестве.

Теперь он много времени проводил в публичной библиотеке, читая все, что там было о роботах. И именно там он впервые натолкнулся на две памятные, внушающие трепетный ужас строчки, написанные Мильтоном, когда мир еще был маленьким и простым, — мистические строки, смысл которых не мог понять ни один человек, пока люди не создали по своему образу и подобию стальных «фурий».

И эта двурукая машина у дверей
Стоит, готовая, чтоб нанести
удар,
Один-единственный — второго
уж не надо.

Дэннер поднял глаза на двурукую машину, недвижно застывшую рядом с ним, и стал думать о Мильтоне, о давно минувших днях, когда жизнь была простой и беззаботной. Он попытался нарисовать это прошлое в своем воображении.

Люди были... не такими, что ли. Но какими? Это было очень давно и потому совершенно непонятно, какими были люди в те времена. Он так и не смог представить себе время до появления компьютеров.

Однако впервые он узнал, что действительно произошло тогда, в его молодые годы, когда блистающий всеми красками мир ярко вспыхнул в последний раз и погас и начались скучные серые будни. Тогда-то впервые и появились человекоподобные «фурии».

До начала войн техника так далеко шагнула вперед, что компьютеры, словно живые существа, стали производить себе подобных, и на Земле вполне бы мог воцариться рай, где желания каждого были бы полностью удовлетворены. Правда, к тому времени социальные науки заметно отставали от точных. Когда же начались войны, разражавшиеся одна за другой, машины и люди вынуждены были сражаться бок о бок, сталь — против стали, люди — против людей. И люди оказались менее прочными. Войны закончились только тогда, когда исчезли последние общественные системы: некому стало воевать. И общество стало распадаться, пока не пришло в состояние, близкое к анархии.

А тем временем машины принялись зализывать свои раны и лечить друг друга, как это было заложено в их программы, и никаких социальных наук им не требовалось. Они спокойно воспроизводили себе подобных и создавали для людей новые материальные ценности, то есть делали то, для чего, собственно, они и предназначались в Золотой Век. Конечно, не все было идеально. Далеко не идеально, ибо некоторые из самовоспроизводящихся машин исчезли с лица земли. Однако большинство из них продолжало добывать в шахтах сырье, обогащать его, отливать из металла необходимые детали, добывать для себя горючее, залечивать свои раны и сохранять на Земле свое потомство с такой эффективностью, какая человеку и не снилась.

А человечество продолжало дробиться и дробиться, распадаясь на все более мелкие группы. Собственно групп больше не существовало, не осталось даже семей. Люди не очень-то нуждались друг в друге. Эмоциональ-

ные привязанности утратили всякий смысл. Люди оказались в условиях, когда они вынуждены были принимать суррогаты отношений за истинные, бегство от жизни стало почти естественным. Люди обратили все свои эмоции на спасительные машины, обогащающие их жизни веселыми и невероятными приключениями, по сравнению с которыми окружающий мир казался таким невыносимо скучным, что о нем и думать не хотелось. Рождаемость падала. Это был очень странный период. Роскошь и хаос мирно уживались друг с другом, так же как анархия и инертность. А рождаемость все сокращалась.

В конце концов стало совершенно очевидно, что род человеческий вырождается и ничто не в силах остановить этот процесс. Но в подчинении у человека оставался всесильный слуга. И вот тогда некий неведомый гений понял, что нужно делать. Нашелся человек, трезво оценивший ситуацию и заложивший новую программу в самую большую из уцелевших электронно-вычислительных машин. Он поставил перед нею следующую задачу: «Человечество должно снова встать на собственные ноги. И пусть это станет единственной целью до тех пор, пока она не будет достигнута».

Все было бы достижимо, если бы изменения, которые произошли, не носили глобального характера, жизнь людей на всей планете уже коренным образом изменилась. В отличие от людей машины представляли собой интегрированное общество. Получив одинаковые приказы, они мгновенно переориентировались, чтобы их исполнить.

Роскошной жизни для всех пришел конец. Эскапистские машины прекратили свое существование. Чтобы выжить, людям пришлось объединяться в группы, взяться за те виды работ, которые раньше выполняли машины, и медленно, очень медленно их общие нужды и интересы вновь вызвали к жизни почти утраченное чувст-

во человеческой общности.

Процесс этот шел очень медленно. Ни одна машина не могла вернуть человеку то, что он утратил, — моральные категории. Индивидуализм достиг такой стадии, что в течение долгого времени не было никаких средств, способных удержать людей от преступлений. После ликвидации родственных отношений не осталось даже понятия кровной мести. Совесть, как одна из категорий морали, улетучилась, поскольку человек больше не отождествлял себя с другими людьми.

На этом этапе основная задача, стоявшая перед машинами, заключалась в том, чтобы возродить в человеке чувство собственного достоинства и тем самым спасти людей от исчезновения. Несущее ответственность только перед самим собой общество станет взаимозависимо — лидеры окажутся связанными со своей общественной группировкой и реально существующее общественное сознание будет объявлять вне закона и наказывать «преступление», то есть реально наносить ущерб группе людей, с которой связан тот или иной индивидуум.

Именно тогда-то и появились «фурии».

Компьютеры вынесли решение, что при любых обстоятельствах убийство является самым тяжким преступлением против человечества. Такое решение было единственно верным, поскольку убийство представляло собою действие, которое могло невосполнимо разрушить или уничтожить ячейку общества.

«Фурии» не в силах предотвратить преступление. Наказание не способно излечить преступника. Но оно может отвратить других от совершения преступления, внушив им страх, — люди воочию увидят, как карается преступление. «Фурии» стали символом возмездия. Они открыто шествовали по улицам, неотступно преследуя свои жертвы, словно убедительное доказательство того, что убийство всегда наказуемо и что наказание это всегда будет публичным и неотвратимым. «Фурии» действо-

вовали безупречно. Они никогда не ошибались, по крайней мере теоретически. А если учесть огромное количество информации, накопленное к тому времени аналоговыми компьютерами, казалось, машины способны выносить гораздо более справедливые решения, нежели человек.

Настанет время, когда человек вновь откроет для себя понятие преступления. Ведь лишившись этого понятия, человечество поставило под угрозу собственное существование и было уже на грани исчезновения. Если же возродится понятие преступления, человек сможет вновь обрести былую власть над себе подобными, не говоря уже о целом поколении его механических слуг, которые помогли человечеству сохраниться. Но пока не наступил этот день, «фурии», эти созданные из металла символы человеческой совести, навязанные человечеству машинами, также созданные в свое время руками людей, будут вышагивать по улицам.

Дэннер с трудом понимал, что с ним происходит. Он постоянно возвращался мыслью к прошедшим временам,— временам эскапистских машин, когда еще не нормировали материальные блага. Он думал об этом с мрачной злобой, ибо просто не мог понять смысла эксперимента, начатого человечеством. Ему гораздо больше нравились старые времена. И особенно потому, что никаких «фурий» тогда не существовало.

Он много пил. Однажды опустошил свои карманы, бросив все деньги, что у него были, в шляпу безногого нищего, потому что этот человек, как и он сам, в силу роковых обстоятельств оказался вне общества. Для Дэннера таким роком была «фурия». Для нищего — сама жизнь. Лет тридцать назад он бы и жил, и умер незамеченным, все жизненные блага ему обеспечивали бы машины. А сейчас этот нищий сумел выжить только

благодаря попрошайничеству — верный признак того, что люди начинают испытывать угрызения совести и в них пробуждается чувство сострадания к себе подобным. Однако для Дэннера это ровным счетом ничего не меняло. Он даже не узнает, чем закончится эта история, ибо не доживет до ее конца.

Ему захотелось поговорить с нищим, хотя тот явно пытался поскорее укатить от него на своей тележке.

— Послушай,— бормотал Дэннер, упорно шагая за нищим и роясь в карманах.— Я хочу кое-что тебе рассказать. Все не совсем так, как тебе кажется. Это...

В тот вечер он был здорово пьян и упрямо плелся за нищим до тех пор, пока тот не швырнул ему назад все деньги и не бросился от него наутек на своей тележке, а Дэннер всем телом привалился к стене дома, словно испытывая ее прочность, и только тень «фурии» в свете уличного фонаря возвратила его к реальности.

Поздней ночью, дождавшись абсолютной темноты, он попытался избавиться от «фурии». Дэннер с трудом припоминал, как отыскал где-то кусок трубы и с размаху саданул по плечу гиганта, маячившего рядом с ним, но увидел лишь яркий сноп искр. Он бросился бежать и долго петлял по переулкам, а потом спрятался в подъезде и затаился, пока вновь не услышал размеренные шаги, громким эхом отдававшиеся в ночи.

Вконец измученный, Дэннер уснул.

Только на следующий день он добрался до Гарца.

— Что произошло? — встревоженно спросил Дэннер. За эту неделю он неузнаваемо изменился. В его лице появилась одутловатость, и какое-то новое выражение обнаружило странное сходство с лишенной черт гладкой маской робота.

Гарц в сердцах ударил рукой по краю стола, так что лицо его исказила гримаса боли. Казалось, пол кабинета вибрирует не только от гула работающих внизу машин, но и от нервного возбуждения хозяина.

— Что-то не сработало в машине,— сказал он.— И я пока еще не знаю что именно.

— Ты и не узнаешь! — Дэннер почувствовал, что теряет терпение.

— Подожди немножко.— Гарц сделал успокаивающий жест.— Еще чуть-чуть потерпи, и все будет в порядке. Ты можешь...

— Сколько времени мне еще осталось? — спросил Дэннер, оглянувшись назад, словно обращая вопрос не к Гарцу, а к безмолвному роботу, возвышающемуся за его спиной. Он задавал этот вопрос уже не первый раз, так же напряженно всматриваясь в неподвижный стальной лик. Казалось, он будет с безнадежным отчаянием повторять его до тех пор, пока наконец не получит ответ. И не на словах...

— Никак не могу понять, что не сработало,— сказал Гарц.— Но, черт побери, Дэннер, ты же знал, что мы шли на риск.

— Однако ты уверял, что можешь контролировать компьютер. Я сам видел, как ты это делаешь. Так почему ты не выполнил своего обещания?

— Я же говорю тебе: что-то не сработало. А должно было сработать... В ту минуту, ну, когда это... случилось... я запустил в компьютер программу, которая должна была обезопасить тебя.

— Ну так в чем же дело?

Гарц поднялся с кресла и стал мерить шагами шумопоглощающий ковер.

— Просто ума не приложу. Мы иногда недооцениваем потенциальные возможности машин, вот такая штука. Я думал, что смогу с этим справиться. Но...

— Ты думал!

— Я уверен, что это в моих силах. И я не теряю надежды. Предпринимаю все возможное. Ведь для меня это тоже очень важно. Я спешу изо всех сил. Потому-то я и не мог встретиться с тобой раньше. Но я ручаюсь за

успех, если мне удастся разработать собственный метод. Черт побери, это не так-то просто, Дэннер! Это тебе не фокусы с арифмометром. Ты только взгляни вниз, на мои машины...

Дэннер даже не повернулся.

— Выполни свое обещание, не то тебе не поздоровится, — сказал он. — Вот и все!

Гарц пришел в ярость.

— Не смей угрожать мне! Если ты дашь мне работать спокойно, я сделаю все, что обещал. Только, пожалуйста, избавь меня от угроз!

— Имей в виду, ты в этом тоже должен быть кровно заинтересован! — сказал Дэннер.

Гарц отошел к письменному столу и уселся на край.

— Это почему же? — поинтересовался он.

— О'Райли мертв. Ты заплатил мне, чтобы я его убил.

Гарц пожал плечами.

— «Фурия» это знает, — сказал он. — Да и компьютеры тоже. Но это ничего не значит. Ведь это ты нажал курок, а не я.

— Оба мы виноваты. И если мне приходится расплачиваться за это, то и тебе...

— Минуточку. Давай поставим все на свои места. Одно только намерение не наказуемо. Этот принцип лежит в основе правосудия. Я полагаю, тебе известно об этом? Наказывают только за совершенное деяние. Я в такой же степени ответствен за смерть О'Райли, как и пистолет, который был у тебя в руках.

— Значит, ты наврал мне! Ты обманул меня! Тогда я вот что сделаю...

— Ты будешь делать то, что я прикажу, если хочешь спасти свою шкуру! Я не обманывал тебя, просто допустил ошибку. Дай мне время, и я исправлю ее.

— Сколько времени тебе нужно?

Оба посмотрели на «фурию», казалось олицетворявшую абсолютное равнодушие.

— Я ведь не знаю, как долго мне осталось жить,— сам себе ответил Дэннер.— Вот и ты говоришь, что не знаешь. Да и никто, пожалуй, не знает, когда пробьет мой час, когда этот робот убьет меня. Я перечитал о них все, что только можно было прочесть в популярных изданиях. Это верно, что способ убийства каждый раз меняется? Чтобы такие, как я, сидели как на иголках и мучились неизвестностью. И время, отпущенное каждому, тоже разное?

— Да, это правда. Но существует все же какой-то минимум времени — я в этом почти уверен. Ты едва ли его исчерпал. Поверь мне, Дэннер, я действительно могу отвести от тебя «фурию». Ты же сам видел, как это делается. Помнишь, я тебе показывал? Сейчас мне нужно выяснить, что же не сработало на этот раз. И чем больше ты будешь надоедать мне, тем меньше у меня останется на это времени. Давай договоримся: я сам тебя разыщу. И не пытайся встретиться со мной.

Дэннер встал. Он сделал несколько быстрых шагов навстречу Гарцу. Гнев и отчаяние, казалось, прорвались сквозь бесстрастную маску, которую крушение всех надежд уже наложило на его лицо. Но мерная поступь «фурии» снова раздалась за его спиной, и Дэннер остановился.

Мужчины в упор посмотрели друг на друга.

— Дай мне время,— сказал Гарц.— Верь мне, Дэннер.

В какой-то степени жить надеждой было еще хуже. В последнее время отчаяние как бы парализовало все его чувства, и он успокоился, ни на что уже не надеясь. Но сейчас появился шанс, появилась слабая надежда, что он сможет в конце концов спастись и вновь обрести ту новую и светлую жизнь, из-за которой все поставил на карту — если Гарц сумеет все-таки спасти его.

А пока у него еще есть время, решил он, он поживет вволю. Дэннер полностью обновил свой гардероб. Стал много путешествовать, хотя, конечно, по-прежнему ни на миг не оставался в одиночестве. Даже попытался — и небезуспешно — завязать кое-какие контакты. Но те, кто не отказывался поддерживать знакомство с ним — с человеком, приговоренным к смертной казни, были не очень-то привлекательны. Он обнаружил, например, что женщины иной раз испытывали к нему влечение не из симпатии или даже тяги к деньгам, а из-за его компаньона. Словно их возбуждала эта постоянная близость, пусть даже безопасная для них, к орудию судьбы. Иногда он замечал, что даже в самые упоительные минуты они через его плечо не сводят глаз с «фурии». В порыве странной ревности он тут же порывал со всяким, как только ловил его откровенно заинтересованный взгляд на маячившего за его спиной робота.

Он пытался забыться в далеких путешествиях. Улетел на ракете в Африку, а оттуда — в тропические джунгли Южной Америки. Но ни ночные клубы, ни экзотика далеких краев не смогли по-настоящему увлечь его. Свет солнца всюду одинаково отражался от стального тела его попутчика — светило ли оно над саванной цвета львиной шкуры или пробивалось сквозь зеленое кружево джунглей. Всякая новизна тут же исчезала при виде до отвращения знакомого силуэта, неизменно маячившего рядом. Ничто не радовало Дэннера.

Слышать с утра до ночи равномерную поступь за своей спиной стало для него невыносимой мукой. Дэннер пробовал закладывать уши, но звук тяжелых шагов постоянно отдавался у него в голове, точно во время приступа мучительной мигрени. Даже когда робот был недвижим, Дэннеру чудился неслышимый ритм его шагов.

Он попробовал избавиться от своего мучителя с помощью оружия. Разумеется, из этого ничего не вышло.

К тому же Дэннер знал, что, если бы ему и удалось уничтожить «фурию», за нею тут же появилась бы другая. Ни алкоголь, ни наркотики не спасали. Все чаще приходила мысль о самоубийстве, но он отгонял ее, вспоминая обещание Гарца, оставившего все-таки слабую надежду.

В конце концов Дэннер решил вернуться в город, чтобы быть поближе к Гарцу. И к надежде. Снова он целыми днями просиживал в библиотеке, старясь как можно меньше двигаться — чтобы не слышать за собой гулкое эхо шагов. И вот однажды утром, сидя в библиотеке, он нашел ответ...

Он изучил всю литературу о «фуриях», все указанные в каталоге источники, на удивление многочисленные и до сих пор не утратившие, подобно мильтоновской двурукой машине, своей актуальности. «Эти сильные ноги, которые следуют за тобой», читал он, «...неторопливо шагая в равномерном темпе, с установленной скоростью и величественной поступью...» Он перевернул страницу и прочел строки, которые характеризовали его мучителя, да и его самого лучше любой аллегорией:

Потряс я времени оплоты
И искорежил свою жизнь,
покрыв себя позором,
И, глядя на руины давно
прошедших лет,—
Мне виделась в пыли мои
младые годы.

Слезы жалости к самому себе застилали глаза. Капля упала на страницу со стихами, так образно передавшими его чувства.

Затем от раздела художественной литературы он перешел к хранилищу микрофильмов, отснятых по пьесам, посвященным интересующей его теме. Перед

его глазами возник семифутовый робот-«фурия», явившийся вместо полагающихся по легенде трех эриний со змеями вместо волос на голове, и эта новая явленная богиня мести гнала от Арго до Афин одетого в современное платье Ореста. Как только появились «фурии», на эту тему было написано немало пьес. Погрузившись в полудремоту детских воспоминаний тех лет, когда еще действовали эскапистские машины, Дэннер забыл обо всем на свете.

Он до такой степени увлекся, что, когда перед ним промелькнула знакомая сцена, он почти не обратил на нее внимания. Все увиденное настолько ассоциировалось с его детством, что он вначале даже не удивился, откуда одна из сцен ему более знакома, чем другие. Но потом увиденное снова ожило в его памяти. Резко выпрямившись, он ударом кулака нажал на кнопку «стоп», прокрутил пленку назад и вновь просмотрел всю сцену.

Он увидел человека, преследуемого «фурией». Они двигались, окруженные своеобразным вакуумом, похожие на Робинзона и Пятницу на своем необитаемом острове... Вот человек свернул в переулок, бросил тревожный взгляд прямо в объектив камеры, набрал в легкие воздуха и кинулся бежать. Кинокамера запечатлела момент, когда «фурия» замешкалась, делая какие-то нерешительные движения, а затем повернулась и тихо побрела прочь, в совершенно другом направлении, и шаги ее гулко отдавались по мостовой...

Дэннер снова перекрутил назад пленку и просмотрел сцену еще раз — просто для того, чтобы лишний раз удостовериться. Руки у него дрожали так, что он едва мог управлять видеомагнитофоном.

— Ну, как тебе это нравится? — тихо проговорил он, обращаясь к «фурии», высившейся за его спиной в полутьме кабины. У него появилась странная привычка разговаривать с «фурией», он делал это вполголоса,

не замечая того.— Ну, что ты на это скажешь, а? Ведь ты уже видела все это раньше, правда? Знакомая сцена, не так ли? Да отвечай же, дуреха! — И, откинувшись назад, он ударил робота кулаком в грудь так, словно перед ним был сам Гарц. Глухо прозвучал удар — единственная ответная реакция, на которую был способен робот. Когда Дэннер обернулся, он в третий раз увидел хорошо знакомую сцену, на этот раз отраженную металлической грудью робота и его лишенным черт гладким ликом, словно и робот тоже запомнил ее.

Наконец-то он все понял. Гарц никогда не обладал теми возможностями, о которых говорил. А если даже и обладал, то не имел ни малейшего желания воспользоваться ими, чтобы помочь Дэннеру. Да и зачем, собственно, это было ему нужно? Ведь сам-то он ничем больше не рисковал! Теперь понятно, почему Гарц так нервничал, когда прокручивал этот фрагмент из фильма на большом экране в своем офисе. Он был взвинчен вовсе не потому, что то, чем он занимался, было опасно,— просто синхронизация его действий с действием на экране требовала от него невероятного напряжения. По-видимому, ему не один раз пришлось прорепетировать эту сцену: чтобы каждое движение совпадало с тем, что показывалось на экране, потребовалось рассчитать каждый свой жест! И как, должно быть, он потом смеялся!..

— Скажи, сколько времени мне еще осталось? — Дэннер яростно колотил по груди робота, извлекая звуки, которые доносились, точно из пустоты.— Сколько? Отвечай! Хватит ли мне времени?

Крушение последней надежды привело его в бешенство. Зачем было ждать? Зачем чего-то искать? Все, что ему было сейчас нужно,— это встретиться с Гарцем, и как можно быстрее, пока не кончилось его время. Дэннер с отчаянием вспоминал о потерянных днях, когда он путешествовал по свету или попросту

убивал время, ибо он понял, что его последняя минута может быть уже на исходе и план Гарца успеет осуществиться.

— Пошли,— без всякой на то необходимости обратился он к «фурии».— Поторопись.

Робот двинулся за ним. Загадочный механизм внутри отсчитывал минуты, оставшиеся до того мгновения, когда двурукая машина нанесет свой роковой удар, второго уже не потребуется.

Гарц восседал за новым письменным столом. Он чувствовал себя на вершине пирамиды, состоящей из множества компьютеров, которые управляют обществом, подстегивая его, точно хлыстом. Гарц глубоко вздохнул и задумался.

Он постоянно ловил себя на мыслях о Дэннере. Тот даже снился ему. Его не терзало чувство вины, ведь это чувство предполагает наличие совести. К тому же человеческое сознание еще не освободилось от пережитков насаждаемого долгое время ярого индивидуализма. И все же на сердце было неспокойно.

Он откинулся назад и открыл небольшой ящик, который перенес сюда из старого стола. Рука скользнула внутрь, и пальцы Гарца небрежно коснулись пульта управления. Очень небрежно.

Несколько движений, и он мог спасти жизнь Дэннера. Конечно, он обманывал Дэннера с самого начала. Он легко мог управлять «фуриями». Он и сейчас мог спасти Дэннера, но делать этого не собирался. Никакой необходимости. Да и небезопасно. Стоит только один раз вмешаться в сложный механизм, контролирующий жизнь общества, и никто не сумеет предугадать, чем это обернется. Может возникнуть цепная реакция, которая дезорганизует всю систему. Нет, не стоит...

Возможно, ему самому когда-нибудь придется

воспользоваться этим прибором в ящике. Правда, он надеялся, что до этого дело не дойдет. Гарц быстро задвинул ящик и услышал мягкий щелчок замка.

Итак, он стал контролером. В каком-то смысле — хранителем машин, которые намного преданнее людей, подумал Гарц. Старый вопрос, и ответ на него единственный: никого, сегодня никого. Над ним не было никого, его власть была абсолютной. Благодаря этому небольшому механизму в ящике письменного стола его никто больше не контролирует. Ни чья-либо совесть или сознание, ни его собственная. Ничто ему не грозит...

Он услышал шаги по лестнице, и на мгновение ему показалось, что он задремал. Несколько раз ему уже снилось, что он — это Дэннер, который слышит у себя за спиной тяжелые размеренные шаги. Но сейчас это был не сон.

Очень странно, что вначале он уловил далекую и едва слышную поступь металлических ног, а уж затем торопливые шаги Дэннера, который быстро взбегал по лестнице служебного входа. Все произошло так быстро, словно спрессовалось в одно мгновение. Сначала он уловил глухой, едва слышный ритм, потом внезапный шум и хлопанье дверьми вниз, а затем шаги взбегающего по лестнице Дэннера.

Дэннер широко распахнул дверь, и крики и топот снизу ворвались в тишину кабинета, словно грохот урагана, донесшийся наконец до слуха наблюдателя. Но урагана, который привиделся в кошмарном сне, ибо прорваться дальше ему уже не удастся — время остановилось.

Время остановилось вместе с Дэннером, замершим на пороге. Его лицо конвульсивно подергивалось, в руках он сжимал пистолет. Дэннера сотрясала такая дрожь, что он схватился за пистолет обеими руками.

Гарц действовал почти бессознательно, точно робот. Слишком часто подобную сцену он рисовал в

своем воображении. Если бы он мог повлиять на «фурию», чтобы ускорить смерть Дэннера, он давно бы с ним покончил. Но он не знал, как это сделать. Оставалось только одно: ждать — с такой же тревогой, как и сам Дэннер, и все-таки Гарц надеялся, что возмездие свершится и его исполнитель нанесет удар прежде, чем Дэннер узнает правду. Или когда он окончательно утратит надежду.

Гарц давно был готов к этой встрече. Он не помнил, как в его руке оказался пистолет, не помнил, как открыл ящик стола. Время и в самом деле остановилось. Он был уверен, что «фурия» не допустит, чтобы Дэннер поднял на кого-либо руку. Однако Дэннер стоял перед ним в дверном проеме, сжимая дрожащими руками пистолет, и Гарц, прекрасно владевший техникой, где-то в глубине сознания ощущал неуверенность — он понимал, что «фурии» управляемы и потому могут подвести. Он не полагался на них, особенно когда речь шла о его собственной жизни,— ведь он лучше других знал, как легко совершается предательство. Гарц не помнил, как пистолет оказался у него в руке. Курок словно сам надавил на палец, ладонь ощутила отдачу, выстрел расколол воздух.

Гарц услышал, как пуля звякнула о металл.

Время снова пришло в движение и понеслось вдвое быстрее, чтобы наверстать упущенное. «Фурия» была всего на шаг позади Дэннера, ее стальная рука обняла его и отвела пистолет Дэннера в сторону. Дэннер успел выстрелить, но на секунду замешкался, и «фурия» сумела помешать ему. Пуля Гарца первой достигла цели.

Она навывлет прошила грудь Дэннера и звякнула о стальную грудь робота за его спиной. Лицо Дэннера утратило выразительность, превратилось в маску, такую же безликую, как маска робота над его головой. Дэннер отшатнулся назад, но не упал, поддерживаемый роботом. Потом медленно соскользнул на пол. Писто-

лет глухо стукнул о покрытый ковром пол. Из обеих ран хлынула кровь.

Робот неподвижно застыл над ним, кровавая полоса, как орденская лента, пересекала его грудь.

«Фурия» и управляющий стояли, как бы глядя друг на друга. И хотя «фурия», как всегда, безмолвствовала, Гарцу показалось, что она говорит: «Самооборона — не оправдание для убийства. Мы не наказываем за намерение, но мы преследуем деяние. Любое преступление. Любое убийство».

Гарц едва успел бросить револьвер в ящик стола, как в кабинет ворвались люди, которые подняли шум внизу. Удивительно, как он додумался вовремя спрятать пистолет. Ведь он никак не ожидал, что дело примет такой оборот.

С первого взгляда все выглядело как классическое самоубийство. Он словно со стороны слышал, как дает объяснения чуть дрожащим голосом. Все видели, как этот безумец, следом за которым неотступно шагал робот, вбежал в его кабинет. Это был уже не первый случай, когда убийца, сопровождаемый «фурией», пытался проникнуть к управляющему, умоляя отвести от него кару.

— Дело в том,— объяснял Гарц своим подчиненным уже окрепшим голосом,— что, исполняя свой долг, «фурия» помешала этому человеку выстрелить в меня. И тогда он выстрелил в себя.

Следы пороха на одежде Дэннера безоговорочно подтверждали слова Гарца.

Итак, самоубийство. Это объяснение способно удовлетворить всякого, но только не компьютер.

Труп вынесли. Гарц и «фурия» остались в кабинете, стоя друг против друга и как бы глядя друг на друга через стол. Если даже кому-то из служащих это показалось странным, то он не подал и вида.

Гарц сам не знал, как оценить эту ситуацию. Ничего

подобного раньше не случилось. Ни один дурак не додумался бы совершить убийство на глазах у «фурии». И сейчас даже ему, управляющему, не известно, каким образом компьютеры изучают улики и устанавливают степень виновности. Он не знал, отзовут ли компьютеры «фурию» в данном случае. А что если смерть Дэннера и в самом деле была самоубийством? Может, тогда его, Гарца, оставят в покое?

Он знал: машины уже начали анализировать все обстоятельства происшедшего. Правда, пока еще неясно, получила ли «фурия» приказ с этого момента следовать за ним, куда бы он ни шел, до самого его смертного часа или она останется стоять здесь, просто стоять, пока ее не отзовут...

Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Либо эта «фурия», либо какая-нибудь другая в настоящий момент, конечно, уже получала инструкции относительно его. Оставалось прибегнуть к единственному средству. Слава богу, он еще может кое-что предпринять.

Гарц отпер ящик письменного стола и, выдвинув его, коснулся клавишей — он-то думал, что ему никогда не придется к этому прибегать. Очень тщательно, цифру за цифрой, он вложил в компьютеры закодированную информацию и посмотрел сквозь стеклянную стену. Ему показалось, что он видит, как внизу, на невидимых глазу лентах одни данные стираются, а на их месте появляется другая, фальшивая информация.

Он взглянул на работа и едва заметно улыбнулся.

— Сейчас ты все забудешь,— сказал он.— И ты, и эти компьютеры. А теперь можешь идти, ты мне больше не нужен.

То ли оттого, что компьютеры работали очень быстро (как оно и было на самом деле), то ли в силу простого совпадения, но только «фурия» задвигалась, словно подчиняясь приказанию Гарца. С того самого

момента, когда Дэннер выскользнул из ее рук, она стояла без движения. А сейчас новый приказ оживил робота, и пока одна программа сменялась другой, движения его были импульсивными. Казалось, он согнулся в неловком поклоне, так что голова его оказалась на одном уровне с головой Гарца.

Гарц увидел собственное лицо, отразившееся в гладкой физиономии «фурии». Было что-то похожее на насмешку в этом неловком поклоне робота, чью грудь украшала кроваво-красная орденская лента, делавшая его похожим на дипломата, награжденного за заслуги. Однако заслуги эти были весьма сомнительны: этот точный механизм стал соучастником преступления. Удаляясь, робот оглядывался на Гарца, как бы унося с собой отражение его лица.

Гарц наблюдал, как «фурия» гордо шествовала к двери. Затем услышал, как ее размеренные шаги загрохотали вниз по лестнице. Всем телом ощущая эту тяжелую поступь, от которой содрогался пол, Гарц внезапно почувствовал тошноту и головокружение — он подумал, что сейчас сама структура общества сотрясается под его ногами.

Машины тоже подвержены коррупции.

Жизнь человечества все еще зависела от компьютеров, но компьютерам нельзя больше доверять. Гарц заметил, что у него дрожат руки. Он задвинул ящик стола и услышал, как мягко щелкнул замок. Руки его дрожали, и эта дрожь, казалось, отдавалась во всем теле, и он с ужасом подумал о том, как непрочен этот мир.

Внезапно нахлынувшее чувство одиночества, как холодный порыв ветра, охватило его. Никогда еще Гарц не испытывал такой острой потребности в общении с себе подобными. Не с каким-то одним человеком, а с людьми вообще. Просто с людьми. Такое естественное и примитивное желание быть среди людей.

Схватив шляпу и пальто, он стал быстро спускаться вниз. На середине лестницы остановился, глубоко засунув руки в карманы, но никакое пальто не спасало от внутреннего озноба.

За спиной слышались шаги.

Сначала он не смел оглянуться. Он слишком хорошо знал эту поступь. Но в нем боролись два страха, и он не знал, какой из них сильнее — боязнь убедиться, что «фурия» приставлена к нему, или боязнь обнаружить, что ее нет. Если бы она действительно оказалась за его спиной, он скорее всего испытал бы чувство странного успокоения, ибо это означало, что он может доверять машинам. Что же касается этого ужасного чувства одиночества, то оно должно пройти.

Не оглядываясь назад, он шагнул еще на одну ступеньку. За спиной слышался зловеющий отзвук, словно повторивший его шаг. Он с трудом перевел дух и оглянулся.

Лестница была пуста.

Выждав время, которое, как ему показалось, длилось бесконечно долго, Гарц, часто оглядываясь, начал спускаться вниз. И снова он слышал грохот шагов у себя за спиной. Однако «фурии» не было видно. Никакой «фурии».

Эринии снова нанесли свой тайный удар — невидимая глазу «фурия» его совести следовала за ним по пятам.

Казалось, снова возродилось понятие греха и вернулось в мир, где он был первым человеком, вновь испытывавшим ощущение внутренней вины. Очевидно, компьютеры все-таки не подвели.

Гарц медленно спускался по лестнице. Он вышел на улицу, все еще слыша характерную поступь за спиной. Сейчас она уже не отдавалась металлическим звоном, но ни избавиться от нее, ни откупиться было невозможно. Отныне она всегда будет сопровождать его.

Содержание

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

Дело об игре 5

АЙЗЕК АЗИМОВ

Ночь, которая умирает

Перевод с английского

С. Васильевой 24

ПОЛ АНДЕРСОН

Мародер

Перевод с английского

В. Вебера 66

ГЕРД ПРОКОП

Смерть «бессмертных»

Перевод с немецкого

Е. Факторовича 106

КОДЗИ ТАНАКА

Погоня

Перевод с японского

Г. Дуткиной 136

ДЖОЗЕФ ДИЛЭЙНИ

Скачок мысли

Перевод с английского

В. Бабенко 159

ПЬЕР БУЛЬ

Сколько весит сонет?

Перевод с французского

А. Григорьева 220

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

Одинокое заключение

Перевод с английского

В. Вебера 263

КОНРАД ФИАЛКОВСКИЙ

Вид Homo sapiens

Перевод с польского

Н. Стаценко 281

ДОНАЛД УЭСТЛЕЙК

Смерть на астероиде

Перевод с английского

Е. Владимировой 301

РОЛЬФ КРОН

Версия

Перевод с немецкого

Е. Факторовича 323

Дж. ВЕНС

Удар милосердия

Перевод с английского

А. Григорьева 339

Дж. ВЕНС

Гнусный Макинч

Перевод с английского

А. Григорьева 368

РОДОМИР КЛАБАЛ

Если вы такой умник, то скажите, где
трупы?

Перевод с чешского

Г. Дунды 393

ГЭРИ АЛАН РЬЮЗ

Веселый Роджер

Перевод с английского

В. Вебера 422

ДОМИНИК ДУЭ

Кочезе из Северамы 10

Перевод с французского

А. Григорьева 446

ГЕНРИ КАТТНЕР, КЭТРИН МУР

Двурукая машина

Перевод с английского

А. Тимофеева 481

Литературно-художественное издание

НОЧЬ, КОТОРАЯ УМИРАЕТ

Сборник научно-фантастических произведений

Заведующий редакцией В. С. Власенков
Ст. научный редактор А. Г. Белевцева
Мл. научный редактор М. А. Харузина
Мл. редактор И. Б. Ильченко
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Н. М. Иванов
Технический редактор Т. А. Мирошина
Корректор В. И. Киселёва

ИБ № 6907

Сдано в набор 15.12.87. Подписано к печати 17.06.88. Формат 70 × 100/32. Бумага книжно-журнальная. Печать офсетная. Гарнитура таймс. Объем 8,13 бум. л. Усл. печ. л. 21,13. Усл. кр.-отт. 22,79. Уч. изд. л. 23,06. Изд. № 9/5973. Тираж 100 000 экз. Зак. 1035. Цена 3 р. 50 к.

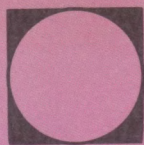
Издательство «МИР» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

3 р. 50 к.

Зарубежная

фантастика

НОЧЬ,
КОТОРАЯ
УМИРАЕТ

ISBN 5-03-000411-4

Издательство «Мир» Москва

